

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абдуллина Л. Р. ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	5
Авраменко И. А. НАРРАТИВИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «ГЛОТНУТЬ ВОЗДУХА».....	7
Бавыкина Е. В. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.....	14
Дзыга Я. О. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ: НОВЫЙ «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И А. И. КУПРИНА	16
Дыханова Б. С., Доброva С. И. НОВАЯ НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ ОБ ИДИОСТИЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА.....	22
Карпов Д. Л. ПОЭТ И РОДИНА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА.....	26
Кувшинов Ф. В. «НИЗКИЕ» ТОПОСЫ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГГ.	30
Мясникова Т. С. КОНЦЕПТ «СТАРЫЙ ДОМ» В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДОМ С МЕЗОНИНОМ (РАССКАЗ ХУДОЖНИКА)».....	34
Нестерова Е. В. «ПАРНЫЕ ТЕКСТЫ» В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА (К ПРОБЛЕМЕ ЗАГоловочного КОМПЛЕКСА) ...	39
Новикова О. Ю. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	43
Паничева А. К. ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. С. НИКИТИНА	46
Пчелинцева Е. Э. ТИПЫ ПРЕДЕЛА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ	50
Рудакова А. В. МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	54
Сабитова А. И. ТЕМА НАДЕЖДЫ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ПОВЕСТИ Г. ГЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО «ИНОЙ МИР»	58
Сухад Дж. Мохамед Аль Самарайе. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	61
Удодов А. Б. БЕСЫ «ТИХОГО ДОНА»: ГЕНЕЗИС И ТИПОЛОГИЯ	64
Шевцова О. Н. ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА РАННЕЙ НОВОЙ ИСТОРИИ В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО	67
Шпилевая Г. А. О «БРАЧНОМ ТЕКСТЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА.....	73
Юденкова Е. В. БЫТ В РОМАНЕ И. ЭРЕНБУРГА «В ПРОТОЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ».....	80

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Богоявленский А. Е.</i> ПОНИМАНИЕ МЕДИА: ВНУТРЕННЕЕ СЖАТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	84
<i>Былкова С. В., Богуславская В. В.</i> «ПОКОЛЕНИЕ 60+» В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ МЕДИАОБРАЗА К КУЛЬТУРНОМУ СТЕРЕОТИПУ	88
<i>Вырковский А. В.</i> СПЕЦИФИКА МЕДИАТЕКСТА КАК ТОВАРА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	96
<i>Зверева Е. А.</i> СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ РЫНОК ЖУРНАЛОВ: АДАПТАЦИЯ БУМАЖНОЙ ПРЕССЫ К РЕАЛИЯМ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ.....	101
<i>Колобов В. В.</i> О ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ АНАТОЛИЯ ЖИГУЛИНА И АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА	107
<i>Красова Е. Ю., Грошева Я. А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ В СТУДЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	112
<i>Пархоменко И. В.</i> ГЕРОИ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕЭКРАНА. КТО ОНИ?	117
<i>Перевалова Е. В.</i> ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ М. Н. КАТКОВА В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»	121
<i>Старкова Г. И.</i> ОПЫТ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЕЦ УДМУРТИИ» КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОГО РАСШИРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЁЖИ	126
<i>Тертычный А. А.</i> САТИРИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.....	130
<i>Тулупов В. В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ И РОЛИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	136
<i>Хорольский В. В.</i> ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЛОЖЬ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА В СМИ	141
<i>Чан Тхи Тху Хыонг.</i> СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СМИ ВЬЕТНАМА.....	146
<i>Черванева В. А.</i> МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ КАК ФЕНОМЕН КОММУНИКАЦИИ.....	148
<i>Щекина И. А.</i> ПРИНЦИПЫ И УРОВНИ КОНТЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ	153
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	157

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2016. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Abdullina L. R.</i> THE INTERNET-COMMENTARIES AS REFLECTION OF NATIONAL ATTITUDE (FRENCH AND RUSSIAN OF LANGUAGES).....	5
<i>Avramenko I. A.</i> NARRATIVISATION OF THE PAST IN GEORGE ORWELL'S NOVEL «COMING UP FOR AIR».....	7
<i>Bavikina E. V.</i> LEXICAL ACTUALIZATION OF TIME IN TEXTS OF SCIENCE FICTION.....	14
<i>Dzuga Y. O.</i> AT CROSSING OF TRADITIONS: NEW TYPE OF «A SMALL MAN» IN WORKS OF I. S. SHMELEV AND A. I. KUPRIN	16
<i>Dykhanova B. S., Dobrova S. I.</i> NEW SCIENTIFIC MONOGRAPH ABOUT N. S. LESKOV'S INDIVIDUAL STYLE.....	22
<i>Karpov D. L.</i> POET AND MOTHERLAND IN O. MANDELSTAM'S LATE LYRICS	26
<i>Kuvshinov F. V.</i> «LOW» TOPOS OF COMMUNAL APARTMENT IN RUSSIAN PROSE OF 1920-1930	30
<i>Myasnikova T. S.</i> THE «OLD HOUSE» CONCEPT IN A. P. CHEKHOV'S STORY «THE HOUSE OF THE MEZZANINE» (A PAINTER'S STORY).....	34
<i>Nesterova E. V.</i> «PAIR TEXTS» IN THE POETRY OF I. A. BUNIN (TO THE PROBLEM OF COMPLEX HEADER).....	39
<i>Novikova O. Yu.</i> PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE PARTICIPLE AND THE PARTICIPIAL PHRASE IN THE FICTION AND NONFICTION TEXTS.....	43
<i>Panicheva A. K.</i> DANCE FOLKLORE OF THE VORONEZH REGION IN THE POETRY OF I. S. NIKITIN.....	46
<i>Pchelintseva E. E.</i> THE TERMINATIVITY TYPES OF VERBAL ACTION AND NOMINA ACTIONIS IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND POLISH	50
<i>Rudakova A. V.</i> METHODS OF DESCRIPTION OF EVALUATION COMPONENTS IN PSYCHOLINGUISTIC WORD MEANING...54	
<i>Sabitova A. I.</i> THEME OF HOPE IN F. M. DOSTOEVSKY'S «THE HOUSE OF THE DEAD» AND G. HERLING-GRUDZIŃSKI'S NOVEL «A WORLD APART»	58
<i>Suhad J. Mohamed Al Samaraje</i> GENDER ASPECTS OF MULTIMODAL STYLISTICS OF THE POSTMODERNIST ART TEXT.....	61
<i>Udodov A. B.</i> DEMONS OF «THE QUIET DON»: GENESIS AND TYPOLOGY.....	64
<i>Shevtsova O. N.</i> IMAGES OF THE EUROPEAN WORLD OF AN EARLY MODERN HISTORY IN A LECTURE COURSE OF T. N. GRANOVSKY	67
<i>Shpilevaya G. A.</i> «MARRIAGE LYRICS» OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY.....	73
<i>Yudenkova E. V.</i> WAY OF LIFE IN I. EHRENBURG'S NOVEL «IN FLOW-THROUGH LANE».....	80

JOURNALISM

<i>Bogoyavlensky A. E.</i> UNDERSTANDING MEDIA: INTERNAL COMPRESSION CIVILIZATION.....	84
<i>Bylkova S. V., Boguslavskaya V. V.</i> «GENERATION 60+» IN THE RUSSIAN COMMUNICATION MEDIA: FROM MEDIA IMAGE TO CULTURAL STEREOTYPE.....	88
<i>Vyrkovsky A. V.</i> MEDIA TEXT AS A COMMODITY: MANAGERIAL DIMENSION.....	96
<i>Zvereva E. A.</i> MODERN RUSSIAN MAGAZINE MARKET: ADAPTATION OF PRINT MEDIA TO THE REALITIES OF THE DIGITAL AGE	101
<i>Kolobov V. V.</i> PERSONAL AND CREATIVE RELATIONSHIPS ANATOLY ZHIGULINA AND ALEXANDER SOLZHENITSYN	107
<i>Krasova E. U., Grosheva Ya. A.</i> A POLITICAL ANECDOTE IN STUDENT COMMUNICATIONS	112
<i>Parkhomenko I. V.</i> HEROES OF MODERN TELEVISION. WHO ARE THEY?	117
<i>Perevalova E. V.</i> PROMOTING OF NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE IN M. N. KATKOV'S NEWSPAPER «MOSKOVSKIYE VEDOMOSTI»	121
<i>Starkova G. I.</i> THE EXPERIENCE OF THE NEWSPAPER «KOMSOMOLETS OF UDMURTIA» AS AN EXAMPLE OF EFFECTIVE EXPANSION INFORMATION SPACE OF YOUTH	126
<i>Tertychnyy A. A.</i> SATIRICAL WEBSITES: TYPOLOGICAL FEATURES	130
<i>Tulupov V. V.</i> PROFESSIONAL TYPES AND ROLES IN JOURNALISM	136
<i>Khorolskiy V. V.</i> CURBING OF JOURNALISTIC FALSEHOOD IN MASS MEDIA (PHILOSOPHICAL AND CULTURAL APPROACH)	141
<i>Tran Thi Thu Huong.</i> THE MODERN MEDIA OF VIETNAM.....	146
<i>Chervaneva V. A.</i> MYTHOLOGICAL STORIES AS A PHENOMENON OF COMMUNICATION	148
<i>Shchekina I. A.</i> PRINCIPLES AND LEVELS OF CONTENT MANAGEMENT IN THE SOCIAL NETWORK.....	153
SUBMISSION GUIDELINES.....	157

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Л. Р. Абдуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2015 г.

Аннотация: данная статья посвящена выявлению языковых особенностей национального восприятия действительности путем сравнительно-сопоставительного анализа интернет-комментариев двух разноструктурных языков.

Ключевые слова: интернет-комментарий, национальное своеобразие, мировосприятие, комментатор.

Abstract: the article deals with revealing the linguistic features of the national perception of the reality. The contrastive-comparative analysis of the internet-commentaries of two multi-structural languages has been carried out.

Key-words: internet-commentary, national originality, perception of the world, commentator.

В последние десятилетия внимание ученых-лингвистов сконцентрировано на языковых особенностях различных жанров интернет-дискурса, среди которых доминируют чаты, форумы, блоги. Сравнительно недавно стали появляться труды на основе анализа интернет-комментариев, набирающих все большую популярность в новостных лентах различных сайтов [1; 2; 3; 4; 5]. В центре внимания исследователей находятся преимущественно лингвокультурные особенности национальной языковой личности [6; 7; 8] и коммуникативные средства воздействия [9; 10; 11]. В данном исследовании впервые предпринята попытка сопоставительного анализа интернет-комментариев в разноструктурных языках. Цель работы состоит в выявлении национально-культурной специфики восприятия описываемых событий, отображаемой в объекте виртуальных комментариев.

Для объективного анализа интернет-комментариев обоих языков предлагается сконцентрироваться на сообщении об увеличении тиража сатирического издания Шарли, известного своими полемическими карикатурами, в частности, публикациями карикатур на пророка Магомета, вызвавшими широкий общественный резонанс: данное событие не является инструментом какой-либо пропаганды и манипулятивного воздействия на нацию ни со стороны правительства, ни со стороны изданий. Для анализа были взяты комментарии в количестве 108 единиц на каждом языке (в авторской редакции) с ведущих новостных сайтов французского (Lemonde.fr, Liberation.fr) и русского (ria.ru, gazeta.ru, lenta.ru) языков.

Как показал анализ материала исследования, в качестве объекта комментариев могут выступать:

1. Герои комментируемой статьи (в нашем случае это издание "Charlie Hebdo") и связанные с ними события (выход тиража в количестве 7 млн экземпляров). Речь идет о тех ключевых вопросах, которые затрагивает автор статьи. Приведем примеры:

Во французском языке: *Les speculateurs/profiteurs qui ont acheté CH par paquets de 10 en espérant en retirer un profit en seront pour leurs frais !*

В русском языке: *«Тираж Charlie увеличен до 7 млн», – а что у них кроме Пророка не было других карикатурных объектов.*

Следует отметить, что во французском языке количество комментариев, имеющих отношение к объекту статьи, достигает 81%, тогда как в русском языке – 50%. Подобный интерес французов объясняется, очевидно, тем, что в статье затрагиваются вопросы, имеющие непосредственное отношение к данной нации и стране в целом. Вполне вероятно, что некоторые из комментаторов лично участвовали в манифестациях, связанных с *Charlie*, способствовали увеличению доходности данного издания, покупая его. Тогда как россияне наблюдают происшествия Франции со стороны, посредством СМИ, не принимая очного участия.

2. Другие виртуальные комментаторы данной статьи.

Встречаются комментарии, точка зрения которых отличается от предыдущих и зачастую вызывает речевую агрессию. Уместным в данном случае представляется высказывание Стекловой Т. И. о том, что «те, чье мнение совпадает с мнением комментатора, признаются «своими», тот же, чье мнение отлично от

мнения комментатора, однозначно воспринимается как «чужой» и вызывает речевую агрессию» [11, 78]. В таких случаях комментаторы, отвлекаясь от темы статьи, переходят на самого комментатора. Подобные примеры зарегистрированы также в обоих языках.

Во французском языке: *Votre remarque porte sa propre contradiction. Aucune « mère » ou « personne » n'est insultée ici....*

В русском языке: *Виктор, вообще никого не интересует твой долбаный атеизм. Как ты к этому пришел и как ты уйдешь от этого маразма, если вообще уйдешь....*

При этом следует отметить, что во французском языке количество подобных комментариев не превышает 6%, тогда как в русском языке оно достигает 14%. Данный факт свидетельствует о том, что среди россиян мнения относительно происходящих во Франции событий более противоречивые, нежели среди французов.

3. Представители других социальных групп (по религиозному или территориальному признаку, по сферам социальной активности), являющиеся периферийными в статье. Проиллюстрируем на следующих примерах.

Во французском языке: *Les terroristes n'aiment pas notre liberté de ton ? Vite, montrons leur qu'ils sont entendus et établissons le délit de blâphème.* В статье не упоминаются террористы, однако о них не забывают комментаторы.

В русском языке: *Еще краски на карикатурах не успели высохнуть, а транспаранты, осуждающие выходки террористов, уже были готовы....*

Согласны статистическим данным, во французском языке подобные комментарии составили 13%, а в русском – 36%. Ключевыми элементами в обоих языках являются террористы и мусульмане. Наряду с этим в русскоязычных комментариях в центре внимания находятся также сами французы как нация и Франция как член ЕС, часть Европы. Например,

Больные люди, однако, эти французы... / Как все бездумно, плоско, примитивно и дико! Привет, недо-развитая Европа!

Вышесказанное позволяет заключить, что интернет-комментарии являются вербальным отражением действительности, в основе которого лежит определение субъективных приоритетов человека путем иерархизации значений образов, соотнесение прошлого опыта человека и окружающего его мира с актуальными объектами действительности, детерминация поведения и деятельности субъекта как участника коммуникативного акта.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Абдуллина Л. Р., кандидат филологических наук, доцент
кафедры романской филологии
E-mail: lilioven@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Дахалаева Е. Ч. Интернет-комментарии портала «Новости mail.ru» как объект лингвистического исследования / Е. Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. – Пенза, 2013. – №6. – С. 780.
2. Иванова С. В. Жанровые особенности коммента как интернет-текста / С. В. Иванова, В. М. Зубарева // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2013. – Т. 18, № 4. – С. 1147–1151.
3. Кошель П. В. Французский интернет-комментарий как речевой жанр / П. В. Кошель // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Москва, 2013. – № 10 (670). – С. 80–89.
4. Савельева И. В. К вопросу о жанровых признаках интернет-комментария / И. В. Савельева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов. – Орел, 2013. – С. 194–202.
5. Абдуллина Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект / Л. Р. Абдуллина // Вестник ЧелГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2014. – Вып. 89, № 7. – С. 74–78.
6. Бец М. В. Выявление лингвокультурных особенностей национальной языковой личности на примере интернет-комментариев к новостям / М. В. Бец // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 4 (41). – С. 55–57.
7. Романтовский А. В. Реконструкция мотивационного уровня языковой личности в дискурсе интернет-комментариев (на материале форума информационного портала) / А. В. Романтовский // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск, 2014. – № 5(88). – С. 266–270.
8. Абдуллина Л. Р. Национальная специфика комментария к политической новости в виртуальном франкоязычном дискурсе / Л. Р. Абдуллина, А. В. Агеева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 2 – С. 89–93
9. Бондаренко Е. Н. Анализ речевой стратегии дискредитации в лингвистической экспертизе (на примере интернет-комментария) / Е. Н. Бондаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 10–1 (40). – С. 27–29.
10. Савельева И. В. Текстовые стратегии при порождении интернет-комментариев: лингвоперсоналогический аспект / И. В. Савельева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 4 (41). – С. 50–52.
11. Стекова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стекова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2013. – № 3. – С. 77–81.

Kazan (Volga region) Federal University
Abdullina L.R., Candidate of Philology, Associate Professor
of Romance Philology Department
E-mail: lilioven@mail.ru

НАРРАТИВИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «ГЛОТНУТЬ ВОЗДУХА»

И. А. Авраменко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 13 августа 2015 г.

Аннотация: на материале малоисследованного романа Дж. Оруэлла в статье ставится проблема нарративной репрезентации прошлого.

Ключевые слова: прошлое/настоящее/будущее, нарративное время, нарратор, наррататор, диалогизированное повествование, автокоммуникация, живые/мертвые, Оруэлл.

Abstract: on the basis of an under investigated novel by George Orwell the article poses a problem of narrative representation of the past.

Key-words: past/present/future, narrative time, narrator, narratee, dialogic narration, autocommunication, the living and the dead, Orwell.

Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется повышенным интересом к проблемам осознания прошлого, индивидуальной и коллективной памяти, процессам воспоминания и забывания, соотношению понятий памяти, истории и идентичности, формам личностного (авто)биографического восстановления прошлого [1; 2; 3; 4; 5]. Мировая художественная литература, в частности, роман, постоянно обращается к этим темам [6; 7; 8; 9; 10]. Если брать только недавние и самые известные примеры, можно вспомнить «Чтеца» Б. Шлинка (Германия), «Полную иллюминацию» Дж. С. Фоеера (США) «Таинственное пламя царицы Лоаны» У. Эко (Италия), «Благовоительниц» Дж. Литтелла (Франция), «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова (Россия).

Английская литература не просто не является исключением в этом отношении, но и во многом определяет современные попытки исследования художественными методами прошлого и всего круга связанных проблем. Яркие примеры находим в творчестве П. Баркер, Дж. Барнса, Х. Мантел, Г. Свифта и др., а также англоязычных писателей неанглийского происхождения, таких как К. Исигуро, Дж. М. Кутзее, М. Ондаатже, А. Рой, С. Рушди и др. В попытке проследить генезис этих тенденций в английском романе XX века, мы обратились к литературе периода Второй мировой войны.

Уже давно было отмечено, что именно в 1940-х гг. английская литература начала активно обращаться к прошлому: «Мир до войны, даже со своими тайными пороками и драмами, казавшийся теперь более надежным и во всяком случае эстетически

более привлекательным, – в центре многих произведений 40–50-х годов. Элегический мотив «возвращения» с особенной силой прозвучал в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945). <...> Мотив возвращения <...> предполагающий сравнение прошлого и настоящего, а тем самым отчасти намечающий между ними исторические связи, чрезвычайно характерен и для многих других английских романов» [11, 45]. Основной причиной ностальгии был социально-психологический кризис мировоззрения, вызванный войной и последующим распадом Британской империи. Как мы увидим на примере романа Оруэлла, отмеченные тенденции появляются в английской литературе еще до 1940-х гг., а ностальгия была связана не только с последствиями войны, но и с ее предчувствием.

Представляется, что в отношении английского романа первой половины XX века, в частности, периода Второй мировой до сих пор наблюдается дефицит исследований, посвященных художественным механизмам воплощения прошлого и, как следствие, недостаточно полное осознание категории художественного времени в целом¹. Целью данной статьи является анализ нарративных стратегий и механизмов представления прошлого в романе «Глотнуть воздуха» (*Coming Up for Air*, 1939) Джорджа Оруэлла.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство исследований Оруэлла сфокусированы на проблемно-тематическом аспекте его творчества. Подробно разрабатываются вопросы идеологии писателя и его связи с политикой [13; 14; 15], а также жанра антиутопии [16; 17]. Сложившаяся в отношении Оруэлла формула «политический писатель и пророк» [18], [19, 30 и 255]

¹ Из существующих исследований см. [12].

часто становится преградой к целостному анализу, которого удостоиваются далеко не все произведения писателя. Так, например, обстоит дело с его романами 1930-х гг.

«Глотнуть воздуха» Оруэлла нечасто становился объектом анализа в англоязычной критике и редко в отечественном литературоведении. Как отмечают исследователи, четыре романа, написанные им в 1930-х гг., чаще всего воспринимаются как побочный продукт успешной журналистской деятельности Оруэлла [20, 59] или как преддверие великих «1984» и «Скотного двора» [21, 51], [22, 132–133]. При этом среди обращающихся к данному произведению оно получает достаточно высокую оценку: «Глотнуть воздуха» обычно считается лучшим романом Оруэлла после «Скотного двора» и «1984» [23, 150]; «роман подводит итоги творчества Оруэлла тридцатых годов: всё, что было опробовано в предыдущих романах, в «Глотке свежего воздуха» высказано в более четкой и уверенной художественной форме» [24, 88].

Вначале отметим общие специфические черты романа. Действие происходит до Второй мировой войны, в 1938 г., хотя уже тогда главный герой, сорокапятилетний полнеющий страховый агент Джордж Боулинг, неудовлетворенный своей личной жизнью и работой, предчувствует наступление войны на территории Англии: «Заварится каша, как ожидают, в 1941-м» [25, 37]; «На горизонте новая война, ждут – в 1941-м» [25, 224]. Однако большую часть романа занимает повествование-воспоминание о своем детстве, пришедшемся на период еще до Первой мировой.

Необычной в контексте романного творчества Оруэлла является первоначальная повествовательная форма «Глотнуть воздуха», когда повествователем (нарратором) является сам главный герой.

Следствием обращения к довоенному прошлому в форме повествования от первого лица становится пронизывающее роман чувство ностальгии, характерной для романной прозы периода в целом, как уже было отмечено выше. «Ностальгия по менее сложным временам – ведущая тема “Глотнуть воздуха” Оруэлла», – пишет Захари Шауэрс в своем диссертационном исследовании о ностальгии в произведениях И. Во, О. Хаксли и Дж. Оруэлла. – «Здесь утверждается в целом, что значительные достижения социализма существовали в четко разделенной на классы сельской Англии, а все проявляющиеся недостатки социализма объясняются отступлением от ценностей сельской жизни» [23, 14]².

Ностальгический пафос связан с мотивом путешествия-возвращения, о котором уже также упоминалось выше. Джордж Боулинг совершает поездку в городок своего детства Нижний Бинфилд, с целью вернуть прошлое, «глотнуть воздуха». Таким обра-

зом, дихотомия «город/сельская местность» коррелирует с оппозицией «настоящее/прошлое».

Однако физическое перемещение в пространстве носит в романе подчиненную функцию. Основное действие совершается в сфере ментальной, в попытке реконструировать прошлое, осмыслить его и дать ему оценку, связать с настоящим и будущим. Субъект воспоминания неизбежно создает текст своего прошлого, а текстопорождение влечет за собой необходимость этот текст коммуницировать, рассказать (хотя бы единственно самому себе). Прошлое, таким образом, обретается преимущественно в процессе коммуникации, оно существует в той мере, в которой может быть передано в некоем повествовании или, другими словами, нарративизировано. Такой процесс воспоминания, изображенный внутри художественного произведения, становится частью еще более сложной системы наррации. Наррация (повествование) понимается нами как процесс коммуникации биографического автора и биографического читателя, опосредованный повествовательными инстанциями имплицитного автора и имплицитного читателя, нарратора и его адресата (наррататора), а также коммуницирующих персонажей³. Нарративизация – это, соответственно, процесс воплощения текста, принадлежащего определенному субъекту повествования, в рамках общей системы наррации.

Обратимся последовательно к тому, как, при помощи каких художественных стратегий, механизмов и техник нарративизировано прошлое в произведении Оруэлла.

Главный герой многому обязан образу пикаро. Он не прочь хорошенько выпить или завести любовную интрижку: «Конечно, я изменял – не постоянно, но так часто, как выпадал благоприятный случай» [25, 188]. Джордж умеет втереться в доверие к людям («В любой компании, хоть с маклерами, хоть с епископами, толстяк как дома» [25, 28]), часто с целью получить выгоду для себя, ведь сама его профессия – страховый агент – зависит именно от этого. Соответственно, вполне в традиции плутовского романа его дискурс ориентирован преимущественно на воссоздание ситуации непосредственного общения. Речь героя-нарратора – это подобие устной речи, ориентированной на наррататора-слушателя.

С самого начала произведения задана ситуация диалогизированного повествования: «Знаете плотных резвых толстяков, бойких симпатяг, которых награждают прозвищем Толстун или Бочонок, которые всегда и везде душа общества? Там вот вам я» [25, 8]; «И не особо, доложу вам, в тот момент я жаждал женских взглядов» [25, 9]; «Вы понимаете, вдруг привалило мне семнадцать фунтов, о которых никто не в курсе, то есть дома у меня никто. Откуда, сейчас расскажу» [25, 9]; «Бывали вы на моей Элзмир-роуд в Западном Блэчли? Да хоть и не бывали,

² Также о ностальгии в данном романе см. [26, 45–51].

³ См. соответствующие схемы в [27, 200 и 202], [28, 45].

наверняка видели десятки точно таких же» [25, 15] и т. д. Текст явно ориентирован на устную коммуникацию.

Однако значимо, что переход к воспоминанию в тексте романа маркируется полным отсутствием такого рода диалога. Когда нарратор во второй части начинает вспоминать свое прошлое, на смену диалогу приходит автокоммуникативное воспоминание (об автокоммуникации см. [29, 163–177]). Даже такие формально-диалогические элементы, как местоимение второго лица, вопросы или слова «да», «нет» теперь организуют *внутренний* диалог главного героя: «В раннем детстве ты как-то внезапно, одну за другой осознаешь вещи, которые все время тебя окружали» [25, 46]; «Сегодня уже едва отыщешь на прилавках шоколадные трубочки, палочки постного сахара, фруктовые батончики с тмином и даже «пестрое драже». Именно «пестрое драже» предпочиталось, если капиталы не превышали фартинг. А «Великан»? Куда девался «Великан»? Эта огромная бутылка, вмещавшая больше кварталы шипучего лимонада, стоила всего пенс. Убито, тоже убито войной. Да, оглянувшись назад, я всегда почему-то вижу лето» [25, 51].

Сам переход от нарративного настоящего к прошлому соответствует прустовской модели. «Переход от первой экспозиционной части романа ко второй, ретроспективной, осуществлён в «Глотке свежего воздуха» более тонко, нежели в предыдущем романе», – в своей ценнейшей монографии об английском романе 1930-х гг. И. В. Кабанова дает свой вариант перевода заголовка романа. – «Автор использует прустовский приём включения ассоциативной памяти: случайно встреченный на улице газетный заголовок вызывает поток воспоминаний о детстве и юности» [24, 89]. Однако исследователь не отмечает, что событие предстает в карнавально-сниженном виде и отрывок производит впечатление чуть ли не пародии на знаменитый эпизод с печеньем мадлен: «Тут случилась странная вещь. Каким-то манером это самое все время мелькавшее «король Зог» смешалось с уличным шумом, или запахом конского навоза, или еще с чем-то, и вдруг всплыло воспоминание» [25, 38].

Значимо, что, после того как запущен механизм воспоминания, прошлое осознается персонажем как часть настоящего: «Любопытная штука — прошлое. Оно всегда с тобой; думаю, часа не проходит без мысли о чем-то, что было десять-двадцать лет назад. Причем обычно это будто не из жизни, а из учебника истории. Но иной раз какой-нибудь вид или запах (в особенности запах) — и ты не просто вспомнишь, ты окажешься там, в прошлом. Ну так вот. Я снова стоял в нашей приходской церкви Нижнего Бинфилда. Внешне по-прежнему шагал по Стрэнду, толстый и сорока пяти лет, в котелке и с зубным протезом, но внутри опять сделался семилетним Джорджи...»

[25, 38–39]; «...Прошлое наше уходит навсегда? Да вряд ли. И одно вам скажу — славный это был мир, жилось в нем славно. Я весь оттуда» [25, 44].

Подчас прошлое кажется даже более реальным, чем настоящее: «Вот в какой мир я возвратился, увидев газетный анонс про короля Зога. На несколько секунд буквально там побывал. Такие вещи, конечно, долго не длятся. Миг-другой, и я будто разомкнул сонные глаза: снова мне было сорок пять, снова передо мной теснилась пробка на Стрэнде. Но след это оставило. Обычно вынырнешь из воспоминаний и очнешься, но теперь чувствовалось по-другому: словно бы я действительно вдохнул воздух 1900-го. Даже когда я, так сказать, проснувшись, опять смотрел на снующих туда-сюда болванов и в нос мне била вонь бензиновых моторов, суতোлка эта мне казалась менее реальной, чем воскресное утро в Нижнем Бинфилде тридцать восемь лет назад» [25, 42–43].

Одновременно с этим в рассказ о прошедших событиях постоянно включаются вставки из настоящего, постоянно присутствует настоящий момент воспоминания: «Наш Нижний Бинфилд в Оксфордшире был типичным торговым городком с населением в пару тысяч жителей (забавно — я говорю «был», хотя он никуда не делся)» [25, 47]; «Нижний Бинфилд моих дошкольных лет всегда видится мне в летнюю пору» [25, 48]; «Сегодня уже едва отыщешь на прилавках» [25, 51]; «Отец всегда лишь собирался «хорошенько вздуть» Джо, но дальше рассказов (вряд ли, мне теперь кажется, правдивых) о жутких порках, которые ему устраивал его отец, дело не заходило» [25, 65] и т. д. Как видно, настоящее часто занимает положение в скобках, но иногда «прорывается» в основной текст. Основным элементом «из настоящего» является повторяющееся рефреном «помню», «сколько помню», «на моей памяти», придающее этой части романа приподнято-поэтический стиль. Очевидно, что настоящее в приведенных примерах связано прежде всего с самим моментом наррации, с событием-рассказыванием, а не с событиями-происшествиями.

Показательно и то, что многие эпизоды из прошлого описываются при помощи грамматического настоящего времени: «Время идет, ноги крепнут, и начинаешь мало-помалу осваивать местную топографию» [25, 46]; «Трава вокруг в мой рост, от земли пышет жаром. Пыль на тропинке и теплый зеленоватый свет сквозь густую листву орешника. Вижу нас, всех троих, бодро топающих, жующих добытое по пути возле изгородей» [25, 51]. Стоит обратить внимание на амбивалентность грамматического настоящего в последнем предложении: какому нарративному времени оно соответствует? Это время воспоминания («вижу»), при котором прошлое становится настоящим, или же время прошедших событий («бодро топающих»), внутри которого «материализуется» фигура нарратора?

В конце второй части романа повествование о прошлом смыкается с художественным настоящим: «Теперь у нас тридцать восьмой, и на всех верфях во всех странах клепают новый боевой флот для новой войны, а во мне странное имя с газетных афиш разворошило вдруг груды былого, похороненного, как казалось, бог знает сколько лет назад» [25, 194].

Несмотря на автокоммуникативное начало, в тексте второй части начинают сравнительно быстро восстанавливаться следы присутствия нарратора. Более того, его образ начинает развиваться. Сначала он появляется просто как адресат сообщения: «Признаюсь вам в одной вещи, вернее – в двух» [25, 106]. Затем нарратор предугадывает мнение нарратора: «Я покажусь вам формальным придурком» [25, 99]; «Вам кажется, конечно, что я привираю насчет тех громадных фазанов» [25, 106]; «Если у вас создалось впечатление, что...» [25, 117]. Далее, нарратор предстает как личность, с индивидуальными характеристиками: «Или вы сами помните то время и в чужих описаниях не нуждаетесь, или не помните и тогда песни мои мимо» [25, 121]; «Я не про 1913-й — про то чувство внутри, когда не маялся вечными страхами и не задыхался от спешки; чувство, которое вам памятно и без моих рассказов или же неизвестно, а тогда вам его уже не изведать» [25, 141].

Наконец, нарратор наделяется собственным голосом, все более четко оформленным: от косвенной речи – «Вы скажете: но что ж тут именно современного? И при чем тут война? Да уж при том» [25, 174] – до прямой, когда возможен уже полноценный диалог между нарратором и наррататором как двумя субъектами: «Вы спросите: «Зачем на ней женился?» А сами вы зачем? Случаются с нами промашки» [25, 184].

Нарратор возвращается к диалогу в тот момент, когда начинает подробно описывать свое детское увлечение рыбалкой, которая становится самым воплощением прошлого: «С воспоминанием о рыбалке вспоминаются многие вещи, потерянные современным миром» [25, 99]. Именно рыбалка – это повод для Боулинга отправиться в городок своего детства Нижний Бинфилд, это та деятельность, которая позволит восстановить прошлое⁴. Необходимость коммуницировать (и значит, адресовать наррататору) значимость этого времяпрепровождения объясняет возвращение нарратора к диалогизированному повествованию.

Стоит отметить, что описания как настоящего, так и прошлого даны очень наглядно, детально, натуралистически-вещно. Примеры можно множить и множить, приведем только два отрывка, первый из которых относится к временному плану настоя-

щего, второй – прошлого: «На крыльце мерзко дохнуло сыростью, порыв ветра хлестнул по голой шее в засохшем мыле, мигом дав ощутить, что одет я не по погоде и весь покрыт гнуснейшей липкой коркой» [25, 15]; «Я вот сказал вначале, что первое в моей памяти — запах семян и мякины, но запахок мусорных ящиков во дворе тоже из ранних моих лет и тоже навеки мил. Вспоминая материнскую кухню с каменным полом, ловушками для тараканов, железной каминной решеткой и прокопченной печью, я всегда, кажется, слышу жужжание навозных мух, чувствую, как слегка пованивает от помойного ведра, шибает в нос чудесным густым запахом псины от симпатяги Удальца» [25, 71]⁵.

Подготовка к поездке описана в третьей части. Посещение политической лекции, разговор с приятелем, неудавшаяся попытка нарвать для жены цветов – все это окончательно убеждает Боулинга в ничтожности современной жизни и необходимости вернуть свое прошлое. Параллельно окончательно фиксируются отношения диалога между персонажем и наррататором: «Вы вообще ходите иногда на всякие там встречи, лекции, диспуты? У меня, если я там оказываюсь, непременно в какой-то момент мелькает: а на черта все это?» [25, 197]; «А кто боится войны? Страшно боится бомб и пулеметов? Вы скажете мне: «Ты». Да, я боюсь, как всякий, кто такого повидал» [25, 204].

Вместе с тем формируются и новые коммуникативные отношения: голос персонажа-нарратора подменяется голосом автора. «Кончайте же палить из пушек! Хватит затравленным травить других! Уймись, дышите ровнее, впусти себе в жилы хотя малость покоя! Нет, бесполезно. Упорно творим все тот же проклятый идиотизм. На горизонте новая война, ждут – в 1914-м. Три оборота Земли вокруг Солнца, и рухнем, бухнемся туда. С неба бомбы как черные толстые сигары, и залпы гладких, обтекаемых пуль из гладких, точных пулеметных стволов» и т. д. [25, 224–225]. Подобные эмоциональные пассажи можно трактовать как обращенные Боулингом ко все тому же гипотетическому наррататору, но взятые в контексте творчества Оруэлла (в т. ч. его журналистской деятельности), они приобретают характер пропагандистских обращений биографического автора к биографическому читателю⁶.

Смешение прямого диалога с наррататором и автокоммуникативного повествования можно объяснить двойственностью субъекта повествования. Ду-

⁵ Подробнее о вещном и телесном в романе см. [21].

⁶ «Из всех персонажей Оруэлла Джордж Боулинг в более полной мере наделен голосом автора» [23, 151]; «Если в романе «Пусть цветёт аспидистра» Оруэлл ещё очень редко позволяет себе подменять героя, то в «Глотке свежего воздуха» дистанция между автором и повествователем нарушается постоянно, роман наполнен прямыми публицистическими высказываниями автора по вопросам политики, войны и мира» [24, 90].

⁴ См. размышления о рыбалке как «аллегории воспоминания и забывания» в [12, 49–56].

мается, что автокоммуникация – это все-таки позиция вспоминающего персонажа, тогда как источник прямого диалога, близкого к публицистической прозе Оруэлла, – это нарратор, который испытывает влияние биографического автора-журналиста.

В одном из таких высказываний находит выражение важная для всего романа метафора – деление людей на мертвецов и живых: «Похоже, поделился мир на спящих мертвым сном порядочных людей и живых, до ужаса энергичных горилл; промежуточных особей как-то не наблюдается» [25, 219]. Тема уже была задана в эпиграфе к роману: «Мертвец уже, а все ему неймется. Народная песня» [25, 5].

В третьей части примером такого «спящего мертвым сном приличного человека» становится Портиус, приятель Боулинга, «отставной учитель частной закрытой школы» [25, 209]. Портиус живет прошлым: «Все его разговоры лишь о том, что было сотни лет назад. С чего ты ни начни, он твердо вырулит к стихам и статуям, грекам и римлянам. Ты ему новости про «Куин Мэри» — он тебе тут же про финикийские триремы» [25, 212]. Именно Портиуса после разговора с ним о надвигающейся войне Боулинг называет мертвецом: «Тут меня странная мысль посетила: да это ведь мертвец. Призрак. И все парни вроде него — призраки мертвецов» [25, 217–218]. Осознание своего желания «быть живым» [25, 223] и становится окончательным толчком для Боулинга отправиться в Бинфилд, чтобы обрести там свое прошлое.

В четвертой части тенденции взаимопроницаемости диалога и автокоммуникации, голоса персонажа и голоса автора сохраняются. По-иному развиваются отношения прошлого и настоящего. Новым становится их релятивизация посредством плавающей семантической границы между «живыми» и «мертвыми».

Приехав в Нижний Бинфилд, Боулинг осознает очевидный, казалось бы, факт: его воспоминания не соответствуют настоящему положению вещей. «Вроде бы все отлично помнишь, и все оказывается не так» [25, 237]; «На Чэмфордском холме я убедился, что картина в моей памяти создана более всего воображением» [25, 238]. Прошлое уже не способно явиться нарратору «здесь и сейчас», во всей непосредственности переживаемого, не может быть рассказано в настоящем грамматическом времени.

Боулинг окончательно убедится в невозвратности прошлого, когда обнаружит, что разрушено самое сокровенное из его прошлого – заброшенный пруд с огромными рыбами, где он всегда мечтал порыбачить, превратили в свалку: «Пора кончать с мыслью вернуться в прошлое. Ну что хорошего в попытках вновь увидеть места своего детства? Не существует больше этих мест. Глотнуть воздуха! Воздуха тоже больше нет. Мусорный бак, в который мы все свалены, крышкой до самой стратосферы.

Ну и плевать, ладно, чего с ума сходить?» [25, 295]; «Возможно ли вернуться к жизни, которой ты когда-то жил, или та жизнь уходит навсегда? Что ж, теперь-то я *знал*. Да-да, хотя я, может, путано излагаю, но ответ появился уверенный. Старая жизнь умирает, и возвращение мое в Нижний Бинфилд было равносильно попытке вновь вернуть Иону во чрево кита» [25, 305].

Однако в процессе «поисков утраченного времени» герой пытается «реанимировать» свое прошлое, которое получает новый статус – недоволенной, призрачной реальности: «Все время виделись призраки; прошлое так и лезло из настоящего» [25, 250]; «Я прошел в помещение нашей бывшей гостиной. Море призраков!» [25, 252]; «сидел и чуть не наяву слышал, как отец вслух зачитывает нам «кусочки» (его слово) из газетных статей» [25, 253].

Иногда контраст между прошлым и настоящим настолько стимулирует память персонажа-нарратора, что прошлое восстанавливается с большой яркостью и очевидностью: «Фасад обновили и принарядили до полного сходства с шаблоном курортных гостиных, вывеску поменяли. Интересно: за двадцать лет я ее ни разу не вспоминал, но сознание хранило примелькавшуюся с детства старую вывеску, она мгновенно всплыла в памяти во всех деталях» [25, 244–245].

Но все же в результате прогулок по городку Боулинг осознает, что прошлое нельзя воплотить, что между ним и настоящим лежит пропасть, и тогда граница между «живыми» и «мертвыми» смещается: «Черт подери, ошибся я, воображая, что вокруг ходят привидения! Сам я призрак, сам я мертвец» [25, 266]. Герой оказывается тем самым мертвецом из эпиграфа, которому «все неймется». Теперь прошлое связывается в его представлении не с более реальной и более полноценной действительностью, куда можно приехать на машине, а с чем-то потерянным, недостижимым, отрезанным от настоящего: «[Я] часами бродил по миру, давно исчезнувшему» [25, 269]. По сути, Боулинг ничем не отличается от Портиуса, отказавшегося от настоящего и «застрявшего» в прошлом.

Однако представление о том, кто «живой», а кто «мертвый», корректируется еще раз, когда герой случайно встречает свою юношескую любовь, Элси Уотерс. «Прошло всего двадцать четыре года, и девушка, столь памятная мне, с ее молочно-белой кожей, алым ртом и отливавшими золотом волосами, сделалась этой неуклюжей сутулой клячей, волочащей ноги в стоптанных туфлях» [25, 278]. Все описание персонажа указывает на то, что Элси, метафорически говоря, если и не мертвец, то явно умирающая. Если Портиус и Боулинг – мертвецы, потому что они «застряли» в прошлом, то Элси – умирающая, потому что для нее существует лишь настоящее вне его связи с прошлым. Даже оказавшись лицом к лицу

с Боулингом она не вспоминает его: «Она не помнила, нет, никогда меня не знала» [25, 279]. Прошлое для не просто не существует.

Перераспределение границ между миром «живых» и «мертвых» в сознании героя выражается в следующей метафоре: «Меня так ошарашило (заметьте, не сама встреча, а то, во что Элси успела превратиться), что мир поплыл перед глазами. Медные краны и фаянсовые раковины разом как будто затуманило, я едва различал их» [25, 277]. И мир настоящего, и мир прошлого оказываются в равной мере призрачными.

Проницаемость границы между миром мертвых и миром живых (и, как следствие, между настоящим и прошлым) принимает еще как минимум две формы. Во-первых, противопоставление может нейтрализовываться: «Отец и мать в моем сознании не ушли. Как будто все еще существовали где-то там, в какой-то вечности» [25, 255]; «Потом я забрел в церковь. Впервые после возвращения в Нижний Бинфилд здесь не явились мне (во всяком случае, не показались) духи прошлого. Поскольку ничего не изменилось» [25, 256]. Если что-то остается вечно-неизменным, то его нельзя отнести ни к прошлому, ни к настоящему.

Во-вторых, возможны хронологические отношения. Пример тому – встреченный Боулингом викарий Беттертон: «Выглядел викарий совсем не так, как двадцать лет назад. Вы полагаете, я имею в виду – он слишком постарел? Наоборот! Выглядел он теперь *моложе*» [25, 258–259, курсив автора]. Объяснение – в психологическом восприятии возраста, т. е. в субъективном восприятии течения времени: «Как всем юнцам <...> мужчина сорока пяти лет мне казался старше, чем сейчас этот бодрый попрыгун шестидесяти пяти» [25, 259].

На заключительных страницах последней части романа антитеза прошлое–настоящее окончательно снимается через введение плана будущего, когда Боулинг оказывается недалеко от места, куда английский же самолет по ошибке сбрасывает бомбу. В результате он задумывается о грядущей войне: «И снова ощущение, что у меня прорезался талант провидца. Казалось, я вижу всю Англию, всех ее жителей и весь кошмар, который их поджидает» [25, 306]. Перед лицом грядущей войны оказывается неважно, насколько настоящее соответствует сохранившимся воспоминаниям. И то и другое скоро будет уничтожено.

Однако Оруэлл рисует позицию Боулинга такой, что и будущее оказывается для него равно обесцененным: «Почему вдруг разволновался насчет прошлого и будущего, зная, что ни то ни другое значения не имеет?» [25, 317]; «Улизнуть в Нижний Бинфилд, дабы попытаться вернуться в прошлое, а затем прикатить обратно, с головой, распухшей от бредовых видений будущего. Будущее! Да что в нем для таких, как вы и я? Держаться за свое место на службе – вот

оно, наше будущее» [25, 308].

Таким образом, герой «Глотнуть воздуха» является своеобразным вариантом представителя «потерянного поколения»: он не видит смысла существования ни в одном из временных планов. Для него оказываются дискредитированными и прошлое, и настоящее, и будущее, поэтому вряд ли можно считать Боулинга «живым».

В этом аспекте особую значимость приобретает и без того любопытный финал романа. Боулинг оказывается перед выбором, как объяснить свое отсутствие жене, которая подозревает его в супружеской измене. Он перечисляет три возможности:

«Вариант первый: честно рассказать ей обо всем и как-нибудь заставить мне поверить.

Вариант второй: разыграть старинный номер насчет потери памяти.

Вариант третий: оставить ее в убеждении, что была «женщина», и понести заслуженную кару...

Да к черту! Знал я неизбежный, единственно возможный вариант» [25, 318].

Несмотря на заверения героя, что он определился с «единственно возможным» вариантом⁷, объективно (текстуально) финал романа остается открытым: по отношению к прошлому⁸ у героя-нарратора есть три *равные* возможности. Сам набор сценариев чрезвычайно показателен. Согласно нарратору романа (и, вполне вероятно, имплицитному автору), нарративизация прошлого может принять три формы: (а) рассказать правду; (б) рассказать ложь (конечно же, вспоминается Министерство Правды в «1984»); (в) не рассказывать вовсе, имитируя амнезию.

Можно бесконечно размышлять о том, какой сценарий выберет Боулинг-персонаж, но вся поэтика романа заставляет надеяться, что читатель «Глотнуть воздуха» оказался в счастливом положении, когда Боулинг-нарратор выбрал первый вариант.

ЛИТЕРАТУРА

1. Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self: Developmental and Cultural Perspectives / Ed. by Robyn Fivush, Catherine A. Haden. – Mahwah, New Jersey; London : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003. – 240 p.
2. The Remembering Self: Construction and Accuracy in the Self-Narrative/ Ed. by Ulric Neisser, Robyn Fivush. – Cambridge University Press, 2008. – 301 p.

⁷ Аргументы Лорейн Сондерс [30, 109–111], считающей, что персонаж выберет первый вариант, не кажутся нам убедительными.

⁸ Прошлым героя к концу романа оказывается не только воскрешенное им во второй части детство, но и все содержание романа. Здесь стоит вернуться к самому началу романа – «Мысль эта забрезжила у меня в тот день, когда я получил свой новенький зубной протез. Отлично помнится денек» (7). Получается, что вся история с самого начала – это воспоминание.

3. Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II /Ed. By Elena Lamberti and Vita Fortunati. – Amsterdam, New York, NY : Rodopi B.V., 2009. – 343 p.
4. Павлова О. А. Категории «история» и «память» в контексте постколониального дискурса. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. / О. А. Павлова. – Москва, 2012. – 18 с.
5. Memory Studies. Sage Journals Online, 2008–2015 – Режим доступа: <http://mss.sagepub.com> (дата обращения: 15.12.2011).
6. Remembering our Past: Studies in Autobiographical Memory / Ed. by David C. Rubin. – Cambridge University Press, 1999. – 448 p.
7. Byerman K. Remembering the Past in Contemporary African American Fiction / K. Byerman. – The University of North Carolina Press, 2005. – 228 p.
8. Ender E. ArchiTEXTS of Memory: Literature, Science, Autobiography / E. Ender. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2008. – 305 p.
9. Walder D. Postcolonial Nostalgias: Writing, Representation, and Memory. – New York and London : Routledge, 2011. – 204 p.
10. Переходцева О. В. Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис, Дж. Барнс. Дис. ... канд. филол. н. / О. В. Переходцева. – Саратов, 2012. – 207 с.
11. Английская литература 1945–1980 / Под ред. А. П. Саруханян. – М. : Наука, 1987. – 511 с.
12. Tamaś T. Remembering in the British Fiction of the 1930s / T. Tamaś. – Debreceni Egyetem BTK, 2010. – 158 p.
13. Ingle S. The Social and Political Thought of George Orwell / S. Ingle. – New York and London : Routledge, 2006. – 225 p.
14. Bounds Ph. Orwell and Marxism: The Political and Cultural Thinking of George Orwell / Ph. Bounds. – London, New York : I. B. Tauris, 2009. – 253 p.
15. Carr Craig L. Orwell, Politics, and Power / Craig L. Carr. – A&C Black, 2010. – 164 p.
16. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке / А. Ф. Любимова. – Пермь : Изд-во Пермского госуниверситета, 2001. – 90 с.
17. The Road from George Orwell: His Achievement and Legacy / Ed. by Alberto Lázaro. – Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien : Peter Lang, 2001. – 250 p.
18. Rossi J., Rodden J. A Political Writer // The Cambridge Companion to George Orwell / Ed. by John Rodden. – Cambridge University Press, 2007. – P. 1–11.
19. Quinn E. Critical Companion to George Orwell: A Literary Reference to His Life and Work. / E. Quinn. – Facts on File, 2009. – 450 p.
20. Levenson M. The Fictional Realist: Novels of the 1930 s / M. Levenson // The Cambridge Companion to George Orwell / Ed. by John Rodden. – Cambridge University Press, 2007. – P. 59–75.
21. Federico A. Making Do: George Orwell's Coming Up for Air / A. Federico // Studies in the Novel, Volume 37, Number 1, Spring 2005. – P. 50–63.
22. Gillie Ch. Movements in English Literature 1900–1940 / Ch. Gillie. – Cambridge University Press, 1975. – 207 p.
23. Showers Z. A. Thou Art Unreal, My Ideal: Nostalgia as Ideology in the Novels of Evelyn Waugh, Aldous Huxley and George Orwell / Z. A. Showers. – University of Alabama, 2010. – 185 p.
24. Кабанова И. В. Английский роман тридцатых годов XX века / И. В. Кабанова. – Саратов : Из-во Саратовского ун-та, 1999. – 99 с.
25. Оруэлл Дж. Глотнуть воздуха / Пер. с англ. В. М. Домитеевой. – М. : Астрель, 2012. – 317 с.
26. Berberich Ch. A Revolutionary in Love with the 1900s: Orwell in Defence of 'Old England' // The Road from George Orwell: His Achievement and Legacy / Ed. by Alberto Lázaro. – Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien : Peter Lang, 2001. – P. 33–52.
27. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения)–INTRADA, 2001. – 385 с.
28. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
29. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Он же. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.
30. Saunders L. The Unsung Artistry of George Orwell: the Novels from Burmese Days to Nineteen Eighty-Four / L. Saunders. – Ashgate Publishing Limited, 2008. – 159 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Авраменко И. А., кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков

E-mail: iavramenko@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics»
Avramenko Ivan A., Candidate of Philology, Associate Professor at the Foreign Languages Department

E-mail: iavramenko@hse.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 ноября 2015 г.

Аннотация: данная статья посвящена особенностям актуализации категории времени в текстах научной фантастики русских и немецких авторов. В статье анализируются языковые единицы, репрезентирующие категорию время.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, время, семантические группы, изменение, трансформация.

Abstract: this article is about the actualization of the category of time in science fiction texts of Russian and German authors. Language units representing the category of time are analyzed in the article.

Key-words: cognitive linguistics, text, science fiction, time, semantic groups, changes, transformation.

Целью исследования является изучение особенностей объективации категории времени в текстах научной фантастики. Объектом нашего исследования послужили тексты русских и немецких авторов.

Говоря о текстах научной фантастики, исследователи отмечают, что одной из главных их особенностей является моделирование «ирреальной» действительности [1, 2], которое зачастую связано с нарушением существующих пропорций, свойств и форм изображаемого объекта [3, 4].

Категория времени характеризуется сложной структурой в текстах научной фантастики, так как в данном типе текста нарушаются объективные свойства времени, такие как цикличность, непрерывность, линейность, длительность. Нарушается такое свойство времени, как «длительность», что находит выражение в сочетании *стоп-пункт времени*, в котором актуализируется значение «остановка времени». «*Конец света. Стоп-пункт времени*» [5].

Нарушение свойства «одномерности» ведет к возникновению «нового» свойства времени «многомерности», что находит соответствующее выражение в лексике обоих языков: *иная временная зона, несколько временных плоскостей, разные временные слои, хронокарман; eine andere Zeitebene, die andere Zeitzone*. Актуализируется значение «другое временное измерение». «...выходим в **иную временную зону**» [6]. «Здесь сходятся сразу **несколько временных плоскостей**. Их наличие дает возможность прокладывать каналы в **различные временные слои**» [6]. «...появление крейсера в прошлом спровоцировало временное ответвление – **хронокарман**» [7]. «...von da zurück in **eine andere Zeitebene**» [11]. «Ein gewaltsamer Einbruch aus **der anderen Zeitzone**» [12].

Репрезентаторами категории «время» в русских текстах выступают лексемы *хроноклазм, хроносдвиг, сочетания хронофизическая каверза, петлевой хроновыверт, сжатие времени, вариант парадокса во времени, разрыв во временном континууме*, актуализирующие сему «изменение».

«... ствол ушел и в будущее... Это открытый **хроноклазм**» [8]. «...происходит накопление временных потенциалов... и "сброс" масштабов – **хроносдвиг**» [8]. «Каким же образом он смог вернуться в свой мир? Может существует какая-то **хронофизическая каверза**...?» [9]. «Именно **петлевой хроновыверт** объясняет, почему мы ничего не знаем о появлении нашего крейсера в окрестностях земли два века назад» [7]. «Пульсационные корабли действовали по принципу **сжатия времени**» [10]. «Внимание, **хроносдвиг!** Длительность сто семь лет» [8]. «**Вариант парадокса во времени** – это когда человек убивает сам себя» [9]. «...**разрыв во временном континууме** достиг десятого слоя» [6].

В текстах немецких авторов сему «изменение» несут лексема *der Zeiteinbruch* и глагольная форма *mutieren*. «Auf Terra treten erneut Akausalitäten und **Zeiteinbrüche** auf» [13]. «**Die Zeit mutiert**» [14].

К сфере репрезентации категории времени в текстах русских авторов относится сочетание *машина времени*. Данное сочетание несет семему – средство для передвижения во времени. В текстах немецких авторов лексема *die Zeitmaschine* актуализирует значение «машина времени». «**Машина времени, понимать надо!**» [9]. «Jagt nach **der Zeitmaschine**» [15]. В русских текстах лексема *хронокамера* выступает синонимом *машины времени* на основе значения «средство для передвижения во времени». «Выходит, **хронокамера** в зале была настроена на двукратное перемещение?» [9].

При метафорической характеристике времени в текстах научной фантастики актуализируются пространственные образы: *хрономост, канал; die Zeitbrücke, der Zeitbrunnen, die Realzeit-Korridore, der Zeittunnel, der Zeitturm*. «Вот с нами и хотим познакомиться одна из соседних цивилизаций, создавшая нечто вроде **хрономоста** из своего «угла времени» в наш» [8]. «И на время эксперимента канал хроноскважины сохраняется?» [8]. «Mission **Zeitbrücke**» [16]. «Das ungleiche Paar ... findet sich nach der Passage durch **den Zeitbrunnen** im Schwarm Kys Chamer auf einer unbekannten Welt wieder» [17]. «... liegt die Insel unter einer ATG-artigen Zeitschranke, durch **die Realzeit-Korridore** führen» [18]. «Die Laren versuchen mittels **eines Zeittunnels** das Solssystem aufzuspüren» [19]. «Unterdessen sind **die ersten Zeittürme** aus Virenmaterial entstanden» [20]. Актуализируется значение «портал во времени».

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

В текстах научной фантастики репрезентаторами категории времени выступают лексемы *хрономост, хронодвиж; der Zeiteinbruch*, сочетания *хронофизическая каверза, петлевой хроновыверт, сжатие времени, вариант парадокса во времени, разрыв во временном континууме; die Zeit mutiert*, актуализирующие сему «изменение». Лексемы *хрономост; der Zeitbrunnen, der Zeittunnel, der Zeitturm, die Zeitbrücke, die Realzeit-Korridore* актуализируют значение «точка передвижения между различными временными слоями». Семему «средство для передвижения между различными временными слоями» несут сочетание *машина времени*, лексемы *хронокамера, die Zeitmaschine*. В русских и немецких текстах при метафорической характеристике времени актуализируются пространственные образы: *хрономост, канал; die Zeitbrücke, der Zeitbrunnen, die Realzeit-Korridore, der Zeittunnel, der Zeitturm*.

Таким образом, в текстах научной фантастики, как русских, так и немецких авторов объективные свойства времени изменяются и нарушаются, что приводит к возникновению «новых» свойств, например замедлению, ускорению, преломлению течения времени или многомерности временного континуума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянова О.В. Языковая картина мира в художественном тексте (на примере жанра научной фантастики) / О. В. Емельянова – Режим доступа: <http://www.ruslang.com/nir/collection/collection4>.
2. Первухина С. В. Когнитивные и эмотивные способы создания фантастической картины мира (на материале романов Н. Перумова) / С. В. Первухина // Русская

и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 235–236.

3. Тамарченко Е. Д. Уроки фантастики / Е. Тамарченко // В мире фантастики: Сб.ст. – М. : Мол. гвардия, 1989. – С.130–151.

4. Чернышева Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышева // Природа фантастики. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. – 336 с.

5. Пухов М. Брошен ввысь / М. Пухов – Режим доступа: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=34071>.

6. Гуляковский Е. Обратная сторона времени, 2004. – Режим доступа: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=17495>.

7. Головачев В. В. Хроновыверт. – Режим доступа: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=15315>.

8. Головачев В.В. Реквием машине времени / В. В. Головачев // Реквием машине времени. – Н. Новгород: Флокс, 1992. – 540 с.

9. Громова А., Нудельман Р. В институте времени идет расследование, 1973. – Режим доступа: // <http://lib.ru/RUFANT/GROMOWA/timeinst.txt>.

10. Ефремов И. А. Сердце Змеи / И. А. Ефремов // Сборник научно-фантастических произведений. – Киш. : Штиинца, 1986. – с.500-539.

11. Darlton C. In den Fesseln der Ewigkeit. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/In_den_Fesseln_der_Ewigkeit.

12. Darlton. Im Zeit-Gefängnis. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Im_Zeit-Gefängnis.

13. Voltz W. Die Zeit bleibt Sieger. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Die_Zeit_bleibt_Sieger.

14. Vlcek E. Die Zeit mutiert. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Die_Zeit_mutiert.

15. Mahr K. Jagt nach der Zeitmaschine. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Jagt_nach_der_Zeitmaschine.

16. Ewers H. G. Mission Zeitbrücke. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Mission_Zeitbrücke.

17. Haensel H. Durch den Zeitbrunnen. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Durch_den_Zeitbrunnen.

18. Vlcek E. Paradoxzeit. – Режим доступа: <http://www.perripedia.prog.org/index.php/Paradoxzeit>.

19. Ewers H. G. Tunnel durch die Zeit. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Tunnel_durch_die_Zeit.

20. Ellmer A. Triumph der Kosmokratin. – Режим доступа: http://www.perripedia.prog.org/index.php/Triumph_der_Kosmokratin.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель, кафедра немецкой филологии
E-mail: elbawykina@yandex.ru

Voronezh State University
Bavykina E.V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: elbawykina@yandex.ru

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ: НОВЫЙ «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И А. И. КУПРИНА

Я. О. Дзыга

Московский городской психолого-педагогический университет

Поступила в редакцию 11 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу рассказов «Негласная ревизия» А. И. Куприна и «Патока» И. С. Шмелева с позиций художественного изображения «маленького человека». В ходе исследования автор выявляет не только общность прочтения известного образа, но и различия, обусловленные особенностями творческих установок писателей. Исследование позволяет говорить о новом типе «маленького человека».

Ключевые слова: И. С. Шмелев, А. И. Куприн, сравнительный анализ, «маленький человек», литературная традиция, реализм.

Abstract: the article deals with comparative analysis of the story «Secret inspection» by A. I. Kuprin and «Treacle» by I. S. Shmelev, from the standpoint of artistic understanding of them of the image of «a small man». In the study, the author reveals not only commonalities in the famous image in the two writers, but also the differences in reading this thread, due both to the features of products artists. The research allows us to talk about the new type of the image of «a small man».

Key-words: I. S. Shmelev, A. I. Kuprin, comparative method of inquiry, «a small man», literary tradition, realism.

Укорененное в реализме XIX века, творчество И. С. Шмелева и А. И. Куприна по-своему развивает традицию изображения «маленького человека». Открытый А. С. Пушкиным и получивший широкое распространение в практике натуральной школы известный литературный тип был активно воспринят авторами рассказов «Патока» (1911) и «Негласная ревизия» (1894). Написанные с разницей без малого в два десятка лет, произведения Шмелева и Куприна обнаруживают не только большой литературный потенциал классического образа, но и намечают пути обновления традиции. Рассказы роднят тема, сюжетно-композиционная схема, образы, приемы их построения. В то же время произведения представляют собой примеры неоднозначного прочтения образа «маленького человека», внутренняя тенденция которого ведет от классической русской литературы к художественным открытиям модернистских литературных систем.

На генетическую связь с Пушкиным указывают имена главных героев «Патоки» и «Негласной ревизии». Податной инспектор Белкин у Шмелева и «многообещающий молодой человек» Иван Петрович из рассказа Куприна не только прямо обращены к «автору» «Повестей Белкина» (1830), но также служат отсылкой к узнаваемой литературной традиции. Можно предположить, что подключившийся к ней спустя семнадцать лет после Куприна, Шмелев выбором имени своего героя сознательно усилил перекличку с произведением современника.

Темы обоих рассказов сходятся в одном сюжете, повествующем о служебной поездке чиновников средней руки в глухие места провинциальной России для выявления финансовых злоупотреблений. Этот «эффектный» для героя Куприна и «удобный» для персонажа Шмелева случай связан в сознании героев не только с объективной служебной надобностью («восстановить нарушенную идею справедливости и порядок» [1, 157]), но и с тайным желанием напомнить о себе начальству. Купринский Иван Петрович, и без того пребывающий под «особенным покровительством судьбы», надеялся «окончательно завоевать будущее» благодаря редкому умению «лавлировать между оглаской и правосудием». «Надо же, наконец, создать мало-мальски приличное положение и выбраться из глухой дыры!» [2, 496] – мечтал герой Шмелева, которому третий год обещали перевод в губернский город.

«Щекотливое дело» в обоих рассказах связано с анонимным доносом, раскрывающим злоупотребления на производстве. Однако внешняя канва сюжета двух произведений играет вспомогательную роль, представляя повод для пристального всматривания в облик «маленького человека». Внутренние движения, порожденные служебными хлопотами, а отнюдь не ход и результаты деловой поездки находятся в центре внимания писателей.

Честолюбивый герой Куприна, ничего не смыслящий в проверке финансовых документов, полагал, что знание людей – «громадное преимущество в руках того, кто им умеет пользоваться»: «Иван Петро-

вич слышал, что есть на свете двойная и итальянская бухгалтерия, слышал также, что слово «транспорт» пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальше его сведения по этой части не распространялись» [1, 158]. В отличие от него, податной инспектор Белкин хорошо знал свое дело. Отчетливое представление о его работе дает упоминание о проверке счетов, выявлении злоупотреблений и составлении протоколов. Профессионал и трудяга Белкин по всем пунктам противостоит выскочке и щеголю Ивану Петровичу.

«Патока» изобилует подробностями изображения крахмального производства, включающими описания заводского двора, главной конторы, рабочих, условий их труда. В то же время из рассказа Куприна нельзя заключить, о какой сфере деятельности идет речь. Можно предположить, что интерес Шмелева к подробностям работы податного инспектора носил автобиографический характер.

Прочие сюжетные составляющие рассказов Куприна и Шмелева обнаруживают поразительное сходство. Вынужденное общение с предприимчивыми хозяевами в уютной, роскошной обстановке господских домов в обоих случаях оборачивается позорным поражением проверяющих, вынужденных закрыть глаза на финансовые махинации новых хозяев жизни. И в «Негласной ревизии», и в «Патоке» это обстоятельство характеризует не так результаты служебной поездки, как внутренний мир «маленьких людей», для выражения которого Куприн и Шмелев используют схожие художественные приемы.

Мотив дороги, путешествия не только организует внешнюю канву повествования, но и задает ему тон. Длительная, утомительная поездка самым неблагоприятным образом повлияла на деловой настрой героя Куприна: «...Первые сутки дороги Иван Петрович был только справедлив, но на вторые благодаря тряске и утомлению он стал и озлоблен. Незнакомый Персюков сделался его личным врагом, подлежащим немедленному и самому жестокому распеканию» [1, 158].

Податной инспектор Белкин добрался до последнего пункта деловой поездки – «затерянному в полях паточному заводу» – совершенно разбитый дорогами, заботами, сухомыткой и тоской по дому. Новость о скарлатине и перспектива провести утомительный день на затерянном заводе вызвали грустные мысли о десяти годах «поганой» жизни и зыбких надеждах на переезд в губернский город. Тягостное впечатление от места назначения дополнял мрачный пейзаж, соотносимый с восприятием и внутренним состоянием Белкина.

Встреча героя Куприна с Персюковым и знакомство персонажа Шмелева с безымянным инженером-заводчиком дают толчок дальнейшему развитию действия, определяют расстановку сил и характер отношений между героями. Новым хозяевам жизни в обоих случаях определена роль искусителей, хитро-

стью и коварством склоняющих ревизоров к нарушению служебных обязанностей. Значение мотива встречи в «Негласной ревизии» и «Патоке» не исчерпывается фактом знакомства, психологический рисунок которого обнаруживает несомненное сходство, так что аналогия напрашивается сама собой.

Герой Куприна, приготовивший для делового свидания мину, как на лице своего генерала, оказывается быстро «сбитым с точки» напором инициативного и умного Персюкова. Предприимчивый хозяин с первых слов овладевает ситуацией, подчиняя себе и без того не очень самостоятельного героя. Намеки на встречу в Петербурге, «сладкий», но уверенный «натиск» не оставляют проверяющему ни малейшего шанса «осадить» и «обрезать»: «Иван Петрович махнул рукой и предал себя мысленно судьбе» [1, 159].

Встреча персонажей в произведении Куприна только на первый взгляд кажется неожиданной. Судя по всему, «бестия» Персюков был предупрежден о проверке и его «прогулка» на вокзал была далеко не случайной. Секретность поручения оказывается иллюзией, оттеняющей двусмысленность ситуации и грубое притворство героев. Контраст видимого и скрытого, заданный названием рассказа, оказывается доминантой художественного мира произведения.

Встреча податного инспектора с заводчиком в рассказе Шмелева состоялась при других обстоятельствах. Если лишенный всякой инициативы герой Куприна вяло и неохотно вспоминает о делах и прямо с вокзала отправляется к Персюкову передохнуть после дороги, то Белкин начинает проверку энергично и профессионально. Не случайно личное знакомство с инженером происходит в обстановке заводской лаборатории. Как и герой Куприна, инспектор Шмелева смущается встречей, интеллигентный и богатый вид хозяина его настораживает. Озадаченный знакомством, Белкин тем не менее помнит о деле, честно проверяет счета и не обольщается по поводу инженера, мысленно уличая его во лжи и притворстве. Однако трапеза в уютном доме хозяина оказывает на Белкина примерно то же действие, что и обед Ивана Петровича в обществе Персюкова и его жены. Расхождения в решении сюжетных ситуаций обусловлены характерами героев, оттеняющими главную тему произведений.

Обстановка богатого дома Персюкова, изысканные блюда и напитки «скромной трапезы» постепенно заглушали «неподкупную совесть» героя Куприна: «С каждым глотком душистой влаги Иван Петрович чувствовал, как в груди его таяло справедливое негодование и умолкали грубые перуны» [1, 161–162]. Поэтому сделка с совестью далась незадававшемуся ревизору без особых усилий. Это оказалось тем легче, что ловкий приспособленец, склонный к рисовке и подражанию, Иван Петрович не имел ни твердых принципов, ни собственной точки зрения. Супругам Персюковым без труда удалось разжечь низкие стра-

сти героя. Томные рассуждения Валентины Сергеевны в полумраке каминной о пренебрежении общественным мнением и забвении долга были восприняты героем как сигнал к действию. Отрезвление пришло вкупе с позором и горьким сознанием того, что его «околпачили»: «Чувство стыда возрастало в несчастном Иване Петровиче, принимая невыносимые размеры. [...] Он уже давно в уме решил плюнуть на всю эту дурацкую ревизию, где он держал себя таким подлым образом» [1, 170].

Неудавшаяся проверка закончилась позорным бегством героя из дома Персюковых, где горе-ревизор оставил анонимный донос, послуживший поводом к деловой поездке. Однако не так невыполненное поручение, как оскорбленное самолюбие и потеря «эффектного случая» причиняют герою страдания. «Сладость самобичевания» вылилась в нервную тираду, обращенную к жене Персюкова: «Скажите еще вашему мужу, прекрасная Клеопатра, – воскликнул он голосом, в котором дрожали сдержанные рыдания, – пусть он ежедневно благодарит создателя за то, что напал на такого пижона, как я; иначе ему пришлось бы очень плохо...» [1, 171].

Подобно тому, как это было в рассказе Куприна, ухоженный, уютный дом инженера и роскошное угощение действуют на измученного усталостью и голодом Белкина расслабляюще. Здесь тот же чай с коньяком у камина в полумраке гостиной и поражающая воображение провинциального чиновника трапеза. Даже нигилистические высказывания инженера о презрении общественных установлений могут быть сравнимы с искушающими речами Валентины Сергеевны, однако связь шмелевского героя с литературной традицией пролеживается гораздо более выразительно. Некоторые слова инженера можно расценивать как прямую отсылку к образу Базарова: «Жизнь строит всякий, кто действует. Дей-ству-ет! Га! Принципы? Чертова пропасть красивых слов! Самопожертвование, «наш меньшой брат», ничего не говорящее, пустозвонное слово – идеалы! Одежды!» [2, 505].

Как и Персюков из рассказа Куприна, шмелевский инженер для достижения своих целей не гнушается ничем, с легкостью преступая моральные нормы. Если герой «Негласной ревизии» намекал Ивану Петровичу на давнишнее знакомство в Петербурге, то персонаж «Патоки» как бы ненароком упомянул о троюродном дядюшке, чиновной шишке по фамилии Петров. «...Какой же это Петров? Два Петрова... один – вице-директор...» [2, 518] – терялся в догадках податной инспектор, но не забывал при этом отмечать неоплаченные счета и прикидывать размер штрафа.

В отличие от купринского Ивана Петровича, Белкин Шмелева – герой совсем другого плана. Ни поступаться убеждениями, ни забывать о долге он не склонен. Усталый и голодный, герой тем не менее помнит о деле, знает цену словам и заверениям хозяина. Все-

лый, непринужденный тон инженера не обманывает опытного инспектора. «Зацепило», – отмечает про себя Белкин и понимает, что может разорить.

Однако показное радушие и дружеское расположение заводчика заставляют проверяющего чувствовать себя неловко: «Белкин совсем сконфузился. Стало стыдно мелких подозрений, стало даже досадно, что так старался, помучил человека, испортил настроение, а тому как с гуся вода. Еще великодушничает» [2, 514]. «...Чертовски глупое положение...» [2, 517] – заключает разомлевший в тепле и сытости герой. Окончательно расположившись к «приятному человеку», Белкин не только делится с ним мечтой о переводе, но и, скрепя сердце, закрывает глаза на отсутствие главных счетов и даже отказывается от намерения писать протоколы. Иллюзия «приятельских» отношений рассеялась сразу по расставании, когда забывший портфель Белкин почувствовал, что его «точно вытолкнули». Обольщение сладкими речами в рассказе Шмелева разрешается художественной формулой «обсахарился», вполне соотносимой с «околпачиванием» у Куприна.

Талант бытописания, одинаково присущий обоим авторам, раскрылся в максимальной детализации предметного мира, выполняющего преимущественно характерологическую функцию. К примеру, Куприн и Шмелев не жалеют красок, живописуя съестное изобилие хозяйского обеда. В «Негласной ревизии» трапеза состояла «из жареных устриц, бульона с какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрины, дичи и замечательной толстой белой спаржи» [1, 161]. Герой Шмелева, в свою очередь, за столом успел отведать «и сардин в сбитом сливочном масле, и ветчинки, прожаренной в сметане, и нежной, нарезанной широкими пластами лососины» [2, 515]. Роскошная трапеза в первом случае завершается кофе, ликером и сигарами; во втором предваряется чаем, коньяком и дорогими сигарами.

«Домашние пенаты», – объясняет Персюков смягчающее действие атмосферы его дома на Ивана Петровича, наблюдая за реакцией героя из тени пальм. При этом обстановка хозяйской усадьбы, построенной «согласно с требованиями разумного и долговечного комфорта», напоминает убранство соснового дома шмелевского инженера. Совпадают даже такие детали, как камин, граммофон и рояль.

Помимо значимых предметов интерьера, важную характерологическую функцию в обоих произведениях выполняют ароматические образы. Запахи в «Негласной ревизии» немало способствуют позору героя, пробуждая в нем запретные плотские инстинкты. Сам Иван Петрович склонен связывать собственные душевно-телесные движения с располагающей атмосферой. «А главное – это обстановка, – рассуждает окончательно расслабившийся герой. – На дворе ни светло, ни темно [...]. В комнате пахнет так хорошо [...], немного духами, немного лаком

и деревом от рояля. Тепло, полутьма, и дремлет, и вспоминается что-то, и куда-то манит, ждешь чего-то неизвестного...» [1, 163].

Обонятельные образы сопровождают описание наиболее значимых моментов деловой поездки героя Шмелева. Грубый, «едкий» и «вязкий» запах серной кислоты на заводском дворе сменяется приятным ароматом молодой березовой рощи, расположившейся неподалеку от хозяйского жилища. Пребывание Белкина в доме инженера от начала до конца сопровождается ольфакторными впечатлениями, которые усиливаются мотивами усталости, голода и жажды свежего воздуха. Симптоматично, что обонятельные образы не просто сменяют, но подменяют друг друга, и тогда запахи, наполняющие дом, семантически почти не отличаются от «знойного дыхания» заводских помещений: «Чем-то скверным пахло в комнате. Этот-то запах и мутил. Он шел от небранного провансала с омарами, от сигары инженера, от груды окурков из пепельницы, смоченных из рюмки. [...] Запах стоял едкий, вязкий» [2, 520]. Сходно и действие томящих запахов. «Я бы на воздух...» [2, 520] – едва сдерживает отвращение шмелевский герой. Мотив свежего воздуха в рассказе выступает мерилем душевных страданий героя, в то время как негативная семантика обонятельных впечатлений отражает его моральное поражение.

В обоих рассказах ольфакторные образы, наряду с другими предметными деталями, оттеняют движение сюжета и эволюцию героев. Не последнюю роль в этом играют портретные характеристики персонажей. Выражение глаз, улыбка, интонации голоса выдают истинные намерения хозяев жизни, и только неразборчивость ревизоров, вызванная пустотой и себялюбием, с одной стороны, усталостью и ложно понятым приличием, с другой, – позволяют «бестии» Персюкову и владельцу паточного завода «окопачить» проверяющих. Так, «нежный тон» и «любезные манеры» Персюкова отличались уверенностью и определенностью, «сладкие» уговоры были одновременно очень решительны. Психологический рисунок образа довершалось впечатление от глаз героя, острое, пронизательное выражение которых резко контрастировало с заискивающим тоном и фальшивой улыбкой. Взгляд хозяина дома, брошенный мимоходом на лицо Ивана Петровича, был «внимательный, испытывающий, как у осторожного доктора, который прописал больному новую микстуру и наблюдает за ее действием» [1, 163].

Фальшивое гостеприимство заводчика из рассказа «Паток» тоже выдают «холодные» глаза и «протаскающая» улыбка, которые вкупе с излишне любезным обхождением беспокоят Белкина. «...Как приложено! Вот Лукулл...» – не ускользает от внимания инспектора. – «Он мог бы сказать иначе, но так все спуталось в усталой голове» [2, 505]. В целом плотность и точность портретных характеристик в рассказе Шмелева не уступает Купринским. Более того, анти-

теза как системный элемент поэтики распространяется и на описание внешности персонажей: «Под окном прошел кто-то в оленьей дохе. Белкин ждал, что придет [...] обсаленный, ядреный и красномордый, а тут вдруг доха и пенсне. Насторожился» [2, 501].

Сюжетно-композиционное сходство рассказов обнаруживает также сквозной мотив искушения. Соблазн в обоих случаях связан с грехом чревоугодия и сладострастия. Искушение плотью оказывается роковым для героя Куприна, ловко обманутого ласкающим взглядом, интимной улыбкой и аморальными рассуждениями госпожи Персюковой. Плотские впечатления, так подействовавшие на Ивана Петровича, в похожей ситуации Белкин переживает больше как эстетические, чем эротические. И хотя от его внимания не ускользают ни продолговатые глаза «затянутой» горничной с «остро брошенными бровями», ни игривый поворот высоких каблучков, ни голубые чулки с черными звездочками, говорить о безнравственности героя не приходится. «Славенькая», – подытоживает свои впечатления Белкин, с горечью вспоминая пропахшую жжеными перьями и мылом Лукерью. Показательно, что в обоих рассказах искушение имеет музыкальный «подтекст». В «Негласной ревизии» граммофон исполняет песню на стихи А. Н. Майкова «Ах, люби меня без размышлений», словно «реабилитирующую» недозволенные запросы человеческого тела: «Все забудь, все брось, мне весь отдайся» [1, 169]. В «Патке» граммофон навевает «сон и любовную лень» [2, 518].

Однако за схожими художественными формулами – отчетливое различие авторских голосов. Куприн далеко не всегда сочувствует своему герою, с иронией изображая свойственные ему слабости, в то время как «маленький человек» Шмелева показан писателем с большим состраданием и вниманием к его самым повседневным нуждам и потребностям. Для этих целей как нельзя лучше подходит антитеза, которая, как уже отмечалось, в «Патке» оказывается концептуальным приемом, реализующимся практически на всех уровнях художественной системы: сюжетном, композиционном, образном и идейном.

Разноплановые противопоставления сходятся уже в названии рассказа, антитетичная семантика которого оказывается шире значения слова «паток». В контексте шмелевского рассказа сладость оборачивается ядом, обходительность – вероломством: «Безобидная, на первый взгляд, патка становится символом деятельности заводчика, «обсахарившего» многие сферы жизни и совесть отдельных людей, включая и Белкина <...>» [2, 83].

На противопоставлении строятся первые впечатления податного инспектора по прибытии на место, начиная с грязно-серого домишки чайной лавки, унылой деревеньки с «засолоненными» окнами и черного, «всхлипывающего» нутра паточного завода, заканчивая зеркальными окнами «ро-

зового дома» инженера. Социальный контраст находит продолжение в пейзаже: грязный снег станции и залитый патокой из лопнувших бочек на заводском дворе разительно отличаются от чистого, «похрустывающего» снежного покрова у господского жилья. Добротная обстановка усадьбы заводчика с молодой «затянутой» горничной Дарой так контрастировали с обтрепанной мебелью квартиры Белкина и «мазаной» прислужкой Лукерьей, что герой невольно завидовал: «...Как живет!» [2, 516].

Концептуальный смысл в художественном пространстве шмелевского рассказа имеет антитетическая семантика понятия «дело». Не случайно в разных вариациях «дело» в произведении возникает одиннадцать раз. Функциональная нагрузка указанного понятия служит сравнительной характеристике главных героев рассказа, создавая напряжение смысловых полюсов художественного пространства, своеобразный «семантический фон» (В. В. Виноградов) произведения. Для добросовестного Белкина дело связано с неукоснительным исполнением служебного долга, тогда как откровения о деле владельца крахмального предприятия обнажают его хищническую природу: «Иди, обламывай, выводи в форму! Спячка – буди, упорство – крути, накладывая узду! Пищит, хрюкает – никаких! <...> Качай, а там жизнь найдет равновесие» [2, 506].

Особый смысл в контексте обоих рассказов приобретают антитетические мотивы встречи и расставания. Роль последнего значительно вырастает в соотношении его с «парным» мотивом встречи, тяготея к семантической многозначности и символичности. Идейно-художественная нагруженность указанных мотивов особенно важна для постижения характеров главных героев. Обстоятельства прощания Ивана Петровича с женой Персюкова представляют собой позорное бегство униженного и опозоренного неудачника. Однако драматическая, на первый взгляд, ситуация превращается в лицемерный и непристойный фарс, когда герои снимают «маски». Важно отметить, что на протяжении рассказа Иван Петрович не эволюционирует. Его деградация кажущаяся, финал рассказа только обнажает действительную сущность героя, в «сладо-самобичевания» дошедшего до удивительно честной самооценки: «пижон». В то же время переживания податного инспектора из рассказа Шмелева, сложно и разнообразно представленные, оттеняют душевную драму героя.

Скрытый смысл мотива расставания в «Патке» особенно явно раскрывает образ-символ метели, соединяющий реалистический и нереалистический планы повествования. При этом движение сюжета в сторону бытийно-символического содержания не противоречит социальному контексту произведения. Здесь одинаково важен и конкретный природный, и метафорический смысл: «Жмурил глаза и как будто со стороны видел, как ползут в огромных полях

маленькие сани, маленькая, как муха, лошаденка, маленький-маленький, как головка обожженной спички, Михей, а кругом крутится, и сыплет, и гонит неведомо куда. Вот-вот накроет. Прыгает по полям на мягких лапах огромный неведомый зверь в черноте. Убежал. И опять близится» [2, 528].

В рассказе Шмелева социально-конкретная, житейски мотивированная обстановка ревизии связана с символически-метафорическим планом повествования, в контексте которого незначительная в сущности неудача податного инспектора может быть осмыслена как трагедийность «"человека вообще" [...] в "мире вообще" [...]» [4, 54]. Закономерно, что концептуальную роль в художественном пространстве произведения играет мотив смерти и семантически близкие ему мотивы сна и усталости.

Рассказ начинается упоминанием о смерти от скарлатины сына владельца чайной лавки. На заводе выяснилось, что ядовитые испарения и бесконтрольное потребление вредной глюкозы за восемь лет унесли жизни более десяти рабочих. Слова сторожа об умирающей дочери начальника станции замыкают рассказ.

Измученный бессонными ночами, полуголодный герой Шмелева на протяжении всего повествования оказывается погруженным в странно-сомнамбулическое состояние сродни сну или смерти. Не случайно метельные эпизоды сопровождают спутанному сознанию податного инспектора. Предельная усталость провоцирует расстройство восприятия, когда реальность приобретает фантастические формы, привычные действия даются с трудом и совершаются почти автоматически: «У Белкина качнуло перед глазами. Он провел по лицу и пришел в себя. Нет, ничего. Инженер курит и говорит про какую-то глюкозу. Сидел и слушал, стараясь не закрывать глаз, и глядел в лампочки. Чуть шевелились они, пускали усики и расплывались в пятна. А в ушах постукивали шарики, кокали и откатывались» [2, 519].

Образ-символ костяных шариков как вариация универсального культурного знака, связанного со смертью, находится в тесном взаимодействии с мотивами сна и усталости. Так, измученному инспектору слова инженера казались «крепкими костяными шариками: подкатывали к уху, щелкали, отскакивали с сухим треском» [2, 508]. На память пришел и заводской рабочий, у которого «точно все перетряхивалось внутри, как камешки» [2, 509]. Сам процесс приготовления глюкозы из картофельного крахмала в восприятии Белкина явно мистифицирован: «В этой всхлипывающей, гулкой и знойной полутьме металась тень с пятнами голых грудей, шнурки крестов – не мог разобрать Белкин. Метались, терлись вокруг урчащих баллонов, засматривались в мертвые их глаза» [2, 522].

Сон как природная реакция на многодневное перенапряжение физических сил в рассказе Шмеле-

ва приобретает дополнительную семантику «сна совести». Проницательный и добросовестный податный инспектор подавляет чувство долга не только в угоду «приятельским отношениям», но и с оглядкой на чиновную шишку Петрова. Там, где в рассказе Куприна щегольство, эгоизм, рисовка и лень, у Шмелева – муки совести от неисполненного долга и новый для повествования о «маленьком человеке» «омут бытия» (В. В. Полонский).

Спустя пять лет после «Гражданина Уклекина» (1907) в «Паток» обнаруживаются те же новые подходы к представлению картины мира и судьбы героя, что и в известном рассказе. «Дело в принципиально новом качестве реальности, окружающей, «обуревающей» и «предопределяющей» героя, той самой реальности, от которой прежних «маленьких людей» русской литературы оберегали шинели и футляры» [4, 53], – пишет о «Гражданине Уклекине» В. В. Полонский. Осмелимся утверждать, что в «Паток» за социальными смыслами тоже просматривается «коренной надлом самого бытия, обличенный в образ активной и хищной стихии» [4, 53].

И у Шмелева, и у Куприна традиция изображения «маленького человека» подверглась трансформации, конкретизируясь в акте творческого самоопределения. В целом разнонаправленные, изменения временами приводили к похожим результатам. Литературные типы «маленьких людей» в творчестве обоих авторов обрели новые качества. Так, к некоторым из них применимо определение «мечтатель», иногда с оттенком босячества, знакомого по произведениям М. Горького (к примеру, Левонтий Бузыга («Конокрады», 1903) и Дмитрий Уклекин («Гражданин Уклекин», 1908)).

Результаты художественных поисков писателей были подхвачены символистами, в творчестве которых «маленький человек» изменился до неузнаваемости (А. Белый, Ф. Сологуб). Легендарный литературный образ не потерял своей актуальности и в искусстве нового времени.

Тип купринского Ивана Петровича вполне мог эволюционировать в деспота, пользоваться неограниченной властью и не без удовольствия попирает права подчиненных. Вариацию такого рода представляет собой образ следователя госбезопасности Льва Федосеевича Опрядкина из романа Г. Н. Владимова «Генерал и его армия» (1994). Герой-литературовед по прозвищу «писучая жилка» безошибочно распознает в старшем лейтенанте «маленького человека», который воспользовался самым примитивным из всех предоставленных ему прав: «быть тираном».

Большой тиран «маленький человек» Иван Кузьмич Каблуков, герой романа Т. Н. Толстой «Кысь» (2000). Здесь память жанра взывает не только к утопии и антиутопии, но и к истокам натуральной школы и ее знаковому произведению. Главный герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1842) Акакий Акакиевич Башмачкин слабо, но все же различим в «синтетической» аллюзии Каблукове. Зато в художнике Тетелине из романа В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) черты классического образа воспроизводятся почти «дословно». Твидовые брюки как предел желаний маленького (читай мелкого) человека в полном согласии с классической традицией привели его к гибели. Духовная нищета «маленького человека» нового времени очевидна для героя-повествователя: «Как тип Акакий для нас лишь предтип и классики XIX века рановато поставили на человечке точку, не угадав динамики его подражательного развития [...]. Мелкость желаний обернулась на историческом выходе мелкостью души» [5, 63].

Таким образом, литературные типы «маленьких людей» в творчестве Шмелева и Куприна хотя и обрели новые качества, в целом органично отражали этапы и логику развития темы в русской литературе. Развивая реалистический потенциал образа, прозаики опирались на традиции Пушкина, Гоголя и Достоевского. Чеховская линия известной темы воплощалась в героях, склонных к душевному оскудению и сделкам с совестью. Новый тип «маленького человека» был началом движения к обновлению традиционного реализма и формированию новых канонов литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприн И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Куприн. – М.: Худож. лит., 1957. – Т. 1. – 590 с.
2. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 12 т. / И. С. Шмелев. – Сибирская Благозвонница, 2008. – Т. 2. – 637 с.
3. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. – 344 с.
4. Полонский В. В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева / В. В. Полонский. – Наследие И. С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Материалы Международных научных Шмелевских чтений. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 51–57.
5. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. – М.: Вагриус, 2003. – 269 с.

Московский городской психолого-педагогический университет (МГППУ)

Дзыга Я. О., доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций
E-mail: disava@yandex.ru

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Dzuga Y. O., Doctor of Philology, Professor of the Linguodidactics and Crosscultural Communications Department
E-mail: disava@yandex.ru

НОВАЯ НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ ОБ ИДИОСТИЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА

(Леденева В. В. Слово Лескова: монография / В. В. Леденева. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.)

Б. С. Дыханова, С. И. Доброва

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется монография профессора В. В. Леденовой «Слово Лескова», явившаяся результатом исследования эпистолярного наследия писателя последнего периода его творческой деятельности как целостного сверхтекста, по-своему характеризующего языковую личность адресанта и его мировосприятие.

Ключевые слова: слово Лескова, эпистолярный, идиостиль, авторская рефлексия.

Abstract: the article analyzes Professor Ledenyeva's the monograph «Leskov's Word», exploring the writer's heritage of the latest period of his creativity presenting a supertext. This supertext has its own ways of featuring the addresser's linguistic identity and their world perception.

Key-words: Leskov's word, individual style, author's reflection.

Новая публикация известного филолога, исследователя лесковского идиостиля В. В. Леденовой объединяет и итожит многолетние исследования автора, рассматривающего слово Лескова как «реализованную единицу идиолекта» – конкретный лексико-семантический вариант, не только представляющий фрагмент картины окружающей реальности, но и являющийся транслятором авторской рефлексии.

Актуальность и новизна научного труда определяются означенным ракурсом, позволяющим обнаружить в лесковском идиостиле широкий круг всевозможных ассоциаций, следы культурной памяти, наличие пресуппозиций – все то, что до поры оставалось за пределами научного восприятия лесковского эпистолярия. Не последнюю роль в успешной реализации поставленных автором монографии целей играет выбор материала исследования, обращение к эпистолярному наследию писателя последнего периода его творческой деятельности как к целостному сверхтексту, по-своему характеризующему языковую личность адресанта и его мировосприятие.

Эпистолярный – жанр, отличный от художественной прозы: коммуникативные цели письма, фактографическая основа, особенности личности адресанта и его мировидения, учитываемые адресантом, во многом определяют специфику словесных комбинаций и ментальных проявлений языковой личности последнего. Результаты исследования, опирающегося на комплексную методику анализа, диахронный и синхронный подходы к изучению материала, лингвистические наблюдения и описание, лексико-

графический, стилистический, сравнительно-сопоставительный, интегральный методы, статистический подсчет и т. д., предопределяют научную обоснованность выводов исследователя, их достоверность и значительно обогащают теорию лесковского идиостиля, по-своему выявляя базовые основы и уникальную самобытность Лескова.

Общая концепция рецензируемого труда осуществляется в его композиции и в логических сращениях частей, в содержании и последовательности рассмотрения сопрягаемых между собой конкретных единиц узуса и в совокупности репрезентантов концептосферы лесковского идиостиля. Так, в первой главе «Н. С. Лесков – писатель поистине русский» отобранные для аналитического освоения лексические единицы – *Россия, русский, язык, слово* – выступают как идеологемы, подтверждающие глубокую связь писательского кредо с народным мировосприятием и в то же время демонстрирующие базовые компоненты современной Лескову общественной жизни в разных ракурсах и их ценностном содержании.

Контекстуальные связи в рамках реконструированного сверхтекста, способствующие возникновению новых коннотативных смыслов, высвечивают подчас неожиданные нюансы, которые свидетельствуют о могучей творческой силе и неординарности языковой личности писателя, спонтанно проявляясь во внехудожественной плоскости письма.

Укорененность лесковского слова в национальном языке улавливается исследователем в особенностях авторской интенции, в богатстве смысловых оттенков, в связях с контекстом, определяемых острым ощущением Лесковым роли взаимодействия слов в тексте. Тонкий и точный анализ лексемы *язык*,

предпринятый В. В. Леденевой, выявляет особенности лесковского словоупотребления в связи со специфическим отношением писателя к социуму. «Люди – предмет его писательских и человеческих интересов, – замечает исследователь, – особое «измерение», которое подвергалось исследованию и описывалось. И потому наиболее часто использовано слово *язык* в связи с трансляцией идеи коммуникации, в том числе творческой, а также при упоминании способностей человека к общению с помощью речи» (с. 29).

Попытка обрисовать портрет лексической единицы русского языка – *слова* – в идиолексиконе Лескова приводит к существенным выводам об особенностях лесковского восприятия национального языка, когда слово адресата функционирует как «активный и равнодушный спутник человека», «приобретает статус артефакта» в виду его «творимости» и ценится «за способность дать поддержку, принести разъяснение, примирить, помочь утвердиться в мысли» (с. 38), для адресанта характерно «представление о необезличенности *слова*, его предназначенности человеку, людям» (с. 39).

Эти наблюдения и основанные на них умозаключения позволяют автору монографии выявить еще одно звено в социальном пространстве эпистолярных текстов Лескова. Зарегистрированное в 74 употреблениях слово *человек*, по словам В. В. Леденевой, отчетливо репрезентируется в его отношении к обществу, оставаясь в этом аспекте предметом пристального внимания писателя на протяжении всей его творческой жизни.

Особенности видения человека в письмах Лескова раскрываются, как демонстрирует исследователь, в разных лексических и синтаксических ипостасях и в самом соотношении понятий «человек» – «люди», «я» – «люди».

Уникальная способность Лескова-художника к формированию писательского языка на основе вхождения в «плоть» национального мышления, благодаря аналитическому освоению лесковского идиостиля в эпистолярном жанре писателя, оказывается отличительной чертой стилистики Лескова-публициста: в письмах адресанта отчетливо проявляется та же органическая общность с русским миром, соотечественниками, современным социумом, что и в прозе писателя. Об этом наглядно свидетельствует вторая глава монографии «Вехи ментального и духовного пространства эпистолярных текстов Н. С. Лескова».

В скрупулезном анализе конгломерата лексем, воплощающих воззрения адресанта на разные религиозные системы, отношение к вере и церкви, ментальным и духовно-нравственным категориям («добро», «долг», «совесть», «честь», «свобода»), высвечиваются неожиданные факты: например, низкая частотность словоупотребления лексем с корнем

бог- и «осердеченное», очень субъективное отношение Лескова-христианина к содержанию и смыслу бытия, к жизни и смерти свидетельствуют о нешаблонности, глубине и самобытности воззрений писателя на сущность божественной воли, по Лескову, ограничивающей возможности человека в постижении таинства бытия.

В свете этих фактов Лесков «предстает ратующим за *живую* веру как добро для человека, прилагая силы к самопознанию и самосовершенствованию. *Бог*, по Н. С. Лескову, должен быть рядом с человеком, и постоянное обращение к этому имени (благодаря использованию фразеологизмов), столь характерное для русской разговорно-бытовой речи, – заключает автор монографии, – оказывается органично присущим идиостилю писателя» (с. 57).

Работая с лесковскими письмами, В. В. Леденева не просто констатирует наличие тех или иных фактов и реконструирует их собственный смысл, но предлагает новые версии наблюдаемых языковых явлений. Так, на наш взгляд, исключительно плодотворным является анализ объединенных в один смысловой ряд лексемы *вера* с однокоренными словами *ересь*, *еретик* и *ересиарх*, в общепринятом понимании противоположными по значению и восходящими к шутливой подписи Лескова – «Ваш смиренный ересиарх Николай» (А. С. Суворину) и «Смиренный Николай-ересиарх» (А. Н. Пешковой-Толиверовой). В поисках ответа на вопрос, ощущал ли сам Лесков, что «размышления, «борения», его поиски «попов великих» могут быть названы «ересью» (с. 64), В. В. Леденева, обращаясь к лингвистическому плану, анализирует возникающие в контексте коннотации указанных лексем, их реализованные в текстах писем лексико-семантические варианты и приходит к обоснованному выводу о том, что для писателя *ересь* выступает как «проявление чьей-либо позиции, отстаиваемой в качестве «своей правды» (с. 67), а значит, находится в том же концептуальном поле, что и, казалось бы, противоположные понятия «вера, Бог», воплощая позитивную идею духовного поиска, неочевидную в содержании смыслового объема понятия «ересь».

Столь же точно и тонко интерпретируется исследователем и лесковская подпись «смиренный ересиарх», которая представляет собой словосочетание оксюморонного типа, отражающее тонкую игру смыслов. Контекстуальное окружение характеризуется оценочным употреблением единиц предикатной лексики (духовный, свободомысленный, умный христианин и др.), религиозно-нравственной мотивацией – «ради искания веры Христовой», указывающее на тип интенции. Выявляемая В. В. Леденевой самобытность понимания Лесковым *русского еретика* как христианина, заботящегося о душе своей, проясняет, казалось бы, вдоль и поперек из-

ученную проблему сущности художественных образов лесковских праведников, непохожих на канонические житейские образы, обретающих истину не в отвлеченном умствования, а в непосредственном житейском опыте греховного повседневного быта.

Но, кроме всего прочего, «смиранный ересиарх» дает основания для постановки исследователем продуктивных вопросов: «чем укрощен, что в себе признал проявлением гордыни, с чем примирился так отрекомендовавший себя адресант» (с. 74). Учитывая тонкую игру смыслов в оксюморе и словарные значения слов *смирение* и *ересь*, В. В. Леденева уточняет мировоззренческие постулаты жизненного и творческого кредо «волшебника слова», особенности его религиозных и нравственных воззрений.

Новые повороты исследовательской мысли демонстрирует третья глава «Творческая деятельность в оценке словом Н. С. Лескова», в которой первичным материалом анализа становится, как и в предыдущих частях, слово, употребляемое в эпистолярном контексте. Слова, терминологически обозначающие писательскую деятельность (*писатель, читатель, творческий труд (работа)*), в идиолекте писателя оказываются связаны со спецификой его *писания* с тщательной отделкой творений, с теми требованиями, которые художник предъявлял к своей «работе». Автор монографии подтверждает выводы разносторонним рассмотрением указанных лексем, выявляя приоритеты в выборе средств характеристики, ассоциативные планы и т. п. Высвечивая в многоаспектном анализе такие ракурсы, как представление адресанта о сущности писательского труда, обратных связях между писательством и его «потребителем» – читателем, читательским восприятием собственных творений, требования, предъявляемые создателем к своей *работе*, автор монографии существенно обогащает современные представления о специфике лесковского профессионализма.

Так, резюмирует свои наблюдения исследователь, *писательство* в эпистолярной Лескова сопрягается со словом *писание* как особая номинация творческого труда, подчеркивающая его процессуальность, как занятие, осуществляемое в определенных формах. А «конкорданс слова *писатель*, – замечает В. В. Леденева, – позволяет судить о ценности для Н. С. Лескова дела литератора, о некоторых качествах личности, называемой этим агентивом, которые он считал атрибутом писательского знания, о реалистической, критической оценке коллег, т. е. о прагматике данной единицы идиолекта» (с. 127).

Что же касается лексики *читатель*, то исследование показало, как именно адресант представляет себе его обобщенный «портрет», лишенный индивидуальных признаков, но обязательно «освоенный сочинениями автора», опубликованными ранее.

Особый аспект анализа «Лесков – читатель Лескова» позволяет установить специфику еще одной ипостаси творца – критика и редактора собственных творений, о чем еще никто не писал.

Семантическая окраска слова *художник* в письмах Лескова, выявляемая анализом соответствующего словоупотребления, в определенной мере проясняет специфику образов художников (*артистов*) в произведениях Лескова, в частности, то обстоятельство, что не только изографы, живописцы, люди искусства, но и бытовые фигуры (парикмахер, штопальщик, торговка кружевом) входят в разряд одаренных талантом и творческими способностями, высокой мерой проявления таланта, в чем бы тот ни воплощался.

Поведение, жизнь слов в сверхтексте адресанта – в центре внимания исследователя в четвертой главе монографии «Сила коннотации, или жизнь слов в контекстах Н. С. Лескова», в новом ракурсе отсылающей к стержневой задаче выяснения особенностей языковой личности автора. Сопрягая полисемант «ангел», его первичные значения с эвфемистическим, ассоциативным смыслом лесковского контекста, автор монографии углубляет научные представления о языковых «фокусах» писателя, игре слов и игре словом, о способах интимизации текста и системе ориентиров в поле доверительного общения с адресатами.

Здесь в очередной раз демонстрируется исключительная способность Лескова-стилиста к использованию семантического потенциала слова, включающего не только память предшествующих употреблений, но и его связь с реалиями современной писателю жизни: *ангел – голубой – небесный – жандарм – падший*.

Акцентируя составляющие понятие «семья» лексические единицы (родители, мать, отец), исследователь, следуя логике писательской интенции, выходит к экзистенциальному плану взаимодействия идиолектов с сакральными смыслами (Бог, создатель, Творец, жизнь, смерть), что позволяет соединить все понятия в единый смысловой комплекс. «Жизнь для русского менталитета имеет высокую ценность как дар Отца Небесного, – заключает В. В. Леденева. – Слова *мать, отец, родители* – единицы ЛСГ «Семья», которые квалифицируют человека по отношениям родства, – имеют ценностный компонент и в контекстах Н. С. Лескова демонстрируют его в актуальных коннотативных значениях» (с. 165). Насколько важны эти умозаключения для понимания Лескова-художника, может свидетельствовать один из прозаических шедевров писателя – рассказ «Грабеж», где семейные связи не только охватывают кровных родственников, но и распространяются на отношения, включающие «своих» – и орловских, и елецких, и вообще все социальные слои снизу доверху.

В заключительной пятой главе монографии «Ономастическая составляющая идиолекта Н. С. Лескова» центром внимания исследователя становятся значимые для адресанта и прецедентные для русской культуры имена собственные. В связи с этим анализируются функции антропонимов *Пушкин*, *Лермонтов*, *Фет*, оценочные предикаты, ставшие прозвищами. И здесь мы обнаруживаем свежесть взгляда и результативность подхода автора монографии, существенно обогащающего представления об отношении Лескова к гениальным творцам: в наблюдениях над функционированием указанных имен обнаруживается множество фактов для характеристики лесковских прагматических установок и авторских интенций. Цитаты, крылатые слова, обобщающие имена, реминисценции свидетельствуют о тонкой связи пушкинского слова в его образном наполнении с менталитетом и художественным сознанием Лескова, а тютчевские строки, органично «вплавленные» писателем в контекст, часто служат косвенной характеристикой внутреннего мира собственных персонажей.

Не менее интересны наблюдения и выводы относительно духовной близости Лескову Лермонтова. Диалог Лескова с любимым поэтом основывается на общности социальных ожиданий и нравственных оценок, взглядов на собственное и новое поколения,

на ожидании пришествия свежих, здоровых общественных сил.

Неточное цитирование общеизвестных строк Фета, свободное обращение Лескова с его текстом оценивается исследователем как проявление важных интенций, проявляющихся в качестве констант идиостиля, конкретных прагматических установок, выявляемых в контексте, в коннотациях, ассоциациях в связи с фоновыми знаниями писателя о творческой биографии Фета и его творческим кредо с главенствующими концептами «красота» и «любовь» (с. 230).

Подытоживая сказанное, В. В. Леденева возвращается к языковому новаторству Лескова, присущему не только его художественным и публицистическим, но и эпистолярным текстам, столь же располагающим к диалогу и соразмышлению, а сформулированные в каждом разделе монографии теоретические положения инициируют продолжение предпринятой автором работы, в одинаковой мере полезной и лингвистам, и литературоведам, изучающим словесные формы, жанры русской словесности и конкретные смыслы, в них заключенные, пробуждающим заложенную в них таинственную энергию, пытающимся раскрыть содержательную сущность словесных формул. За что наша благодарность автору научного труда.

Воронежский государственный педагогический университет

Дыханова Б. С., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: vspihist@rambler.ru

Доброва С. И., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: vspihist@rambler.ru

Voronezh State Pedagogical University

Dykhanova B. S., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: vspihist@rambler.ru

Dobrova S. I., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Theory, History and Methods of the Russian Language and Literature Teaching Department

E-mail: vspihist@rambler.ru

ПОЭТ И РОДИНА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Д. Л. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена теме отношений поэта и родины в творчестве О.Э. Мандельштама. Несмотря на то, что поэт редко использовал саму номинацию «родина», в его поэтическом творчестве явно обнаруживается сюжет непростых отношений со своей страной. В поэзии это находит отражение в трансформации важных образных оппозиций «центр – периферия», «день – ночь», ценностной переориентации.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, поэзия О. Э. Мандельштама, тема родины, поэзия русского модернизма.

Abstract: the article considers the relationships between a poet and his Motherland in Mandelstam's works. In spite of the fact that the poet used the word "Motherland" very rarely, the plot of his intricate relationships with his native country is evidently revealed in Mandelstam's works. In the Mandelstam's poetry the plot is reflected in the transformation of the important oppositions center-periphery and day-night, and the value re-orientation.

Key-words: O. E. Mandelstam, Mandelstam's poetry, theme of Motherland, poetry of Russian modernism.

Что теперь ходим круг-да-около
На своём поле, как подпольщики?
А. Башлачёв

Поэзия Осипа Мандельштама, несмотря на уже сложившуюся исследовательскую традицию представляется одной из загадок русской литературы, сам поэт – известный узкому кругу современников – кажется воплощением самой поэзии, лёгкой и неуловимой. Общим местом в исследованиях, посвящённых поэзии О. Э. Мандельштама, стала мысль об ассоциативности его поэзии, «формировании в лирике способов романного мышления» [1, 62], есть мнение, что она «расшифровке на языке логики не поддаётся» [2, 129], на что было указано в уже ставших классическими работах по поэтике Мандельштама.

В то же время некоторые «зияния» в содержании произведений поэта, указывают на явно эксплицируемые смыслы в контексте всего его творчества и в контексте истории русской поэзии. Интересно, что Осип Мандельштам один из немногих, кто после себя не оставляет лирического сюжета о родине, темы, которая казалась не просто актуальной, но невозможной для умолчания. И вот в то время, когда Ходасевич хочет «с собой свою Россию / В дорожном уносить мешке», Цветаева, как будто «никуда не уехавшая», слышит от Чужбины-родины «вернись» – Мандельштам молчит.

Бесспорно, Россия является героиней лирики Мандельштама, чему подтверждение «Петербург-

ские строфы», посвящённые Н. Гумилёву, «Заснула чернь...», в этих стихах Россия «чудовищна», «тяжела», Россия связана в стихах Мандельштама с бунтом, путаницей («Декабрист», «Когда октябрьский нам готовил временщик»), в оппозиции к России часто находятся небо, природа, море (а в последних стихах Кама), столь значимое для Мандельштама, и юг вообще, прежде всего Крым, а потом и Закавказье («Не веря воскресенья чуду...», стихи Армении и пр.). Пожалуй, единственным стихотворением, выбивающимся из этого ряда, является небольшой текст 1914 года – «В белом раю лежит богатырь...», которое в равной степени может считаться продолжением традиций В. Жуковского и А. Блока. Есть также небольшой отрывок «Какая вещь Кассандра...», в нём поэтические нотки Блока чувствуются ещё сильнее.

Номинация «родина» в лирике Мандельштама почти не встречается, при этом необходимо отметить, что редко этим словом обозначается родина поэта, Россия. Единственное стихотворение, написанное мотивами и образами Некрасова, ранее, 1906 года, – «Тянется лесом дороженька пыльная».

Такое отношение с родиной, безусловно, объясняется многими причинами, на которые не однажды указывали исследователи творчества поэта: М. Л. Гаспаров отмечает, что «оторвавшийся от домашнего мещанского уклада своего детства и юности, оказавшийся в беспочвенной богемной среде, Мандельштам чувствовал себя в современности изгоем»

[3, 333], после присвоения культуры государством поэт двинулся к новой культуре, не оглядываясь назад, а там и не ждали. Более того, поэт, по его словам, воспринимал окружающий его мир, земные координаты иначе, нежели другие поэты: «Все города русские смешались в моей памяти и слились в один большой небывалый город с вечно санным путем, где Крестьянин выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект. Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, люблю его, словно в нем родился, никогда из него не выезжал» [4, 23]. Совершенно прав был А. Блок, сказав о Мандельштаме: «Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в областях искусства только» [5, 173]. Эта мысль позже часто встречается в работах о творчестве Мандельштама. Отметим лишь, что географическое пространство России, действительно, очень редко появляется в текстах поэта, как в поэтических, так и в прозаических и эпистолярных. Характерно, что в письмах Мандельштама почти не встречаются описания местности или природы, его очерки Москвы и Петербурга сращены с бытовыми координатами, прагматикой жизни («Шуба», «Сухаревка»), исключением служит только экзотика Крыма и Закавказья. Россия Мандельштама всегда имеет оттенок враждебности, Мандельштам-очеркист выбирает материал, который, в противоположность идущей к тоталитарному оптимизму культуре, раскрывает тёмную сторону страны: «Люблю банки – эти зверинцы менял, где бухгалтеры сидят за решеткой, как опасные звери... Меня радует крепкая обувь горожан и то, что у мужчин серые английские рубашки, и грудь красноармейца просвечивает, как рентгеном, малиновыми ребрами» [4, 29]. Или: «Но русские базары, как Сухаревка, особенно жестоки и печальны в своем свирепом многолюдстве» [4, 33]. Поэту не так интересна конкретная «земная» Россия, он живёт в иных, культурных, координатах, в поэзии это выражается постоянным смешением географических координат: Москва – Флоренция, Рим на берегу Невы и пр. Его сознание привязано к конкретным местам, географическое представление поэта предельно детально, и каждая деталь имеет своё эстетическое содержание, это объясняет, почему в стихах Мандельштама так редко встречается Россия вообще, персонализированная страна, что нередко можно встретить у предшественников и современников поэта, он живёт в окружении культурных артефактов, культурных памятников, которые несут на себе печать времени, истории, искусства. Это и есть свобода Мандельштама от обстоятельств: «Душу от внешних условий / Освободить я умею...». «Неизменная отчизна» Мандельштама – это даже не мистическое «ad realiora» символистов, это постоянное переживание себя в культуре и культуры в себе, именно из этого чувства возникают пространственные коор-

динаты поэзии Мандельштама – Царское Село, Айя-София, Успенский собор, Исакий, соборы Москвы и др. Это всё координаты не «местного» мира, не напрасно Мандельштам подчёркивает: «Нет, никогда ничей я не был современник...», «С миром державным я был лишь ребячески связан...» и др.

В действительности это было очень нехарактерно для русского поэта: на фоне Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина молчать о «крае родном»... Но это совершенно не означает, что Мандельштам не определяет своих отношений со страной, землёй, об этом не раз говорилось относительно стихов о Петербурге, Воронеже и др. Но осмелимся предположить также, что это не банальное отрицание враждебного культуре государства или пренебрежение к неустроенному пространству, в этом есть совершенно определённое акцентирование важной для поэта «изгоя» мысли – мысли, лёгшей в основание более поздних поэтических опытов поэтов, живших на той же земле, что и Мандельштам. Осмелимся предположить, что это одно из тех «опущенных звеньев» в творчестве Мандельштама, о которых упоминает Э. Герштейн, но из этих «звеньев» и рождается новая поэзия.

В поздней лирике поэта намечается оппозиция центра (прежде всего, Ленинград и Москва) и периферии (юг, Сибирь), при этом ценностным является второй компонент.

В стихотворении 1931 года «За гремучую доblesть грядущих веков...» поэт совершенно по-новому оценивает образ не новый в русской литературе: Сибирь из места ссылки и локуса авантюры превращается в убежище, в этом стихотворении оппозиция центр-периферия проявляется наиболее ярко:

*...Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе...*

Также появляется и по-новому осмысленная оппозиция «ночь – день»: «Уведи меня в ночь, где течёт Енисей...». «Заря», «прозрение», «юность» молодой Советской России для поэта не является ценностным, зато ночь приобретает особые характеристики: «Чтоб сияли всю ночь голубые песцы», «сосна до звезды достаёт». При этом ночь не связана ни с образами сна, ни с образами печали, томления, вообще освобождаясь от темпоральных характеристик, становится особым локусом гармонии, лишённой текучести и изменения. Для поэзии симптоматичен такой выбор: ценностная инверсия – один из центральных приёмов современной поэзии и шире культуры, в этом можно видеть попытки обрести свою – автономную – территорию.

Следует отметить также и то, что оппозиция «центр-периферия» в данном случае имеет и культурную коннотацию: отсылая к стихотворению

Блока, Мандельштам отрекается от блоковского поэтизма, полностью отдаваясь простору берегов Енисея. Это стремление может быть связано с порывом к новой культуре, не тронутой советской государственностью, или же может быть отречением от культурного, «былого» в принципе, желание чистого листа.

Последнее подтверждено тем, что в поздней лирике Мандельштама явно намечается переоценка культурных ценностей, это связано с мотивом искажения культурного текста:

*Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуёй из влажных
глаз?*

И в наказание за гордыню, неисправимый звуколюб,

*Получишь уксусную губку ты для изменнических губ.
Не искушай чужих наречий, но постарайся не забыть...*

Поэт ощущает себя изменником, поддавшимся материальному миру, он всё реже находит в себе силы освободиться от «внешних условий». В сознании лирического героя можно наблюдать процесс деконструкции литературы, рушится последняя обитель, в которую можно было бежать, поэт остаётся один на один со страшным миром, у которого нет больше прошлого и нет будущего:

*Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...
О, Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти — как лазурь черна!*

*Где первородство? Где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? Где горькая укрادка?
Где ясный стан? Где прямизна речей...*

М. Л. Гаспаров подчёркивает важность трагических настроений поэта в последний период его творчества: «Все это не только стилистика – это мироощущение. Мандельштам последних лет разрывается между волей к жизни и волей к смерти» [3, 365], с пространством смерти в лирике 30-х годов связано пространство родины (этот мотив можно обнаружить и раньше, например, в стихах об умирающем Петрополе 1918 г.), которое связано с пространством несвободы, появляющимся в поэзии Мандельштама ещё в 20-е годы в виде «кандалов цепочек дверных».

Мандельштам со временем уходит от традиционных «спасительных» образов «храма» («О, этот воздух смутой пьяный»), сохранения традиций («1 января 1924»), к тридцатым годам он перестаёт верить в эфемерность происходящего в России, на что, безусловно, была надежда («Когда октябрьский нам готовил временщик», «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи») и пр.

Образ смерти без надежды на воскрешение становится одним из центральных в поэзии Мандельштама этого времени:

*Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу...
... Шасть к порогу – куда там! – В плечо
Уцепилась и тащит назад...
– Ничего, хорошо, хороша!
Я и сам ведь такой же, кума.
Я с дымящей лучиной вхожу*

*Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу...*

С образом смерти тесно связаны и образ родины, превращающейся в призрака (Холодная весна. Голодный Старый Крым...), и мотив неуют: «Мне с каждым днём дышать всё тяжелее...», окружающее поэта пространство становится зловещим:

*И вместо ключа Иппокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.*

В воронежских стихах поэт также часто обращается к танатологическим образам, сам Воронеж становится демоном поэта, он чужд Мандельштаму: «Ключик от чужой квартиры», «У чужих людей мне плохо спится», о негативной смысловой нагрузке образа квартиры, появляющегося в поздней поэзии, уже писала М. В. Медвидь [6]. Этим чувством, видимо, вызван и иронический стишок о яме Мандельштама.

Хотя после возвращения из Тамбова, где отдыхал, он перенёс очень тяжело, в письмах Мандельштам совершенно по-иному приветствует недавно покинутый им город: «Радуюсь Воронежу, как родному» [4, 537].

Воронеж для поэта одновременно и место заточения, и место спасения через приобщение к земле. «Место заточения – это прежде всего город, он крут и крив, гора и яма: «и переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чуланы...» Место приобщения – черноземное поле, рабочая земля, жирный пласт, «комочки влажные моей земли и воли» [3, 362–363].

Но такая амбивалентность не становится спасительной в мире поэта, пространство несвободы – смерти – родины оказывается единым, поэтому в лирике последних лет усиливаются мотивы дороги и побега. Поиск места для побега становится одним из важнейших мотивов поздней лирики Мандельштама: «Чтобы нам уехать на вокзал, Где бы нас никто не отыскал», в ранней лирике этот мотив имел положительное значение, перекликающееся с пушкинской обителью трудов и чистых нег, например «Где больше неба мне — там я бродить готов».

Таким образом, происходит трансформация целого комплекса мотивов в поздней поэзии Мандельшта-

ма: изменяется оценка пространства родины и культуры, появляется новое пространство для побега, противопоставленное первому, земная несвобода получает прямую связь со смертью и происходит разрыв культурными локусами. В итоге, читая позднего Мандельштама, можно заметить, что он приходит к новому осмыслению отношений «поэт – Родина»: происходит перелом в поэтическом сознании, разрыв с родным и дорогим. Тотальное одиночество – культурное и историческое, личное – итог его земной жизни. Потеря эта сущностна, и ещё более трагично то, что Мандельштам переживает её, находясь на родине, хотя само это понятие кажется уже нерелевантным, не применимым к тому пространству, в котором «заперт» поэт. Кажется, Мандельштам один из первых, кто почувствовал разрыв с землёй, на которой родился и вырос, не в силах жить «большевее», он пытается провести границу между собой и родиной, которая, впрочем, не спасает. Отчуждение становится важнейшим чувством в самоопределении поэта, которое приводит к трагическому мироощущению. Русская поэзия знала достаточно резкие, критические высказывания о «родной стороне», но безысходность, а главное – безответность, которая характеризует чувство Мандель-

штама, пожалуй, впервые высказана столь категорично. Более поэт – не поэт своей страны, а она ему не мать и не жена, даже не мачеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутрина Л. Д. «Но не волк я по крови своей...» (Лирика лирического героя в «волчьем» цикле О. Э. Мандельштама) / Л. Д. Гутрина // Филологический класс. – 2004. – № 11 – С. 62–65.
2. Карпов А. С. Попробуйте меня от века оторвать! Осип Мандельштам / А. С. Карпов // Неугасимый свет. – М., 2001 – С. 111–171.
3. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи. – М. : Новое литературное обозрение, 1995 – С. 327–370.
4. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: В трёх томах. – Т. 3. Проза. Письма / О. Э. Мандельштам. – М. : Прогресс-Плеяда, 2011.
5. Дневники Ал. Блока 1917–1921 / А. А. Блок; под ред. П. Н. Медведева. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1928.
6. Медвидь М. В. Идея дома в творчестве Осипа Мандельштама: автореф. дисс... канд. филолог. наук / М. В. Медвидь. – Нижний Новгород : НГУ, 2007.

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

*Карпов Д. Л., доцент кафедры общей и прикладной
филологии*

E-mail: karpovdl@yandex.ru

*Yaroslavl State University named after P. G. Demidov
Karpov D. L., Docent of the General and Applied Philology
Department
E-mail: karpovdl@yandex.ru*

«НИЗКИЕ» ТОПОСЫ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГГ.

Ф. В. Кувшинов

Липецкий институт кооперации (филиал) БУКЭП

Поступила в редакцию 1 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье на материале русской прозы 1920–1930-х гг. рассматривается изменение статуса «низких» топосов внутреннего пространства квартиры в связи с изменениями в организации жизни в коммунальной квартире, ставшей повседневной нормой и предметом пристального внимания со стороны русских прозаиков рассматриваемого периода.

Ключевые слова: топос, локус, повседневность, квартира, коммунальная квартира, кухня, коридор, уборная, мотив, «квартирный вопрос».

Abstract: in the article on the material of Russian prose of 1920–1930 years change of status «low» topos of internal space apartment in connection with changes in the organization of life in a communal apartment is considered, which has become the daily norm, on behalf of Russian writers of the reviewed period.

Key-words: topos, locus, everyday-life, apartment, communal apartment, kitchen, hallway, latrine, motive, «housing problem».

В русской прозе 1920–1930-х гг. «коммунальная квартира», специфика которой заключается в том, что она соединяет в себе личное пространство (комната жильца-персонажа) и общественное (места общего пользования), становится одной из репрезентаций повседневной жизни советского человека.

В рассматриваемый период коммунальная квартира стала формой «существования значительной части городского населения» [1, 86], которое вынуждено было приспосабливаться к новым формам организации жилья, к тому, что в коммунальной квартире социум формировался хаотично, волей случая, итогом чего был разношерстный состав публики, описанный, например, П. С. Романовым:

«Обитатели квартиры были такого разнообразного состава, таких различных занятий и положений, как будто они во время случившегося потопа бросились сюда и наспех захватили, кому что пришлось. Но в общем здесь было две трети интеллигенции, одна треть пролетариата» [2, 30].

Из дальнейшего описания квартиры романа «Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок)» (1930) становится ясным, что в ней проживают: «два слесаря с семьями и партия штукатуров», «мещанка по фамилии Печонкина», Кисляковы (жена – домохозяйка и Кисляков – служащий), «молодая пара по фамилии Звенигородские, очень интеллигентные люди» (архитектор и его жена), «хозяева квартиры», которых Романов с иронией также относит к интеллигенции, «пожилой профессор с женой», статистик, «какая-то красивая дама», «другая дама, пенсионерка» и «крупный, советский работник Натансон».

Уже было отмечено, что коммунальная квартира «стала объектом острой социальной сатиры» [3, 154], особенно в рамках ставшей одной из центральных тем русской литературы 20–30-х гг. борьбы с мещанством и обывательщиной.

Ироничность Романова заключается в том, что новый правящий класс, пролетариат, который в социальной системе Советской России был объявлен гегемоном, обнаруживает в себе черты мелкого мещанина, что соответствовало действительности и отражено в исследованиях: «“простые” и особенно “пролетарии” <...> воплощают самые что ни на есть “мещанские” практики и ценности» [4, 159].

Пошлости бытовой жизни на идеологическом уровне была противопоставлена теория «нового быта», которая в прозе указанного периода представлена, в том числе, образом гигантской кухни Андрея Бабичева из романа Ю. К. Олеши «Зависть» (1927). Эта фабрика-кухня (прообразом которой послужили реальные проекты по обобществлению частной жизни) должна была заменить «пошлые» кухни «старого» мира:

«<...> посетил он [Андрей Бабичев. – Ф. К.] одну из кухонь в окраинном, заселенном рабочими доме. Он увидел копоть и грязь, бешеные фурии носились в дыму, плакали дети» [5, 18].

Однако фантастические проекты остались не реализованными, в то время как коммунальный быт стал нормой советской повседневной жизни, которая характеризуется качественными изменениями в области быта. Таким изменениям подверглись места общего пользования (кухня, коридор, уборная, ванная комната), ставшие статусными топосами внутреннего пространства коммунальной квартиры,

что стало предметом репродукции в русской прозе 1920–1930-х гг.

Кухня, как символ места, где готовится что-то новое, часто становится центральным топосом квартиры в прозе рассматриваемого периода, а «низкий» образ кухарки (благодаря превратно понятному высказыванию В. И. Ленина¹) «возвышается»: «Дорожка скатертью! Мы и кухарку // каждую выучим управлять государством!» [7, 285]

Такое важное место в пространственной структуре коммунальной квартиры кухня занимает не случайно. Если в традиционном для русской литературы локусе «дом» или «квартира-дом» кухня не играет важной роли, логично уступая место столовой или гостиной, то в пространстве коммуналки именно кухня становится центром квартиры, к которому стягиваются ее нити – жильцы. Именно здесь происходят многочисленные столкновения между ними: «Здесь люди не любят, а “сходятся”, не умирают, а “дохнут”» [8, 39]. Именно кухня выполняет роль современной агоры, собирая обитателей коммунальной квартиры для решения их «экзистенциальных» вопросов. В рассказе М. М. Зощенко «Нервные люди» (1925) на кухне происходит «цельный бой»:

«Тут снова шум и дискуссия поднялись вокруг ежика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось» [9, 187].

Таким же важным местом, как это ни парадоксально, является отхожее место (туалет). Если в традиционном жилище уборная становится скрытым, потаенным местом (а в традиционных сельских домах вообще вынесена за стены жилья), то в коммунальной квартире место для свершения интимных гигиенических процедур становится общим, вынесенным на всеобщее обозрение. Коммунальная квартира, таким образом, становится перевертнем дома, объединяя жильцов в «низких» местах. Сама идея дома, нормальной квартиры, традиции проживания в ней искажена, о чем заметил М. А. Булгаков в рассказе «Москва 20-х годов» (1924):

«<...> последние три года в Москве убедили меня, и совершенно определенно, в том, что москвичи утратили и самое понятие слова “Квартира” и словом этим наивно называют что попало» [10, 93].

Если кухня в русской классической литературе довольно часто фигурирует (сохраняя свой статус именно кухни, т.е. места приготовления пищи, а не проживания, как у Зощенко), то отхожее место как деталь локуса дома встретить можно едва ли. Максимум, что могло попасть в поле зрения художника –

это туалетная комната, где люди XVIII–XIX веков приводили себя в порядок. Причем описание уборных или туалетных комнат не носило сниженный характер, за редкими исключениями. Так, у А. С. Пушкина можно встретить:

«Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам. Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета: наконец, графиня осталась в спальном кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна» [11, 240].

В прозе же 20–30-х гг. XX в. уборная (т.е. не то место, где совершается убранство человека, его наряд², а именно отхожее место) и интимные подробности, с ней связанные, обнажаются:

«Я из-за этого Трофима, можно сказать, последнего здоровья лишаюсь и, очень даже просто, могу в отхожем месте помереть! Бывало-то, орлом я сидеть мог хоть полсуток, а теперь впору просить кого-нибудь, чтобы под мышки меня держали...» [13, 218–219].

Это же касается и коммунального жилья. У Зощенко в «Аристократке» (1923) своеобразное ухаживание, в том числе, включает в себя и интерес к уборной:

«И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?» [14, 472–473]

Мало того, Зощенко делает отхожее место основой для сюжета рассказа «Западня» (1933), в котором главный герой, не приученный к соблюдению норм в общественных уборных (а значит, и в коммунальной квартире), не может выйти из общественно туалета, поскольку не спустил за собой воду.

Внимание прозы к «низким» топосам коммунального квартирного пространства обусловлено тем, что в повседневной жизни советского человека произошли определенные перверсии, когда личное, тайное, интимное перестало быть таковым, в грубой и в какой-то степени показушной форме вышло из сферы потаенного. Д. Ийеш, описывая свой визит на завод, останавливается на весьма любопытном эпизоде: «В конце коридора находятся душевые <...>. Мы застаем работницу за стиркой чулок.

– Напрасно она это делает, – говорит сопровождающая нас редактор. – При заводе имеется перво-классная прачечная, где одежду рабочих стирают почти что бесплатно.

¹ «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» [6, 315].

² Ср.: «Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом» [12, 373].

– Должно быть, ей приспичило...» [15, 114]. Физиологические особенности женщин не принимают во внимание самой же женщиной в рамках новой логики организации быта.

Дореволюционная городская культура проживания в квартире была сметена беспардонной барачной культурой окраин. Скрываемая ранее, интимная жизнь теперь выносится на всеобщее обозрение, без всякого стеснения, и, например, М. А. Булгаков отмечает эти новые нравы в «Прологе» «Кулака бухгалтера» (1925), который начинается именно... с отхожего места:

«Дверь с надписью “Мужская уборная” <...> хлопнула, вышел помощник главного бухгалтера Жуков, застегнул китель, подошел к курьерше и хлопнул ее кулаком, произнесся такой спич:

– Не читай во время дежурства книг! Не читай!! Это дело не курьерское, а смотри, что делается в уборной! В уборной!!» [16, 190].

Удачно обозначить функциональную (разобщение жильцов) близость кухни, коридора и уборной удалось П. С. Романову, у которого описание коммунальной квартиры Кислицына начинается именно с кухни, а продолжается именно уборной:

«На черной лестнице посетителя сразу, как пар на банной полке, покрывали с головой кухонный дым и сковородный чад. <...>

Благодаря обилию вещей, в коридоре было темно, и проходившие из уборной или кухни к себе в комнаты жильцы то и дело сажали шишки на лоб или синяки на коленку <...>.

В маленьком коридорчике перед кухней помещалась уборная, которая была вечно кем-то занята» [2, 29–30].

И далее Романов соединяет в обыденном представлении противоположные вещи – место, где готовится еда, и место, где справляется нужда, почти в карнавальном раблезианском духе:

«Предлоги для взрыва являлись сами собой на каждом шагу. Во-первых, та же уборная: с утра около нее выстраивалась целая очередь торопившихся на службу граждан, при чем некоторые выказывали особенную нетерпеливость, и, не успевал очередной войти и затвориться, как через минуту уже десяток кулаков стучали в дверь и напоминали ему, что он не у себя в гостиной. <...>

Следующим пунктом раздоров была кухня, где с самого утра, как на хорошей фабрике, шла работа, шумели разом штук шесть примусов» [2, 35–36].

В русской литературе классического периода квартирная кухня хотя и упоминается довольно часто (например, у Достоевского в рамках поэтики «углов» можно вспомнить живущего подле кухни Макара Девушкина), но не является центром действия повествования, выполняя функцию вспомогательной детали, такой же, как, например, передняя, с которой она часто совмещена, а упоминаний

об уборной в значении «отхожее место» нет вообще. Но русская проза 1920–30-х гг. отразила новую реальность – повседневность советской жизни, в бытовом плане организованной на иных началах, которые привычную топографику локуса «дом» исказили, перевернули. Если раньше центром действия в квартире (доме) были зала, гостиная, спальня, кабинет, то теперь центр действия в рамках локуса «коммунальная квартира» смещается в сторону «низких» мест: коридор, кухня, уборная.

В коммунальной квартире смещаются функции внутренних топосов: под жилье приспособляются такие места, которые для этого не были предназначены изначально: ванная, кухня, коридор.

И. В. Одоевцева в книге воспоминаний «На берегах Невы» (1967) описывала типичный коммунальный быт летней Москвы 1921 г. с помощью популярной тогда частушки:

«Эх, привольно мы живем –
Как в гробах покойники:
Мы с женой в комодке спим,
Теща в рукомойнике» [17, 245].

Приведенная Одоевцевой частушка не является плодом народного воображения. В. Ф. Панова в своей книге «О моей жизни, книгах и читателях» (1973) вспоминает о жилищных условиях весны 1925 г.: «Яша Фалькнер <...> исхлопотал <...> ордер на жилплощадь. По этому ордеру они поселились в ванной комнате какой-то коммунальной квартиры, один спал на подоконнике, двое на полу, лучшим ложем, занимаемым по очереди, была ванна» [18, 357].

Эта абсурдная реальность советской жизни середины 20-х гг. стала основой для сюжета рассказа М. М. Зощенко «Кризис» (1925), герой которого вынужден проживать в ванной комнате и самой ванне, причем не один, а семьей.

Другим неожиданным местом проживания становится коридор, который мы встречаем в миниатюре Д. И. Хармса «Победа Мышина» (1940). Изначально читателю некий Мышин представляется типичным хармсовским персонажем абсурда, который без всяких на то причин лежит в коридоре и мешает жильцам. Однако позже становится ясным, что перед нами – безусловно, абсурдная для нашего времени, но совершенно возможная для описываемого времени – ситуация, когда человек лишен привычного места проживания:

«– А почему этот гражданин в коридоре лежит? – спросил вдруг милиционер. <...>

– А потому что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в той – вот они, в этой – вот он, а уж Мышин тут, в коридоре живет.

– Это не годится, – сказал милиционер. – Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

– А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, – сказал Калугин» [19, 219–221].

Миниатюра Хармса не столько выдумка, сколько

констатация реального факта: «практика прописки человека в квартиру, а не в комнату сохранялась. Человек имел право жить в квартире, а своей комнаты не имел. Поэтому описанная Хармсом в рассказе ситуация была вполне реальна <...>» [20, 459].

Внутреннее пространство квартиры, которая, по возможности, сохраняла топографику традиционного литературного дома, в прозе 1920–1930-х гг. претерпело серьезную трансформацию. Исчезли детские, спальни, кабинеты и проч., появились просто комнаты (которые разом совмещали в себе функции утраченных топосов квартиры-дома), но остались кухни, коридоры, ваннные комнаты и уборные, обогатившиеся дополнительными функциями и в силу своей повышенной востребованности сменившие статус «низких» мест на статус мест «высоких», вставших в центр и бытового, и литературно-художественного внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пителина Н. А. Феномен коммунальной квартиры в повести И. Грековой «Вдовий пароход» / Н. А. Пителина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 3. – С. 86–91.
2. Романов П. С. Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок) / П. С. Романов. – Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1952. – 362 с.
3. Бурдина С. В. Хронотоп коммунальной квартиры в прозе Ю. Мамлеева / С. В. Бурдина, Н. А. Полякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011, № 2. – С. 154–159.
4. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. – СПб. : Издательский дом «Коло», 2004. – 412 с.
5. Олеша Ю. К. Зависть / Ю. К. Олеша // Олеша Ю. К. Избранное. – М. : Гудьял-Пресс, 1999. – 560 с.
6. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55-ти томах. – М. : Издательство политической литературы, 1965–1975. – Т. 34.
7. Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин / В. В. Маяковский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. – Т. 6. Стихотворения 1924 года – первой половины 1925 года, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Летающий пролетарий». – 1957. – 544 с.
8. Сухих И. Н. Гоголек / И. Н. Сухих // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 1. – С. 5–97.
9. Зощенко М. М. Нервные люди / М. М. Зощенко // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 2. – 753 с.
10. Булгаков М. А. Москва 20-х годов / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Роковые яйца. – М. : Голос, 1995. – 384 с.
11. Пушкин А. С. Пиковая дама / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 225–252.
12. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 277–384.
13. Шолохов М. А. Поднятая целина: Роман в двух книгах: Книга вторая / М. А. Шолохов // Шолохов М. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956–1960. Т. 7. Поднятая целина: (Роман в двух книгах): Книга вторая. – 1960. – 416 с.
14. Зощенко М. М. Аристократка / М. М. Зощенко // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 1. – 842 с.
15. Ийеш Д. Россия. 1934 / Д. Ийеш. – М. : Издательский дом «Хроникер», 2004. – 237 с.
16. Булгаков М. А. Кулак бухгалтера / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Собачье сердце. – М. : Голос, 1995. – 464 с.
17. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / И. В. Одоевцева. – М. : Худож. лит., 1988. – 334 с.
18. Панова В. Ф. О моей жизни, книгах и читателях / В. Ф. Панова // Панова В. Ф. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 5: Историческая и автобиографическая проза. – Л. : Художественная литература, 1989. – 560 с.
19. Хармс Д. И. Победа Мышина / Д. И. Хармс // Хармс Д. И. Собрание сочинений: В 3 т. – Т. 2: Новая Анатомия. – СПб. : Азбука, 2000. – 416 с.
20. Кобринский А. А. ЖЗЛ. Даниил Хармс / А. А. Кобринский. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 501 с.

Липецкий институт кооперации (филиал) БУКЭП
Кувшинов Ф. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарно-социальных дисциплин
E-mail: f.kuv@yandex.ru

Lipetsk Institute of cooperation (branch) BUKEP
Kuvshinov F. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanities and Social Sciences Department
E-mail: f.kuv@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СТАРЫЙ ДОМ» В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДОМ С МЕЗОНИНОМ (РАССКАЗ ХУДОЖНИКА)»

Т. С. Мясникова

Тверской государственный университет

Научно-исследовательский Центр тверского краеведения и этнографии

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена анализу рассказа А. П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)» (1896) в связи с концептом «старый дом», понятием усадебный текст. В статье рассматриваются особенности описания усадьбы и представления о ней, которые характерны для творчества писателя.

Ключевые слова: усадьба, усадебный текст, концепт «старый дом», А. П. Чехов.

Abstract: the article examines the concept of «the old house» as it is presented in A. Chekhov's «The House with the Mezzanine (An Artist's Story)» (1896), an example of «a manor text». The article focuses on features of manor describing in Chekhov's works

Key-words: manor, manor text, old house, Anton Chekhov.

Концепт «старый дом», который формируется во второй половине XIX века, связан с дворянской усадьбой.

Понятие о дворянской усадьбе, дворянская усадьба как таковая входят в русскую литературу в конце XVIII – начале XIX вв. В качестве доказательства можно привести прекрасные стихотворные произведения Г. Р. Державина, такие как «Похвала сельской жизни» (1798), «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Усадьба стала одним из центральных символов русской культуры, в связи с чем мы можем проследить традицию изображения дворянской усадьбы в русской литературе, вершиной которой по праву можно считать классический *усадебный текст* (В. Г. Щукин). В качестве одного из ярких примеров *усадебного текста* можно привести *усадебную повесть* И. С. Тургенева, а именно: повести «Три портрета» (1846), «Дневник лишнего человека» (1849), «Затишье» (1854), «Фауст» (1856); не менее убедительными примерами *усадебного текста* можно считать и романы писателя: «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860). *Усадебный текст* встречается как в прозаических, так и в поэтических произведениях, в творчестве таких писателей, как К. Н. Батюшков, И. И. Панаев, Н. П. Огарев, А. А. Фет, А. К. Толстой.

Само появление *усадебного текста* приходится на середину XIX в., когда вместе с приближением реформы 1861 г. все очевиднее становится кризис усадебной жизни. Некогда молодой и полный сил барский дом постепенно стареет вместе с хозяевами, многие помещения становятся нежилыми, комнаты «старого дома» закрыты, сад и парк зарастают, но

вместе с этим уже «старый дом» наполняется богатой историей, традициями, портретами предков.

Писатели середины и конца XIX в. остро ощущали приближающийся неминуемый конец эпохи дворянских гнезд, а поэтому в произведениях данного периода особенно ярко прослеживается «меланхолический лирический подтекст, служащий для создания специфического настроения отрадно-ностальгической грусти; идиллично-элегическая модальность, зачастую переходящая в мелодраматизм» [7, 320].

Место действия в произведениях Чехова весьма разнообразно: это и театр, и вокзал, и церковь, и водяная мельница, и кабинет врача, и дом лесника, и баня, и помещение суда, и трактир, и маленький городок, и улица села, и просто жилые комнаты городского жилища и так далее. Среди этого разнообразия локусов отдельного внимания заслуживают усадьба и дача, так как, как уже отмечалось ранее, появление концепта «старый дом» в литературе прежде всего ассоциируется с дворянской усадьбой.

Со второй половины 1880-х и в 1890-х г. Чехов в своих произведениях все чаще изображает усадьбу, похожую на те, где он жил сам, на некую чеховскую *усадьбу-дачу* (В. Г. Щукин), которая часто является по форме дачей, то есть временным жилищем на вполне конкретный, ограниченный срок, но по своей сути, по атмосфере, которая царит в ней, по укладу, по событиям, ее наполняющим, близка усадьбе, не просто усадьбе, а дворянской усадьбе (данное уточнение является необходимым, так как в период конца XIX в. появляются другие типы усадеб, например купеческая, что также нашло свое отражение в творчестве Чехова, например рассказ «Кулачье гнездо» (1885).

Одним словом, усадьба в поздний период творчества представляется Чехову наиболее актуальным локусом, что доказывает частотность ее употребления в произведениях этого периода. Вероятно, связано это не только с социально-экономическими, политическими процессами, происходившими в обществе в этот период, которые, безусловно, писатель не мог игнорировать, но и с тем, что атмосфера дворянской усадьбы конца XIX в., как нельзя лучше отражает мироощущение, мировосприятие самого Чехова.

Сам концепт «старый дом» входит в литературу ранее вместе с *усадебным текстом*, с усадебной литературой в целом, со свойственной ей ретроспективностью. В рассказах Чехова, действие которых происходит в усадьбе, очень часто возникает концепт «старый дом», который органично дополняет поэтику Чехова, способствуя ясному формированию художественного мира писателя. Последнее может подтвердить тот факт, что действие пьес «Дядя Ваня» (1896), «Чайка» (1895–1896), «Три сестры» (1900), «Вишневый сад» (1903), написанных уже в финале жизни писателя, происходит в усадьбе, а в них как нельзя более ярко отразились все грани удивительного неповторимого таланта Чехова.

В своем исследовании мы рассматриваем рассказ Чехова «Дом с мезонином», который был написан в 1896 г. Рассматривая рассказ «Дом с мезонином» с точки зрения использования писателем концепта «старый дом», нельзя не обратиться к признакам усадебного текста, их реализации и трансформации в рассказе, так как концепт «старый дом» неразрывно связан с *усадебным текстом* русской литературы.

«Старый дом» появляется в рассказе с первого абзаца: «Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией» [6, 174].

Уже по этому небольшому описанию мы можем судить о влиянии *усадебного текста* на творчество Чехова. Здесь присутствуют неотъемлемые признаки «старого дома», который тесно связан с *усадебным текстом*, а именно: и зал с колоннами, который так характерен для классической усадебной постройки, и ощущение страха во время грозы или ночью, что тоже очень характерно для «старого дома», который наполняют легенды, предания и, конечно, страшные и мистические истории.

Интересным для анализа представляется и дом Волчаниновых, каким видит его художник, главный герой рассказа, впервые: «Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю.

Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где горел яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоем. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и мезонином, и передо мной неожиданно развернулся вид на барский двор и широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве» [6, 175].

На первый взгляд перед читателем предстает типичная дворянская усадьба: есть в ней и длинные аллеи, и фруктовый сад, и пруд с купальней, и деревня «на том берегу» и, конечно, сам барский дом с неременным атрибутом усадьбы церковью, крест которой был виден издали. Восхитительная природа созвучна состоянию героя. «Природа волнует своей близостью – радует и огорчает, пробуждает по утрам и весной, обогревает в летний полдень, погружает в уныние в осенние дожди, в сон в пору зимних метелей и снегопадов, словом, ни на минуту, в любое время года и суток, не оставляет человека наедине» [2, 103]. С другой стороны, можно заметить, как именно использует автор концепт «старый дом» в этом отрывке, все здесь старое, все в запустении, везде старость, даже иволга становится «старушкой». Использование концепта «старый дом» предает описанию не просто настроение меланхолии и грусти, так характерной для *усадебного текста*, концепт «старый дом» создает ощущение ускользающей красоты, красоты, которая закономерно обречена на смерть. Поэтому еще больше усиливают эту щемящую тоску последние строки о том, что у героя при виде усадьбы Волчаниновых возникают воспоминания о детстве, а детство у большинства ассоциируется с самой счастливой порой жизни, не случайно с приближением реформы 1861 г., предчувствуя закат эпохи дворянских усадеб, неминуемое исчезновение дворянства как такового, писатели обращаются к теме детства, прекрасной идиллической поре жизни.

«Старый дом» дает герою надежду на счастье, которому не суждено случиться. Поэтому так закономерна в конце рассказа такая зарисовка: «Была грустная августовская ночь, – грустная, потому, что уже пахло осенью; покрытая багровым облаком, восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные озимые поля. Часто падали звезды» [6, 188]. И если в начале «старый дом» еще как будто бы дает надежду на счастье, то в конце рассказа иллюзия развенчивается. В приведенном выше опи-

сании явное предчувствие разочарования, обмана надежд, поэтому и август – конец веселой беззаботной летней поры, когда происходят тайные любовные свидания, так характерные для усадебной жизни, *усадебного текста*, поэтому, наверное, Чехов использует такой точный и такой красивый символ обманутых надежд героев, как падающие звезды, когда *казалось*, что счастье так близко, а *оказалось*, что оно невозможно. «Старый дом», усадьбу, изначально связанных с любовной линией развития сюжета, невозможно представить без героини, живущей в усадьбе и мечтающей о любви, и молодого человека из «другого мира» вне усадьбы, который эту любовь обещает, дает шанс на счастье героини.

Важно отметить, что в отличие от классического *усадебного текста*, усадьба в рассказе Чехова является не совсем усадьбой, а скорее *усадьбой-дачей* по крайней мере для художника, который на летнее время приехал пожить к помещику Белокурову, у которого помимо художника во флигеле живет Любовь Ивановна. «Года три назад она наняла один из флигелей под дачу, да так и осталась жить у Белокурова, по-видимому, навсегда» [6, 182]. Что касается *усадебного хронотопа*, то Чехов не придерживается его, так как художник «легко перелез через изгородь», тем самым нарушив «замкнутое пространство обустроенной природы» [7, 320]. Эта особенность также очень характерна для поэтики Чехова, когда какой-то казалось бы незначительный случай, эпизод из жизни, всегда очень индивидуальный, способен вырасти до универсальных вопросов, на которые не может быть общих окончательных ответов, что, однако, не исключает и универсальных жизненных процессов, в которые вовлечен каждый человек, а это в свою очередь исключает пространственную ограниченность. Герою Чехова тесно в рамках привычного *усадебному тексту* хронотопа.

Таким образом, «старый дом» в рассказе Чехова конечно огорожен от окружающего мира, но эта граница весьма условна, так как ее можно легко преодолеть. Мир усадьбы, таким образом, усложняется, так как жизнь извне со своими законами проникает внутрь мира усадьбы, нарушая ее устои и одновременно раздвигая границы этого мира.

То же в рассказе происходит и со временем, которое, на первый взгляд, вполне подчинено усадебному хронотопу, действие рассказа начинается в середине июля, а заканчивается в конце августа, но далее в эпилоге мы видим, что есть еще два временных пласта: первый, когда художник встречается Белокурова в вагоне, по дороге в Крым, что соответственно является недавним прошлым, о чем свидетельствуют слова самого художника «Как то недавно, еду в Крым...» и еще один пласт, который не просто ставит вопросы в настоящем, а задает общие, универсальные жизненные вопросы, делая произведение Чехова бессмертным, актуальным во все времена. «Я уже начинаю

забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того, ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода. А еще реже, в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся...

Мисюсь, где ты?» [6, 191]

Этот третий пласт рассказа, который заставляет из настоящего вновь и вновь возвращаться в прошлое, когда счастье обещало, но обмануло, любовь, казалось бы, обещала быть, но не сбылась, *ретроспективность*, так свойственная *усадебному тексту*, не просто придает рассказу оттенок ностальгии, грусти, меланхолии, они усиливают общечеловеческий смысл, главные вопросы, которые встают не только перед героем рассказа, а заставляют каждого читателя задуматься о том, что жизнь проходит, счастье не сбывается, но кто виноват в том, что человек упускает возможности стать счастливым, мирится со скукой жизни, покоряется ей, а потом жалеет всю жизнь, страдая и мучаясь от одиночества, предается воспоминаниям, которые все же дают ему надежду, веру, что все еще может измениться, и счастье может быть еще возможным.

Таким образом, хронотоп «старого дома» А. П. Чехова только на первый взгляд тождественен хронотопу *усадебной повести*, на самом же деле он не замкнутый, он открыт «чужим» наполнениям (по выражению М. М. Бахтина).

Что же касается определяющей, «главенствующей» роли автора в произведении, монологичности авторского слова, что так характерно для *усадебной повести*, то этот принцип сам по себе противоречит основам творчества Чехова, а именно, принципу *объективности*, особой авторской позиции, сложившейся и сформулированной самим писателем в письмах конца 1880-х годов, которая заключалась в том, что произведение должно строиться «в тоне и духе» героя, что в свою очередь всегда способствует открытости финала произведений А. П. Чехова, в том числе и в рассказе «Дом с мезонином», в котором только ставятся общие, философские, жизненно важные для человека вопросы, на которые невозможно дать однозначные ответы, как невозможно примирить всех героев, которые слушают, но не слышат друг друга, а главное, у каждого из которых есть своя правда.

Таким образом, концепт «старый дом» в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином» не подразумевает «главенство автора над изображаемым миром» [7, 320], мир «старого дома» Чехова полифоничен, в нем множеств позиций и *правд*, каждая из которых имеет право на существование.

Но все же, несмотря на полифонию правд в «старом доме» в рассказе «Дом с мезонином», сквозь детали

можно проследить авторскую позицию, даже скорее не позицию, а отношение к героям рассказа самого А. П. Чехова. Об этом прекрасно, очень подробно и доказательно, ссылаясь на ряд других исследователей Чехова, писал в своей работе И. Н. Сухих [4].

И. Н. Сухих говорит, что «очевидно, что в «Доме с мезонином» две сюжетные линии: «любовный сюжет» и «идеологический спор»...» [4, 118], в данном исследовании рассматривается любовная линия рассказа, что объясняется тем, что и дворянская усадьба, и «старый дом» невозможны без любовной интриги, как невозможна жизнь «старого дома», дома вообще без любви. «Идеологический спор» рассмотрим как конфликт двух разных мировоззренческих позиций: художника и Лиды Волчаниновой.

Вспомним еще один основополагающий принцип усадебной повести и посмотрим, как трансформируется он в «старом доме» в рассказе «Дом с мезонином». Для усадебной повести характерны «душевные переживания и впечатления героев, изображение которых трудно себе представить вне описаний природы (сведенной к пространству усадьбы и окрестностям), причем негативно-минорное настроение героя контрастирует с полнотой бытия и несравненной красотой природы» [7, 320].

В «старом доме» в рассказе «Дом с мезонином» особенно выделяются и требуют отдельного внимания два героя: во-первых, это художник, а во-вторых, Лида Волчанинова, однако нельзя игнорировать и трех других героев: Женю Волчанинову, помещика Петра Петровича Белокурова и, конечно, мать Жени и Лиды – Екатерину Павловну Волчанинову.

Главный герой рассказа художник испытывает в «старом доме» несколько состояний: от праздности и скуки, а вместе с этим и чувства одиночества и ненужности в начале рассказа, когда герой говорит: «По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал все, что привозили мне с почты, спал. Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь [6, 174], – до радости, счастья, осознания того, что Женя любит его, а вместе с этим обретения такого важного чувства нужности приходящего вместе с ним вдохновения и желания работать, творить, чувство взаимопонимания, обретения родной души, а вместе с этим и наполнение жизни смыслом: – Я нравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мной будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею, этой природой чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным» [6, 189].

Нужно отметить, что здесь состояние героя меняется, а природа «старого дома» неизменно остается загадочно, непостижимо прекрасной, являясь таким образом, базовой ценностью художественного мира

Чехова – красотой, непостижимой и вечной, а не просто фоном, на котором происходят переживания героя, как это было в *усадебном тексте*. И в конце рассказа происходит возвращение героя к своему исходному состоянию, жизнь снова возвращается на круги своя: «И я ушел из усадьбы тою же дорогой, какой пришел сюда в первый раз, только в обратном порядке: сначала со двора в сад, мимо дома, потом по липовой аллее... Трезвое, будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить» [6, 190].

Художник покидает усадьбу, более того, он уезжает в Петербург, та как приехал, чтобы провести время, на короткий срок, что присуще даче, но самое главное, что художник вновь сталкивается с обыденностью, ему снова «скучно жить», та как пропадает самая важная жизненная мотивация человека – любовь. Поэзия любви и счастья, которая устойчиво связывается в сознании героя с усадьбой, которую он покидает, вдребезги разбивается о прозу жизни.

Женя Волчанинова искренне полюбила художника, как искренне она любит сестру и мать. Она, несмотря на то, что художник замечает, что Женя «не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности, как я» [6, 178], способна принять, попробовать понять другую точку зрения, которая ей не близка или которую она, возможно, не понимает, Женя видит мир разным, цветным, как и ее мать Екатерина Павловна, как и главный герой – художник. Душевность и открытость миру, доброжелательное отношение к людям объединяет героинь, жительниц «старого дома», поэтому они прекрасно понимают друг друга. «Они обожали друг друга. Когда одна уходила в сад, то другая уже стояла на террасе и, глядя на деревья, окликала: «ау, Женя!» или: «мамочка, ты где?» Они всегда вместе молились и обе одинаково верили, и хорошо понимали друг друга, даже когда молчали. И к людям они относились одинаково». Обе героини способны не просто слушать, а услышать, попробовать понять другого, а главное, преодолеть эгоизм или вовсе не имея его, обе героини способны на любовь, которая является не просто основой жизни, основой «старого дома», является основой жизни женщины, любовь, которая должна породить семью, детей, а значит продолжить жизнь «старого дома», продолжить жизнь вообще. Поэтому Екатерина Павловна, несмотря на то, что говорила: «Наша Лида замечательный человек» и что «таких днем с огнем поискать», также замечала, что «ведь ей уже двадцать четвертый год, пора о себе серьезно подумать. Этак за книжками и аптечками и не увидишь, как жизнь пройдет... Замуж нужно» [6, 181]. Любящая женщина, мать, понимает, что старшая дочь Лида пропускает очень важную, основополагающую часть жизни каждой женщины – любовь, создание семьи, домашнего очага, основную мотивацию жизни любого человека, любовь, которая наполняет душу, открывает сердце

и делает жизнь по-настоящему наполненной истинным смыслом.

Лида же, в отличие от мамы и сестры, совсем иная. Несмотря на то, что она работает учительницей, живет за свой счет, «школа, аптечки, книжки» составляют ее интересы, она презирует художника, который не разделяет ее взглядов, вероятно, считая его просто бездельником. Но почему тогда при чтении рассказа возникает странное, отрицательное отношение к героине. Лида занимается «малыми делами», что, безусловно, должно прибавлять героине положительного восприятия у читателя. Здесь следует вспомнить, что и сам Чехов занимался «малыми делами» и вообще идея о том, чтобы делать посильное добро, теория «малых дел» была очень популярна в начале 1890-х гг. в том числе и в литературе, достаточно вспомнить творчество одного из «спутников Чехова» И. Н. Потапенко, некогда очень популярного, а именно его роман «Не герой» (1891). Неважно даже, что Лида, возможно, больше говорит, чем делает, о чем может свидетельствовать то, что Лида, как и Белокуров, всегда «много и долго говорит» [4], а художник дает следующую характеристику Белокурову, когда тот рассуждает о том, как много и трудно приходится работать, чтобы поддерживать свое имение в порядке, таким образом, быть приличным хозяином: «А я думал: какой это тяжелый и ленивый малый! Он, когда говорил о чем-нибудь серьезно, то с напряжением тянул «э-э-э-э», и работал так же, как и говорил, – медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки» [6, 177]. Главное заключается в том, что Лида, думая о пользе обществу, занимаясь «малыми делами», рушит счастье своей семьи. Мир Лиды «черно-белый», она не слышит, а главное, не желает слышать других, поэтому сестра и мама не понимают ее, однако, в отличие от нее самой, уважают ее точку зрения, ведь Лида «жила своею особенной жизнью и для матери и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, как для матросов адмирал, который все сидит у себя в каюте» [6, 181].

«Интеллектуальный деспотизм», «деспотизм бытовой» — так назовет поведение Лиды в своей работе И. Н. Сухих [4]. И мы не можем с ним не согласиться. Лида вершит судьбы своих близких, даже рушит их, не считаясь с их мнением, а руководствуясь только уверенностью в собственной правоте, то есть эгоизмом. Лида не способна раздвинуть рамки своего «черно-белого» мира, не способна попытаться понять кого-то, услышать, а значит, полюбить по-настоящему. Ее «малые дела», как мы уже отмечали выше, направлены

более на внешний эффект, на создание образа, она уверена, что выполняет огромную миссию – творит посильное добро, но совершенно не учитывает того, что рушит судьбы близких, рушит жизнь «старого дома», обрекая его на старость и неминуемую смерть. Конечно, нельзя снимать ответственности и с главного героя художника, который не прошел испытание любовью, так как не был готов бороться за нее, но все же мы считаем, что центральное место в сохранении «старого дома», дома вообще отводится женщине, неслучайно в одном доме живут сразу три женщины, а поэтому губительная, разрушающая энергия Лиды не только разрушает мечты о счастье и возможности, казалось бы, такие близкие, обретения его героями, но и жизнь «старого дома», потому что, подчеркнем, Лида пропускает самое главное в жизни: любовь как основу жизни, главную и первую ценность, а вместе с ней и семью, создание семейного очага. Она не способна осчастливить самых близких ей людей, людей, которые искренне любят и поддерживают ее.

Таким образом, «старый дом» в рассказе Чехова, обладая некоторыми признаками *усадебного текста*, трансформирует их, так как громадный и уникальный талант писателя требовал преобразования шаблонов, не отказываясь от них, не отрицая литературный контекст. «Старый дом» в рассказе становится важным символом, обобщением того, как поэзия мечты разбивается о прозу очень быстротечной жизни, символом ускользающей красоты, ускользающего счастья, надежда на которое вместе с быстро стареющим домом должна исчезнуть навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы / О. С. Евангулова. – М.: Прогресс – Традиция, 2003. – 304 с.
3. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. – М.: Традиция, 1997. – 320 с.
4. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. – Л.: Издательство ЛГУ, 1987. – 184 с.
5. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2014. – 368 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – Т. 9. Сочинения / А. П. Чехов. – М., 1985. – 544 с.
7. Шуккин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей / Шуккин В. Г. – М.: РОССПЭН, 2007. – 608 с.

Тверская государственная медицинская академия
Мясникова Т. С., преподаватель кафедры иностранных
и латинского языков
E-mail: tanya_mak_1987@mail.ru

Tver State Medical Academy
Myasnikova T. S., Lecturer of the Foreign Languages
Department
E-mail: tanya_mak_1987@mail.ru

«ПАРНЫЕ ТЕКСТЫ» В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА (К ПРОБЛЕМЕ ЗАГОЛОВЧНОГО КОМПЛЕКСА)

Е. В. Нестерова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются на материале стихотворений И. А. Бунина «парные тексты» с темпоральными заголовками, посвящённые времени суток, выявляемые на основе лирического сюжета и соответствующего им хронотопа. «Парные тексты» представлены общей для одной пары системой мотивов и коррелируют с метафизическими вопросами. Данный ракурс исследования позволил выявить присущий автору мотив антропоморфизма и раскрыть индивидуальное понимание им времени как переживание бытия.

Ключевые слова: «парные тексты», хронотоп, поэзия, темпоральный заголовок, метафизика.

Abstract: in article are considered on material of poems of I. A. Bunin features of «pair texts» with temporal headings, devoted to time of day, revealed on the basis of a lyrical story and chronotope corresponding to them. «Pair texts» are presented by system of motives, general for one couple, and correlates with metaphysical questions. This perspective of research allowed to reveal motive of an anthropomorphism inherent in the author and to open individual understanding to them time as life experience.

Key-words: «pair texts», chronotope, poetry, temporal heading, metaphysical questions.

Изучение проблемы заголовочного комплекса очень актуально на сегодняшний день. Всё больше учёных задаются вопросом, насколько этот компонент текста связан со стилем, жанром, сюжетом произведения. Распространение многообразных средств массовой информации, равно как и широкий спектр художественной литературы, приводит к тому, что заголовок становится одним из основных маркеров для привлечения читательского внимания. Заголовок становится предметом всестороннего изучения, несмотря на то, что понятие заголовочного комплекса (реже рамочного комплекса текста) вошло в употребление не так давно.

Между тем сугубо литературоведческое изучение этого явления уходит своими корнями в середину прошлого века, и из этого периода нам представляются наиболее продуктивными труды С. Д. Кржижановского. Он был одним из первых учёных, кто обозначил всю многосторонность этой проблемы – сущность заголовочного комплекса как основы понимания текста в целом. «Книга и есть – развёрнутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объёма двух-трёх слов книга. Или: заглавие – книга in restricto, книга – заглавие in extensor» [1, 3]. Еще в 1930-е годы учёный попытался типологизировать заголовки, исследовать связь и природу отношений всего текста и его заголовка, проблему адресации этого текста. Кржижановский рассматривает данную проблему всесторонне, и его изыскания можно све-

сти к тому, что заголовок является как частью текста, так и вполне самостоятельным «рассказом» о тексте.

Подобно Кржижановскому, Ю. М. Лотман указывает, что заголовок и текст являются самостоятельными «текстами» – по принципу строения «текст – метатекст» и в то же время – это два подтекста одного текста [2, 14–285]. В этих концепциях заголовочный комплекс раскрывается с точки зрения его структуры: текст и его заголовок взаимосвязаны и взаимодополняемы при том, что имеют самостоятельную природу, в коей и могут раскрываться.

Необходимо упомянуть и о классификации главней А. В. Ламзиной. Она рассматривает заглавие как часть рамочной конструкции, развивая идеи не только Ю. М. Лотмана, но и Е. Фарина касательно структуры текста: «В современном литературоведении начало и конец текста (или его частей) принято обозначать термином рама или рамка... Начало текста (выделено графически) может включать в себя следующие компоненты: имя (псевдоним) автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф(ы), предисловие (вступление, введение, в некоторых случаях – пролог). Основной текст может быть снабжён авторскими примечаниями, печатающимися либо на нижнем поле страницы, либо после основного текста. Конец текста (помимо обязательных последней стихотворной строки или прозаического абзаца основного текста) может включать авторское послесловие, оглавление, а также примечания...» [3, 94]. На наш взгляд, функции заголовочного комплекса в таком случае сводятся

к структурообразующим.

Интересную интерпретацию заголовочного комплекса предлагают ученые-лингвисты. Мы просто обязаны упомянуть идеи И. Р. Гальперина, который считает, что заголовок – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [4, 133]. В отличие от прежней группы учёных, утверждавших единство текста и его заголовка при сохранении их самостоятельности, здесь эти элементы представлены исключительно как самостоятельные, однако основной элемент – именно сам заголовок, так как он приравнивается к сюжету текста.

В. Е. Хализев рассматривает эту проблему с другого ракурса, вводя в научный аппарат дополнительные элементы при определении заголовочного комплекса: «В этой связи различаются основной текст произведения и его побочный текст (его иногда называют рамочным): заглавия и примечания, которые стали предметом специального изучения, жанровые подзаголовки, эпитафии, посвящения, авторские предисловия, обозначения дат и мест написания, а в драматических произведениях также перечни действующих лиц и ремарки» [3, 406].

Приведём ещё одну лингвистическую точку зрения Н. В. Сабуровой, в которой учитывается читательское восприятие этого элемента текста: «Заголовки соотносятся с лексико-оценочной темой текста, и функцию его можно обозначить как привлечение читателя через вербализацию сути описываемой в основном тексте проблемы» [5, 10].

Таким образом, можно отметить разные точки зрения в изучении этого явления: текст и его заглавие может рассматриваться как два разных текста, а также заголовочный комплекс является частью структуры в иерархии построения самого художественного текста, где различные виды или типы заголовков выполняют различную стилистическую или номинативную функции.

Проблема поэтики заглавий произведений И. А. Бунина – одно из перспективных и мало исследованных направлений в изучении его творчества на сегодняшний день. Несмотря на то, что некоторые учёные в своих работах в той или иной мере касались этой темы, комплексного подхода и систематического анализа заголовочного комплекса в произведениях прозы и поэзии Бунина нет. В наиболее полной мере этот вопрос освещает в своей статье «Две «Старухи» И. А. Бунина» В. Г. Тимофеева: «В творческом наследии Бунина обращает на себя внимание использование одного и того же заголовка – «Старуха» – для рассказов 1916 г. и 1930 г... Нам представляется, что это удвоение не случайно, более того, программно для автора и отражает его взгляд на Россию и её судьбу с «этого» и с «того берега»» [6,

176]. Феномен парных текстов рассматривается здесь для изучения хронотопа и авторской оценки событий 1917 года. «Из сопоставления можно сделать два частных вывода: 1) в рассказе 1916 г. изображено историческое время; в рассказе 1930 г. – эпическое время; 2) старуха 1916 г. символизирует ... жалкость разобщённой России... Старуха 1930 г. символизирует незыблемость «корневой» Руси»» [6, 179–180]. Заголовок – часть структуры художественного текста, которая несёт в себе смыслообразующее звено всего произведения. Изучение заголовочного комплекса особенно актуально для Бунина, так как его творчество богато «парными текстами» (в поэзии Бунина можно выделить 37 парных стихотворений).

В данном случае научный интерес вызывают парные тексты с темпоральными заголовками, обозначающими время суток. Мы рассмотрим поэтические пары «Рассвет» (1900) – «Рассвет» (1909) и «Закат» (1900) – «Закат» (1903–1906).

Ряд исследователей (О. А. Бердникова, М. М. Караганова и др.) отмечали частотность в названии произведений категории времени. Программным произведением на эту тему может служить стихотворение – «Ночь и день» 1901 года. ««Коммуникативными символами вечности» (арх. Рафаил), к которым приобщается человек каждым часом своей жизни, становятся для Бунина день (ночь) и год, которые в христианской концепции времени и считаются проявлениями «симфонических» ритмов космоса. День и ночь значимы как Богом установленный миропорядок («Ты властитель дня, Ты властитель ночи» Пс. 73, с. 251), в котором каждый раз по-новому открывается красота мира, обострённо воспринимаемая поэтом» [7, 60–61]. Смысловые пары – «Рассвет» и «Закат» – соотносимы с дневными и ночными стихотворениями Бунина как по частотности, так и по указанной выше семантической значимости.

Оба рассматриваемых стихотворения с «парным» названием «Рассвет» повествуют о времени на фоне вечности и времени суток как природном явлении. Стихотворение «Рассвет» (1900) состоит из трёх строф, где первая содержит описание предрассветных сумерек, центральная – церковное пение на фоне восходящего солнца, а третья – прямое обращение к солнцу, которое можно считать косвенным славословием:

*Рассвет
Высоко поднялся и белеет
Полумесяц в бледных небесах.
Сумрак ночи прячется в лесах.
Из долин зелёных утром веет.
Веет юной радостью с полей.
Льётся, как серебряное пенье,
Звон костёла, слава воскресенья...
Разгорайся, новый день, светлей!*

*Выйди в небо, солнце, без ненастья,
Возродися в блеске и тепле,
Возвести опять по всей земле,
Что вся жизнь — день радости и счастья*
(1900) [8, 93].

Можно предположить, что речь идёт не просто о воскресной службе, а даже – о Пасхе, о великом Воскресении, и три глагола-маркера являются «поведниками» Благой Вести – «выйди, возродися, возвести».

Второе стихотворение этой пары «Рассвет» 1909 года состоит из четырёх строф, где описывается типичный для творчества Бунина пароход, уходящий в море при восходящем солнце. Всё стихотворение пестрит связками-метафорами, когда неодушевлённое описывается как живое, даже «мёртвый» корабль имеет название «живой» страны – «Марокко». Момент восхода солнца совпадает с «оживлением» корабля и началом трудового дня человека:

Рассвет

.....
*Рейд солнца ждёт. Из чёрных труб «Марокко»
Восходит дым. Зелёная волна
Стальною сажай, блёстками полна,
Качает мерно, плавно и широко.
Вот первый луч. Все окна на борту
Зажглись огнём. Вот пар взлетел — и трубы
Призывно заревели в высоту.
Подняв весло, гребец оскалил зубы:
Как нежно плачет колокол в порту
Под этот рёв торжественный и грубый! (1909) [8,
245–246].*

Рассвет здесь – явление природы и в то же время одухотворённость корабля – своеобразный гимн союзу природы и человеческой техногенной цивилизации.

Если в первом «Рассвете» образ рассвета не только природное явление, но и метафора Христова Воскресения, то во втором доминирует уже хронотоп не «небесный», но «земной». Таким образом, эта пара отражает общую для творчества Бунина тенденцию смыслообразующего хронотопа.

Рассмотрим поэтическую пару «Закат» (1900) – «Закат» (1903–1906).

Закат

*Корабли в багряном зареве заката
В океан выходят — и на небесах
Вырастают мачты стройного фрегата
В чёрных парусах.
Медленно плывёт он в зареве далёком
И другой выводит в лоно тёмных вод...
Скажешь: это снялся в трауре глубоком
Погребальный флот (1900) [8, 95].*

«Закат» 1900 года – не столько о времени суток, сколько об умирании, «погребении», более того, мотив этот удваивается благодаря тому, что происходят эти похороны действительно на закате. Мотив

«заката-умирания» выражен словами-маркерами – «багряном зареве заката», «в чёрных парусах», «в лоно тёмных вод...» (лоно вод – прообраз могилы), «в трауре глубоком / Погребальный флот» (траур глубокий – погребальный). Образ корабля также имеет символическое значение: на это указывает и то, что у него нет названия, как, например, «Марокко» в стихотворении пары «Рассвет»).

Наиболее близкой видится нам здесь христианская символика корабля: «Мачта «церковного корабля» – это колокольня храма, а штурвал – контрфорс. Крест также понимается то как мачта, то как якорь надежды. Сцена на Геннисаретском озере и описание миссионерского путешествия апостола Павла в Новом Завете дают новые точки соприкосновения с этой символикой» [9, 126]. Маркером для подобного символического значения может выступать то, что

на небесах

*Вырастают мачты стройного фрегата
В чёрных парусах [8, 95].*

Мачты таких кораблей символизируют крест(ы), и то, что эти кресты «помещены» автором на небеса, указывают на подобную символику. Так возникает указание на вечный цикл событий, совершающихся в земной жизни людей, отсюда возвышенно-торжественный тон стихотворения. Это представление дополняют образы «ночных» («закатных») кораблей Бунина (например, «В ночном море»), а с другой, привносят новое – мотив умирания-«заката»-угасания, но и рождение в жизнь вечную, отсюда и высокий стиль лексики (лоно), море – символ «житейского моря», а ассонанс, аллитерация – выразительные средства этой торжественной траурной песни / молитвы.

Таким образом, заголовок здесь используется автором для символического выражения умирания и погребения. Особенностью этого стихотворения являются ассонанс и аллитерация, что были особенно популярны в эпоху Серебряного века. Для Бунина же это было сущностью его творчества (не только поэтического): «Для меня главное – это найти звук. Как только я его нашёл – всё остальное даётся само собой». [10, 479]

Второе стихотворение этой пары открыто несёт в себе христианские мотивы и тоже строится на ассонансе и аллитерации:

Закат

*Вдыхая тонкий запах чёток,
Из-за чернеющих решёток
Глядят монахи на посад,
На синь лесов и на закат.
Вся келья в жарком, красном блеске:
Костром в далёком перелеске
Гнездо Жар-Птицы занялось
И за сосною тонет вкось.
Оно сгорает, но из дыма
Встают, слагаются незримо*

Над синим сумраком земли

Туманно-сизые кремни. (1903–1906) [8, 176].

Здесь образ заката именно пейзажный – время суток, что тоже символично, поскольку в первом «Закате» был максимально раскрыт символический образ этого небесного «временного» явления. Однако здесь образ заката наполнен метафорами: закатное солнце описывается при помощи фольклорного образа Жар-Птицы и привычного образа – костёр. В данном контексте эти два образа пламени имеют в себе символику духа христианского горения – горения молитвой, горения любовью (образ пламени свечи или лампы – как образ Христа и жизни вечной). Это закатное солнце сгорает, «но из дыма / Встают, слагаются незримо / Над синим сумраком земли / Туманно-сизые кремни».

С одной стороны – опять привычная славянская фольклорная традиция – образ кремля(ей), но так же, как и с «закатным кораблём», речь на символическом уровне идёт о Граде Небесном – о Небесном Иерусалиме (метафора жизни вечной, что опять же перекликается по смыслу и образам с первым «Закатом»). Заканчивается – умирает земной день – жизнь земная, но из «дыма» веков, из призрачной земной жизни и угасающего «закатного» человеческого тела рождается / продолжается жизнь духа, жизнь души – Жизнь Вечная. Таким образом, заголовков «Закат» приобретает символику «сумеречности / переходности»: закат земной – заря небесная, угасание земной жизни – рождение вечной небесной жизни души человека. Именно эта черта показывает, что заголовки в стихотворениях Бунина несут два смысла: явления жизни природы и духовной жизни человека в христианском символическом контексте.

Итак, парные «названия» поэтических текстов Бунина, созданные как в один временной период, так и с небольшой разницей во времени – выражают единую образную систему, дополняя и усиливая её.

В этих парах наиболее наглядно сказывается характерный для Бунина мотив антропоморфизма с целью раскрытия всей полноты человеческого бытия и разлитое присутствие Бога во всём.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий / С. Д. Кржижановский. – М. : Никитинские Субботники, 1931. 36 с.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.
3. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981.
5. Сабурова Н. В. Заголовочная игра слов как смыслоформирующий механизм текста (на примере англоязычной публицистики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Наталья Владимировна Сабурова. – СПб., 2007.
6. Тимофеева В. Г. Две «Старухи» И. А. Бунина / В. Г. Тимофеева // И. А. Бунин в начале XXI века: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж : Издательский дом «Кварта». — Воронеж, 2005. — С. 176–180.
7. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. – 272 с.
8. Бунин И. А. Собр. соч. Т. 1-6. Москва, 1987–1988. Тексты произведений Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы
9. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. / Г. Бидерманн. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
10. Цит. по: Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. / И. А. Бунин. – М., 1965–1997. <Примечания О. Михайлова>. – С. 497. – Т. 2.

Воронежский Государственный университет

Нестерова Е. В., кафедра русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора, соискатель

E-mail: deanery@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Nesterova E. V., Post-graduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: deanery@phil.vsu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

О. Ю. Новикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 ноября 2015 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные прагматические функции причастия и причастного оборота в художественных и нехудожественных текстах, характеризующихся разным соотношением прагматических установок автора и прагматических установок самого текста. В зависимости от типа текста причастия и причастные обороты характеризуются разным набором специфических черт и функций, проявляющихся и на структурно-синтаксическом, и на прагматическом уровнях.

Ключевые слова: причастие, причастный оборот, художественный текст, нехудожественный текст, прагматические функции, прагматические установки.

Abstract: this article describes the basic pragmatic functions of the participle and the participial phrase in the fiction and nonfiction texts, which have different ratio of the author's and text pragmatic intentions. Depending on the type of the text, participle and participial phrase have different set of the specific features and functions on the structural and pragmatic levels.

Key-words: participle, participial phrase, fiction and nonfiction, pragmatic functions, pragmatic intentions.

Прагматическая функция предложения непосредственно связана с установками автора, ориентирующегося на установки текста. Это означает, что не только фигура автора влияет на прагматику текста, но и сам текст. Таким образом, прагматика текста (в нашем случае мы рассматриваем прагматический аспект отдельных высказываний) складывается из прагматической установки автора и прагматической установки самого текста. Если адресанты индивидуальны и не поддаются классификации, то прагматические установки определённых жанров возможно проанализировать.

Обратимся к художественному тексту. Среди характерных признаков художественного текста можно выделить: 1) личностное начало автора; 2) эстетическая функция; 3) наличие подтекста, неявной информации (имплицитное содержание); 4) неоднозначность и множественность интерпретации; 5) отражение образа действительности, а не самой действительности: реальность преломляется в сознании автора в соответствии с его интенциями; 6) установка на мотивированность значения каждого слова, а также частей слова (это делает важными для интерпретации все уровни художественного текста: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический); 7) взаимосвязь разных уровней и элементов художественного текста.

Выбор предложения с причастным оборотом (вместо, например, сложноподчинённого с прида-

точным определительным или простого неосложнённого предложения) говорит о конкретной авторской позиции, точнее – об определённом авторском видении ситуации. Предложение с причастным оборотом иначе представляет отношения между двумя положениями дел. В отличие от простых предложений, в предложении с причастным оборотом выстраивается иерархия пропозиций. В то же время это не та иерархия, которая характерна для сложноподчинённого предложения. Одна из основных прагматических функций причастного оборота – это отражение авторского видения соотносимых (если причастие выступает в роли второго сказуемого) или параллельно существующих (если причастие выполняет роль второстепенного сказуемого) действий, при котором одно, по мнению автора, является главным, а второе частично утрачивает свою глагольность, а вместе с ней – и право называть полноценное действие. Однако установка на объединение в одном высказывании грамматического и семантического предикатов, обладающих разными статусами, свидетельствует о соответствующем видении фрагмента действительности. В сознании автора это единый смысловой блок, состоящий из разных ситуаций-действий, но обладающий целостностью и гармоничностью, достаточными для объединения в одно предложение.

Эта функция причастного оборота является выражением такой характеристики художественного текста, как наличие личностного начала. Именно этот признак в первую очередь отличает художественный

текст от нехудожественного. Итак, 1) первой функцией причастного оборота в художественном тексте назовём дифференциацию пропозиций, обусловленную авторскими интенциями, что способствует отражению авторского видения мира. Данная функция дополняется другими функциями причастного оборота; 2) описательная функция обусловлена атрибутивными свойствами причастия, поэтому её можно отнести ко всем причастным оборотам в любой позиции относительно определяемого слова, а также к одиночным и адъективированным причастиям; 3) повествовательная функция имеет установку на динамичность изложения. Причастный оборот, называя сопутствующие события-ситуации, создаёт информативно более ёмкое предложение; 4) смысло-выделительная функция – отказ от множества глаголов, их трансформация в причастия позволяют автору выделить семантику оставленных глаголов, сфокусировать на ней внимание читателя, оставив причастные действия сопутствующими, неосновными, дополнительными; 5) эмоционально-экспрессивная функция – вся совокупность эмоций, которые могут быть выражены посредством причастного оборота: грусть, ирония, сожаление, изумление и т. п.); 6) градационно-сопоставительная функция отражает сопоставление глагольного действия и причастного или причастного (при однородных причастных оборотах), за счёт чего достигается углубление смысловой насыщенности предложения, формирование определённого видения ситуативных действий и их взаимосвязи в предложении; 7) сопоставительно-противительная функция имеет аналогичную цель, но иначе соотносит действия, обозначенные в предложении: противопоставляет, соотносит. В зависимости от того, какое действие из нескольких обозначено грамматическим предикатом, становится понятным авторское восприятие ситуации; 8) создание хронотопа предложения (и через него – целого текста) – причастие, обладая таксисными и различными временными и аспектуальными значениями, влияет на характеристику темпоральных признаков предложения. Однако отражение временных значений зачастую сопровождается отражением пространственных смыслов, что особенно заметно в предложениях, содержащих несколько причастных оборотов: смена временного плана может сопровождаться сменой пространственного плана. Таким образом, причастный оборот участвует в создании особого хронотопа предложения.

Обратимся теперь к нехудожественным текстам. Отличительными признаками нехудожественного текста являются: 1) стремление к однозначности восприятия; 2) отсутствие подтекста (только эксплицитно выраженное содержание); 3) стремление к отражению реальной действительности, а не его образа, увиденного сквозь призму авторского восприятия.

Эстетическая функция, характерная для художественных текстов, а также личностное начало зачастую проявляются в текстах публицистических, прагматическая установка которых даже ярче, чем в художественных текстах. Для публицистических текстов характерны следующие прагматические функции причастий и причастных оборотов: 1) экспрессивная, которую можно считать основной для публицистического текста как такового, 2) Оценочная, которая частично совпадает с экспрессивной, поскольку выражение оценки является результатом эмоционально пережитого состояния. Однако есть смысл вынести её в качестве самостоятельной, обозначив, что наиболее регулярно в данной функции проявляют себя одиночные и адъективированные причастия. Учитывая тот факт, что реципиенты психологически больше подвержены воздействию негативной информации, авторы публицистических текстов используют причастия всё больше в виде негативнооценочной лексики. Многие из таких причастий стали уже языковыми тропами (*кричащие противоречия, вопиющее беззаконие*); 3) функция убеждения; Причастия и причастные обороты используются как средство имплицитного убеждения, за счёт грамматической невыраженности значения действия.

Среди нехудожественных текстов можно отдельно рассмотреть также и рекламные тексты. В силу своей «книжности» причастные обороты используются в рекламных текстах (особенно подготовленные для устной речи) достаточно редко. Как правило, это одиночные причастия, зачастую адъективированные (*успокаивающий, тонизирующий, смягчающий, укрепляющий, очищающий, ослабленный, цветущий, засушенный, отбеливающий, указанный, интересующий, встроенный*). В рекламном тексте причастный оборот выполняет следующие функции: 1) экспрессивная; 2) углубление смысловой образности, визуализация образа: *Размещение в небольшой и уютной гостинице – утопающей в зелени* (Туризм по России, 2003); *Качество соков «XXXX», созданных с такой заботой, высоко оценено более чем в шестидесяти странах мира!* (Надпись на упаковке сока, 2004); 3) создание контраста: *Но самое интересное, что здесь мы не встретим привычных кнопок: вместо них – сенсорный дисплей, чутко откликающийся на самое лёгкое прикосновение!* (Буклет магазина, 2004); 4) описательная.

Как показало наблюдение, причастные обороты в рекламных текстах чаще всего встречаются в буклетах и инструкциях: *Необычные электронные часы, отображающие время «мозаикой» из миниатюрных иголок, – не только полезный предмет, но и стильный сувенир для дома или офиса* (Буклет магазина, 2004), то есть в письменных видах рекламных текстов, созданных именно для чтения, а не для проговаривания. Несколько причастных оборотов

в рамках одного предложения – редкое явление для рекламного текста.

В учебно-научных текстах, напротив, причастные обороты используются часто, что также обусловлено прагматической установкой данных текстов. В научных текстах широко применяются как постпозитивные, так и препозитивные причастные обороты. Последние передают информацию в сжатом виде, что обусловлено способностью препозиции передавать информацию как данность, сопутствующие сведения. Глаголы, таким образом, оказываются после причастий, что позволяет сфокусировать внимание на действии. Это соотносится с темо-рематическим членением предложения, воплощающим авторский замысел. Кроме того, причастные обороты способны либо сужению информации, то есть уточняют, конкретизируют, выделяют, либо, напротив, расширяют её, характеризуют.

Официально-деловые тексты также изобилуют причастными оборотами, и даже в большей степени, нежели другие нехудожественные тексты. Именно в деловых текстах часто встречаются ряды причастных оборотов в рамках одного предложения. Длинные предложения, полипредикативные и полипропозитивные предложения способствуют созданию единой картины из множества фрагментов действительности в рамках одного высказывания. Причастие в таких текстах регулярно и максимально проявляет именно предикативную функцию.

Таким образом, мы рассмотрели основные типы текстов. В общем виде итоги наших наблюдений можно свести к следующему: 1) основная функция причастных оборотов в художественном тексте – выражение авторского видения ситуации и выстраи-

вание соответствующей иерархии событий; 2) художественный текст создаёт оптимальные условия для реализации различных функций причастного оборота, что позволяет причастию воплотить в тексте как атрибутивные, так и предикативные признаки; 3) нехудожественные тексты обычно лишены личностного начала, что практически лишает причастные обороты возможности передавать авторское видение ситуации. В нехудожественных текстах причастия, как правило, реализуют свои предикативные признаки; 4) публицистический текст, отражающий личностные установки автора, реализует функцию воздействия и убеждения. Стремление к простоте, понятности и образности подводит публицистический текст к более регулярному и частому использованию одиночных и адъективированных причастий, имеющих оценочное значение (часто – негативное). Это способствует созданию более сильных и запоминающихся образов; 5) причастные обороты в рекламных текстах встречаются не очень часто, их основное назначение – визуализация образа; 6) в официально-деловых и учебно-научных текстах причастия и причастные обороты встречаются достаточно часто. Как правило, причастия в них проявляют именно предикативные признаки.

Художественный текст даёт причастию и причастному обороту возможность максимального проявления их качеств и свойств, в то время как нехудожественные тексты такой свободы дать не могут. Это объясняется тем, что в художественных текстах прагматическая установка автора довлеет над прагматической установкой текста, а в нехудожественных текстах наблюдается противоположное явление.

*Воронежский государственный университет
Новикова О. Ю., аспирант кафедры русского языка
E-mail: lacosta25@rambler.ru*

*Voronezh State University
Novikova O. Yu., Post-graduate Student of the Russian
Language Department
E-mail: lacosta25@rambler.ru*

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. С. НИКИТИНА

А. К. Паничева

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: *предпринимается попытка осмысления устно-поэтического наследия воронежского поэта Ивана Саввича Никитина (1824–1861) с точки зрения его использования в фольклорных и хореографических коллективах Воронежского края.*

Ключевые слова: *национально-поэтическое и фольклорное творчество И. С. Никитина, традиции, поэтические мотивы народной пляски, танцевальный фольклор.*

Abstract: *the article contains the attempts of understanding the poetic legacy of the Voronezh poet Ivan S. Nikitin (1824–1861) and its usage in folk and dance groups of the Voronezh region.*

Key-words: *I. S. Nikitin's national poetry and folk creativity; traditions; folk dances' poetic motifs; dance folklore.*

Воронежский край известен богатейшими традициями и обычаями, славным историко-культурным прошлым. Его история прочными и кровными нитями связана с сегодняшним днем, с насущными проблемами современности. Поэтому очень важно обратиться к вопросам литературного краеведения, которое всегда играло и продолжает играть значительную роль в воспитании патриотизма, любви к родному краю.

За четыре столетия Воронеж исторически сложился как центр интеллектуальной, духовной и культурной жизни Центрального Черноземья. Он дал миру немало талантливых людей, чьи имена по праву вошли в сокровищницу мировой и российской культуры, таких как А. В. Кольцов, И. С. Никитин, Л. В. Веневитинов, И. А. Бунин, С. Я. Маршак, А. П. Платонов и другие. Сегодня Воронежский край сохраняет и приумножает историко-культурное наследие своих земляков [1].

В данной статье с учетом проблемы исследования делается попытка осмысления поэтического наследия И. С. Никитина. В ходе анализа стихов И. С. Никитина нас интересовала проблема поэтического изображения крестьянской пляски и способа ее исполнения в деятельности фольклорных и хореографических коллективов региона.

Танцевальное искусство всегда занимало значительное место в жизни русского народа. Не было ни одного сколько-нибудь радостного события в быту, которое бы не сопровождалось танцевальными элементами. Танцы нередко были спаяны в единое целое с песней, игрой, носили прикладной характер и не всегда получали завершенную форму. Они за-

служивают специального рассмотрения, так как: во-первых, без них невозможно получить полное представление о народной хореографии региона, а во-вторых, они оказали значительное влияние на плясовый фольклор, способствуя формированию законченных поэтических танцевальных образов в крестьянской среде Воронежского края.

Иван Саввич Никитин (1824–1861) был выходцем из социальной среды, близкой той, в которой формировался и другой известный воронежский поэт – А. В. Кольцов. За свою недолгую жизнь он лишь однажды покинул пределы губернии, когда летом 1860 года совершил поездку в Москву и Петербург. Находясь в родном городе или в ближних к нему уездах и наблюдая бурлящую вокруг себя жизнь, И. С. Никитин получал материал для художественного обобщения народного творчества своих земляков. Поэт в своих произведениях использует элементы и сюжеты бытовавших в народе сказок, описывает виденные им свадебные обряды, пересказывает тексты народных песен, «характеризует народных певцов, описывает процесс исполнения песни, фиксирует словом рисунок народной пляски, говорит о местных крестьянских обычаях, дает зарисовку крестьянских костюмов [2; 3]. Сознывая себя русским национальным поэтом, И. С. Никитин писал:

«Я Руси сын! Здесь край моих отцов!»

Фольклор для Никитина становится средством познания жизни крестьянской и городской бедноты и источником ее правдивого отражения в стихах. Немаловажную роль в развитии интереса И. С. Никитина к фольклору, выражавшегося в изучении и собирании образцов устной поэзии, сыграло сближение поэта со Второвским литературным

кружком (1853). В области научной разработки фольклора многие члены Второвского кружка были последователями Ф. И. Буслаева. Среди местной воронежской интеллигенции активно занимались фольклором А. В. Кольцов, А. Серебрянский, Н. В. Станкевич, А. Н. Афанасьев и др. Особенно были близки Никитину песни поэта-земляка Кольцова [4, 257–274].

В. А. Тонков, характеризуя произведения Никитина, основанные на фольклоре, выделяет наиболее популярные среди них: «Жена ямщика», песни «Супружеская ссора Пантелея», «Бурлак», «На старом кургане», «Вырыта заступом яма глубокая», «Песня бобыля», «Ехал из ярмарки ухарь-купец», «Зашумела, разгулялась», «Полно, степь моя, спать беспробудно» и др. [5, 13]. Традиционно они используются в репертуаре творческих самодеятельных и профессиональных фольклорных коллективов региона, в быту, на праздниках в сельской местности, на свадьбах во время застолья.

Самодеятельные и профессиональные творческие коллективы часто обращаются к стихотворению И. С. Никитина «Русь» из цикла произведений на гражданские темы. Впервые оно увидело свет в газете «Воронежские губернские ведомости» от 21 ноября 1853 г. и сразу было перепечатано в столичных газетах [6]. Стихотворение «Русь», опубликованное в начале Крымской войны, было созвучно патристическим настроениям того времени. В нем Никитин воспел историю родины, ее широкие просторы, богатство и красоту. Он твердо верит в силы народа, в прекрасное будущее Русской Земли и, как истинный патриот, гордится ее богатством и величием. Заканчивая произведение славицей в честь Родины, поэт восклицает:

*Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью... [3, 41].*

Новая волна популярности этого произведения припала на годы Отечественной войны, когда оно воспринималось по-новому и звучало с особой силой. Строки стихотворения «Русь» и в наши дни воспринимаются не как выражение дани уважения к далекому прошлому Родины, а как песня славы в честь настоящего и великого будущего России. Стихотворение было положено на музыку рядом композиторов. К. И. Массалитиновым была написана песня на стихи «Русь», которая вошла в репертуар воронежского хора после 1945 года. «Это глубоко патристическое произведение, – писал Г. Дорохов, – оказалось исключительно созвучным новой обстановке «народа-победителя» [7, 9].

Источником для создания героического образа родины, для выражения непоколебимой веры в победу русского народа над врагами для И. С. Никитина стал народный героический эпос. В стихотворе-

нии «Воздадим хвалу Русской земле» (1854) он создал образ любимейшего народного былинного богатыря Ильи Муромца, для которого единственная цель жизни – служение народу и родной земле [3, 124–128]. Былина об Илье Муромце вошла в репертуар московского хора Пятницкого, а затем и Воронежского хора им. К. И. Массалитинова (постановка М. Чернышова на музыку, записанную Митрофаном Пятницким от воронежских крестьян). Под колокольный звон, издаваемый «гильзами от артиллерийских снарядов, данная постановка 1 мая 1943 года завершала первый большой концерт хора в разрушенном Воронеже» [8, 56–59].

В цикле стихов о Родине поэт выступает прежде всего певцом родной природы, которую он горячо любил и тонко чувствовал. Так, в поэзии Никитина суровая русская зима – желанная гостья на нашей земле. Своими бурями, вьюгами и снегами она не страшит русского человека [9, 85–90]. Написанные поэтом строки о зиме ежегодно используются многими хореографическими коллективами Воронежа в дни зимних праздников:

*Здравствуй, гостья зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям [3, 122].*

В. А. Тонков в книге «Никитин и народное творчество» (1941) анализирует ряд произведений, в которых Никитин описывает пляску под народные музыкальные инструменты [5, 61–63]. В поэме «Тарас» И. С. Никитин изображает косарей и бурлаков, пляшущих под звуки жалейки, которая широко была распространена в XIX веке:

*И свистом покрывался звук жалейки,
И пол от топота гудел,
И прыгал стол, и прыгали скамейки...
Ребенок слушал и смотрел [3, 356].*

Поэт отмечает и радостное настроение, возбуждаемое пляской:

*Поют и пляшут косари степные,
Кафтаны сброшены с их плеч,
Растрепаны их кудри молодые,
Смела размашистая речь [3, 359].*

Более подробно Никитин описывает сольно-импровизационные пляски, в которых отсутствуют строго установленные фигуры, тесная взаимосвязь между партнерами, где каждый участник танцует как бы сам по себе, свободно импровизируя, выражая в разнообразных движениях и коленцах свои настроения, чувства и мысли. В стихотворении «Неудачная присуха» поэтически представлена пляска молодого крестьянского парня. Поэт описывает и хороводные игры. Его молодец:

*Тряхнет волосами,
Идет в хоровод.
«Ну вот, дескать, нами
Любуйся, народ!» [3, 95].*

В поэме «Кулак» И. С. Никитин описывает народные песни и характерную русскую пляску в семье столяра:

*«А ну-ко, Ваня, плясовую!» –
«Какую, братец? А? Какую?»
Мальчишка весело спросил
И ножками засеменял [3, 296].*

Изображая пляску под звуки жалейки, поэт с любовью отмечает манеру девичьей пляски:

*Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна... [3, 201].*

Передавая различные вариации импровизационных плясок, поэт подчеркивает и ту эмоциональную силу, которая преображает людей, делает их бодрее, моложе, лучше. Через описание танца Никитин передает образное воплощение национального характера, эмоциональность, темперамент русского крестьянина. Наблюдая пляску, окружающие заражаются неподдельным весельем:

*Как взойдешь в хоровод
Да начнешь там пляску
При вечерней заре,
С присвистом вприсядку, –
Бабы, девки глядят,
Стукают котами,
Парни нехотя в лад
Шевелят плечами [3, 118].*

В этих поэтических строках особое внимание отводится диалогу хороводного действия между участниками и солистом. В зависимости от формы поэтического изложения меняется атмосфера праздничного народного гуляния. Корни этой жизнерадостной индивидуальной пляски уходят в глубокую старину – к выступлениям солистов в центре хоровода, являясь первоосновой всей хореографии славян. Полной жизнью они живут и сегодня на народных праздниках и гуляньях. Народные пляски привлекают своей милой непосредственностью, веселостью и выразительной прелестью.

Анализ и осмысление танцевальных мотивов в поэзии Никитина дает возможность реставрировать те фольклорные образцы национальной хореографии, которые были частично забыты, утрачены памятью народа. На основании изучения поэзии И. С. Никитина можно представить прежний облик того или иного танца и использовать его в работе современных этнографических, фольклорных, самодеятельных хореографических коллективов. Так, например, бесценно описание ярмарки в поэме «Кулак» [3, 262–268]. Его поэзия осуществляет связь прошлого с настоящим и будущим, она словно «мост», соединяющий века. Представленные в поэзии Никитина поэтические мотивы народных плясок являются своеобразным «генетическим кодом» передачи национальной танцевальной культуры Воронежского края. Поэт показывает неистребимую любовь простых людей к танцевальному искусству.

Он выделяет самые яркие и выразительные музыкально-ритмические формулы, пластические мотивы, которые прежде всего характеризуют танцевальную культуру его эпохи.

Созданные Никитиным поэтические образы танцевальной культуры Воронежского края способствуют вековой сохранности основных пластических мотивов танца и обязательному их использованию как традиционных в условиях хореографических коллективов региона с учетом мотивированного объективного современного обновления. Процесс реализации этого подхода мы наблюдаем в последние годы в работе многих фольклорных воронежских коллективов на различных праздниках и фестивалях. Наблюдения за фольклорными коллективами Воронежского края показывают, что функционирование хореографических традиций – это динамическая система, которая связана с постоянно изменяющейся действительностью. В этнографических и фольклорных коллективах, художественной самодеятельности и профессиональном искусстве фольклор в наши дни обретает новую жизнь. Поэтому сегодня необходимо исследовать взаимоотношения фольклора и фольклоризма, определив наиболее перспективные пути и методы переработки фольклорных традиций, которые в поэзии И. С. Никитина являются ярким выражением художественно-исторической памяти нации, индикатором национального самосознания, фокусируя в себе проблемы взаимодействия национального и общечеловеческого.

Таким образом, сохранение богатств и традиций танцевального фольклора, органичное включение их в современную хореографическую культуру региона является важной практической и теоретической задачей современных фольклористов, балетмейстеров, искусствоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки литературной жизни Воронежского края, XIX – начало XX в. / [ред.-сост. В. А. Тонков и О. Г. Ласунский]. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970. – 420 с.
2. Лазарев И. Л. Судьбы песен литературного происхождения в репертуаре жителей Воронежской области / И. Л. Лазарев // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора : Межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола ; [редкол.: С. Г. Лазутин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С. 119.
3. Никитин И. С. Сочинения : стихотворения, поэмы, письма / И. С. Никитин ; [сост. В. Ф. Муленковой ; вступ. ст. О. Г. Ласунского ; прим. Л. А. Плотникова ; ил. И. Н. Новодержкина]. – М. : Правда, 1984. – 528 с.
4. Люби и знай родной край : учебное пособие по географии, истории и культуре Воронежской области для учащихся общеобразовательных школ / В. И. Федотов [и др.] ; редкол.: Б. Я. Табачников (науч. ред., рук. авт. кол.) [и др.]. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черно-

земного края, 2008. – 382 с.

5. Тонков В. А. Никитин и народное творчество / В. А. Тонков. – Воронеж : Облиздат, 1941. – 131 с.

6. Никитин И. С. Русь / И. С. Никитин // Воронежские губернские ведомости. – 1853. – № 47.

7. Дорохов Г. Воронежские певцы / Г. Дорохов. – Воронеж : Воронеж. обл. книгоизд-во, 1948. – С. 24.

8. История Воронежского хора в песне и costume / [под общ. ред. И. В. Сапелкиной]. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2012. – 96 с.

9. Кретов А. И. Тема Родины в творчестве И. С. Никитина / А. И. Кретов // И. С. Никитин : ст. и материалы к 100-летию со дня смерти. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. – С. 85-90.

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург

Паничева А. К., аспирант кафедры философии, теории и истории искусства

E-mail: panicheva.ak@mail.ru

Vaganova Russian Ballet Academy, St. Petersburg

Panicheva A. K., Post-graduate Student of the Philosophy, Theory and History of Art Department

E-mail: panicheva.ak@mail.ru

ТИПЫ ПРЕДЕЛА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет

Институт лингвистических исследований РАН

Поступила в редакцию 20 октября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы глагольной перфективной семантики, исследуется влияние типа предела глагольного действия на продуктивность глаголов по отношению к именам действия по материалам словарей и корпусов русского, украинского и польского языков.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, аспектуальная семантика, количественно-временной предел действия.

Abstract: the article investigates some issues of perfective verbal semantics. Regarding this issue, some theoretical aspects of the verbal nouns derivation are discussed. The influence of the aspectual semantics on the productivity of delimitative verbs in relation to verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish is investigated.

Key-words: verbal noun, aspectual semantics, quantitative-temporal limit of action.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики». Автор выражает глубокую признательность Ренате Гжегорчиковой и Мареку Лазиньскому за ценные советы и замечания.

В основании аспектуальности – одной из центральных функционально-семантических категорий славянских языков – лежит семантика предела. По словам Ю. С. Маслова, реальной основой, или семантической базой, оппозиции совершенный : несовершенный вид в русском и других славянских языках «является противопоставление достигнутой : недостигнутой внутренней предела глагольного действия» [1, 33]. На грамматическом уровне о пределе обычно говорят как о семантическом признаке, лежащем в основе перфективной семантики. Согласно В. В. Виноградову, «основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса, на его пределе» [2, 394]. Однако сама по себе интерпретация предела как некоего универсального семантического признака, присутствующего во всех перфективных глаголах и во всех языках, имеющих те или иные аспектуальные показатели, не проясняет ситуации. Поиски инварианта глагольного вида, продолжающиеся уже несколько десятилетий, пока не приводят к удовлетворительному результату. Глубоко различные трактовки инварианта совершенного вида (вот далеко не полный список: «целостность» (Л. П. Размусен, Ф. де Соссюр, Ю. С. Маслов, Н. С. Авилова, А. В. Бондарко), «взгляд на ситуацию извне» (Б. Комри), «смена ситуаций», «секвентность»

(А. Барентсен), «изменение» (F. Antinucchi, L. Gebert, Е. Падучева), «целостное событие» (Дж. Форсайт), «единичность (однократность) обозначаемой ситуации» (Г. Зельдович), «история» фрагмента мира (последовательные «сцены») (И. Б. Шатуновский), ограничение действия пределом (Р. О. Якобсон, Ю. С. Маслов, В. В. Виноградов), ограниченное пределом целостное действие (А. В. Бондарко, Н. С. Авилова) и т. д.), неэквивалентность форм перфектива в разных языках, попытки выделения «особого славянского вида» – все это свидетельствует о том, что в основе перфективности нет единого семантического признака, универсального для всех языков. В этом плане представляется плодотворным подход, который последовательно развивался Ленинградской аспектологической школой Ю. С. Маслова: семантическая сфера аспектуальности не является однородной, существует множество аспектуальных оппозиций, различающихся в разных языках формально и семантически [1]. С другой стороны, кажется справедливой идея, высказанная Е. В. Петрухиной: «Существующие в аспектологии определения категориальной семантики совершенного вида ('достижение предела', 'завершенность', 'результат', 'смена ситуации', 'возникновение новой ситуации', 'начало новой ситуации', 'целостность') отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, – концепта предела как временной границы действия» [3]. Эти утверждения не исключают, а, скорее, взаимно до-

полняют друг друга: семантика предела лежит в основании видовых различий (шире – аспектуальности), но реализуется в разных семантических вариантах.

Объектом анализа в настоящей статье является отглагольное имя действия – имя существительное, образованное от глагола и выражающее значение действия или состояния: *изучение, накапливание, накопление, проверка, завоевание, обгон* и т. д. Эта категория слов есть во всех славянских языках, но различается по степени сохранения глагольных признаков и по регулярности образования.

В современном русском языке имя действия имеет весьма ограниченные семантические и функциональные возможности: по результатам нашей сплошной выборки из Словаря современного русского литературного языка [4], а также из Национального корпуса русского языка [5], в русском языке имен действия в 6 раз меньше, чем глаголов (на 33 000 глаголов примерно 5 500 имен действия). Кроме того, транспозиция русского глагола в имя сопровождается утратой важных семантических компонентов, в частности — ряда аспектуальных значений. При анализе корпуса русских девербативов обращает на себя внимание и заметное преобладание имен действия, мотивированных имперфективными глаголами. Например, единичных имен действия (то есть не образующих пар типа *накапливание — накопление*), образованных от глаголов НСВ (ср. *ловля*), насчитывается около 1100 единиц, а единичных имен действия, образованных от глаголов СВ (ср. *завоевание*), – всего около 80 единиц. Впрочем, прямой подход «от формы» в данном случае не приводит к удовлетворительным объяснениям: одни глаголы СВ мотивируют имена действия (ср. *захудать – захудание, переделать – переделка, прочесть – прочтение*), а другие – нет (ср. *перецеловать – Ø, повспоминать – Ø, просидеть (полчаса) – Ø, застучать – Ø* и т. д.).

В литературе обращалось внимание на то, что ограниченность в образовании отглагольных имен каким-то образом связана с видом (хотя бы потому, что от глаголов НСВ имен действия образуется заметно больше, чем от глаголов СВ). Анна А. Зализняк выводит следующее формальное правило: если видовая пара состоит из СВ на *-ить* и НСВ на *-ять, -ать* (с суффиксом *-а-*, но не *-ва-* или *-ива-, -ыва-*), то отглагольное имя образуется от перфективной основы глагола: *украшение, обучение, сочинение...* Так, *изменение, подтверждение, уничтожение* регулярны, а **изменяние, *подтверждение, *уничтожаение* отсутствуют. В остальных случаях имя образуется от имперфективной основы глагола [6]. Это правило является убедительным, но только частичным ответом на вопрос о том, почему в русском языке образование имен действия столь избирательно, поскольку охватывает только часть гла-

гольной лексики. Остаются за кадром, во-первых, префиксальные видовые пары типа *строить – построить* (*стройка / постройка / строение / построение*), непарные по виду глаголы (одни глаголы образуют имена действия, а другие – нет), глаголы *подойти – подходить*, у которых есть только имена действия с нулевым суффиксом (*подход*) или с суффиксом *-к(а)* и т. д.

Ограничения на образование имен действия в русском языке вызывают вопросы еще и потому, что в близкородственных славянских языках ситуация иная: например, в украинском языке, согласно данным нашей сплошной выборки из Словаря украинского языка [7], имен действия насчитывается почти в два раза больше, чем в русском, а польский девербатив, по данным толковых словарей С. Дубиша [8] и В. Дорошевского [9], образуется почти от каждого глагола. Польские и украинские имена действия более «глагольны», чем русские: они гораздо регулярнее образуют видовые пары и в некоторых грамматиках и словарях (например, в [10] и [11]), даже включаются в парадигму глагола, другой подход реализован в [12, 393–398] (см. об этом подробнее в [13]). Мы полагаем, что причина указанных расхождений заключается в межъязыковых различиях аспектуальной семантики.

М. А. Шелякин, анализируя семантику русских перфективных глаголов, выделяет три семантических типа предела глагольного действия: **результативный** (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, ср. *переходить – перейти*), **одноактный** (действие совершается «в один прием», ср. *булькнуть, вздрогнуть*) и **количественно-временной** (действие ограничено определенной внешней временной границей, ср. *посидеть, закричать, продудеть*) [14]. Эта классификация коррелирует с типологическими разновидностями семантики перфективности в разнотипных языках, описанными (позднее) В. А. Плунгяном: **пунктивность** (мгновенность / краткость действия, как в *стукнуть, курнуть*), **комплетивность** (достижение естественного предела, как в *построить*) и **лимитативность** (вложенность в более протяженный временной интервал, причем важно само наличие временных границ ситуации, как в *посидеть, прогулять* (весь день)) [15]. Речь идет о том, что в разных языках может преобладать тот или иной тип предела.

С. Дики обнаруживает функционально-семантические различия между формами совершенного вида в славянских языках: в частности, он доказывает, что для западославянского перфектива характерно, скорее, значение целостности действия, а для восточнославянского – значение временной определенности [16].

Эти идеи дают возможность по-новому подойти к решению проблемы славянского отглагольного

имени, как и проблемы поиска инварианта глагольного совершенного вида. Наша гипотеза сводится к следующему: причина запрета на номинализацию ряда глаголов заключается не в перфективности глагольной формы как таковой, а в типе выражаемого ею предела: результативном, одноактном или количественно-временном. Этот фактор, с одной стороны, может влиять на продуктивность глаголов разных семантических групп по отношению к именам действия внутри одного языка, а с другой – определять межъязыковые различия в отношении регулярности образования имен действия (в нашем случае – между польским, украинским и русским языками).

Для определения типа предела в каждом конкретном глаголе или имени действия удобно опереться на аспектуальные разряды – способы глагольного действия, которые являются одним из важных средств формирования аспектуальной семантики в славянских языках. В глаголах морфемно-характеризованных способов действия тип предела выражен эксплицитно. Например, глаголы одноактного способа действия (*вздохнуть*) выражают одноактный тип предела, делимитативные глаголы (*потанцевать*) – количественно-временной тип предела (по М. А. Шелякину), или лимитативность (по В. А. Плунгяну), а глаголы специально-результативных способов действия (*перекормить*) – результативный предел (по М. А. Шелякину), или комплетивность (по В. А. Плунгяну). Кроме того, семантика способов глагольного действия хорошо сохраняется в производных именах действия. Поэтому в основе анализа может быть положена словообразовательно-семантическая соотнесенность производных существительных с глаголами тех способов действия, которые эксплицитно выражают определенный тип предела.

Представляется целесообразным следующий ход исследования: 1) сплошной количественный анализ глагольных групп морфемно-характеризованных способов действия, а также соотносительных с ними имен действия в трех исследуемых языках; 2) сопоставление полученных количественных данных и установление словообразовательных лакун и, соответственно, «зон запрета» на образование отглагольных имен в зависимости от типа предела глагольного действия. Кроме того, в польском и украинском языках необходимо привлечение корпусных данных [17] и [18] для проверки употребительности изучаемых единиц, поскольку есть основания полагать, что целые группы имен действия являются скорее потенциальными, чем реальными языковыми единицами.

Очерченная логика и совокупность методик исследования позволяют построить комплексное описание действительного положения дел в сфере образования отглагольных имен действия в русском,

украинском и польском языках и получить ответ на вопрос о причинах существенных межъязыковых различий в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 21–304.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
3. Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида / Е. В. Петрухина // Международный сборник статей в честь В. Гладрова «Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow» Berliner Slawistische Arbeiten 33. Frankfurt am Main-Berlin: Peter Lang, 2008 // Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_8_diskussionnie_voprosi_gladr.pdf (дата обращения 18.10.2015)
4. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Под ред. В.И. Чернышёва. М. : АН СССР, 1948—1965.
5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2015).
6. Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом / Анна А. Зализняк // Terra Balkanica. Terra Slavica. М., 2007. – С.43–51.
7. Словник української мови: в 11 тт. АН УРСР. Інститут мовознавства; под ред. І.К. Білодіда. — К. : Наукова думка, 1970—1980.
8. Uniwersalny słownik języka polskiego // pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.
9. Słownik języka polskiego // pod red. W. Doroszewskiego. PWN SA, 2000 – Режим доступа: <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 03.01.2014).
10. Mędak S. Słownik form koniugacyjnych czasowników polskich. Kraków: Universitas, 2004. – 363 s.
11. Saloni Z., Woliński M., Wołosz R., Gruszczyński W, Skowrońska D. Słownik gramatyczny języka polskiego. Podstawy teoretyczne. Instrukcja użytkowania. Wyd. II, zmienione. Warszawa : Sowa Sp. z o.o., 2012. – 180 s.
12. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Pod red. Grzegorzczukowej R., Laskowskiego R., Wróbla H. Warszawa : PWN, 1998. – 640 s.
13. Пчелинцева Е. Э. Грамматический статус польского отглагольного имени действия и семантика делимитативности / Е. Э. Пчелинцева // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2014, Вып.2, С. 164–172.
14. Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы) / М. А. Шелякин. – Таллин : Валгаус, 1983. – 216 с.
15. Плунгян В. А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология / В. А. Плунгян // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М. : ЯРК, 1998. С. 370–381.

16. Dickey S. Parameters of Slavic Aspekt: A cognitive approach / S. Dickey. – Stanford : CSLI Publications, 2000. – P. 234–258.

17. Корпус текстів української мови / Лабораторія комп'ютерної лінгвістики Інституту філології КНУ ім. Т.

Шевченка. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209> (дата звернення: 15.06.2014).

18. Korpus Języka Polskiego (NKJP). – Режим доступа: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/> (дата звернення: 03.01.2014).

Черкаський державний технологічний університет

Пчелинцева Е. Э., заведуюча кафедрою українського мови та загального мовознавства, докторант Інституту лінгвістических досліджень РАН

E-mail: pchele@gmail.com

Cherkassy State Technological University

Pchelintseva E. E., Head of the Ukrainian Language and General Linguistics Department, Fellow Researcher of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: pchele@gmail.com

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

А. В. Рудакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье описана методика выявления и описания новых значений слов на материале психолингвистических экспериментов. Проводится исследование оценочности ассоциатов, вербализующих новое значение в сознании носителей языка.

Ключевые слова: семантика, психолингвистика, эксперимент, оценка, оценочность.

Abstract: the article describes methods of identification and description of new meanings in psycholinguistic experiments. Research of associates, verbalizing evaluation components in new word meanings in the mind of native speakers is conducted

Key-words: semantics, psycholinguistics, experiment, assessment, evaluation.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Любое знание о мире, получаемое индивидом, невозможно без оценивания этого мира, то есть без преломления приобретенных знаний через человеческое отношение. Поэтому не случайно категория оценки издавна привлекает внимание ученых разных направлений (философов, лингвистов, психологов и др.).

Наряду с понятием «оценка», в отечественной лингвистике используется термин «оценочность», данная категория активно изучается на протяжении последних десятилетий (в трудах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. В. Виноградова, Е. М. Вольф, В. Г. Гака, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Н. А. Лукьяновой, Е. В. Падучевой, Э. А. Столяровой, В. Н. Телия, Н. В. Уфимцевой, В. И. Шаховского, А. Д. Шмелева и др.).

При рассмотрении исследователями оценки с лингвистических позиций в первую очередь указывается на то, что оценка определяется как закрепленная в семантике лексического слова положительная или отрицательная квалификация предмета, объекта действительности по признаку «хорошо/плохо» со стороны говорящего субъекта. Такая трактовка языковой оценки прослеживается в определениях многих исследователей.

В настоящее время наблюдается активное появление у слов новых значений с отличающимся оценочным компонентом. В лексикографических источниках данная тенденция часто не фиксируется или указывается расплывчато, фрагментарно. Одна-

ко носители языка отмечают это при употреблении слов с новыми значениями (см. примеры в Национальном корпусе русского языка).

Выявить и зафиксировать появление новых сем в пределах одной лексемы позволяет психолингвистический эксперимент.

Цель данной работы – разработка методики описания содержания новых значений с опорой на их оценочность (на материале психолингвистических экспериментов).

На первом этапе исследования выделяются лексемы, которые потенциально могут содержать семы с разной оценочностью (*блондинка, мужик, брутальный, амбициозный, коза, жук, конь* и др.).

Одним из признаков подобного типа слов является наличие в ассоциативном поле одноименного стимула большого количества ассоциатов с разной оценкой.

Например, ассоциативное поле стимула **КАРЬЕРИСТ** (100 ии) [2] содержит 39 оценочных ассоциатов (индекс яркости оценочности 0,39 – высчитывается как отношение количества оценочных ассоциатов к общему количеству ассоциатов). Остальные ассоциаты не оценочны (61 ассоциат).

Ассоциаты, объективирующие одобрение, позитивную оценку: *успешный 3; успех 2; почётно, предприимчивый, удачный, ум, умный, хороший; человек, добившийся успеха 1*. Индекс яркости одобрительной оценки – 0,12 (от общего количества ассоциатов).

Ассоциаты, объективирующие неодобрение, негативную оценку: *трудоголик 3; ботаник, задрот,*

подлиза, эгоист 2; алчность, амбициозный, аферист, бесемейник, ботан, выскочка, жалость, жёсткий человек, козёл, отречённый, паскудный, пофигист, продажный, сволочь, странный, целеустремлённый эгоист 1. Индекс яркости неодобрительной оценки – 0,27.

Пока в лексикографических источниках отмечается только одна семема данного слова с пометой «неодобрительное», однако появление уже 12% позитивных ассоциатов на одноименный стимул, примеров употребления в «положительном» значении свидетельствует о формировании нового значения, не отраженного в словарях – «умный, целеустремленный, успешный, усердно работающий с целью продвинуться по карьерной лестнице работник».

В данной семеме отмечаются одобрительные оценочные семы, что отражает социальные изменения в обществе – стремиться достичь высот в карьере становится одним из качеств успешного человека (ср. в советский период открытое стремление достичь успеха в профессиональной деятельности оценивалось скорее негативно).

Второй признак появления нового значения с иной оценкой – активное употребление ранее однозначно маркированной оценочной единицы с иной (одобрительной) оценочной характеристикой.

Открытием Аксенова и, смею сказать, театра был сам Кисточкин, опора и основа любого культа, притом не фельетонный жлоб, а талант, умница, карьерист, без сомнения, с партбилетом в кармане, человек с безусловным и заразительным обаянием [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995)] [3].

Нужно отметить, что оценочные ассоциаты могут носить также ситуативный характер: указывать на личный (позитивный или негативный) опыт испытуемого, выражать стереотипное представление о чем-либо, например ВРАЧ – ассоциаты *взятки, зло, от бога, оборотень, плохой, халтура* и др.

На втором этапе проводится лексикографический анализ семантики слов: анализируются данные современных толковых словарей (С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой, С. А. Кузнецова, А. П. Евгеньевой). Полученные данные сопоставляются. Выявляется характер представления оценки в данных словах, например:

– отсутствие пометы, связанной с оценкой:

СВИНЬЯ. 1. Парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, кожи. // Самка этого животного. 2. *Разз.* О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками. 3. *Разз.* О человеке, поступающем низко, подло, грубо. 4. только ед. В средние века: порядок построения войска в виде клина. 5. Род морских млекопитающих подсемейства дельфиновых.

Лексикографический источник квалифицирует все семемы данной лексемы как неоценочные, присутствует только помета «разговорное», однако

носители языка, используя слово СВИНЬЯ во втором и третьем значениях, «ощущают» неодобрительную оценку объекта, по отношению к которому данная языковая единица применяется;

– наличие пометы, связанной с оценкой (одобрительное/неодобрительное):

ЭКИВОКИ. *Неодобр.* Двусмысленные намёки, недоговорённости или уловки, увёртки, ухищрения.

БАРАХЛО. 1. *О подержанных или старых, пришедших в негодность вещах; хлам.* // *Пренебр.* Вещи домашнего и личного обихода (одежда, посуда, мебель и т.п.); *пожитки.* 2. *Бранно.* О ком-, чём-л., куда не годном, скверном.

На следующем этапе анализируется ассоциативное поле каждого стимула: проводится семантическая интерпретация ассоциатов, т. е. «перевод» ассоциативных реакций в компоненты значений (семантические компоненты, семы) в соответствии с известной предикативной гипотезой ассоциирования Дж. Миллера. Методика семантической интерпретации подробно описана в [4]. Формулируется психолингвистическое значение слова. В структуре психолингвистического значения выделяются три макрокомпонента: денотативный, коннотативный и метаязыковой (функциональный) [5]. Наряду с эмоциональностью, оценочность относится к коннотативному макрокомпоненту.

Уже на этапе описания денотативного компонента становится ясно, что оценочность конкретной семемы должна описываться не по выделенным путем семной интерпретации семам, а по самим ассоциативным реакциям, поскольку в одну сему в процессе обобщения могут быть объединены ассоциаты с разной оценкой (ср. сема «не любит работать» – ассоциаты *ленивый, не хочет работать, тунеядец, избегает труда, его надо заставлять* и т. д. – неодобрительное и неоценочное), а обобщающая формулировка семы может отражать лишь одну оценку – неодобрительную. В описании учитываются как общеоценочные ассоциативные реакции (типа *хороший, отличный, класс, дрянь* и др.), так и оценки и эмоции, выраженные в частных оценочных реакциях типа *вор, жулик, нечист на руку, берет взятки* и под. – неодобрительное.

Все ассоциаты одной семемы распределяются на три группы: *неоценочное, неодобрительное, одобрительное*. Указывается общее количество реакций в каждой группе, затем перечисляются сами ассоциаты, отнесенные к этой группе.

Указываются различные индексы: индекс яркости семемы, который высчитывается как отношение ассоциатов, вербализующих данную семему, к общему количеству опрошенных; индекс яркости оценочных компонентов, которые являются отношением ассоциатов данной группы к общему количеству ассоциатов данной семемы. Например,

КАБАН (100 ии) [2]

1. Крупная дикая свинья. Индекс яркости семемы 0,82. Неоценочное

неоценочное 0,94 (свинья 24; животное 16; дикая свинья 3, толстый 3; большой 2, лес 2, мясо 2, поросянок 2, щетина 2, энергичный 2; баран, бивень, большая свинья, в лесу, вепрь, волосатый, дикий, дичь, жёлуди, зверь, клык, лесной, на охоте, огромный, рог, рыло, сало, свин, тяжёлый)

неодобрительное 0,05 (грязь, жирдяй, злой, кабанище)

одобрительное 0,01 (вкусный)

2. Самец домашней свиньи. Индекс яркости семемы 0,80. Неоценочное

неоценочное 0,94 (свинья 24; животное 16; хряк 6; толстый 3; большой 2, боров 2, мясо 2, поросёнок 2, щетина 2, энергичный 2; баран, бивень, большая свинья, домашнее животное, жёлуди, зверь, кабанище, клык, огромный, рог, рыло, сало, свин, тяжёлый)

неодобрительное 0,05 (волосатый, грязь, жирдяй, злой)

одобрительное 0,01 (вкусный)

3. Крупный толстый мужчина. Индекс яркости семемы 0,24. Неодобрительное

неодобрительное 0,79 (хряк 6; толстый 3; боров 2, баран, дебил, жирдяй, злой, кабанище, сало, тяжёлый, упертый человек)

неоценочное 0,21 (большой 2, огромный, одноклассник, пацан)

одобрительное 0

Как мы видим, первые два значения являются неоценочными – это подтверждается большим процентом неоценочных ассоциатов, относящихся к данным семемам. Третье значение – «крупный толстый мужчина» – отличается яркой неодобрительной оценкой (в лексикографическом источнике помета «неодобрительное» отсутствует).

Приведем примеры некоторых лексем, у которых сформировались новые значения, не отмеченные в лексикографических источниках: новые значения выделены в ходе анализа психолингвистических данных.

У лексемы **БЛОНДИНКА** было выделено новое значение (семема 2):

1. Светловолосая девушка. Индекс яркости 0,97. Неоценочное

неоценочное 0,58 (девушка 18; брюнетка 5, крашенная 3, цвет волос 3 и др.)

неодобрительное 0,35 (дура 12; тупая 9; глупая 5; анекдот и др.)

одобрительное 0,07 (красивая 2, умная 2; красавица и др.)

2. Глупая девушка. Индекс яркости семемы 0,68. Неодобрительно-неоценочное

неодобрительное 0,51 (дура 12; тупая 9; глупая 5; анекдот, глупость, кукла, мозг работает слабо, не очень умная девушка, овца, Собчак, «умная», хитрая)

неоценочное 0,40 (девушка 18; девушки 2, жен-

щина, «Мазда», машина, Мэрилин Монро, состояние души, человек, я);

одобрительное 0,09 (красивая 2, умная 2; красавица, красотка)

У лексемы **БРУТАЛЬНЫЙ** были выделены три новых значения (семемы 1, 2, 4):

1. Мужчина, отличающийся лучшими качествами: мужественностью, физической силой и др. Индекс яркости 0,69. Неоценочно-одобрительное

неоценочное 0,57 (мужчина 14; человек 5; мужской 3; парень 2, Борис Моисеев, качок, мажор, малый, металл, метросексуал, мой муж, мощный, муж, небритый, отличный от других, серьёзный, тип, характерный, чувак)

одобрительное 0,40 (мужик 8; мен 3, красивый 2, мачо 2, сильный 2; выдающийся, выразительный, Император Человечества!, классный, колоссальный, модный, мужественный, необыкновенный, очень мужественный, стильный, харизма)

неодобрительное 0,03 (высокомерный, суровый)

2. Мужчина, отличающийся грубостью, жестокостью. Индекс яркости 0,60. Неоценочно-неодобрительное

неоценочное 0,58 (мужчина 14; человек 5; мужской 3; парень 2; сильный 2; водка; малый; металл; мой муж; мощный; муж; отличный от других, характерный, чувак)

неодобрительное 0,42 (мужик 8; грубый 3, мен 3, алкаш, высокомерный, жестоко, качок, лох, небритый, неотёсанный, неряшливый, суровый, тип, хам)

одобрительное 0

3. Присущий настоящему мужчине 6. Индекс яркости 0,07. Одобрительное

одобрительное 0,86 (мужской 3; мужественный, очень мужественный, харизма)

неоценочное 0,14 (характерный);

неодобрительное 0

Все семемы данной лексемы оценочны: от неодобрительной до одобрительной.

У лексемы **МУЖИК** было выделено новое значение «мужчина с лучшими качествами» (индекс яркости 0,39):

неоценочное 0,64 (мужчина 10; человек 5; женщина 2, я 2; взрослый, муж, он, парень, пацан, человек мужского пола)

одобрительное 0,33 (сила 2, видный, крутой, лидер среди всех, матёрый, мен, настоящий, серьёзный, сильный, сказал – сделал, состоятельность, шикарный)

неодобрительное 0,03 (суровый)

В толковых словарях есть значение «о любом мужчине» (разг.-сниж.), которое также выделяется и в ходе анализа психолингвистических данных.

У лексемы **АМБИЦИОЗНЫЙ** было отмечено новое значение «активно стремящийся достичь успеха, цели» (индекс яркости 0,29):

неоценочное 0,55 (человек 7; адвокат, люди, малый, начальник, парень, работа, тип, требовательный, директор)

одобрительное 0,41 (сильный, всего достигнет, характер 2, характерный 2; лидер, устремлённый, целеустремлённый, цель, это правильно, если есть ум)

неодобрительное 0,04 (всезнайка)

Это значение отличается неоценочно-одобрительной характеристикой.

Описанная методика определения оценочной характеристики семемы позволяет уточнить наличие нового значения, более точно описать оценочный компонент семемы, верифицировать данные контекстуального анализа.

Воронежский государственный университет

Рудакова А. В., доцент кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: a-rudakova@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2011. – 187 с.
3. Национальный корпус русского языка: – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
4. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing : Saarbrücken, 2011. – 192 с.
5. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография / А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2014. – 180 с.

Voronezh State University

Rudakova A. V., Associate Professor of General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: a-rudakova@list.ru

ТЕМА НАДЕЖДЫ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ПОВЕСТИ Г. ГЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО «ИНОЙ МИР»

А. И. Сабитова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Поступила в редакцию 21 октября 2015 г.

Аннотация: в статье исследуется влияние Ф. М. Достоевского на творчество польского писателя Густава Герлинга-Грудзинского, в частности, анализируется своеобразие воплощения темы надежды в «Записках из Мертвого дома» и повести «Иной мир».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. Г.-Грудзинский, каторга, лагерь, надежда, свобода.

Abstract: the article presents research into the influence of F. M. Dostoyevsky's literary works on the works of the Polish classical author Gustaw Herling-Grudziński. In particular, the article analyzes the peculiar representation of the theme of hope in «Notes from the Dead House» and «A world apart».

Key-words: F. M. Dostoevsky, G. G.-Grudziński, penal servitude, camp, hope, freedom.

Произведения Ф. М. Достоевского значительно повлияли на жизнь и творчество польского писателя XX века Густава Герлинга-Грудзинского. Повесть Герлинга-Грудзинского «Белая ночь любви» переключается с повестью Достоевского «Белые ночи», а повесть «Иной мир» – с «Записками из Мертвого дома». Сходство двух последних произведений подтверждается эпиграфами, цитатами, прямыми авторскими свидетельствами.

По мнению польского ученого Т. Сухарского, связи Г. Грудзинского и Достоевского можно проследить на нескольких уровнях – биографическом, творческом и метафизическом. Показательными в этом отношении являются каторжные произведения обоих авторов, которые, как считает В.В. Борисова, могут быть сопоставлены и в национально-культурном аспекте [1; 36]. В данном же случае мы рассмотрим идейную трактовку темы надежды у русского и польского писателя. Оказавшись в ситуации «человека без Бога, как сказал бы Достоевский, или без абсолютных истин, как выразился бы Грудзинский» [2; 4], они не лишили себя надежды.

«С самого первого дня моей жизни в остроге я уже начал мечтать о свободе... Не знаю, думали ль, рассчитывали ль каторжные так же, как я, но удивительное легкомыслие их надежд поразило меня» [3; 294].

Состояние героев Г.-Грудзинского, на первый взгляд, противоположно душевным переживаниям каторжников XIX века: «Эх, надоела жизнь»... В других странах и при других обстоятельствах место этого короткого возгласа отчаяния занимает настоящая молитва... человек, лишенный всего, кроме надежды, начинает день, обращая свои первые мысли и мольбы к ней. Но как могли это делать люди, у которых отняли даже надежду?» [4].

Польский писатель, как и Достоевский, показывает разное отношение каторжан к жизни в заключении. Простым людям было легче: «Они относились к этой жизни как к самому дну своего и раньше-то нелегкого существования и с каким-то сердечным смирением ждали награды за то, что терпеливо сносят страдания» [4]. Образованные же гулаговцы зачастую, «если им не удавалось вооружиться хотя бы каплей цинизма, отдавались во власть воспоминаний» [4].

Оторванные от народа каторжники-дворяне в произведении Достоевского, остро переживая свою обособленность, раньше других теряют надежду. Положение автора «Записок из Мертвого дома» на каторге осложняется отношениями с товарищами, которые ненавидят его за дворянское происхождение. Характерно, что это объединяет его именно с поляками:

«– Скажите, пожалуйста, – продолжал я расспрашивать поляка, – они смотрят, как будто завидуют за... чай. Что это значит?

– Это не за чай, – отвечал поляк. – Они злятся на вас за то, что вы... на них не похожи.... Здесь ужасно тяжело для всех нас. Нам всех тяжелее во всех отношениях. Нужно много равнодушия, чтоб к этому привыкнуть» [4].

Подтверждением этих слов является описание трагической судьбы поляка Острожского: «Он говорил так ласково, так разумно, так занимательно рассказывал, так добродушно и честно смотрел. С тех пор я не видал его года два... и вдруг его ввели к нам в палату как сумасшедшего» [4].

Своеобразие воплощения темы надежды в обоих произведениях тесно связано с отношением героев к реальности. Каторжане не принимают настоящее за действительность: «Надежда заключенного, лишенного свободы, – совершенно другого рода, чем насто-

ящим образом живущего человека. Свободный человек, конечно, надеется... но он живет, он действует; настоящая жизнь увлекает его своим круговоротом вполне... Тут, положим, тоже жизнь – острожная, каторжная; но кто бы ни был каторжник и на какой бы срок он ни был сослан, он решительно, инстинктивно не может принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное», – пишет Достоевский [3; 294].

В «Ином мире» заключенные также четко разделяют возможное и невозможное, мечты и действительность: «Разжигать надежду значило подвергать себя страшной опасности разочарования» [4].

Надежда героев «Записок...» подпитывается возможностью переживания свободы хотя бы как ее иллюзии. Ее воплощение они находят в работе. Каждый из арестантов владеет каким-либо ремеслом, трудится и этим зарабатывает, несмотря на то, что иметь при себе деньги и инструменты запрещалось. Свобода проявляется и в выборе занятия, и в ее добровольном характере – обязательная же работа страшна не потому, что тяжела и невыполнима, а именно из-за принуждения к ней. Кроме того, благодаря деньгам, владея и распоряжаясь ими, арестант тоже обретает определенную независимость.

И. Серман отмечает: «Книга Достоевского о каторге – это книга о свободе, как о неотъемлемом стремлении русского человека, как о его исторически сложившейся и выстраданной природе» [5; 141]. Значение свободы для русских подчеркивает и Герлинг-Грудзинский: «Слово «свобода» в России не произносится всуе» [4]. В его «Ином мире» воплощением свободы также становится сверхурочная работа, которая позволяет заключенным почувствовать себя независимыми: «Тот факт, что наш рабочий день выходил за всякие установленные рамки, давал нам право на то, чтоб нас просили поработать лишнее... они (арестанты) считают почти привилегией негласное право освятить безграничную эксплуатацию рабского труда актом своего согласия на нее» [4].

Грудзинский прямо обращается к «Запискам...»: «Я словно слышу Достоевского: «Весь смысл слова «арестант» означает человека без воли. У нас не было денег, но были остатки сил, и ими мы платили за спасение самых скромных внешних признаков человечности» [4].

«Записки из Мертвого дома» оказали большое влияние на философские взгляды героя-рассказчика «Иного мира», стали для него настоящим потрясением: «С того момента, как я прочитал несколько первых страниц Достоевского, и до того, когда во второй и последний раз закрыл книгу... я жил в состоянии асфиксии, напоминающем пробуждение от долгого смертельного сна...» [4].

Герой повести Грудзинского делает вывод о непрерывности времени, у него возникает чувство, будто не было перерыва между жизнью каторжан Достоевского и его судьбой. Солагерницу рассказчика Наталью

Львовну также поражает эта мысль. Она находит в книге русского писателя алогичный для нормально-го человека путь спасения, луч надежды: «Всегда есть место для надежды, когда жизнь оказывается такой безнадежной, что внезапно становится исключительно нашей собственностью» [4]. Поскольку все, что происходит с ними, уже было, то и смерть представляется событием уже случившимся: «Мы умерли давным-давно, только боимся в этом признаться» [4].

Оба героя приходят после прочтения книги Достоевского к мысли об освобождении через самоубийство. Мысли героев «Иного мира» о том, что кто-то уже испытывал такие же страдания, вызывают у них чувство обреченности. Горянчиков же осознает исключительную неожиданность своего существования. При этом надежда на освобождение у него не пропадает, с первых дней заключения он мечтает о свободе. Его вера, как и мечты других каторжников, не нуждается в логических обоснованиях.

Надежда, питающая заключенных, напрямую связана с их отношением к жизни. В «Записках...» герой воспринимает свою судьбу как уникальную. В «Ином мире» герои, чувствуя бесконечную связь времен и поколений, приходят к мысли о бессмысленности ожидания свободы.

В произведении русского писателя все заключенные воспринимают ее как благо: «Цель у всех наших была свобода и выход из каторги» [3; 438]. В «Ином мире» же представлены герои, для которых воля затруднительна, заключение в итоге лучше свободы. Таковыми являются малолетние преступники: «Эти ребята приучились относиться к тюрьме как к чему-то вроде пионерского лагеря и, не чинясь, используют эту передышку после утомительной жизни на свободе» [4]. Легко переносят лишение свободы и заключенные тюрьмы «Интурист» в Ленинграде, по коридору которой рассказчику довелось пройти во время этапа: «Мой собеседник вовсе не жаловался на отсутствие свободы. Ему хорошо и удобно», – говорит один из них. Себя и своих товарищей он называет «полноправными гражданами Советского Союза» [4], поскольку их приговорили к сроку, не превышающему полутора лет. Это спокойное отношение к лишению свободы проявляется у тех, кто не привык приносить пользу обществу на свободе, зато может принести выгоду тюремным властям и себе. Так, автор характеризует беспризорников как «подлинных «пролетов», не отягощенных первородным грехом контрреволюции, «глину, из которой можно вылепить что угодно» [4]. Высокий уровень условий жизни заключенных «Интуриста» связан с разрядом преступлений: «Сталин по собственному опыту знает, что, создавая в тюрьмах человеческие условия, можно пробудить дух смирения только в «бытовиках»... Чем лучше, с материальной точки зрения, чувствует себя «политический» в тюрьме, тем острее тоскует он по воле, тем резче бунтует против власти» [4].

Свободу заключенные видят также в одиночестве: «Оно было единственной заменой свободы – заменой, за которую в минуты полной расслабленности платили облегчающим и почти физически болезненным плачем», – пишет Грудзинский [4]. То, о чем думает каждый, одновременно вызывает и боль, и успокоение. Об одиночестве мечтает и автор «Записок...»: «Я бы никогда не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду один?» [3; 213]

Потеря надежды для заключенных в «Записках...» и «Ином мире» оборачивается мученичеством. «Так как совершенно без надежды жить невозможно, то он и выдумал себе исход в добровольном, почти искусственном мученичестве», – говорится об одном из обитателей Мертвого дома [3; 438]. Эту фразу Грудзинский использовал в качестве эпиграфа к главе «Рука в огне», в которой повествуется о Михаиле Костылеве. За короткое время он стал близким другом рассказчика. Костылев тайком регулярно жег руку над огнем, не желая работать в лагере.

Мученичество в этом случае является формой протеста. К добровольным страданиям зачастую примешивается одиночество: «Люди, побежденные в борьбе за то, во что они верят, охотно принимают мученичество как горькую награду своему одиночеству» [4]. Его испытывает и сам рассказчик. Отчаявшись, перестав надеяться на то, что амнистия польским заключенным коснется и его, герой объявляет голодовку. Из-за этого между ним и остальными заключенными вырастает стена: «Я был один, пугающе один» [4]. Причиной отчуждения становится страх наказания за общение с бунтующим. Кроме того, сокамерники подспудно желали, чтобы бунт пресекли, а требования голодающих не удовлетворили: «В безвыходном положении, несмотря ни на что, лучше сознавать, что от судьбы не уйдешь и исключений нет». Чужая радость убивала бы их надежду. При этом между рассказчиком и остальными голодающими поляками также нет доверия: «Мы... напряженно ждали, кто первый не выдержит или предаст».

Таким образом, одиночество является не только выражением надежды на свободу, но и результатом ее потери. О голодовке поляков в «Ином мире» говорится в главе «Мученичество за веру», названием к которой также послужила цитата из произведения Достоевского. Грудзинский вводит ее в знаменательный диалог:

«– Знаешь, кто сидит в изоляторе?

– Ну?
– Три монахини, за сатану.
– Все еще? И чего они хотят?
– Мученичество за веру, – ответил я не задумываясь, даже не осознав тогда, что заимствую это определение у Достоевского.

– Как и мы, – сказал он.
– Не преувеличивай, мы только на волю выйти хотим, – отплатил я ему с облегчением и тут же постучал в другую стену».

Обращение к произведению русского классика соседствует со свидетельством силы и чувства юмора рассказчика:

«– Горбатов, передай трем монашкам привет от голодающих поляков» [4].

Таким образом, тема надежды является общей для «Записок из Мертвого дома» Достоевского и «Иного мира» Г. Грудзинского. Многие из произведений польского писателя восходят к книге Достоевского. Это обращение одного классика к творчеству другого имеет большое историческое значение. В предисловии к «Иному миру» Г. Грудзинский пишет: «Если что-то может сблизить поляков с русскими, то именно разговор вслух о причиненных обидах и сознание общего страдания. Это-то общее страдание <...> лежит у истоков «Иного мира». Из общего страдания вырастает общая надежда» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова В. В. О национально-религиозных аспектах «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского / В. В. Борисова // Достоевский и современность. Материалы IX Международных Старорусских чтений. – Великий Новгород, 1995. – С. 39–45.
2. Sucharski Tadeusz. Dostojewski Herlinga-Grudzińskiego / Tadeusz Sucharski. – Люблин, 2002. – 192 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. – Т. 3.
4. Герлинг-Грудзинский Г. Иной Мир. Советские записки / Г. Герлинг-Грудзинский. – Режим доступа: http://lib.ru/MEMUARY/GRUDZINSKIJ/inoj_mir.txt
5. Серман И. Тема народности в «Записках из мертвого дома» / И. Серман // Dostoevsky studies. – 1982. Vol. 3. – С. 102–144.
6. Баранов А. И. Достоевский и польская литература до 1918 года: автореферат дис. ... докт. филол. наук / А. И. Баранов. – М., 2001. – 290 с.
7. Мальцев Л. А. Притча о страдающем человеке / Л. А. Мальцев. – Калининград, 2011. – С. 223–224.

Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Сабитова А. И., аспирант

E-mail: ajgul.sabitowa@gmail.com

Baszkirsky Pedagogical University of Akmu

Sabitova A. I., Post-graduate Student

E-mail: ajgul.sabitowa@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Суход Дж. Мохамед Аль Самарайе

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 6 октября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена актуальным проблемам обновления научного метаязыка художественного текста и стилистической репрезентации гендерных аспектов романа Т. Моррисон «Beloved». Мультимодальная стилистика представлена как перспективный исследовательский подход к изучению художественных текстов, тем более таких сложных и многосторонне закодированных, как постмодернистские.

Ключевые слова: модальность, мультимодальная стилистика, постмодернизм, амбивалентность, гендерный, постфеминистский.

Abstract: the article is devoted to the actual problems of updating of scientific meta- language of the artistic text and stylistic representation of gender aspects of the novel «Beloved» by T. Morrison. The multimodal stylistics is presented as perspective research approach to studying of art texts, especially such complex and multi-coded as postmodern texts.

Key-words: modality, multimodal style, postmodernism, ambivalence, gender, post-feminist.

В предлагаемой статье предпринимается попытка представить осмысление феномена мультимодальности как исследовательского подхода к анализу усложняющихся многоуровневых и многосторонних художественных текстов. Теория и практика мультимодального подхода, по нашему убеждению, способствует обновлению метаязыка произведений, выявлению их эстетического и функционально-семантического потенциала, его стилистического своеобразия.

Мультимодальный анализ пока еще редко используется в исследовании проблем теории и практики художественного текста. В российской филологии, как и в зарубежной, пока даже не ставился вопрос о взаимозависимости мультимодального аналитического подхода и постмодернистского художественного текста. Все это способно объяснить, почему проблема поиска метаязыка художественного текста, релевантного для постмодернистской стилистики, остается актуальной, несмотря на уходящую природу самого постмодернизма.

В зарубежной филологии феномен «мультимодальность» (англ. *multimodality*) рассматривается как онтологическая, дискурсивная и прагмакоммуникативная способность участников речетворческого процесса (в тексте – автора, персонажей и читателя) совмещать несколько способов (модусов) осознания и репрезентации объективной и субъективной картин мира. Среди них могут быть каналы связи: вербальный, визуальный, кинетический, сенсорный, графический, киберпространственный – и т. д.

В книге английского профессора семиологии Г. Кресса «Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication» говорится о семиотических позициях в зарубежной филологии. В частности, та, которую Г. Кресс и его школа именуют «канонической», предполагает включение в нее социальных, культурных, формообразующих, семантических параметров, а также изображений, схем, мультипликаций, фрагментов письменной речи – что и является «модусами»: «a socially and culturally shaped resource for making meaning. Image, writing, layout, speech, moving images are examples of different modes» (В социальной и культурной сферах – это ресурс для создания смысла. Изображение, письмо, верстка, речь, движущиеся изображения являются примерами различных модусов) [1, 57].

В зарубежном языкознании начальный этап в изучении самой модальности и модусов связан с именем французского лингвиста Ш. Балли, которому принадлежит заключение о том, что модальность неотделима от смысла любого предложения, от его «диктума» как объективной семантической константы и «модуса» как переменной субъективной трансформации [2, 85].

В современной российской науке уже В. В. Виноградовым были сняты ограничения на понимание модальности как грамматической и лексической категории [3], а И. Р. Гальпериным представлена достаточно цельная концепция изучения теории текста и модальности как текстовой категории. Им, в частности, было установлено, что и в художественном тексте модальность реализуется в «характери-

стике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста ...» [4, 115].

В российской филологии модусы в вербальном тексте понимаются как ментально-тематические комплексы, или модальные блоки значений, включённые в систему художественной картины мира произведения. Именно из модусов и образующих их модальностей, эксплицитно и имплицитно реализованных в тексте, в конечном итоге складывается главное прагмакоммуникативное назначение произведения – его смысл, обращенный к читателю.

Постмодернистские художественные тексты (дискурсы) характеризуются повышенной сложностью и противоречивостью своей образной системы, структуры, языка, или языков, если иметь в виду семиотические классификации, и не менее сложными смеховыми кодами. На наш взгляд, именно сложность постмодернистских текстов и расширение диапазона информационных источников, носителей и технологий привела к сложению и модусов, и составляющих их модальностей в мультимодальность. Соответственно, у каждого из модусов есть свой модальный, или онтологический, культурный, социальный, ресурс.

Мы считаем возможным объединить российское и зарубежное представления о феномене мультимодальности и рассмотреть особенности его реализации на материале романа Т. Моррисон «Beloved», выделив в авторской мультимодальности романа такие аксиологические аспекты, как гендерные, этнопсихологические, эстетические, архетипические, магические и т. д..

Мы остановимся на одной из центральных модальных доминант романа – его гендерной жанровой природе, своеобразно реализованной в стиле.

В романе Т. Моррисон в сложном полифоническом единстве авторской, текстуальной и персонажной мультимодальности находятся разнообразные модусы и составляющие их модальности: смыслы, «голоса» дискурсов, диалоги, идиостили, размышления и эмоции, семиотические языки (цвета, музыки, жестов и т. д.).

Серьезной проблемой для американской филологии стало определение жанровой природы произведений Т. Моррисон – является ли она феминистской или женской.

Такое неопределенное (модальное) отношение писательницы к феминизму, обозначающее ее амбивалентную позицию между «женским» и «феминистским», соответствует ее мировоззрению и идиостилю, реализованному в романе «Beloved» на всех его уровнях – от слова до смысла.

Это положение соответствует самому уходящему стилю эпохи – постмодернизму, продолжающему традиции барокко, где принцип амбивалентности

играет основополагающую смысловую и стилиобразующую роль, что видно, например, даже в двух рядом стоящих предложениях: «Don't love her too much. I am loving her too much» («Не люби ее слишком сильно. Я люблю ее слишком сильно») [5, 215].

Роман «Beloved» – своеобразная симфония женских «голосов», дискурсивных перспектив: царственной и трагической матери, свекрови – проповедницы, белой девушки – спасительницы, доброй рабовладелицы, двух дочерей: убитой, а затем мстительно воскресшей сначала в качестве привидения, а потом оборотня, и свободной наследницы духовных ценностей семьи.

Женщины в романе – основа единства времен, преодоления невозможных, непосильных для мужчин страданий. Не случайно все героини-мужчины бесследно исчезают или капитулируют перед трагизмом и испытаниями жизни. В доме, где поселилось привидение, остались только женщины: «... the sons, Howard and Buglar, had run away by the time they were thirteen years old...» («...сыновья, Говард и Баглар, к тому времени уже сбежали...»). [5, 3].

Гендерную стратегию в романе выявляют и частные модусы.

Так, например, частный модус «Дом» вбирает в себя неисчислимо количество противоречий, выявляя особенности мышления и стиля писательницы. Для героев романа – это одновременно «рай на земле» и место самых трагических событий: «She's right, Sethe. It wasn't sweet and it sure wasn't home» («Она права, Сет. Этот дом не был милым (сладким). Да он и не был домом») [5, 13].

Из одного «райского места» она бежит, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своих детей. Другой – едва не сожгла, когда материализовавшая из привидения дочь осуществила задуманную попытку убить ее и вынудила уничтожить их общее убежище.

Противоречивость в сознании и поведении старших очевидна дочери главной героини, Денвер, первой свободной женщине в романе, возмущенной несоответствием между их ностальгией по Милому дому и рассказами об ужасах, которые они там пережили: «How come everybody run off from Sweet Home can't stop talking about it? Look like if it was so sweet you would have stayed» («Почему же вы сбежали из Милого дома, если вам было там так сладко? И, если настолько сладко, что же вы не остались там?»). [5, 12].

Не менее противоречив модус «любовь–ненависть», с его пересекающимися и взаимообратимыми модальностями: любя убить, ненавидя прощать, жертвовать собой, своей «царственной» («queenly») гордыней из чувства вины, свободу дочери предпочесть ее жизни: («Singing love songs to Mr. Death» («Распевая песни любви к мистеру Смерть») [5, 109].

Даже духовный лидер в этом романе – женщина: мать и бабушка Бэби Сэгс. Ее проповедь структур-

но во многом напоминает проповеди Иисуса Христа. В частности, она «заземляет» и тонко травестирует Божественное Слово, призывая приблизить к ней детей: «Then she shouted, "Let the children come!"» («И она воскликнула: "Дайте пройти детям"») [5, 86].

Подводя итоги, можно утверждать, что исследование теоретических и экспериментальных аспектов мультимодальной стилистики на материале романа Т. Моррисон «Beloved» показало, что этот все еще достаточно новый для российской науки аналитический подход позволяет эффективно рассматривать сложные и глубоко закодированные постмодернистские художественные тексты, в частности, на уровне гендерной специфики их содержания, смысла и стилистического оформления.

Воронежский государственный педагогический университет

Сухад Дж. Мохаммед Аль Саммарраие, аспирант кафедры французского языка и иностранных языков неязыковых профилей

E-mail: kaf-fr313@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Kress G. R. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication* / G. R. Kress. – New York : Routledge, 2010. – 212 p.
2. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 2003. – 232 с.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. Т. 2. / В. В. Виноградов. – М.–Ленинград : Наука, 1950. – С. 38–79.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
5. Morrison T. *Beloved*. / T. Morrison. – New York : A Division of Random House, Inc., 2007. – 278 p.

Voronezh state pedagogical university

Suhad J. Mohammed Al Sammarraie, Post-graduate Student of the French and Foreign Languages of Nonlinguistic Profiles Department

E-mail: kaf-fr313@yandex.ru

БЕСЫ «ТИХОГО ДОНА»: ГЕНЕЗИС И ТИПОЛОГИЯ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: рассмотрены образные характеристики ряда персонажей романа «Тихий Дон» в контексте отечественной литературной и историософской традиции, акцентирующей понятие «бесовства» как маркера радикально-революционной идеологии и кризисных состояний российского социума.

Ключевые слова: национальное самосознание, идеология, духовное искушение, ценностные альтернативы, образные характеристики, литературная традиция.

Abstract: the article concerns the characteristics of some personages in the novel «The Quiet Don» in the context of Russian literature, historical and philosophic tradition. It accents the notion of «demons» as the marks of radical revolutionary ideology and the crisis conditions of Russian society.

Key-words: national identity, ideology, alternatives, characteristics of personages, literary tradition.

«Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателями или владели ими, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестия, бес отрицания, бес непротивления и мн.<огие>, мн.<огие> другие» [1, 252], – в этом высказывании Н. А. Бердяева, настойчиво и порою с мучительной болью искавшего причины революционных потрясений современной ему России в глубинных духовно-нравственных основах национального самосознания, – отражена проблема, традиционно актуальная для отечественной общественной мысли и «литературоцентричной» российской культуры. Не погружаясь в поистине бездонную глубину рефлексии указанной проблемы, примем высказывание великого русского философа за некую «вершину айсберга» процессов идентификации национальной жизни и духа, маркированных для социокультурных потрясений понятием «бесовства» (где номинальной точкой отсчёта в литературно-художественном плане по-своему традиционно принято видеть «Бесов» Ф. М. Достоевского).

Указывая, что «великим писателям всегда открывались образы национальной жизни, имеющие значение существенное и непреходящее», и говоря о том, что в «образах и моральных оценках» русской литературы «можно искать разгадки... и познание духов, владеющих революцией», Н. А. Бердяев, естественно, видел в «центре» такого поиска «прозрения» и «пророчества Достоевского», расширяя в этом плане ряд писательских персоналий именами Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого – крупнейших представителей отечественной литературы XIX века как «предреволюционной» эпохи [1, 251–252].

Как видится ныне, указанный ряд может быть естественным образом продолжен именами русских художников двадцатого столетия, – в первую очередь, тех, чьё творчество пришлось на эпоху, воплотившую «пророчества» и «прозрения» великих предшественников в реалии социально-исторического бытия и соответствующие формы общественного и индивидуально-личностного сознания. Напомним, что цитированная работа Н. А. Бердяева «Духи русской революции» была написана в 1918 году – «по горячим следам» революционных потрясений в условиях разгоравшейся гражданской войны. С этим по-своему перекликается (и по названию, и по содержанию) статья И. А. Бунина «Великий дурман», написанная практически в то же время (1919 г.) [2]. В этих и иных подобных выступлениях духовных лидеров российской культуры присутствовала первичная констатация сбывшихся пророчеств, их воплощения в реальные факты отечественной истории, перспективы развития которой были по-своему открыты в будущее. Дальнейшая реализация таких перспектив была многообразно отражена отечественной литературой 1920–1930-х годов, где среди обширнейшего свода художественных текстов есть, как представляется, свои «резоны» для обращения в заявленном нами аспекте к одному из вершинных творческих достижений – роману М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Фигура М. А. Шолохова, на первый взгляд, не совсем «ожидаемая» для традиции отображения «русских бесов, которые раскрывались русским писателям», – в силу, казалось бы, достаточной формальной дистанцированности творческой индивидуальности писателя и его художественной самореализации от мистических представлений,

религиозно-мифологических реминисценций и т. п. Вместе с тем, в новейшем шолоховедении такая дистанция порой существенно сокращается при «изучении творческого наследия писателя в контексте христианской (православной) русской культуры» [3, 3]. И, как представляется, материал шолоховского романа все же позволяет различить – за громадой социально-исторических катаклизмов – фигуры «бесов русской революции» в контексте литературной традиции; фигуры эти, на первый взгляд, как бы «неявные», очерченные в отдельных образных характеристиках и деталях (но вспомним: «дьявол кроется в деталях»).

В «Тихом Доне», как и в романах Достоевского, есть свои герои-идеологи, наиболее ярко представленные именно в идеологическом плане адептами радикального «переустройства» социума и революционной «замены» духовно-нравственных ценностей. Это и «пропагандист-большевик» Штокман, и «хохол» Гаранжа с его «учением», и Бунчук, устами которого в романе впервые озвучиваются конкретные революционные лозунги и идеологемы [4, 330]. Характерно, что указанные образы-персонажи позиционируются социально-идеологически и духовно-нравственно в художественном времени романа непосредственно в преддверии революционных потрясений.

При том, что личностные характеристики и образ действий этих персонажей во многом различны, их совокупный портрет позволяет, на наш взгляд, воссоздать некую общую образную ассоциацию.

По-своему *лукавый* Штокман, «смеющийся одними глазами» [4, 129], идущий «к одному ему известной цели» [4, 131], и осуществляющий, по определению исследователей, «соблазн душ «малых сих» [8, 272] (Здесь и далее подчёркнуто нами. – А. У.). «Умный и злой», «недовольный всем» и «язвительный» Гаранжа, «желчь учения» которого ассоциируется с *ядом* [4, 313]. Наконец, Бунчук, в котором, при его первом появлении на страницах романа видится окружающими какая-то «неуловимая скрытность», как будто он, «шел, обходя одному ему известную правду по кривой, извилистой стежке» [4, 282]. И который в определенный момент «раскрывает карты», бросает вызов установленному порядку, но вынужден затем вновь *скрываться и менять обличья* («переодетый и перекрашенный до неузнаваемости» [4, 343] до поры... Все эти характеристики и признаки в совокупной динамике различий, сходства, взаимодополнений и метаморфоз (при едином векторе развития) порождают ассоциации с демоническим, *бесовским* началом, – искушающим, прельщающим человека и подвигающим его к нарушению (разрушению) норм и традиций (в законах Божеских и человеческих») [6, 157; 7, 92].

Примечательна в этом плане следующая деталь: Бунчук, совершающий *первое* по ходу сюжетного

действия романа убийство по социально-классовым мотивам (расстрел есаула Калмыкова), оправдывает это «революционной целесообразностью» («они нас, или мы их») в конкретике образа действия: «На кровь – кровью» [4, 456]. «Семантика крови», широко и разветвлённо представленная в романе, становится по отношению к образу Бунчука по-своему устойчивым лейтмотивом, генетически производным от теории «крови по совести» и маркирующим ситуацию гибели, страданий, своего рода жертвоприношений некому новому Молоху, – когда и жертвы, и палачи *теряют человеческое обличье*. Бунчук, будучи палачом ревтрибунала, «высох и почернел, словно землёй подёрнулся. Провалами зияли глаза...» [4, 572]. В этом же образном ряду предстаёт смерть героя от рук других палачей: «плечо себе надкусил до крови и помер, как волчара, молчком» [4, 632].

Все эти детали и характеристики вызывают ассоциации с представлениями, по-своему производными от понятия «бесовства»: о живых мертвецах, вурдалаках, оборотнях... При этом, вполне в духе традиции, идущей от романов Достоевского, в «Тихом Доне» присутствуют как «герои-идеологи», так и образы-персонажи, по-своему «производные» от конкретного влияния первых и – шире – «бесовства» как знамения времени. Таков, например, председатель «Военно-революционного комитета» Фёдор Подтёлков, «простоватый» [4, 513], но накрепко усвоивший лозунги революционного переустройства жизни; без раздумья, как палач, проливающий кровь «классовых врагов» и сам гибнущий от рук палачей. Характерно, что в соответствующих сценах романа внешний облик Подтёлкова по-своему страшноато искажается, теряя нормальные человеческие черты [4, 532–533; 635].

По-своему типичен здесь и образ Дмитрия Коршунова, не отягощённого социальной идеологией в его «примитивно простых мыслях и желаниях» [4, 378], но усвоившего в контексте социальных катаклизмов принцип «все дозволено» – от кровавого палачества до инцеста – при полном отсутствии каких-либо духовно-нравственных норм.

В этом же ряду занимает законное место и Михаил Кошевой, который на обвинение в «душегубстве» находит оправдание посредством «революционной целесообразности»: «Всё дело в том, за что души губить и какие» [5, 590]. Знаменательно, что речь идёт номинально о гибели именно *душ*, – одной из которых предстаёт и душа самого героя – под сильнейшим искусительным прессом внешне прельстительного, «ложного выбора», согласно традиционным представлениям о симптомах «бесовства» [7, 92]. Такого рода симптомы как бы с удивлением подмечает в себе сам герой: «Вот... какая она, политика, злая, чёрт! Гутарь о чём хочешь, а не будешь так кровя портить ...Так, под разговор, и зарезать можно» [4, 129–130].

Всё дозволено («зарезать можно») для погубляемой души («кровя портить») при пособничестве «злого чёрта» (беса). Такое, конечно, во многом произвольное толкование саморефлексии героя в данном случае символически отражает некие объективные процессы своеобразного зомбирования индивидуально-личностного и общественного созидания внешне привлекательным пафосом революционных идей.

Показательна в этом плане и сцена, когда Бунчук в споре с офицерами (о понятиях родины, долга и чести) зачитывает в качестве аргумента статью Ленина – и при этом как бы впадает в некий транс: когда его чтение прерывается вопросом, «Бунчук пошевелился, как только что оторванный от сна» [4, 332].

Здесь прослеживается своеобразный «завораживающий» эффект «учения» («великого дурмана»), рождённого не на русской почве, но воспринятого радикальным крылом национального общественного сознания в соответствии с его общементальной спецификой не только как своего рода новая религия, но и как новый исторический вызов-искушение [9]. Как убеждаемся, данный феномен по-своему воплотился и на страницах шолоховского романа – в достаточно скурых деталях, за которыми, тем не менее, угадывались и национальная традиция в изображении «духов русской революции», и громадные масштабы грядущих трагических катаклизмов.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С. 250–289.
2. Бунин И. А. [Великий дурман] / И. А. Бунин // Иван Бунин Окаянные дни: Неизвестный Бунин / Сост. О. Михайлов. – М. : Мол. гвардия, 1991. – С. 132–137.
3. Стюфляева Н. В. Соборный идеал жизни «по совести» и его художественная реализация в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Н. В. Стюфляева. – Липецк : ЛПГУ, 2008. – 258 с.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Т. I. Книга первая. Книга вторая / М. А. Шолохов. – М. : Современник, 1975. – 639 с.
5. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Т. II. Книга третья. Книга четвёртая / М. А. Шолохов. – М. : Современник, 1975. – 736 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989. – Т. I. – 699 с.
7. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
8. Семанов С. «Тихий Дон»: белые пятна. Подлинная история главной книги XX века / С. Семанов. – М. : Яуза, Эксмо, 2006. – 416 с.
9. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1993. – 320 с.

*Voronezh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru*

ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА РАННЕЙ НОВОЙ ИСТОРИИ В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

О. Н. Шевцова

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: курс лекций Т. Н. Грановского по ранней новой истории западноевропейских стран (XV–XVI вв.) содержит яркие художественные образы исторических личностей того времени. Это позволяет более полно и конкретно, через судьбы людей, представить характер и особенности сложных исторических явлений и процессов при переходе от средневековья к новой истории.

Ключевые слова: лекционный курс, историография, литературное произведение, образ, человек в истории.

Abstract: the course of lectures of T. N. Granovsky on an early modern history of the West European countries (the XV–XVI centuries) contains bright artistic images of historic figures of that time. It allows more fully and specifically, through destinies of people, to present character and features of the difficult historical phenomena and processes upon transition from the Middle Ages to a modern history.

Key-words: lecture course, historiography, literary work, image, person in the history.

Курс лекций Т. Н. Грановского по ранней новой истории западноевропейских стран содержит в себе черты и научного исторического труда, и литературного произведения. В этом отношении он типичен для историографии эпохи романтизма, отличавшейся сочетанием признаков научности и художественности. Общий сюжет и отдельные сюжетные линии в лекционном курсе находят соответствие с исторической концепцией Грановского. В ней западноевропейская история XV–XVI вв. представлялась как трудный, зачастую мучительный выход из средневековья к историческим горизонтам, которые открывались человечеству в новое время.

Вместе с тем, поскольку история относится к сфере гуманитарно-социального познания, объектом ее исследования являются не только государственные институты, учреждения и социальные структуры. Не меньшее место занимают в историческом познании люди и отдельный человек. В их жизни и деятельности находили проявление масштабные исторические явления и процессы, развитие государства и общества. Внимание к человеку в истории являлось отличительным признаком исторической мысли эпохи романтизма, объектом изучения которой оказывались конкретные феномены истории и культуры, и прежде всего люди, с которыми они были связаны. Не случайно в этой связи историческая наука оказалась в эту эпоху ближе к человеку, чем историческая наука предшествующего времени, эпохи Просвещения. Поэтому в концепциях истории эпохи романтизма человек

занимал заметное место, а все явления и процессы анализировались в свете роли в них общества и человека. Это наследие культуры романтизма оказалось воспринято в исторической мысли последующего времени, в частности, середины XIX в., к которому относится курс лекций Т. Н. Грановского.

Еще одним наследием культуры эпохи романтизма, воспринятым в последующий период развития историографии, была близость некоторых исторических трудов к литературным произведениям. В рамках содержащихся в них сюжетов люди показаны как исключительно активные акторы истории, а образы исторических деятелей имеют благодаря этому не только научное, но и художественное содержание. Общие процессы в западноевропейских странах и в отдельных государствах находили свое выражение в действиях конкретных личностей. Не случайно поэтому в курсе лекций Т. Н. Грановского присутствуют образы совершенно разных людей. Это не только позволяет понять конкретный ход и содержание истории. Оно дает возможность представить человека изучаемого времени, типичные особенности характеров и их проявлений во взаимных отношениях. И, таким образом, художественные образы позволяют более полно, глубоко и конкретно решить такую общую задачу исторического и всякого гуманитарного научного познания, как понимание человека прошлого и культуры его времени. Такая задача в то время в научном гуманитарном познании еще не была вполне осознана и четко сформулирована. Произойдет это только на новом этапе развития исторической науки, на рубеже XIX–XX вв. [1,7] Но внимание к человеку

в истории и создание историко-литературных образов людей в эпоху романтизма, и в дальнейшем, под воздействием романтизма, способствовало подготовке к этому. Относилось это и к курсу лекций по новой европейской истории Грановского, в котором исторические сюжеты разворачиваются в раскрытии исторических образов людей.

Образ является одной из сложных категорий, в которой находит выражение как личность его создателя, писателя или историка, так и тот материал, на основе которого был создан данный образ. В этой связи под образом художественного творчества или исторической науки следует понимать реальность (прошлого и настоящего), сформированную сознанием и воображением автора и нашедшим выражение в художественном или научно-историческом произведении. Образность выполняет в произведении задачу, возложенную на нее автором, и имеет, следовательно, субъективную природу. Как обращал внимание выдающийся филолог-славист А. А. Потебня, «цель образности есть приближение значения образа к нашему пониманию и так как без этого образность лишена смысла, то образ должен быть нам более известен, чем объясняемое им» [2, 291]. По мнению Б. А. Соколова, образ составляет часть более общей категории, обозначающей единство произведения, которой является стиль. По его словам, стиль «становится категорией эстетической, аналогичной рисунку, колориту, перспективе в живописи или мелосу, гармонии, ритму в музыке», и в нем проявляется «некое художественное целое» [3, 24–25].

Среди множества исторических образов большой эпохи, охватывавшей два столетия, выделяются определенные культурно-исторические типы, через личность и деятельность которых выражаются характерные черты своего времени и отдельных его явлений и процессов.

Одним из таких значимых исторических типов начала нового времени является король, который шел на разрыв со средневековой традицией и с общественной системой, породившей вообще королевскую власть в странах Европы. К таким королям принадлежал французский монарх Людовик XI, занимавший престол в 1461–1483 гг. Это был, по словам Грановского, «король среднего сословия с его ненавистью к феодализму». Для его характеристики он использовал такой литературный источник, как народные предания. Со ссылкой на одно из них он писал, что «на один турнир... Людвиг смотрел из окошек своего дворца и особенно забавлялся следующим: незнакомый рыцарь явился на турнир и страшно избивал рыцарей; говорят, что это был мясник, подсланный королем» [4, 17–18]. Он, таким образом, к демонстрации боевых доблестей и воинского мастерства, к широко распространенной в западноевропейских странах средневековой традиции, относился с явной насмешкой. Он обращал

внимание на то, что поведение короля резко отличалось от того, что было принято среди феодальной знати вообще. Так, он представил сцену въезда в Париж герцога бургундского Филиппа и Людовика XI. Герцог, по его словам, «въехал в город, как настоящий феодальный властитель, великолепно одетый, окруженный блестящим рыцарством». Людовик XI, в отличие от него, представлялся при въезде очень скромно, «одетый в платье среднего сословия», и такая «простота привлекла к нему сердца городского народонаселения» [4, 17].

Вместе с тем, как подчеркивал Грановский, Людовик XI не был королем горожан. Целью его политики было объединение под его властью всей страны, им владела «мысль о сосредоточении власти административной». Он при этом «не был врагом горожан», но «общину как отдельную республику» «гнал немилосердно» и «заменял выборных городских своими чиновниками» [4, 26]. Ради единства Франции он не прочь был идти на нарушения традиционных представлений о королевской власти, и, «разрушая все средневековые идеалы, он не дорожил и честью» [4, 22], – подчеркивал Грановский. Делал это он ради того, чтобы сохранить власть при признании себя принцем при английском короле Эдуарде IV, или вассалом английского короля. Против своих феодальных противников во Франции он ради объединения страны действовал «с усиленной жестокостью» [4, 25], что также вполне соответствовало политике монархий по объединению государств.

Литературный образ становится более ярким благодаря контрасту с образами, в которых были сосредоточены другие, противоположные качества. Для более яркого и точного представления об особенностях личности Людовика XI Грановский использовал метод сравнения и сопоставил короля с наиболее значительным его противником, герцогом Бургундии Карлом Смелым. Такое сравнение, как подчеркивал историк, имелось в исторических романах, в частности, у Вальтера Скотта. Но, в отличие от великого шотландского романиста, русский историк, прибегая к такому сравнению, оставался на позициях историзма. Так, говоря о Карле Смелом, он подчеркивал, что герцог был не просто «последний представитель феодализма в Европе, которая оторвалась от феодализма», не являлся «каким-то бешеным, неистовым человеком», каким он был представлен в художественной литературе. Грановский отмечал, что он «был человек далеко недюжинный, образованный» [4, 21], и «смотрел назад, но употреблял для своей цели новые средства» [4, 22]. Но и при опоре на такое сравнение Грановский выявил новые черты, которыми условия нового времени наделяли монарха по сравнению с королями европейского средневековья, и что даже личность смотревшего в прошлое Карла Смелого была наделена некоторыми новыми чертами.

Грановский обращал внимание на то, что Людовик XI – «типическое лицо, в котором выражается характер большей части государей этого времени: Генрих VII Английский, Фердинанд Католик в Испании», «представитель» [4, 26] исторического типа монархов, проводивших политику по формированию государственного единства и укреплению монархической власти. Также, указывал Грановский, «чуждался тех добродетелей, которые прежде составляли идеал рыцарских доблестей», [4, 30], английский король Генрих VII. Еще одним ярким образом подобного монарха, созданным Грановским, был образ Цезаря Борджиа, сына папы Александра VI, который вынашивал в конце XV – начале XVI вв. планы государственного объединения Италии. Как характеризовал его историк, он был «человек необычайно деятельный», и в то же время «чрезвычайно даровитый, любитель и покровитель наук и искусств». Он выделял причину его популярности в народе, объясняя это тем, что он был правитель «справедливый», а «в городах ему подвластных удары его не падали на низшие сословия». Но он вскрывал глубоко неоднозначную природу личности этого итальянского исторического деятеля, и созданный им образ Цезаря Борджиа оказался глубоко противоречивым. При всех его положительных чертах он был, по словам Грановского, крайне неразборчивым при использовании средств для достижения своих целей. Им практиковались «тайные отравы, измена», и вообще был человек, «потерявший всякое различие между добром и злом» [4, 58]. Для Макиавелли, идеалом которого было сильное государство наподобие Римской империи, «характер Цезаря имел... тайную прелесть: он смотрел на него не с ужасом, а с тайным удовольствием» [4, 59]. Но противоречия в личности Цезаря Борджиа, выявленные и четко представленные Грановским, отражали противоречия итальянской жизни эпохи, когда в сознании общества сформировалась идея объединения страны. Цезарь Борджиа представлялся многим итальянцам в роли выразителя этой идеи. Отсутствие необходимых предпосылок для объединения страны создавало условия для появления и подобного правителя, и идеи оправдания любых его действий политической целесообразностью и представлением о каких-то высших интересах государства, как это содержалось в самом знаменитом сочинении Макиавелли.

Образ исторической личности раннего нового времени, в которой совмещались черты тирана и религиозного реформатора, Грановский выразил в английском короле Генрихе VIII. Характер его, а также стремление сохранить многое из традиций католической церкви при передаче в руки короля высшей церковной власти приводили к тому, что, по оценке Грановского, в его действиях было «мало последовательности» [4, 137]. Отсюда, в свою оче-

редь, в проведении этим королем церковной реформы вообще «было что-то нестройное, нерешительное, только туманившее понятия народа и готовившее его к кровавым переворотам, которые и имели место в XVII веке», когда он, например, то разрешал использование английского перевода Библии, то запрещал его. Грановский также подчеркивал, что какой-либо пользы для государства от конфискации огромных церковных имуществ при этом короле не было, поскольку «монастырские земли розданы были любимцам или расточены самым бесполезным образом». Очень точно историк также отметил, что «личные страсти короля не могли также иметь благотворного влияния на народную нравственность, не могли усилить уважение к нему» [4, 138]. И, конечно же, не могла пройти мимо внимания историка страшная жестокость короля, когда на эшафоте погибли две его жены, Анна Болейн и Екатерина Говард, и вообще, почти «каждая знатная фамилия принесла кого-нибудь из своих членов в жертву подозрительности короля. Протестанты гибли как еретики, католики как ослушники» [4, 139]. Образ Генриха VIII оказался, возможно, наиболее отталкивающим и отвратительным среди всех исторических личностей, которые упоминались в лекционном курсе. Но, впрочем, едва ли значительно уступал образу Генриха VIII в этом отношении образ его дочери Марии, находившейся на престоле в 1553–1558 гг., получившей прозвище Кровавой. Ее политика, направленная на восстановление господства католической церкви в Англии, отличалась тиранией едва ли меньшей, чем это было при ее отце, установившем новые церковные порядки. Грановский указывал, что при Марии была создана особая комиссия, которой «поручено было исследование религиозных преступлений». В результате «в 4 года 290 человек приговорены были к смерти, в том числе 40 детей». Как внимательный историк, Грановский заметил при этом, что «нельзя полагаться на верность цифр, приводимых протестантами и католическим историком Лингардом». Но, тем не менее, он считал возможным делать вывод, что «на основании достоверных источников число жертв простирается до 290 человек» [4, 145]. Не случайно поэтому, по его словам, «царствование Марии оставило после себя тяжелые следы в воспоминаниях английского народа» [4, 146]. По существу, образы Генриха VIII и Марии Кровавой взаимно дополняют коллективный образ Реформации и контрреформации в Англии как явлений, оставивших очень глубокий след в сознании общества и во многом подготовивших революцию, которая началась почти через сто лет после Марии.

Еще одним исключительно значимым историческим типом эпохи является религиозный проповедник и реформатор. Наиболее крупным из них был Мартин Лютер в Германии, который внес очень

большой вклад в раскол западной церкви и в возникновение протестантизма. Но наиболее последовательно, настойчиво и жестко пытался внедрить в повседневную жизнь новые религиозные правила и установки женевец Жан Кальвин. Он, по словам Грановского, прибыв в Женеву, «поразил всех строгим характером своего учения и своей непреклонной личностью. Он требовал исправления нравов, самой строгой жизни; он налагал запрещения на самые невинные удовольствия» и образовал в городе «консисториум» из протестантских пасторов, и им «поручил надзор за нравственностью граждан». Но Кальвин не только следил за морально-нравственным обликом женецев. В 1547 г. «некто Жан Грюе был казнен за еретические мнения и за то, что дурно говорил о Кальвине». Затем, через шесть лет, был сожжен на костре испанский врач Серведа за его богословские сочинения, в одном из которых «было много резкого до дерзости». Между тем, отмечал Грановский, Кальвин пользовался поддержкой жителей Женевы, что «основывалось преимущественно на нравственной силе его характера; он сам подавал пример другим строгостью над самим собой. Бескорыстный, неутомимый деятель, суровый к самому себе, он внушал если не любовь и симпатию, то доверие и уважение» [4, с.135]. Обращая внимание на различие в характерах Лютера и Кальвина, историк подчеркивал связь их с внутренним содержанием их учений. Так, по его словам, в учении Лютера «нельзя отвергать природного немцам какого-то добродушия». В то же время «Кальвин обращался к одной сухой и суровой логике; все, что было теплого в католическом учении, все то отверг он», и «все поэтическое содержание католицизма было им отвергнуто» [4, 136]. Таким был созданный им образ мрачного и фанатичного проповедника, типичный постольку, поскольку подобный тип личности и деятельности был востребован обществом того времени. Это было доказано, подчеркивал Грановский, опытом не только Женевы, но и Франции, Шотландии, отчасти в Германии, где проявлялось увлечение кальвинизмом. Вместе с тем он обращал внимание на происхождение Кальвина из Пикардии, откуда вообще «были люди большею частью отвлеченной, строгой, неумолимой диалектики». И уже, проводя исторические параллели, он замечал, что из Пикардии «вышли начальники "Горы" в первую французскую революцию», и вообще «между ними и Кальвином было много сходного» [4, 132]. В образе мрачного фанатика Кальвина он видел прообраз будущих монтаньяров времени Великой Французской буржуазной революции, с таким же мрачным фанатизмом проводивших с помощью гильотины свои представления об идеальном и справедливом общественном устройстве.

Кальвин, однако, не выступал в роли народного вождя, он в наиболее концентрированном виде вы-

ражал мнение бюргерства о необходимости замены дорогой и пышной римско-католической церкви новой, реформированной, причем дешевой церковью. Европейский мир, однако, породил в XV–XVI вв. народных вождей, образы которых также были созданы Грановским. К наиболее ярким из них относится образ флорентийского проповедника XV в., доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, решительный и мрачный. Историк отмечал, что даже в условиях кризиса римско-католической церкви Савонарола «не касался католических догматов». Тем не менее, народное возмущение церковью и государством он выразил тем, что «хотел нравственных изменений в сфере самого католицизма и государства». Этот «пламенный проповедник, но односторонний и суровый», «восставал против владычества Медичисов» и «требовал, чтобы власть была возвращена народу», но при этом считал необходимым, чтобы «народ отрекся бы от привычек роскоши и богатства». На этой почве он «начал гонение на искусство». Грановский давал краткое, но очень яркое описание действий во Флоренции Савонаролы и его сторонников: «Женщины должны были истреблять свои наряды; музыкальные инструменты, картины, книги, собираемые через них приверженцами Савонаролы, были сжигаемые на площади Флоренции». По оценке историка, это «противоречило общей образованной мысли» и не могло в конечном счете иметь успех. Не случайно поэтому Савонарола погиб в 1498 г., когда «был сожжен после долгих мучений» [4, 77].

Еще одним народным вождем, о котором писал Грановский, был предводитель крестьянской войны в Германии 1524–1525 гг. Томас Мюнцер. Когда немецкие крестьяне оказались в очень тяжелом положении, появились проповедники, которые «обещали им не только духовные, но и мирские блага». Тогда и началась крестьянская война, развернутая, по словам Грановского, «массами невежественными, фанатическими, не знавшими пределов своим требованиям». Во главе их стал «Фома Мюнцер, фанатик, живший в видениях, лишенный смысла действительности, думавший об освобождении всех народов и тварей» [4, 97]. Грановский не считал достоверным романтический образ Мюнцера, созданный И. В. Гете, поскольку Мюнцер, как отмечал историк, «стал во главе крестьян, но при их неудаче тайком бросил их и ушел» [4, 98].

Образы народных вождей, выведенные Грановским, получились не только весьма яркими и колоритными, но и отталкивающими. И Савонарола, и Мюнцер были выведены им в качестве совершенно очевидных фанатиков. Но их фанатизм, как подчеркивал он, в полной мере соответствовал народным настроениям и устремлениям флорентийских горожан и немецких крестьян. Особенно мрачным фанатиком был представлен Грановским Савонаро-

ла. Что же касается Мюнцера, то историк не прошел мимо его попытки бросить крестьян, которая окончилась неудачей.

Значительно более привлекательными оказывались у Грановского образы мыслителей-реформаторов, за исключением автора «Государя» Н. Макиавелли, сторонника установления в Италии диктаторского правления. К таким привлекательным образам относятся Иоганн Рейхлин, Эразм Роттердамский и Ульрих фон Гуттен. И. Рейхлин, стоявший у истоков гуманистического движения в Германии, был «человек строгий, нравственный, исключительно преданный своим занятиям» [4, 65]. Не любивший споров, он, тем не менее, решительно выступил против доминиканцев в Кёльне, где из них «составляли инквизиционное судилище» [4, 66] и требовали от императора сжечь еврейские книги. [5, 31–37] Так с 1510 г. началась «распря» «гуманистов и обскурантов» [4, 66]. Рейхлин выступал в ней в рядах гуманистов и противников доминиканцев и отстаивал необходимость сохранения еврейских книг, через изучение которых он видел путь к Библии, не измененной латинскими переводами. Эразм, «человек образованнейший, враг схоластики», был, по характеристике Грановского, «одарен в высокой степени пониманием современного направления и потребностей». При всем своем интересе к античности и к «горацианской философии» он, однако, «не вдавался в крайность итальянцев, забывших христианство». Характерная для него «некоторая насмешливость» позволила ему создать одно из наиболее известных сочинений эпохи – «Похвала глупости», в котором особенно нападал на монахов, поскольку монашеская среда была ему хорошо известна. В то же время, как отмечал Грановский, он отличался «чрезвычайной осторожностью», «не люб... распрей» и «не любил даже, чтобы в его присутствии произносили слово смерть» [4, 67]. Несравненно более решительно выступал против монашества и церкви фон Гуттен. Его сочинение против монахов-доминиканцев отличалось крайней резкостью, в нем остро и точно «выведены темные стороны старого направления, грешные стороны в жизни западного монашества» [4, 68]. Грановский подчеркивал, что такое сочинение вполне соответствует «характеру его, бесстрашному, любившему опасности» [4, 69].

При сравнении образов Рейхлина, Эразма и фон Гуттена с Макиавелли, которое было проведено Грановским, наглядно обнаруживались отличия между итальянским Возрождением и гуманистической мыслью в Германии. Если Макиавелли обвинял христианство с позиций римских идеалов и добродетелей, то в немецком гуманизме он видел иное направление. Оно было «двоякое» и включало одновременно «возврат к классической древности и возврат к первобытной чистоте христианской нравственности» [4, 69]. Образы немецких гумани-

стов, созданные Грановским, позволяют представить нравственные, интеллектуальные и идейные предпосылки Реформации, возглавленной несколько позже М. Лютером. Так создание образов гуманистов позволило Грановскому более четко выявить особенности гуманистической мысли в Германии и Италии.

Английская история первой половины XVI в. при короле Генрихе VIII также давала Грановскому материал для создания образов гуманистов, смело и решительно делавших попытку противостояния тирании. Он писал, как епископ рочестерский Фишер, «муж великой учености и добродетели», воспротивился разводу Генриха VIII с Екатериной Арагонской, указывая, что «Генрих не богослов и потому сам не может произносить такого рода решений» [4, 137]. Это был также друг Эразма и автор «Утопии» Томас Мор, излагавший в своем сочинении учение об идеальном государстве. Они, кроме того, отказывались в 1534 г. давать присягу на верность королю как главе новой англиканской церкви. Как отмечал Грановский, оба были казнены. Образы этих гуманистов в курсе Грановского помогают более конкретно представить характер королевской власти в Англии при Генрихе VIII с ее произволом и тиранией, когда король не только уничтожал своих противников, но и стал во главе реформированной англиканской церкви.

Образы, созданные Грановским, относились не только к личностям, но и к событиям. Один из наиболее ярких – образ Варфоломеевой ночи в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. Грановский рассматривал это событие как один из этапов религиозных войн во Франции между католиками и гугенотами. Он связывал его со стремлением партии Гизов к мести за смерть отца, Франсуа Гиза, убитого протестантами в 1563 г., и поддержкой организации этих кровавых событий со стороны матери короля Карла IX, Екатерины Медичи. В эту ночь, как отмечал Грановский, по всей Франции пало не менее тридцати тысяч человек, причем «не одних протестантов, но и католиков». Событие получило общеевропейский отклик. Так, «Елизавета Английская, получив о нем известие, хотела даже выслать французского посла из Лондона, и когда его приняла потом, то вышла в трауре», – отмечал Грановский. Зато в Риме и Мадриде Варфоломееву ночь «праздновали молебствиями и освещением города». Последствием Варфоломеевой ночи историк считал то, что кровавое событие «не утетило, но только раздражило вражду протестантов» [4, 200], и религиозные войны во Франции продолжались. Образ событий Варфоломеевской ночи, созданный Грановским, наглядно свидетельствовал о глубине внутреннего кризиса французского общества раннего нового времени и о видении им перспектив его разрешения только военным путем, как это было вплоть до правления

Генриха IV и Нантского эдикта 1598 г., положившего конец религиозным войнам.

Образы европейского раннего нового времени, созданные Т. Н. Грановским, обладают высокой исторической достоверностью, большой художественной силой и выразительностью. Они интересны сами по себе. Вместе с тем они интересны также в связи с тем, что в них выражены некоторые типичные жизненные ориентиры и биографии эпохи, выражающие определенный исторический тип своего времени. Через эти личности слушатели лекционного курса и читатели получают наглядное представление о раннем новом времени как о большом историческом периоде, когда в европейском мире происходили крупные, принципиальные изменения, и когда постепенно на месте человека средневековья формировалась личность нового времени. Эпоха освобождала такую личность от многих ограничений

прошлого, благодаря чему создавался простор для становления и развития человека нового времени, нового европейского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) / Л. П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2005. С. 5–16.
2. Потебня А.А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков, 1905.
3. Соколов А.Б. Теория стиля / А. Б. Соколов. – М. : Искусство, 1968.
4. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский. – Сост. С. А. Асиновская. – М. : Наука, 1986.
5. Ионкис Г. Евреи и немцы в контексте истории и культуры / Г. Ионкис. – СПб. : Алетейя, 2009.

Южный федеральный университет

*Шевцова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры речевых коммуникаций и издательского дела
E-mail : oksana_shevtsova@bk.ru*

South federal university

*Shevtsova O. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Speech Communications and Publishing Department
E-mail : oksana_shevtsova@bk.ru*

О «БРАЧНОМ ТЕКСТЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Г. А. Шпилевая

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: В настоящей работе анализируется «брачный текст» русской литературы XIX в. как «сверхтекст», в котором сосредоточен основной мотив произведения или ряда произведений. «Брачный текст» (его поэтологические и идеологические особенности и функции) рассматривается на материале как классических произведений, так и литературы «второго ряда» – беллетристического уровня. Особое внимание в статье уделяется проблемам «тайнобрачия», изображенного в русской прозе вышеозначенного периода.

Ключевые слова: «брачный текст», классика, беллетристика, «тайнобрачие», фабульно-сюжетные отношения.

Abstract: This article analyzes the «marriage lyrics» of the Russian literature of the XIX century as «an extra-text», which contains the bulk of the work or the motive of a number of works. «Marriage lyrics» (its pathologic and ideological features and functions) is seen on the material of both the classic works of literature and «second-line» – fictional level. Particular attention is paid to the problems of «a hedge marriage» shown in the Russian prose of the aforesaid period.

Key-words: «marriage lyrics», classics, fiction, «hedge marriage», fable-plot ratio.

Маленькая хилая церквушка на окраине деревни Жардино. Одна из тех, где святые отцы причащают «на скорую руку», а по случаю промышляют тайным крещением или венчанием в духе брата Лоренцо».

В. Сигарев. «Метель» (Пьеса в двух действиях по мотивам одноименной повести А. С. Пушкина)

В настоящей работе будет рассмотрен «брачный текст» русской литературы XIX в. «Текст» в данном случае понимается в *топоровском* смысле: как «сверхтекст», в котором сосредоточен определенный мотив на протяжении всего произведения или ряда произведений. Это «идеальный, абстрактный текст, надстраивающийся над отдельными текстами и представляющий их свойства в обобщенном виде» [1, 6]. Таким образом понимаемый «текст», по мысли В. Н. Топорова, «обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы» [2, 259].

В работе предполагается сравнительный анализ различных вариантов «брачного текста» (его поэтологических особенностей и идеологических функций), бытующего в *беллетристических* и *классических* произведениях. Под беллетристикой в данном случае понимается «весь книжный массив, лежащий за чертой высокого искусства, <...> и к чему при всем том приложим критерий качества» [3, 113]. Под классикой – высокохудожественная литература, не утрачивающая своей ценности в веках, ставшая «достоянием не только национальной, но и мировой литературы» [4, 157].

Наряду с «бальным», «карточным», «дуэльным» и пр. текстами русской литературы XIX в. «брачный текст» относится к *универсалиям*, так как содержит «свойства и отношения», которые *присущи* «множеству разных вещей» [5, 238], координирует сюжетно-композиционную систему произведения, являясь определенным (узнаваемым) *знаком* читателю.

В данной работе анализируется «брачный текст» романов, повестей, очерков, драм означенного периода: некогда очень популярных беллетристических произведений М. Н. Загоскина, романов Л. Н. Толстого, комедий Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. В. Сухова-Кобылина, «потраченной» драмы А. П. Чехова. Также будет изучена проблема русского «тайнобрачия», представленного в пушкинской «Метели» (генетически восходящей к повестям «Наталья, боярская дочь» (1792) Н. М. Карамзина и «Жених-призрак» (1819) В. Ирвинга) и в произведениях Н. С. Лескова.

* * *

«Брачный текст», как будет видно из его анализа, несет в себе обрядовое, нравственное, религиозное содержание, становится элементом, который во многом организует художественный мир произведений. Это можно наблюдать, изучая беллетристи-

ческий роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), снискавший большой успех у читателей и критиков-современников. Произведение было в целом одобрено В. Г. Белинским и А. С. Пушкиным, оба критика отметили беллетристический уровень произведения, но при этом пощрили его за правдивость и «добротность».

Как и положено в жанре романа, в «Юрии Милославском...» жизнь «разрабатывается во множестве мелочей, деталей, обстоятельств, где широко развертываются взаимодействия человека с миром» [6, 219]. Бытовые подробности «частной» жизни представлены на широком социально-историческом фоне (Смутное время), и автор-беллетрист отчасти *декоративно*, но достаточно убедительно изобразил «любовь» и «борьбу» благородного Юрия Милославского. Загоскин показывает быт крестьян и бояр, в частности, изображает деревенскую свадьбу (холопскую) и боярское венчание – Милославского с Анастасией. Спасая девушку от «распаленной вином и мщением буйной толпы», священник «срочно» венчает давно любящих друг друга людей, и это действие совершается в духе приключенческого романа: «отец Еремей, сняв с руки Анастасии два золотых перстня, начал обряд венчания. Юрий отвечал твердым голосом на вопросы священника, но смертная бледность покрывала лицо его; крупные слезы сверкали сквозь длинных ресниц потупленных глаз Анастасии; голос дрожал, но живой румянец пылал на щеках ее, и горячая рука трепетала в ледяной и, как мрамор, бесчувственной руке Милославского» [7, 252]. В данной сцене использована тривиальная лексика, свойственная литературе «второго ряда», также обращает на себя внимание *сказочно* динамичное движение сюжета, сопровождаемое столь же быстрой сменой настроения толпы «патриотов». Готовые послушаться священника и растерзать Анастасию, «палачи», узнав, что Юрий и «боярышня» – уже муж и жена, присмирели и намереваются выпить за их здоровье. Так автор-беллетрист, прибегая к *бытописанию* и *нравоописанию*, изобразил само венчание, а также страх и уважение «черни» к церковному таинству.

Сочетая элементы исторического и авантюрного романа, Загоскин, безусловно, создает «формульную литературу, отличающуюся высокой степенью стандартизации» [8, 233], на что указывают «стершиеся» эпитеты и сама легкость выхода из «ужасной» ситуации, что характеризует «легкое чтение» (В. Г. Белинский). Однако надо признать, что данное произведение относится к разряду *качественной* беллетристики, где «между автором и стилем его сочинений» сохраняется «фактор «настроения» [9, 27], который, безусловно, одухотворяет сюжетные и стилистические стереотипы, без которых литература «второго порядка» существовать не может.

О том, что беллетристика (в лучших образцах) представляет собой интересный материал для из-

учения общекультурных процессов эпохи, писали В. Г. Белинский, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский и др. Подтверждение этому – другой роман Загоскина – «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831), на который, как известно, отозвался своим «Рославлевым» (1831) сам Пушкин.

Во втором романе Загоскин снова изображает венчание как *границу*, отделяющую прежнюю жизнь героев от настоящей и будущей. Как и в «Юрии Милославском...», здесь также представлена «ультраромантическая» ситуация, изложенная «приличным случаем» стилем: «Вот священник берет жениха и невесту за руки, чтоб обвести вокруг налоя <...> свет от лампы, висящей перед Спасителем, падает прямо на лицо невесты... «Милосердный боже!! Полина!!!» В эту самую минуту яркая молния осветила небеса, ужасный удар грома потряс всю церковь; но Рославлев не видел и не слышал ничего; <...> кровь хлынула ручьем из раны, и он лишился всех чувств» [10, 168–170]. Пытаясь изобразить (вслед за «шотландским чародеем» – В. Скоттом) жизнь человека в контексте исторических событий, а также показывая влияние истории на судьбу личности, Загоскин-беллетрист «чудесным образом» приводит Рославлева к церкви, где в это время состоялось венчание его невесты и пленного французского полковника Сеникура. Сказочные узнавания / неузнавания, фантастические совпадения концентрируются в данной сцене – таинственной и «ужасной», но при этом есть сведения, что реальные бракосочетания русских барышень и пленных офицеров наполеоновской армии в 1812 г. были не такой уж редкостью.

А. С. Пушкин «не довел» своих Полину и Синекура до венчания, но некоторые элементы этой церемонии (изображенной в романе Загоскина) отразились в пушкинской «Метели» (1831). Очевидно, что и беллетрист Загоскин, и тем более классик Пушкин не ограничились бытописанием (изображение венчания) и нравописанием (утверждение личной *свободы* при выборе спутника жизни), каждый из писателей, обращаясь к реальным фактам современности, создает обобщенный образ, некоторое *художественное целое*, которое неизмеримо шире отдельного случая.. Но сколько глубины именно в пушкинском *художественном целом*, сколько непроясненных загадок в маленькой повести с ее «стихией случая и хаоса» [11, 53], сопровождающих изображенное «тайнобрачие».

Начать надо с того, что «брачные аферы», «тайнобрачие» были достаточно частым явлением и не минули семейство Пушкиных-Ганнибалов. Ю. Н. Тынянов «напоминает», что отец матери А. С. Пушкина (Надежды Осиповны) «женится от живой жены на одной псковской прелестнице» [12, 6], чем весьма осложнил жизнь своим родственникам. О других «брачных» приключениях той поры «напоминает» исследователь Г. Ф. Ковалев: о «скандальном побеге» (в 1829 г.) «графини Ольги Павловны Строгановой»

и последовавшим за этим венчанием с «красавцем корнетом-кавалергардом графом Павлом Карловичем Ферзенем»; об «аналогичном побеге» родной сестры Пушкина – Ольги Сергеевны, вследствие чего она «обрела фамилию Павлищева» [13, 146].

Анализируя «предтечу» пушкинской повести – «Жениха-призрака» В. Ирвинга, Н. Я. Берковский указывает на одну из причин «тайнобрачия» – это «феодалное пренебрежение к интересам личности»: «отцы решают, дети исполняют» [11, 51]. Действительно, то, что родители Марьи Гавриловны «запретили дочери» даже думать о Владимире, а его самого «принимали хуже, нежели отставного заседателя» (а также «сентиментально-любовные, мечтательные» [14, 296] настроения главных героев), обусловило «тайнобрачие».

Итак, персонажи-дворяне (Марья Гавриловна и Владимир) «пытаются утвердить себя, противопоставляя свои чувства и действия сложившемуся укладу» [15, 291]. Однако одной из составляющих пушкинского «художественного целого» является и часто рассматриваемый исследователями образ *судьбы*, играющий в «брачном тексте» повести ключевую роль. Этот образ дополняет и расширяет общелитературный «брачный текст» в целом. В современном литературоведении отмечается, что «Бурмин совершает неожиданные поступки, как будто повинуюсь воле Провидения» [15, 291]; о главных героях повести (Марье Гавриловне и Бурмине) говорится, что «поступая столь неосмотрительно (а в перспективе судьбы – более чем предусмотрительно), они и будут друг с другом сведены» [16, 172]. Н. Я. Берковский писал, что «судьба у Пушкина многолика. Она кивает одним, она безжалостна к другим», при этом (уже относительно «Метели») «под видом случая и промысла <...> действовали самые заурядные бытовые законы, по которым составляют светские браки» [11, 55; 59].

О пушкинском отношении к Судьбе много споров, которые отчасти разрешил С. Г. Бочаров: «От судеб защиты нет человеку, но поэт стоит к ним как-то иначе. <...> Поэт – свободная сила в противоборстве с судьбою» [17, 62].

Насколько сложно трактуется *судьба* относительно «Метели», настолько же неоднозначно решается и проблема *счастья*, якобы последовавшего за «тайнобрачием». «Счастливым конец «Метели» опять-таки ироничен»; «В развязке повести есть ирония, есть меланхолия» [11, 60], – справедливо полагал Н. Я. Берковский.

Можно ли утверждать, что финал повести указывает на безоговорочный happy end: « – Боже мой, боже мой! – сказала Марья Гавриловна, схватив его за руку; – так это были вы! И вы не узнаете меня? Бурмин побледнел ... и бросился к ее ногам» [18, 118]. По мысли исследователя, «начиная с «Выстрела», Пушкин держится в «Повестях Белкина» манеры повествования, которую можно бы назвать докумен-

тальной. Нет ни одного эпизода, для которого не был бы приведен источник. Все сведения взяты от свидетелей, причем проверенных, по-своему компетентных» [11, 46-47]. Где же эти свидетели (корнет Дравин, землемер Шмит, сын капитан-исправника, кучер Терешка), живы ли они, не разметал ли их 1812 год, не постигла ли их участь слуги Бурмина, который «умер в походе»? Главные герои знают, что они муж и жена, но как об этом сообщить в обществе и не сгорела ли церковь с «обыскной книгой» (с записью о венчании, хотя и тайном), жив ли жадринский священник?

Свойственные классике глубина и сложность делают неисчерпаемым «брачный текст» «Метели» – здесь и упомянутая ранее *граница* в самоощущении и самоопределении личности, которая борется за свою свободу, и, безусловно, описание *быта* и *нравов* эпохи.

Исследователи не без основания полагают, что в изображении писателями венчания (в том числе и «тайнобрачия») прослеживается их отношение к морали, к институту церкви. В свое время В. В. Гиппиус возразил Н. Черняеву, автору статьи «Метель», напечатанной в харьковском издании – в книге «Критические статьи и заметки о Пушкине» (1900): «В наиболее наивной форме это выразил Н. Черняев, в истолкованиях которого «Метель» оказалась благочестивым нравоучительным рассказом, внушающим не только «веру в провидение», но и уважение к святости законного брака» [19, 32]. Создается ощущение, что в «наивном» заключении Н. Черняева не так уж много наивности.

Марья Гавриловна (решившаяся на «тайнобрачие») и Бурмин (который сначала «так мало полагал важности в преступной <...> проказе») уважают «святость законного брака» в отличие от одного из героев романа Л. Н. Толстого – Анатоля Курагина, виновника едва не случившегося «тайнобрачия».

Подобно Пушкиным-Ганнибалам, Толстые также пережили истории со сложными «брачными» перипетиями, с «гражданскими женами» (некоторые из них были цыганками, что добавляло «веса» скандальным ситуациям).

В конце 1840-х гг. брат писателя, С. Н. Толстой, полюбил певицу-цыганку из тульского хора (М. М. Шишкину), выкупил ее и прожил с ней 16 лет в гражданском браке. Затем последовало увлечение Т. А. Берс, браком не закончившееся: «В конце концов, С. Н. Толстой разорвал отношения с Т. А. Берс и впоследствии обвенчался с матерью своих детей» [20, 245]. У Т. А. Берс и ее жениха были свои проблемы, что явствует из сообщения ее сестры – С. А. Толстой: «Сестра моя сделалась невестой А. М. Кузминского, <...> но так как он был двоюродный брат, то надо было найти священника их перевенчать» [20, 245]. Другой родственник Л. Н. Толстого – Ф. И. Толстой (Американец) также был женат на цыганке из хора (А. М. Тугаевой), и их венчание состоялось после

нескольких лет гражданского брака, в котором родились многочисленные дети.

С. Г. Бочаров обращает внимание на то, что Толстой, создавая историю несостоявшегося венчания Курагина и Наташи, писал «эти строки» романа «с волнением». Автор «дорожил ими и беспокоился, чтобы они были поняты». «Из писем этого времени видно, какой значительной для его книги в целом ему представлялась история Наташи и Анатоля. Толстой говорил даже, что здесь «узел всего романа»» [21, 63], – продолжает исследователь.

Как фрагмент единого целого – высокохудожественного произведения – данный эпизод замечателен и как один из *центральных*, в котором раскрывается психология характеров, и как свидетельство нравов эпохи, и в качестве раскрывающего общечеловеческие аспекты, например, оппозицию нравственности / безнравственности.

Анатоль, как и все Курагины, живет, «зная во всем мире только личный свой интерес и энергично его добиваясь интригой» [21, 29]. При этом Анатоль понимает, что он, женатый мужчина, затевает в данном случае интригу незаконную во всех отношениях – «тайнобрачие» уже обвенчанного человека: «Ведь я тебе толковал, я решил: ежели этот брак будет действителен, – сказал он, загибая палец, – значит я не отвечаю; ну а ежели действителен, все равно: за границей никто этого не будет знать. Ну, ведь так?» [22, 355]. Долохов, к которому обращена эта реплика, открывает некоторые подробности данной аферы и напоминает, что именно он Анатолю «попа нашел» и что рискованная эта затея может закончиться судебным разбирательством: «...дело опасное и, если разобратъ, глупое. Ну, ты ее увезешь, хорошо. Разве это так оставят? Узнается дело, что ты женат. Ведь тебя под уголовный суд подведут....» [22, 355].

Толстой ведет повествование так, что читателя, прежде всего, волнует состояние Наташи, решившейся «бежать» с Курагиным и «отказать» кн. Андрею. На самом деле не менее важно другое – то, что скрыто в «тайных пружинах» сюжета: завязка будущих отношений Наташи и Пьера. Неслучайно, говоря с Пьером после несостоявшегося «увоза», героиня «заплакала слезами благодарности и умиления», а Пьер, после признания в любви, едва сдержал те же «слезы умиления и счастья, давившие ему горло».

Что касается проекции рассмотренного несостоявшегося «тайнобрачия» на общую историко-этическую ситуацию, то все «увозы», «побеги», «потаянные венчания» восходят к ранее упомянутым «потребностям свободы, которые уже не вменяются в рамки патриархальной морали», ибо «нравственная высота и человечность патриархальных семейств недостаточна в новых, гораздо более сложных условиях жизни “в миру”». Необходимо также отметить, что в *свободе* нуждается не только безнравственный и «тупой» (по характеристике по-

вестователя) Анатоль, но и благородные героини романа – Наташа и княжна Марья, которым недостойный Курагин в разное время «представляется идеально и романтически» [21, 66].

Итак, венчание (документ, его подтверждающий), а также «светское» бракосочетание, с одной стороны, маркируют *границу, знак* того, что личность вступила в жизнь семейную, предполагающую заботу о близких – новых родственниках, рождающихся детях. С другой стороны, сама церемония, свидетельства (в виде листка бумаги!) – это ведь условность (что нравится Анатолю Курагину), которая, в свою очередь, выявляет степень уважения, почтения личности к Закону – в гражданском (юридическом) или клерикальном понимании.

В этом смысле в высшей степени *почтительными* выглядят герои романа Толстого «Анна Каренина» (1873–1877) – Левин и Кити. В. Б. Шкловский напоминал о замечании писателя по поводу изображения брака в литературном произведении: «Толстой говорил, что развязки старых романов (они кончались обыкновенно браком) неправильны. Потому что брак – это только завязка, а никак не разрешение какого-то конфликта» [23, 89]. Венчание Левина и Кити в «освященной для свадьбы церкви» (сравним со «слабо освещенными» маленькими церквушками, где совершались «тайнобрачия») – действительно начало нового этапа (в определенном смысле – завязка) в жизни героев, которые так сложно шли к счастью.

При этом отмечается, что Левин 9 лет не говел (и, видимо, не прибегал к другим церковным требованиям), поэтому замечание Стивы повергло его в замешательство: «Однако послушай, – сказал Степан Аркадьич Левину, возвратившись из деревни, где он все устроил для приезда молодых, – есть ли у тебя свидетельство о том, что ты был на духу?» [24, 6].

Пребывавший в сложных отношениях с клиром (что, как известно, закончилось знаменитым отлучением от церкви в 1901 г.), Толстой, однако, очень подробно описывает чин венчания и, более того, указывает на точность, верность и необходимость того древнего текста, который читает священник: «О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, господу помолимся». Герою в этих словах открылось нечто важное именно для него: «Левин слушал слова, и они поражали его. «Как они догадались, что помощи, именно помощи? – думал он, вспоминая все свои недавние страхи и сомнения»» [24, 21].

Если в дворянской среде свобода выбора жениха, невесты, судьбы утверждалась иногда через «тайнобрачие», то в крестьянском мире (в основном до 1861 г.) посредством «увоза» не только отстаивали свою независимость, но порой и спасали свою честь и жизнь. Полную трагизма ситуацию показал Н. С. Лесков в рассказе «Тупейный художник» (1883), в основу которого, как следует из комментариев, легли реальные факты: существование крепостного

театра графов Каменских в Орле, а также убийство в 1809 г. графа М. Ф. Каменского крепостными крестьянами «за жестокое обращение» [25, 538].

В указанном произведении упоминается «смелый священник», который «отчаянные свадьбы венчает и много наших людей проводил» [25, 232]. Однако священник, который еще и «не таких крутил», на деле оказался сребролюбивым и трусливым: потребовав «шестой червонец», он выдал беглецов (Аркадия и Любу) «погоне», посланной звероподобным графом.

Многие нюансы «тайнобрачия» (производимые благородными и алчными, отважными и робкими русскими священниками) открыл Н. С. Лесков (имевший, по его признанию, «неравнодушие к церковным делам») в своем документальном очерке «Русское тайнобрачие» (1878). Писатель указывает на типичность и достаточную распространенность данного явления: «Тайнобрачие в России несомненно существует, и притом в довольно значительных размерах. Едва ли в каком-либо общественном кружке не известно хотя одно супружество, сочетание которого не вполне законно» [26, 578]. Автор очерка, в подробностях изучивший это актуальное социальное явление, описал супружество *законное* и *незаконное*, но при этом «в церкви петое».

Н. С. Лесков показывает динамику изменений, которые претерпевало «тайнобрачие»: «Венчались тайно, бывало, помещики, или гусары, или вообще люди значительные, о которых всегда можно, что надо, разузнать в рассуждении родства и наследства; но потом, как все это с отъемом крестьян перепуталось, – тут разночинец стал входить в силу и тоже полез тайнобратиться» [26, 600].

Писатель создает свой очерк в форме диалога: беседуют рассказчик («я-повествователь», близкий к биографическому автору, самому Лескову) и «отец протопоп» (присутствие которого повышает уровень достоверности поведанных историй), который не без юмора, используя в своей речи элементы *сказа*, сообщил о том, что на «тайнобрачие» отваживаются и люди вполне достойные (но попавшие в сложное положение), и безнравственные – «фрукты нашего урожайного года». Среди священников встречались гуманные, справедливые, бескорыстно помогающие людям, но были и «златолюбивые» хитрецы, которые не делали надлежащие записи в метрических книгах храма (или заводили 2 книги – для *различных* видов бракосочетания), венчали «как-нибудь» – «не поп вокруг налож, а заяц вокруг ракитова куста». «Вы пришли ко мне и просили вас повенчать и представили документки какие-то ледащенькие, темные, и говорите, что других достать не можете, и к тому же вы человек небогатый и заплатить много не в состоянии» [26, 608], – такую отповедь мог услышать «счастливый» супруг, тщетно пытавшийся получить свидетельство, удостоверяющее законность его «тайного» брака.

Как видно, Лесков нарисовал достаточно полную, объективную, документально-реалистическую картину русского «тайнобрачия», подчеркнув сложившуюся языковую *игру*: брак как *тайнство* и брак как *афера* или по разным причинам скрываемое от общества явление.

Если в эпических или лирических произведениях возможно было описание обряда венчания, то в драме в дореволюционное время (до 1917 г.) цензура подобные сцены не пропускала, и писатели-драматурги (например, Н. В. Гоголь, А. Н. Островский, А. В. Сухово-Кобылин) в рассмотренных ниже комедиях действие до венчания «не доводили».

В 1833–1835 гг. Н. В. Гоголь создает «Женитьбу» («Совершенно невероятное событие в двух действиях»), где «брачный текст» не мог присутствовать по объясненным причинам, к тому же автор создал интригу, которая до брака не доходит, так как жених Подколесин сбежал до серьезного объяснения с невестой. Сваха подтвердила безнадежность ситуации: «да поди ты, вороти! Дела-то сватского не знаешь, что ли? Еще если бы в двери выбежал – ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно – уж тут простое почтение!» [27, 148].

Как это всегда бывает в классическом, высокохудожественном произведении, за бытовыми современными проблемами кроются более сложные – общечеловеческие: «мотив соперничества «женихов» прикрывает другой, более важный мотив» [28, 262]. «Никогда еще Подколесин так сильно не хотел жениться и именно поэтому никогда еще так не страшился перемены» [28, 263], – отмечает Ю. В. Манн. Таким образом, Гоголь в комедии отразил сложную психологическую ситуацию, которая затем заинтересует и таких писателей, как Л. Н. Толстой (так и не «объяснившиеся» Варенька и Сергей Иванович Кознышев из романа «Анна Каренина»), Ф. М. Достоевский («не вынесший своего счастья Вася» из повести «Слабое сердце»), И. С. Тургенев (нерешительность Н. Н. – героя повести «Ася») и др.: несовершенство желаемого действия из-за неуверенности или невозможности преодолеть определенный барьер.

В 1852–1854 гг. А. В. Сухово-Кобылин пишет знаменитую «Свадьбу Кречинского» (где свадьбы, разумеется, нет), которая (как и гоголевские произведения) «разошлась» на цитаты: «Украдь, а принеси!»; «Солитера вашего в вашем доме нет»; «Эх, куда махнула!» и пр.

Невероятная «жизненность», реалистичность пьесы объясняется исследователем следующим образом: «Сухово-Кобылин, у которого такая именно жизнь поглотила целое десятилетие, набрасывает основные штрихи биографии Кречинского с истинным знанием дела» [29, 12].

«Непотопляемый» Кречинский решается не на «тайнобрачие», а на «пышную» свадьбу: «Дело веде-

но лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат! Делаю, что называется, отличную партию! у меня дом, положение в свете, друзей и поклонников куча...» [30, 93].

Кроме замечательного бытописания, цель Сухово-Кобылина – в создании определенной характеристики: опустившийся дворянин (который приобрел иммунитет и хватку буржуа), ничем не гнушающийся (подлог, ложь и пр.) и в общем-то не унывающий, готовый к новым аферам: «А ведь это хорошо! (Прикладывает руку ко лбу.) Опять женщина!»

Свадьба часто упоминается в пьесах А. Н. Островского, однако есть пьеса, где одновременно речь идет и о свадьбе (которая, видимо, все же состоится), и о «тайнобрачии» – это «За чем пойдешь, то и найдешь» («женитьба Бальзамина», 1861). О популярности «увоза» невесты (в данном случае – Анфисы, которая «бежит» с Чебаковым) свидетельствует разговор сестер: «Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят?... Ничего, Раиса, не страшно. Ведь уж меня увозили, ты помнишь?» [31, 363].

Главный же герой – Миша Бальзамино – не знает, «куда же это их увозят-с?»; «на чем же я увезу-с?». «Невесте» задается подобный вопрос: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?». Однако само событие представляется Бальзаминову как «перспективное», волнующее, сулящее счастье и даже материальное благополучие (!). «Тайное» дело обсуждается с матерью: «Вы не поверите, маменька, как бывало начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской» [31, 385].

Если авторы трех рассмотренных пьес почти не изображают венчание, то А. П. Чехов (упоминавший этот ритуал в своей прозе – в «Анне на шее», «В овраге», «Невесте» и пр.) рискнул нарушить запрет. Речь идет о «потопленной» драме «Татьяна Репина» (1889) [32, 77–95].

А. П. Чехов, участвовавший в постановке пьесы А. С. Суворина «Татьяна Репина», создал свое произведение с таким же названием (как продолжение суворинского) и отправил издателю (А. С. Суворину) этот «подарок», который был «опубликован» в отдельном типографском оттиске в нескольких экземплярах. Пьеса была задумана как шутка, поскольку, как известно, изображение церковного действия и использование любого другого *духовного* текста в то время было строжайше запрещено в театральных постановках. Однако судьба этого маленького, чудом сохранившегося произведения сложилась иначе: его ожидали как театральные постановки («Татьяна Репина», реж. В. Фокин. 1998 г.), так и киноверсии («Чеховские мотивы», реж. К. Муратова. 2002 г.). Один из спектаклей был даже поставлен в *соборе* (авиньонская постановка реж. В. Фокина. 1998 г.). Так со временем изменились нравы.

«Брачный текст» мини-пьесы Чехова, как и большинство произведений писателя, показывает «неуют-

ность» жизни, с которой все смирились. Это подчеркивается резким контрастом между текстом чина вечания и репликами персонажей. Например, отец Иван, обращаясь к Сабинину и его невесте, произносит торжественное: «Возвеличися, женише, якоже Авраам, и благослови якоже Исаак, и умножися, якоже Иаков, ходяй в мире и делаяй в правде заповеди божия!». «Молодой актер», персонаж пьесы, знающий о предшествовавшем венчанию трагическом событии (самоубийство Татьяны Репиной, оставленной Сабининым), делает замечание: «Какие прекрасные слова говорят мерзавцам!». Священник говорит о чуде, произошедшем в Кане Галилейской, прекрасно поют певчие, по поводу чего актер-«комик» восклицает: «Нам бы таких, Захар Ильич!». На что получает ответ Матвеева: «Ишь, чего захотел, харя!». Раздается явно «не приличествующий» ситуации смех.

Итак, анализ далеко не полного перечня произведений, содержащих «брачный текст», показал, насколько эта *универсалия* привлекала писателей разной степени дарования: как классиков, так и беллетристов. Писателей «второго ряда» (при безусловном интересе к *внутреннему* смыслу явления) все же больше интересовали внешние элементы (антураж) бракосочетания, о чем говорят, например, загоскинские «чудесные» встречи, «окровавленные тела» несостоявшихся женихов, дивные спасения благодаря венчанию и другие атрибуты упрощенно изображенного действия. При этом, конечно, можно видеть ценные *бытописание*, *нравописание* и изображение переживаемого персонажами ощущения *пограничного* психологического состояния (хотя бы теми средствами, которыми располагает «формульная» литература). Что касается высокохудожественных произведений, то здесь авторы, конечно, показывают и сам обряд (благодаря чему мы приобщаемся к культурологическим данностям отдаленных эпох), но главная цель изображения – состояние личности, ее переживания и поступки.

Литература XX и XXI вв. также не обошла рассматриваемую *универсалию*. Упомянем «Феерическую комедию» В. В. Маяковского «Клоп» (1928) (где показана «красная свадьба» с «громадой обывательских фактов») и отметим, что здесь представлена упоминавшаяся *граница*, но сатирически обыгранная: Баян: «Ответственный шаг в жизни – первый фокстрот после бракосочетания. На всю жизнь должен впечатление оставить».

Современный нам «мещанский» быт изображен в пьесе драматурга Н. Коляды «Скрипка, бубен и уют» (2013) – гротесково, сатирически-выпукло, с *животрепещущими* финансовыми «разборками» (кто подарил бабушкину квартиру, кто поставил «паленую» водку, кто заказал автобус, музыку?...). Однако, как и во всяком художественном произведе-

дении, на фоне сиюминутных проблем решаются и общечеловеческие. Неслучайно в пьесе часто упоминаются бесспорные культурные ценности: идет речь об И. Бунине, о чеховских «Трех сестрах», о стихах М. Светлова. О том, насколько «брачный текст» актуален, свидетельствует пьеса-римейк В. Сигарева «Метель» («По мотивам повести А. С. Пушкина») (1999), где священник, все же отважившийся на «тайнобрачие», предупреждает, что венчает Бог, и нельзя играть с Богом («как дети малые»), ведь он все видит...и наказывает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Что такое «Петербургский текст»? / В. Шмид // Существует ли Петербургский текст? – СПб., 2005. – С. 5–12.
2. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
3. Гурвич И. А. Русская беллетристика / И. А. Гурвич // Вопр. лит., 1990. – № 5. – С. 113–142.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под. общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
5. Лангерак Т. Универсалии русской литературы XIX века: взгляд издаека / Т. Лангерак // Универсалии русской литературы. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 238–245.
6. Рымарь Н. Т., Скобелев В. П. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Воронеж: Логос-Траст, 1994. – 263 с.
7. Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году / М. Н. Загоскин. – М.: Худож. лит., 1967. – 296 с.
8. Мельников Н. Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении / Н. Г. Мельников // Литературоведение на пороге XXI в. – М., 1998. – С. 229–234.
9. Вершинина Н. Л. Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830–1840-х гг.: автореф дис.... д-ра филол. наук. – Псков, 1997. – 51 с.
10. Загоскин М. Н. Рославлев, или Русские в 1812 году / М. Н. Загоскин. – М.: Худож. лит., 1980. – 392 с.
11. Берковский Н. Я. О русской литературе: Сб. ст. / Н. Я. Берковский. – Л.: Худож. лит., 1985. – 383 с.
12. Тынянов Ю. Н. Пушкин: Роман / Ю. Н. Тынянов. – М.: Худож. лит., 1987. – 544 с.
13. Ковалев Г. Ф. Пушкин. Ономастический коммента-

рий. Книга для учителя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2012. – 276 с.

14. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – М.: ГИХЛ, 1957. – 416 с.
15. Нагина К. «Метельный» код А. С. Пушкина в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / К. Нагина // Михайловская Пушкиниана. – Вып. 58. – Сельцо Михайловское, 2013. – С. 288–296.
16. Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина / А. А. Фаустов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – 322 с.
17. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. – М.: Языки русской культуры, 1990. – 632 с.
18. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 6. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 814 с.
19. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / В. В. Гиппиус. – М. – Л.: Наука, 1966. – 347 с.
20. Карачевцев И. Е. К вопросу о месте венчания С. Н. Толстого и М. М. Шишкиной / И. Е. Карачевцев // Юбилейный сборник. К 100-летию Государственного музея Л. Н. Толстого. – М., 2012. – С. 244–249.
21. Бочаров С. Г. «Война и мир» Л. Н. Толстого / С. Г. Бочаров // Три шедевра русской классики. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 7–103.
22. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 14 т. / Л. Н. Толстой. – Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1951. – 377 с.
23. Шкловский В. Б. Энергия заблуждения / В. Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1981. – 362 с.
24. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 14 т. / Л. Н. Толстой. – Т. 9. – М.: ГИХЛ, 1952. – 419 с.
25. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / Н. С. Лесков. – Т. 7. – М.: ГИХЛ, 1958. – 569 с.
26. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / Н. С. Лесков. – Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1958. – 585 с.
27. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. / Н. В. Гоголь. – Т. 4. – М.: ГИХЛ, 1949. – 347 с.
28. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. / Ю. В. Манн. – М.: Худож. лит., 1978. – 398 с.
29. Рудницкий К. А. В. Сухово-Кобылин и его сатира / К. Рудницкий // Сухово-Кобылин А. В. Трилогия. – М.: Искусство, 1966. – С. 5–46.
30. Сухово-Кобылин А. В. Трилогия / А. В. Сухово-Кобылин. – М.: Искусство, 1966. – 384 с.
31. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. / А. Н. Островский. – Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1950. – 405 с.
32. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 12. – М.: Наука, 1978. – С. 77–95.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail 19alex04@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of Teaching of the Russian Language and Literature Department

E-mail 19alex04@mail.ru

БЫТ В РОМАНЕ И. ЭРЕНБУРГА «В ПРОТОЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Е. В. Юденкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: в статье акцентируется внимание на изображении послереволюционной России в романе И. Эренбурга «В Проточном переулке». Бытовые характеристики используются автором для обозначения героев различных слоев общества и присущих им нравов.

Ключевые слова: русская литература XX века, роман, литературоведение, И. Эренбург, 1920-е годы.

Abstract: the article is devoted to representation of post revolutionary Russia in the novel of I. Ehrenburg «In Flowing backstreet». The author uses domestic characteristics to designate the heroes of different sectors of society and their mores.

Key words: Russian literature of the 20s, novel, literary criticism, I. Ehrenburg, 1920s.

В 1920-е годы критики писали о неудачах писателей в отражении быта в литературе. В частности Ю. Тынянов обращал внимание на стирание понятия жанра, на попытки соединить новый материал со старой жанровой формой, на некачественную фантастику.

Эти неудачи писателей связывались с отсутствием новых способов отражения быта в литературе. Быт, по мнению Ю. Тынянова, оказывается «олидературенным» [1, 160], читатель видит не быт, а лишь декорацию. Б. Эйхенбаум в статье с характерным названием «Декорация эпохи» тоже отмечал отсутствие у быта начала 1920-х годов сюжетоспособности – оформления вне фабулы, в виде очерков и фельетонов [2, 448]. По наблюдению Ю. Тынянова, литература должна не отражать быт, а «зацеплять его», «сталкиваться» с ним в чем-то.

Следует уточнить значение термина. В словаре В. И. Даля нет отдельной статьи для этого понятия, слово «быт» дается в нем вместе со словами «быть» – существовать, «быто» – имущество, пожитки, «бытие» – жизнь, и означает бытность, род жизни, обычай, обыкновение, жизненный уклад. «Быт» – это понятие, связанное с повседневностью, материальностью, неотделимое, однако, от бытия – уже философской, а не бытовой категории [3, 92–93].

Словарь М. Фасмера уточняет этимологию слова «быт» областью его применения: древнепрусский «дом», ирландская «хижина» и древнеисландское «жилье» [4, 260].

Бытие как духовная категория находит свое выражение в материальной, бытовой жизни общества. Быт, таким образом, как совокупность обычаев и, что самое важное, нравов, присущих определенной социальной группе, отражает не только смену житейских обстоятельств, но фиксирует перемены в самом человеке, его системе ценностей.

В связи с этим претензии критиков, упрекающих писателей 1920-х годов в декоративности бытовых подробностей, свидетельствуют о смысловых претензиях к художественному тексту, к тому, как изображен человек послереволюционного времени. В этой связи интересны бытовые характеристики (и соответственно – нравы, представления о морали) героев в романе И. Эренбурга «В Проточном переулке».

Роман написан в 1926 году, по словам самого автора, «с натуры» [5, 34]. Материал для изображения дало время нэпа, И. Эренбург повествует о судьбе разных по происхождению, жизненному опыту и социальному положению людей, приходящихся друг другу «соседями» по переулку, создает в своем романе галерею образов тех, кто так или иначе пытается выжить в это время.

Героев повести можно разделить на две группы, в которые объединены носители противоположных нравов: с одной стороны, это чета Панкратовых, с другой – герои, внутренняя жизнь которых не подвластна законам «проточного» быта.

Понимание быта Панкратовыми не выходит за рамки их квартиры. Панкратов, владелец солидного ларька, написан И. Эренбургом выпукло и убедительно, в полном соответствии с теми традициями, которые сложились при изображении «мироедов» и «первонакопителей» литературы предреволюционных лет. В повествовании он именуется не иначе как «дух Проточного», царствующий над переулком, где живет «жулье», воры, убийцы. Интересно, что самые опасные обитатели переулка – убийцы – уважают его и даже немного побаиваются. Это объясняется нравом хозяина Проточного: убить за посягательство на его имущество для него естественно. Так, когда у Панкратова беспризорники украли окорок, он решает наглухо засыпать, замуровать выход из подвала, где ночуют бездомные дети, и тем

обречь их на голодную смерть и удушье. Решение это не сопровождается какими-либо нравственными страданиями героя. Более того, к выполнению своего замысла он привлекает жильцов дома, делая их соучастниками преступления.

Образ Панкрата подтверждает выход романа за пределы социально-бытовой тематики. Он аллюзивен: отец Панкрата «сколачивал» «из медных копеечек «рупь» [7, 467], чему и сына научил, совсем как отец гоголевского героя Чичикова. Известно, что перед написанием «В Проточном переулке» И. Эренбург перечитывал русскую классику и, не принимая новую литературу 1920-х годов, говорил: «Я хочу Гоголя и еще хороших репортеров» [5, 134].

Образ, созданный И. Эренбургом, страшнее образа Н. В. Гоголя: новый, «нэпмановский» Чичиков-Панкратов гоняется за копеечкой, которая бережет рубль, а накопив «червячков», готов за них убить. Афера с «мертвыми душами», которые скупает Чичиков, воспринимается как анекдот на фоне деяний нового Чичикова, намеренно губящего «живые души» за украденный окорок.

Особого внимания заслуживает название Панкратовым денег – «червячки». Возникающие ассоциации со словом «червь» еще раз указывают на бездуховность, безнравственность и аморальность героя.

Жена Панкрата не отстает от мужа, не менее деятельно участвуя в накоплении «червячков» из приготовлением и продажей пирожков. Она во всем солидарна с мужем, не сомневается в правильности его решения убить беспризорных детей. Эренбург пишет, что Панкратовы убивались по окороку, как по собственному сыну [7, 476]. Для них это вполне адекватная замена, не случайно Панкрата благодарил судьбу, что у них не было детей, всегда на первое место ставя деньги, материальную выгоду. Быт, устоявшийся порядок для нее важнее всего. Так, в главе «Варенье на славу», в названии которой присутствует нарочито домашний сюжет, Панкрата узнает о том, что ее сестра Поленька, выполняющая в доме роль служанки, беременна от ее мужа. Панкратову поразил не факт измены мужа («Алексейчик мужик хоть куда»), а грозящая их совместному благополучию опасность. Но такие коллизии Панкратовы, не обремененные нравственными соображениями, разрешать умеют. Поэтому Панкрата и варенье на славу сварила, и от незаконного ребенка мужа забавила. ««Сам» ни о чем не подозревал ...видно, любовный сезон миновал» [7, 563].

Вторая группа героев противопоставлена Панкратовым. Ее центром является Юзик – бедный еврей, горбун, зарабатывающий себе на жизнь игрой на скрипке. Он человек бескорыстный, добрый, и, что немаловажно, заставляющий людей, так же, как и он, живущих в нищете, вспоминать о душе. Например, «гражданка Лойтер» просит его перестать

играть на скрипке, потому что у нее от этой игры «вся душа выворачивается» [7, 490]

К этой группе героев следует отнести и так называемых «бывших» людей Наталью Генриховну и Освальда Сигизмундовича, несмотря на то, что их поведение не столь очевидно, как позиция Юзика. Их настоящая жизнь осталась в прошлом, в революционном времени они потеряли себя. Наталья Генриховна – «осколок прошлого», баронесса, вынужденная зарабатывать на жизнь изготовлением женских шляпок. Чех Освальд Сигизмундович – бывший преподаватель латыни в гимназии, сегодня нищенствующий и никому не нужный старик.

Наиболее сложной фигурой в романе является Наталья Генриховна. Ее судьба, как впрочем, и судьбы других героев, символична. Наталья Генриховна некогда принадлежала к поколению предреволюционной молодой интеллигенции, поверхностно увлеченной идеями свободы, отрицанием дворянского быта. Полюбив жалкого и ничтожного человека Сахарова, она уходит из родительского дома, чтобы стать его женой. Сахаров же, некогда привлеченный ее богатством и титулом, теперь требует от нее денег, шантажируя ее дворянством как социальным пороком. Наталья Генриховна преодолевает бытовые послереволюционные трудности, не менее успешно, чем Панкратовы, борется, как ей кажется, за семью, за любимого мужа, не замечая его ничтожности и губительности своих усилий. Реальность нэпа, девальвация всех нравственных ценностей деформируют Наталью Генриховну как личность. Бывшая баронесса, став шляпницей, и ведет себя, как шляпница: позволяет себя унижать, не испытывает брезгливости, общаясь с Панкратовыми, добровольно принимает участие в уничтожении беспризорников. Разделив взгляды той среды, к которой принадлежит ее муж, она стала частью «абрикосового домика» в Проточном переулке, агрессивной частью толпы. В ее сознании быт замстил бытийные проблемы, деформировал нравственные оценки.

В литературе 1920-х годов встречается много сюжетов, связанных с судьбами представителей интеллигенции, которые искренне хотели стать частью нового мира. В рассказе А. Н. Толстого «Гадюка» в центре внимания автора – гимназистка Оленька Зотова, у которой революционные события отняли не только семью, дом, но и во многом женственность и человечность. Как и Наталью Генриховну, лишения превратили Ольгу Зотову сначала в бойца революции, каким она стала, полюбив «кречетоглазого» красного командира, а после его гибели – в человека, не нашедшего себя в послереволюционном мире. Гибель старого быта, попытка героинь жить по тем требованиям, какие предъявляет им деформированный революцией мещанский быт, как свидетельствуют А. Толстой, И. Эренбург, это

деградация прежних нравственных норм, а не со-
здание нового мира.

Послереволюционным бытом вытеснен из привычного круга жизни и Освальд Сигизмундович. Он стал обитателем подвала «абрикосового домика» вместе с беспризорными детьми. Именно там, в подвале, оказались востребованными его доброта и беззащитность, которую остро почувствовали обездоленные дети, приняв в подвал старого преподавателя, и тем спасли его не только физически.

Таким образом, в повести И. Эренбурга мы не видим людей нового, революционного времени. Перед нами проходит череда героев, либо сохранивших все «родимые пятна» прошлого (Панкратова, Сахаров), либо деградировавших под влиянием внешних обстоятельств.

В числе отступивших от своей прежней жизни Прахов, поэт, ставший «халтурщиком», «выгоняющим строчки» для низкосортных журналов; наивная и старающаяся жить, как другие, «совбарышня» Таня, книжные представления которой разбиваются о популярные революционные теории «свободной» любви.

Трагедию героев своего романа И. Эренбург видит в том, что они не сумели жить по естественным для них законам, уступили давлению среды прежде всего в области нравственной. Наталья Генриховна, ужаснувшись тому, как она жила, уходит из дома в Проточном переулке. Ей предстоит нелегкое духовное освобождение. Не видя возможностей ее возрождения в привычной для нее среде, И.Эренбург не прописывает ее дальнейшего пути.

Умирает Освальд Сигизмундович, в значительной мере сохранивший себя в испытаниях послереволюционных лет и потому оставшийся в памяти спасших его беспризорников «дедушкой», о котором они вспоминают, столкнувшись с людской добротой. С этими беспризорниками убегает Петька, сын Натальи Генриховны, отыскавший свою дорогу без помощи родителей. Пожалуй, только с беспризорниками и может связать свои неотчетливые надежды на будущее автор романа. Взрослые же герои оставляют для этого мало надежд. «Совбарышня» Таня уезжает в другой город, оставив романтическое ожидание большой любви, выходит замуж. Прахов принимает себя таким, какой он есть, не мнит себя гениальным. Юзик, единственный мечтатель Проточного переулка, желавший всем добра, так же утратил свои надежды и заблуждения: «Юзик теперь знает, у всего Проточного горб, у всего мира горб, и этот большой горб зовут горем. Нечего фантазировать...» [7, 585]

Проточный переулок губит оставшихся, поэтому мотив ухода особенно важен для понимания авторской позиции. Наиболее детально прописан в романе уход Тани. С этой героиней романтический Юзик связывал легенду о жертве Персефоны: героиня

мифа сходила в ад, мир праха и смерти, чтобы вернуться на землю и воскресить жизнь. Однако надеждам Юзика не суждено быть реализованным. Таня – героиня старого быта, но не нового мифа. Несмотря на то, что она ждет ребенка (что могло бы быть воспринятым как указание на возрождение жизни, если бы миф был реализован), ей не суждено стать Персефой. Мужа своего она не любит, духовной близости между ними нет, да и ее образ жизни в целом не изменился.

Уход Натальи Генриховны, как мы уже отмечали, менее детализирован событийно, но более трагичен, возвышен и многозначителен. О бытовой стороне жизни героини судить трудно, самой выразительной деталью ее ухода является то, что она уходит из Проточного переулка без денег и вещей, оставляя их, как и собственные заблуждения. Олицетворяя собой дореволюционную интеллигенцию с ее книжными идеалами, которые не были подтверждены революцией, она своим уходом ставит вопрос: вернутся ли эти идеалы или будут задушены Панкратовыми, царствующими в Проточном переулке? Надежда скорее возлагается на беспризорников и сына Натальи Генриховны Петю: лишь они ценят добро, в них живо человеческое.

И. Эренбург охарактеризовал свой роман как «психологически-бытовой, мещанский, по старинке» [5, 135], но предмет для описания он избрал новый – Россию времен нэпа. Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» говорил о том, что старые формы с новым содержанием «не уживаются». Роман И. Эренбурга «В Проточном переулке» это подтверждает. Его нельзя назвать социально-бытовым, проблематика романа выходит за эти рамки. Писателя волнует настоящее и будущее страны, в которой, безусловно, произошли революционные изменения, но «вечные» человеческие типы – алчный торгаш, жуир – остались.

Роман И. Эренбурга свидетельствует, что революция в социальной и политической областях жизни не коснулась толщи быта, в которой по-прежнему стяжательство и эгоизм противостоят добру и бескорыстию. Абрикосовый домик в Проточном переулке оказывается царством Панкратовых. На их фоне обращение И. Эренбурга к образам Н. В. Гоголя не выглядит данью традиции. Это утверждение нерушимости старого миргородского быта, который по-прежнему бросает вызов всему новому.

Особого внимания требует название романа. Показательно, что это не улица, а именно переулок – небольшой отрезок улицы, соединяющий ее с большими магистралями. Финал вызывает ассоциации с гоголевской Русью-тройкой, однако, в новом воплощении – это отправившиеся в самостоятельный поиск беспризорники, спасшиеся от жестокости Проточного переулка. Повествуя о совершенно иной, нежели во времена классика, России, И. Эренбург,

как и Н. В. Гоголь, задается вопросом о судьбе страны, но его постановка вопроса иная: скорее это вопрос не о том, куда она идет, а дойдет ли?

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – 574 с.
2. Эйхенбаум Б. М. О прозе: сборник статей / Б. Эйхенбаум; сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1969. – 501 с.
3. Толковый словарь русского языка: Современное написание / В. И. Даль. – М. : Астрель: АСТ, 2004. – 983 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского

языка / М. Фасмер; Пер. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс. – Т. 1: А-Д. – 2-е изд., стер. – 1986. – 573 с.

5. Фрезинский Б. Я. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны: [избранные статьи и публикации] / Борис Фрезинский. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 902 с.

6. Комментарии к «В проточном переулке» // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / И. Г. Эренбург; коммент. А. Ушакова. – М. : Художественная литература, Т. 2. – 1964. – 615 с.

7. Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / И. Г. Эренбург; коммент. А. Ушакова. – М. : Художественная литература, 1964 -. Т. 2: Рвач; Лето 1925 года; В Проточном переулке. – 1964. – 615 с.

*Воронежский государственный университет
Юденкова Е. В., аспирант кафедры русской литературы
XX-XXI вв., теории литературы и фольклора
E-mail: hatonhead@mail.ru*

*Voronezh State University
Yudenkova E.V., Post-graduate Student of the Russian Lit-
erature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folk-
lore Department
E-mail: hatonhead@mail.ru*

ПОНИМАНИЕ МЕДИА: ВНУТРЕННЕЕ СЖАТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. Е. Богоявленский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена периодизации медиа в контексте постнеклассической парадигмы развития теоретического знания.

Ключевые слова: медиа, М. Маклюэн, Ж. Бодрийяр, виртуальное гиперпространство, внутреннее сжатие цивилизации.

Abstract: the article is devoted to the periodization of the media in the context of post-non-classical paradigm of the development of theoretical knowledge

Key-words: media, M. McLuhan, J. Baudrillard, virtual hyperspace, internal compression civilization.

Предложим макропериодизацию медиа представив данный феномен по наиболее концептуальным основаниям, к которым отнесем: а) параметры революционных преобразований коммуникационных технологий и б) соответствие парадигме развития теоретического знания, состоящей (в соответствии с концепцией академика В. Степина) из трех макроэтапов: классического, неклассического и постнеклассического.

Таким образом, предлагается выделить следующие макропериоды развития медиа: *Макропериод прамедиа*, *Макропериод предтеч медиа*, *Макропериод собственно медиа* и *Макропериод интегрированных медиа* (или «новых медиа», здесь, основываясь на сущностных параметрах коммуникации, допустим возможное уточнение: гипермедиа).

1. *Макропериод прамедиа* (до середины XV века – времени первой из коммуникационных революций¹, трактуемых в рамках предлагаемого синергетического подхода в качестве основных точек бифуркации цивилизационного процесса): допечатный (дотехнологичный) формат коммуникаций – до-

классический (донаучный) и ранний этапы классической научной парадигмы² – период локальных коммуникаций.

2. *Макропериод предтеч массмедиа*: точка бифуркации – 1-я (печатная) коммуникационная революция (середина XV века: возникновение печатного формата медиа) – зрелый этап классической научной парадигмы (по В. Стёпину) – «домассовый период» медиа.

3. *Макропериод массмедиа* («собственно медиа»): точка бифуркации – 2-я (аналоговая) коммуникационная революция (рубеж конца XIX века): возникновение неклассического (аналогового) формата медиа – неклассический этап научной парадигмы – массификация медиа. Именно во время указанного макропериода происходит становление медиа как социального института. В процессе активного теоретического осмысления феномена массовой информации и коммуникации происходит закрепление самого термина «медиа» и характеризующих его аббревиатур (СМИ, СМК, СМИП), что также дает основание обозначить этот этап как макропериод «собственно медиа».

Основные исследования медиа были сосредоточены вокруг ведущих научных школ (Чикагской школы, Венского кружка, Франкфуртской школы, Бирмингемской школы (Британских культурных студий), Торонтской школы, Французской школы, Скандинавской школы, Анненбергской школы, «Медиа-группы» университета Глазго (GUMG), Тартуской школы семиотики и пр.); проходили под влиянием философских учений и общественно-политических идей (в особенности – марксизма, неомарксизма), проводились на стыке социологических, филологических, психологических, экономических, политических, математических наук и актуальных погранич-

¹ Принимая во внимание суждения представителей Торонтской школы об алфавитной революции (см. напр. «начало алфавитной революции... сделало возможным преобразование акустически запоминаемой речи в материально сохраненные видимые артефакты, которые было возможным менять местами». (Havelock E. A. The Muse Learns to Write. Reflections on orality and literacy from antiquity to the present. – New Haven, 1986, p. 103), мы считаем, что создание алфавита отражает эволюционный процесс развития коммуникации, представляет один из возможных вариантов (см. напр. иероглифическое письмо, арабская вязь и пр.) постепенного преобразования пиктографического письма.

² Здесь и ниже мы допускаем расширительное толкование идеи В. Степина.

ных течений (теории психоанализа, бихевиоризма, структурного функционализма, когнитивного развития Ж. Пиаже, теории кибернетики Н. Винера); анализировались в пространстве художественных направлений (соцреализма, модернизма и пр.), постепенно подводя к формированию пласта «собственно теорий медиа» («магической пули», «двухступенчатого движения коммуникации», «линейных моделей», «теории четырех функций», «математической теории медиа К. Шеннона и У. Уивера», «четырёх теорий прессы», «демократической теории Р. Пикарда», «советской теории публицистики», «медийной гегемонии», «повестки дня», «спирали молчания», «медийной зависимости», «технократической модели коммуникации», «символистской модели коммуникации», «концепции пользы и удовлетворения», «гипотезы культивирования», «подхода Молотча-Лестера к формированию новостей», «сотворения реальности» Д. Элтейд, «типологии новостей Г. Такман», «социальной ответственности прессы», «социальной теории медиа», «публичной сферы» Ю. Хабермаса, «общества спектакля» Г. Дебора, «технологического детерминизма», «расширения ощущений», «императива свободы» Дж. Меррилла, «революционной теории» и «теории развивающейся журналистики» («журналистики африканского континента») У. Хачтена, «постмодернистской теории» и мн. др.), а также теорий сопредельных коммуникаций (маркетинга, публичных рилейнз и пр.).

На рубеже 60-70 годов XX века исследователями подводился своеобразный итог теоретических построений печатного и аналогового периода неклассической парадигмы. В середине 60-х начале 70-х годов прошлого века появляются концептуальные труды Ст. Лема («Сумма технологии», 1964), А. Моля («Социодинамика культуры», 1967), У. Эко («Отсутствующая структура. Введение в семиологию», 1968), Э. Тоффлера («Футуршок», 1970) и пр., в которых на глобальном междисциплинарном историко-культурном фоне показано небывалое влияние «электронных средств общения» и «интеллектроники» на изменение способов мышления человека и форм социальной организации.

Основным трудом конца эпохи аналоговых масс-медиа по праву может считаться работа М. Маклюэна (впрочем, сам автор полагал ее лишь подстрочником к трудам выдающегося представителя Торонтской школы – Г. Инниса, а исследователи творчества М. Маклюэна допускают, что сама работа могла быть написана в соавторстве с другим представителем этой же школы – Т. Карпендером³), пред-

ложившего понимание медиа как процесс внешнего расширения человека [1].

Полагаем, что именно возникновение аналогового формата передачи контента предопределило понимание медиа как сообщения, что и отражено в известном тезисе М. Маклюэна «The medium is The message». Суть тезиса в контексте приписываемой М. Маклюэну «теории технологического детерминизма» можно свести к следующему: технический канал связи, передающий контент, определяется как медиа. Немаловажно обратить внимание и на альтернативное название теории М. Маклюэна – «теория расширения ощущений». Иные версии формулы «The medium is The message» (ср.: «The medium is The mass age») указывают на отношение этого тезиса к периоду массовой коммуникации.

Идея *публицистического* (наравне с художественным и научным типами познания) *понимания мира* детально, с опорой на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина, представлена у одного из ведущих теоретиков советской журналистики – Е. П. Прохорова [2].

Уместно противопоставить идеи советских теоретиков того времени не менее знаковой работе, вышедшей в этот же период – книге Ж. Бодрийяра «К критике политической экономии знака» (1972) [3], где была впервые представлена концептуальная статья «Реквием по массмедиа» начинающаяся внешне безапелляционной фразой: «теории масс медиа не существует». Однако в неоднозначных и парадоксальных суждениях французского исследователя чувствуются не только отголоски исхода молодежного леворадикального протеста конца шестидесятых, но и замечен намек на допустимые основания *постмодернистского толкования медиа*, а в отрицании существующей теории медиа угадывается некий прообраз ее последующего постнеклассического построения (ср.: «Новая онтология новых медиа» – С. Лэш). Анализ последующих работ выявляет фундаментальный «раскол между адептами идеи информационного общества и сторонниками взгляда на информатизацию как на продолжение ранее установленных отношений» [4]. К первым Ф. Уэбстер причисляет теоретиков: «постиндустриализма (Дэниел Белл и легион его последователей); постмодернизма (Жан Бодрийяр, Марк Постер); гибкой специализации (Майкл Пайор и Чарльз Сейбл, Ларри Хиршхорн); информационного способа развития (Мануэль Кастельс)». К сторонникам идей «социальной преемственности» Ф. Уэбстер «причислил бы теоретиков: неомарксизма (Герберт Шиллер); регуляционной теории (Мишель Альетта, Ален Липиц); гибкой аккумуляции (Дэвид Харви); рефлексивной модернизации (Энтони Гидденс); публичной сферы (Юрген Хабермас, Николас Гарнэм) [4]. Предположим, что этот «раскол» отражает объективный процесс перехода от неклассической к постнеклассической парадигме исследований медиа.

³ Ср.: «Есть и такое интересное наблюдение у одного из их современников: «Тед был Энгельсом для Маклюэна – Маркса». Цит. по: Почепцов Г. Классические медиатеории: Хевлок, Карпендер и Торонтская школа коммуникации в целом / Г. Почепцов // Космос и жизнь. – (<http://in-space.info/news/klassicheskie-mediateorii-khevlok-karpenter-i->).

4. *Макропериод интегрированных медиа*: точка бифуркации – 3-я (цифровая) перманентная гиперкоммуникационная революция (рубеж конца XX века – возникновение цифрового формата медиа) – постмассовый период медиа (период персомассификации⁴ – переход к персональным «I-медиа») – постклассический этап научной парадигмы. Полагаем, что возникающие в это время идеи: «теория демократического участия» (Д. МакКуэйл), «социальная теория прессы», «исламская макро модель медиа» (Г. Хибани, Х. Маулана, М. Сиддиги, М. Айяш, С. Ашки), «средиземноморская модель медиа» (Д. Халлин и П. Манчини), «треугольник Д. Галтунга» и пр. в отмеченном Ф. Уэббстером «фундаментальном расколе» представляют «взгляд на информатизацию как на продолжение ранее установленных отношений», т. е. развивая теорию медиа в контексте неклассической парадигмы, фиксируют «уходящую натуру», в то время как «теория конвергенции медиа», «теория гибридизации», «русская медийная модель» в контексте постсоветской динамики» (Е. Вартанова) и пр. отражают идеи развития медиа в условиях современного информационного общества.

Вместе с тем предположим, что в рамках постнеклассической парадигмы происходят настолько существенные изменения в понимании самой онтологии медиа, в метафизике их бытия, что представленный выше тезис С. Лэша о необходимости «новой онтологии новых медиа» получает свое обоснованное подтверждение.

Меняющееся пространство медиа, расширяя и преобразуя «слуховое пространство» К. Уильямса, «акустическое пространство» Т. Карпентера и М. Маклюэна не только достигает новых качественных характеристик (гиперпространство и киберпространство), но и обретает уникальное пространство, не существующее в традиционно понимаемой реальности – пространство виртуальной реальности и гиперкоммуникации (виртуальное гиперпространство), в котором многие классические теории «старых медиа» частично или полностью утрачивают свое значение.

В виртуальном гиперпространстве априори нивелируется и фактически уже не имеет смысла заданное значение «симметрия/асимметрия коммуникации», которое характеризует типичные для «старых медиа» иерархические и линейные отношения между источником информации и реципиентом. Самими I-просьюмерами устанавливается иной принцип взаимодействия, при котором возникает некая «непрерывно пульсирующая коммуникация» между неограниченным количеством различных

коммуникационных субъектов с разной степенью медиа-активности, способных подключиться к глобальному контакту в разное время, что априори исключает возможность всем находиться как в одновременно паритетных коммуникационных отношениях, так и одновременно в непаритетных. Таким образом, характерный для архитектуры «старых медиа» «линейный медиальный поток» превращается «в сеть, состоящую из различных информационных посланий, в которой пользователи при помощи предложенных соединений могут составить собственный маршрут коммуникации» [5].

Не менее важно, что маклюэновская идея «внешнего расширения» человека дополняется идеей гиперрасширения сознания I-просьюмера, управляемо или нет меняющего пространство его медиареальности. Этот тезис прямо подводит не только к развитию положений «теории расширения ощущений» М. Маклюэна и Т. Карпентера, сконцентрированных на вопросе «не являются ли чувства сами по себе первичными медиа?», но и более глубокому осознанию мысли Р. Гвардини о становлении «человеко-массы», оправданию существования понятия «Нейронет», допускает введение термина «Phygital-медиа»⁵ – значения, полагаем, весьма точно указывающего на средство преобразования современного «человека коммуникационного» в обезличенную человеко-массу (медиа-массу) сверхкоммуникационных андроидов. Фактически же – на логичное завершение технологического процесса «внешнего расширения человека», описанного М. Маклюэном. Таким образом, предложенная канадским исследователем творчества Дж. Джойса «аналоговая» идея «внешнего расширения» человека, а далее «цифровая» идея «внешнего расширения цивилизации» (допустим, идея инфоноосферы, практически реализованная в пространстве Интернета) и «внутреннего расширения человека», парадоксальным образом подводит к технофобической позиции о «внутреннем сжатии» самой цивилизации, что на уровне философских обобщений может быть осмысленно как разрушение самой идеи антропоцентризма, когда человек осмысливается как микрокосм или «малый мир» (так описывают его еще со времен древних летописей и Парацельса). Метафора Т. Карпентера «мы не смотрим телевизор, это он смотрит нас» уже не в полной мере отражает это опасение. В виртуальном мире наши чувства, трактуемые представителями Торонтской школы как «первичные медиа», нервными импульсами сопряжены с компьютерным сознанием. Одним из

⁵ При введении термина «Phygital-медиа» мы опираемся на имеющиеся аналогии. См. напр.: Кузьменкова М. А. Phygital-технологии: инновация в маркетинге / М. А. Кузьменкова // Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций. Сб. науч. трудов кафедры рекламы и связей с общественностью. – М., 2014. – Вып. 9; Кузьменкова М. А. Phygital-технологии: инновация в маркетинге / М. А. Кузьменкова // Медиаскоп. – М., 2014. – Вып. 3. – (<http://www.mediascope.ru/node/1570>).

субъектов коммуникации становятся компьютерные программы-роботы (и даже едва ли не автономные роботы роботов), что уже позволяет говорить о возможности теории киберкоммуникации. В целом формат киберобщения «screen-to-screen» допускает возможность аутопойетического тезиса (выдвигаемого по аналогии с «обществом общества» Н. Лумана, «знанием знания» Ст. Лема и т. п.) о наступлении эпохи «коммуникации коммуникации», что только подчеркивает процесс внутреннего сжатия цивилизации человеческой и ее постепенного киберзамещения.

1. Переход от т. н. «массового общества» к «обществу сетевому» (М. Кастельс) предполагает переход от массовых печатных и аналоговых коммуникаций, представленных посредством терминов СМИ, СМИП и СМК, к цифровым сетевым персомассифицированным гиперкоммуникациям, что диктует необходимость как поиска инновационных подходов к теории медиа (Е. Вартанова и др.), так и внедрения новой терминологии, способной представить эти идеи, в частности, в контексте постнеклассической научной парадигмы (В. Степин).

2. В рамках заявленного подхода, можно предложить внедрение параметров СПГК, ССК и СВГК, которые отражают авторский взгляд на особенности конвергенции постмассовой системы медиа и интегрированных маркетинговых коммуникаций, подчеркивают актуальные аспекты «новой онтологии новых медиа» и, полагая, могут дополнить терминологический аппарат общей теории интегрированных медиа.

3. Термин СПГК – средства персональной гиперкоммуникации – указывает на процессы демассификации медиа (Э. Тоффлер) под влиянием Интернет-среды. Рассуждая с позиций синергетической методологии, мы допускаем, что в XX-XXI вв. система медиа развивается по линии: СМИ (средства массовой коммуникации)/СМИП (средства массовой коммуникации и пропаганды) – СМК (средства массовой коммуникации) – СПК (средства персональной коммуникации) – СПГК (средства персональной гиперкоммуникации). Тезис о возможности представления интегрированных медиа посредством термина СПГК в целом отражает феномен просьюмеризма, технологии UGM и позволяет прогнозировать развитие маркетинговой модели персональных I-медиа.

4. Термин ССК – средства сетевой (сотовой) коммуникации представляет наметившуюся с середины первого десятилетия миллениума тенденцию активного развития популярных социальных сетей в рам-

ках модели Web 2.0. Возможным следствием этого подхода видится смещение общего вектора современных медиаисследований. Так, например, регулярно обсуждаемая идея поиска допустимых оснований «социальной теории медиа» может уступить место «теории социальных медиа», в рамках которой постнеклассические интеграционные тенденции могут быть представлены, в частности, посредством технологий SMM, PR 2.2. (PR технологии в среде Web 2.0 – Д. Гавра) и т. п. параметров. Дополним аргументацию ссылкой на ранее представленную авторскую модель ИСК (интегрированных социальных коммуникаций) [6].

5. Термин СВГК – средства виртуальной гиперкоммуникации – фиксирует переход к модели Web 3.0 (взаимодействие Интернета с физическим миром – Т. О'Рейли, см. также PR 2.3. – Д. Гавра) и, практически отражая логику «внутреннего сжатия цивилизации», трактуется нами как виртуальная (межличностная, социальная, политическая, экономическая и пр.) «кухня» и игротка медиапросьюмеров (I-медиа) и компьютерных программ-роботов.

ЛИТЕРАТУРА

1. McLuhan, Herbert Marshall. Understanding Media: The Extensions Of Man. / Herbert Marshall McLuhan. – 1st Ed. : McGraw Hill, 1964.
2. Прохоров Е. П. Теория публицистики: итоги, проблемы, перспективы / Е. П. Прохоров // Вестник МГУ : Серия Журналистика. – 1968. – № 2.
3. Baudrillard J. Pour une critique de l'economie politique du signe / Jean Baudrillard. – Editions Gallimard, 1972.
4. Узбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Узбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
5. Лавренчук Е. А. Аутопойезис. – (<http://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf>). Подробнее см. : Лавренчук Е. А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве : дисс. ... канд. философских наук / Лавренчук Егор Александрович. – Москва, 2011. – 186 с.
6. Богоявленский А. Е. О терминах ИБК (Интегрированные бизнес-коммуникации) и ИСК (Интегрированные социальные коммуникации) / А. Е. Богоявленский // Коммуникативно-управленческие стратегии в развитии социальных систем: тенденции, ресурсы, технологии : сб. материалов Междунар. науч.– практ. конф. (Екатеринбург, 15-16 ноября 2012 г.) : в 3 ч. – Екатеринбург : ИГУП, 2012. – Ч. 1 : Интегрированные маркетинговые коммуникации как фактор динамики развития социальных систем: сб. статей / Ин.-т гос. упр. и предпринимательства; Департамент маркетинговых коммуникаций и брендинга; [отв. ред. Е. Г. Соболева, Л. Э. Старостова]. – 2012. – С. 12–18.

Воронежский государственный университет
Богоявленский А. Е., кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью
E-mail: vasheblagorodie@gmail.com

Voronezh State University
Bogoyavlensky A. E., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Public Relations Department
E-mail: vasheblagorodie@gmail.com

«ПОКОЛЕНИЕ 60+» В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ МЕДИАОБРАЗА К КУЛЬТУРНОМУ СТЕРЕОТИПУ

С. В. Былкова

Донской государственный технический университет

В. В. Богуславская

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Поступила в редакцию 12 января 2016 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка представить комплексный анализ эволюции образа «поколения 60+» на страницах российских изданий. Авторы подробно рассмотрели содержательные компоненты образа «поколение 60+» в современных отечественных медиа, созданных в 2014 – начале 2015 гг.; уделено внимание характерным методам и приёмам его формирования, прибегнув к анализу тематики рассматриваемых медиа и мировоззренческих приоритетов редакторов – представителей «поколения 60+» и редакторов, относящихся к другой возрастной категории. Рассмотрели роль ряда изданий в формировании представлений читательской аудитории о представителях старшего возраста, проведя сравнительный анализ наиболее значимых составляющих образа «поколение 60+» в исследуемых медиатекстах.

Ключевые слова: медиаобраз, медиатекст, культурный стереотип, аудитория «60+», образ старшего поколения, социальный портрет.

Abstract: the authors attempt to carry out a comprehensive analysis of the evolution of the «Generation 60+» image in the Russian press. The substantive components of the «Generation 60+» image in the modern national media formed in the period of 2014 – early 2015 are considered in detail. Special attention is given to the typical methods and techniques of the image-building. Subjects of the media and worldview priorities of the media editors including representatives of the «Generation 60+» and editors belonging to another age category are considered. The role of a number of publications in the stereotyping of the perception of the older generation by the readership is analyzed. The comparative analysis of the most significant components of the «Generation 60+» image in the media texts is conducted.

Key-words: media image, media text, cultural stereotype, «Generation 60+», older generation image, social portrait.

В новом тысячелетии человечество столкнулось с новой ситуацией: численность представителей старшего возраста составила около 25 % населения планеты. В нашей стране уже в 2010 году количество людей, достигших пенсионного возраста, превысило 21 % от общей численности. И ежегодно наблюдается увеличение доли пожилых людей в общей популяции, что объясняет возросший интерес ученых и общественности к проблемам старшего поколения. А так как в мире научились продлевать жизнь людей до глубокой старости, то настало время менять и стереотипы восприятия самой старости как самими представителями старшего поколения, так и их окружающими, и самое главное – государством. Огромная роль в этом принадлежит масс-медиа, которые должны стать активными пропагандистами и распространителями нового образа серебряного поколения.

В XXI веке назрела необходимость изучения

формирования медиаобраза «поколения 60+» в российских медиатекстах, поскольку очевидно: многие стереотипы, с одной стороны, отражают закрепившиеся в социуме ценности, с другой – служат базой для формирования новых ценностных ориентации в обществе. Неслучайно же на место «пожилым» пришли «молодые пожилые», «пожилые», «старые» и «долгожители».

В связи с вышесказанным считаем целесообразным проведение исследования на примере современных медиа, в той или иной степени освещающих проблемы старшего поколения россиян, чей образ по-разному позиционируется в изданиях, созданных специально для аудитории «60+», и ориентированных на другую аудиторию. А так как сегодня в формировании представлений о жизненных ценностях, событиях, людях, стереотипах поведения играют, пожалуй, главную роль масс-медиа, то этим фактором обусловлена актуальность обращения к процессу моделирования в современной отечественной журналистике образа людей старшего поколения,

который претерпевает в нашем сознании определенные метаморфозы.

Исследование механизма формирования и изменения образа «поколения 60+» в отечественных медиатекстах имеет комплексную природу. Поэтому изучается ряд аспектов: феномен образа, способы его формирования и трансляции журналистами, специфика стереотипа «поколения 60+» в российском общественном сознании, выяснение роли тематики, связанной с жизнью и судьбой людей, чей возраст превышает 60 лет, в концепции медиа, ориентированных на старшее поколение, и те издания, аудитория которых имеет другие возрастные характеристики. Однако в рамках одной статьи невозможно осветить такое количество вопросов. Целью данной работы является попытка проанализировать содержательные компоненты образа «поколение 60+» в современных отечественных медиа, характерные методы и приёмы его формирования.

В качестве основных задач выделим следующие:

- охарактеризовать специфику образа «поколения 60+» в российских средствах массовой коммуникации, созданных в 2014 – начале 2015 гг.;

- определить значение рубрики и тематики рассматриваемых медиа и мировоззренческих приоритетов редакторов – представителей данного поколения и редакторов, относящихся к другой возрастной категории, выявить роль рассматриваемых изданий в формировании представлений читательской аудитории о представителях старшего возраста;

- выделить и провести сравнительный анализ наиболее значимых составляющих образа «поколение 60+» в исследуемых изданиях.

Объект нашего исследования – журналы, газеты, сайты и порталы, ориентированные на аудиторию «60+», или упоминающие о жизни и проблемах людей старшего возраста. Предмет – авторские публикации, редакционные комментарии и перепечатки из зарубежных изданий, посвященных людям старше 60 лет, либо содержащие косвенные упоминания о тех, кому «60+».

Теоретической базой исследования послужили работы Е. Н. Богдан (2007), где сформулировано понятие «медиаобраз» и представлена методика его изучения; Г. Маклюэн (Маклюэн, 2003), определившего основополагающую роль массмедиа в процессе формирования и репрезентации национальных образов в средствах массовой коммуникации; а также труды М. Кастельса (Кастельс, 2000), утверждавшего, что образы массмедиа распространяются в повседневном общении и любое средство массовой информации в той или иной степени оказывает влияние на сознание аудитории [4]. Немаловажное значение для нас имели и работы Г. Г. Почепцова (2000), Т. Г. Добросклонской (2005), изучающих язык и формы журналистской пропаганды. Интересны

нам были труды, освещающие механизмы влияния массмедиа на общественное мнение и репрезентацию этнических стереотипов в СМИ (Блохин, 2008), работы по типологии периодических изданий (Акопов 1985, Ахмадулин, 2009).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые была предпринята попытка представить комплексный анализ эволюции образа «поколения 60+» на страницах российских изданий.

Напомним, что разработка теории образа рассматривалась уже в работах античных авторов (Платона, Аристотеля), однако с развитием социогуманитарных наук «образ» стали рассматривать применительно и к политической, и к общественной жизни, а это потребовало установить взаимосвязи между терминами «образ» и «стереотип». Однако ученые не пришли к общепринятой точке зрения. Проанализировав различные трактовки, мы остановились на следующем определении стереотипа: в переводе с греческого – «твердый отпечаток», «зафиксированная целостность», то есть схематический, стандартизированный образ или представление об объекте, явлении, народе, стране, обычно эмоционально окрашенный и обладающий большой устойчивостью. Часто стереотип воспринимают в качестве социальной установки, в структуре которой содержатся три основных компонента: эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности). Стереотип отражает привычное отношение человека или группы людей к какому-либо явлению, другому человеку, группе людей, народу, стране, сложившееся под влиянием социальных, политических, исторических условий и на основе предшествующего опыта.

Образ – адекватно отраженная в человеческом сознании реальность, формирующаяся естественным путем в процессе познания и восприятия объективной действительности.

Таким образом, в данном исследовании стереотип и образ используются как синонимы.

Образ «старшего поколения» в сознании россиян неоднозначен и даже противоречив. С одной стороны, связан со стереотипами, которые приписываются пожилым людям: психическая неполноценность/деменция, сварливость, изоляция от общества или семьи, бесполезность, бессилие, физическая хрупкость; с другой – включает разнообразные стереотипы восприятия старшего поколения, присущие и другим возрастным категориям: плохое состояние здоровья, низкий экономический статус и уровень жизни в целом, ненужность, занудство и ворчливость, социальная изоляция.

Причём многие из указанных негативных стереотипов принимаются и самими пожилыми людьми. Так, в исследовании Н. Г. Ковалевой (2001), направленном на изучение восприятия пожилыми людьми

социальных стереотипов старости, было выявлено согласие большинства респондентов со следующими стереотипами: «старый человек не может учиться» (86 %), «старики обязаны заниматься внуками» (81 %), «у пожилого человека нарушается психика» (73 %). При этом наибольшее несогласие у пожилых людей вызвали следующие стереотипы: «старик неаккуратен, неопрятен, не заботится о своем внешнем виде» (87 %), «старый человек должен обязательно уйти на пенсию» (66 %), «все старики – консерваторы, не воспринимают никаких изменений в жизни» (64 %). Принимая или даже одобряя ряд стереотипов, пожилые люди тем самым участвуют в формировании предубеждений в свой адрес. Более того, они подстраивают собственное поведение под данные стереотипы, о чем свидетельствуют как зарубежные авторы, так и отечественные [5].

Кроме того, наряду с негативными существуют и позитивные стереотипы восприятия: пожилые люди – это люди добрые и мудрые, обладающие солидным практическим опытом, они заслужили уважение и право на отдых. Безусловно, тот образ пожилых людей, который сложился в сознании россиян, зачастую обуславливает характер межличностных взаимодействий, участниками которых являются представители старшего поколения. Однако и роль медиа в формировании стереотипа «поколение 60+» не стоит сбрасывать со счетов. Поскольку именно медиа становятся основным источником культурной информации для пожилых людей. Средства массовой информации обеспечивают их сведениями о текущих социально значимых событиях, классических и новых культурных ценностях, и люди старшего возраста традиционно пользуются этими общедоступными СМИ. Анализ медиа показал, что в государственных преобладают рубрики информирующего, консультативного, развлекательного характера, однако они зачастую не ориентированы на удовлетворение интересов и запросов пожилых людей, на их эффективную социокультурную адаптацию. Авторы подобных изда-

ний не учитывают того, что быстро изменяющийся поток фактов и разнообразной информации воспринимается старшим поколением чаще всего консервативно. А в медиа, адресованных «поколению 60+», реализуются просветительские, информационные, консультативные, развлекательные программы с учетом возрастных и групповых интересов серебряного возраста.

Самые частотные издания, чей адресат – «поколение 60+», – это газеты, журналы и сайты. Назовём те, которые методом случайной выборки нам удалось обнаружить в течение августа-сентября 2014 года: сайты – «Мои года», «Бабушка-Онлайн», «Нам года – не беда», «Лучшая половина жизни», «Лаборатория пенсионной реформы», «Виртуальная компьютерная академия для пенсионеров», «Пенсия», «Центр поддержки пожилых людей», «Энтузиаст», «Тем, кому за...», «Для тех, кому за 60 и не только...», «Пенсионерка», «Форум пенсионеров», «Пенсионеры Клуб», «После 60+». «Стиль 60+», «Старшее поколение России», «Виртуальная школа пенсионеров», «ПенсионерИнфо», «Новый пенсионер», «За достойное будущее», «Пенсионный Фонд РФ», «Пенсионер.ру», «Информационный мир пожилого человека», газеты – «Томский Пенсионер», «Всероссийская консервативная газета 50+», «Полезно для пенсионеров», «Честный пенсионер», «Кузнецкий пенсионер», «Пенсионер Чувашии», «Мои года», «ПенсионерЪ», «Ветеран», «Пенсионер», «Петербургский пенсионер», журналы – «Третий возраст», «60 лет – не возраст», «Помощь Инвалидам и Пожилым людям». «Новый пенсионер», «Lifetime».

Среди наиболее частотных способов создания образа «поколения 60+», на наш взгляд, выделяется трансформация информационного потока, употребление слов-маркеров и заголовков различных типов.

Для детального рассмотрения особенностей аудитории, тематики, целей изданий, позиционирующих старшее поколение, обратимся к таблицам 1-3.

Таблица 1.

Газеты для «поколения 60+»

Газета	Аудитория	Цель	Тематика
«Ветеран»	Пожилые люди	Информировать о положении пожилых людей в России, знакомить с опытом работы первичных ветеранских организаций и советов всех уровней, популяризировать идеи единства ветеранского движения, дружбы и братства народов, защищать права пожилых людей	Ветеранское движение; социальная защита; литература, искусство, культура; письма президентам, страна, народ, власть; будьте здоровы; консультирует юрист; досуг, спорт, юмор, балагур

«Полезно для пенсионера»	Активные пенсионеры, люди предпенсионного возраста, интересующиеся вопросами жизни Санкт-Петербурга и России	Освещать актуальные проблемы, новости, события, интересные для указанной категории читателей	Актуальные новости Санкт-Петербурга и регионов, анонсы бесплатных мероприятий, уроки финансовой, юридической и экономической грамотности, полезные материалы по вопросам укрепления здоровья, долголетия и красоты, советы садоводам и огородникам, интересные места для отдыха; кулинария, домоводство, психология, история, кроссворды
«Петербургский пенсионер»	Люди предпенсионного и пенсионного возраста	Информировать аудиторию о насущных вопросах	Здоровье, благополучие, качество и комфорт жизни, общение и досуг, адаптация в мире современных технологий, забота о себе и близких
«Пенсионер»	пенсионеры	Помочь читателям в создании оптимистического мироощущения	Изменения в пенсионном законодательстве, поддержание здоровья, консультации психологов, юридические консультации, творчество, ветеран

Таблица 2.

Сайты для людей зрелого возраста

Сайт	Целевая аудитория	Цель издания	Тематика
«Мои года»	«человек за шестьдесят»	Удовлетворять потребность в информации и общении	История, здоровье, внуковедение, пенсионное обеспечение, право, руки не для скуки, общение, лучшие радиостанции, страна и мир, для ума и души
«Нам года – не беда»	пенсионеры	Развивать части виртуального сегмента для пожилых людей	Наше общество, семейные отношения, здоровье пенсионера, питание пенсионера, это интересно
«Лучшая половина жизни»	пенсионеры	Показать и доказать, что активная жизнь – самое действенное лекарство от старости	Планетарный масштаб, человек в городе, живём долго, зарабатываем деньги, дом, семья, дача, библиотека, пишите нам, специальный репортаж, тенденции
«Лаборатория пенсионной реформы»	специалисты из России, стран СНГ и дальнего зарубежья	Содействовать формированию открытого информационного пространства, предоставлять оперативную информацию в области пенсионного обеспечения	О проекте Архив сайта
«После 50»	настоящие и будущие пенсионеры	Помочь найти единомышленников, друзей, освоить компьютер и Интернет	Уроки Windows XP, Уроки Windows 7, заработок в интернете, интернет, здоровье, дом, семья, домашний мастер, сад и огород, удивительное, Жванецкий, виртуальные прогулки, лунный календарь

«ПенсионерИн-фо»	пенсионеры	Расширять информационное пространство	Дача, сад и огород, кулинарные рецепты, медицина и здоровье, отдых, развлечение и спорт, всё о пенсиях, фотогалерея, вопросы и ответы
«Новый пенсионер»	пенсионеры	Предоставлять оперативную информацию в области пенсионного обеспечения, расширять информационное пространство	Пенсионная реформа, зарубежная панорама, школа нового пенсионера, благотворим, новости
«Пенсионер.ру»	пенсионеры	Предоставлять актуальную информацию, расширять информационное пространство	Компьютер пенсионеру, пенсионная реформа, сайты, полезные для пенсионеров

Таблица 3.

Журналы для людей зрелого возраста

Журналы	Аудитория	Цель
«Lifetime»	Для людей от 30 лет и пожилых читателей	Рассказать о способах предотвращения старения, его сдерживания
«60 лет – не возраст»	Старшее поколение	Рассказать о возможностях здорового образа жизни, раскрыть опыт тех, кто преодолел недуги, поддержать в пожилых людях силу духа
«Помощь инвалидам и пожилым людям»	Социальным и медицинским работникам, оказывающим помощь пожилым, люди старшего возраста	Помочь в работе специалистам, информировать о насущном людей третьего возраста
«Третий возраст»	Старший возраст	«Здоровье, красота и стиль, долголетие, энергия жизни», «Отношения, право, финансы», «Путешествия и отдых, ностальгия, досуг»

Представленный материал свидетельствует о том, что медиа, адресованные «поколению 60+», разнородны с точки зрения их целевой аудитории: это люди предпенсионного возраста, пенсионеры и специалисты из разных областей, работающие с данной возрастной категорией; учредителями являются общественные движения, организации, ведомства; ареал распространения – местные, региональные и национальные.

Рассмотрев тематические направления публикаций, посвященных людям старшего возраста, мы установили: тематический диапазон публикаций медиа, адресованных аудитории 60+, значительно шире, чем тех, кто нацелен на другую возрастную группу. На страницах изданий первой группы есть «вечные» темы, они встречаются в любых изданиях (здоровье, юридическая консультация, досуг, хобби, консультации психологов, изменения в пенсионном законодательстве, новости), и собственно оригинальные (ветеранское движение; социальная защита, спорт, юмор, анонсы бесплатных мероприятий, уроки финансовой грамотности, литература, искусство, культура; интересные места для отдыха, качество и комфорт жизни).

Содержание журналистских материалов подтвердило правоту специалиста в области социологии старения и старости В. Д. Шапира, заметившего, что начиная с конца XX века усиливается самоориентация взрослого поколения на самореализацию и социальное взаимодействие [6]. И если обратиться к иерархии ценностей представителей старшего возраста советской эпохи и нынешней России, то можно заметить существенные изменения. Например, «работа на производстве» из ценностного ядра переместилась на периферию шкалы ценностей (со второй на десятую позицию), а «покой и отдых» переместились с четвертого на восьмое место. На смену им пришло «материальное благополучие», которое переместилось с шестой позиции на третью, и «общение с людьми», шагнувшее на четвертую ступень с восьмой.

Думается, что изменение ценностных ориентаций – адаптивный процесс, и к переходу от занятости к незанятости люди приспосабливаются быстрее, нежели к потере авторитета и независимости, сужению круга общения.

Связку «возраст – активность – качество жизни» можно считать устойчивой, поэтому многие эконо-

мисты, политики, социологи, геронтологи, журналисты говорят о том, что люди старшего возраста часто чувствуют себя забытыми, поскольку с уходом на пенсию теряют многие связи, и с каждым годом круг общения представителей взрослого поколения сужается.

Впрочем, что вчера казалось незыблемой истиной, сегодня не так очевидно. Портрет вчерашнего среднестатистического пенсионера проигрывает современному.

Анализ найденных нами текстов показал, что портрет «поколения 60+», нарисованный экономистами, политиками, общественными деятелями, отличается от самопортрета представителей старшего поколения. Для иллюстрации своих наблюдений продемонстрируем фрагменты высказываний, заимствованных из газеты «50+» и сайта «50+» (Таблица 4). Обратим внимание, что целевая аудитория этих изданий – представители третьего возраста.

Таблица 4.

Социальный портрет «поколения 60+»

Стереотипы восприятия поколения 60+		Самопозиционирование поколения 60+	
положительны черты	отрицательные черты	положительны черты	отрицательные черты
есть опыт и квалификация	их трудно мотивировать	люди с опытом быстрее принимают правильное решение	дискомфорт от необходимости подстраиваться под стремительно изменяющиеся окружающие реалии
их не может заменить молодое поколение на производстве	им не хватает лояльности	появилось время и желание быть полезным	не востребован опыт
в медицине 37 % вакансий для них	испытывают огромные трудности в освоении новых профессиональных инструментов	самое благоприятное время, чтобы помогать людям	недовольны, если начальник моложе
достигают огромных высот в своих хобби, которые могут стать профессией	не имеют возможности или желания учиться		
пытаются устроиться и для заработка, и для социализации	не умеют продавать себя на рынке труда		
ценят стабильность и надёжность	считают эффективным поиск работы только через знакомых		
они готовы делиться всем, что умеют	очень доверчивы к рекламе		
готовы к сотрудничеству с молодым поколением	часто попадают в плен иллюзий, жертвуя не только кошельком, но и здоровьем		
не уступают молодым ни в чём			
транслятор, информационный канал			
человеческий капитал			
хотят жить активно			

Исследовательский интерес представлял и анализ концептуальных высказываний издателей

и учредителей журналов, газет, порталов для «взрослых» читателей. Используя инструментарий и до-

стижения междисциплинарных наук, мы выявили основные характеристики концептов «поколения 60+», встречающиеся в современных российских медиа. Наиболее частыми по языковой репрезентации можно считать следующие семантические поля, окружающие понятийное ядро указанного концепта: «забота», «пенсия», «работа», «внуки», «опыт», «мудрость», «старость», «здоровье», «пенсионное законодательство», «компьютерная грамотность», «семейные ценности», «спорт», «жизнь и смерть», «досуг», «хобби», «социальная защита», «качество и комфорт жизни», «юридическая консультация», «активное долголетие», «косметика», «незащищённость», «специфика возрастного питания», «финансовый ликбез», «здоровый образ жизни» [3].

Признаковое поле исследуемого концепта репрезентируют контекстуальные синонимы: бабубумы, пенсионеры, старики, старые, престарелые, лица старшего возраста; пожилые люди, люди в возрасте, старшее поколение, люди старшего возраста, поколение «второго дыхания», люди в возрасте 60 и старше, люди элегантного возраста, люди преклонного возраста, переломный возраст, послевоенное поколение, поколение от 1946 года рождения, серебряное поколение, третий возраст, возрастные клиенты, возрастные работники, малозначимый сегмент рынка, золотой возраст.

Многоплановый и сложный концепт «60+» включает в себя различные семантические характеристики. Так, медиа с целевой аудиторией 60+, говоря о своих читателях, отмечают их «опытность», «готовность к сотрудничеству с молодыми», «желание быть полезным», «способность быстро принимать правильные решения», говорят как о «замечательном кадровом резерве». Медиа, не ориентированные на указанную возрастную группу, пишут о «нелояльности», «нежелании учиться», «немотивированности» пенсионеров.

Мы установили, что в журналистских текстах российских медиа, позиционирующих старшее поколение, в ключевые составляющие образа «поколение 60+» входят дифференциальные характеристики возраста («молодость третьего возраста»), физического и эмоционально-психологического состояния («активный образ жизни», «не чувствует себя пенсионером», «а душа-она ещё молодая!»), характер («неравнодушные пенсионеры»), материальное положение («на пенсии занимается подработкой», «свое дело на пенсии»), отношение к пожилым со стороны государства («быть пожилым сейчас не модно»), религиозность («Самое главное – вера Бога, в душе, в сердце») и самооценка («сил у меня много, а уж знаний, так и вовсе, хоть отбавляй»).

В изданиях иного плана стереотипы, связанные с возрастом 60+ мало отличаются от тех, которые существовали в российском обществе в прошлом

веке. Так, к числу типичных представлений о внешности пожилых людей относятся «седые волосы», «морщинистое лицо», «палочка в руках». Характеристика состояния здоровья сводится к описанию болезней и физической слабости, а времяпрепровождение связано с просмотром телевизора, в качестве занятий рассматриваются только домашние дела и воспитание внуков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов А. И. Методика исследования периодических изданий / А. И. Акопов. – Иркутск, Изд-во Иркутского ун-та, 1985.
2. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества : структурно-функциональные характеристики : автореф. дис. канд. филол. наук / Е. Н. Богдан // Медиаскоп : электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – URL: <http://www.mediascope.ru/old/node/199>
3. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е. Н. Богдан // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2007. – № 4.
4. Богуславская В. В. Моделирование текста : лингво-социокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В. В. Богуславская. – 2-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008.
5. Былкова С. В. Концепт поколения 60+ в современных медиатекстах / С. В. Былкова // Филология и культурология : современные проблемы и перспективы развития : сб. материалов VIII международной науч.-практ. конф. 16 мая 2014 г. НИЦ «Апробация». – Москва : Перо, 2014.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – Москва, 2008. – 203 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс / [Пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратан]. – Москва : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2000.
8. Ковалева Н. Г. Предубеждения в отношении пожилых людей как фактор их виктимизации [Электронный ресурс]: Портал психологических изданий PsyJournals.ru / Н. Г. Ковалева // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 2. – URL: <http://psyjournals.ru>
9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн / [Пер. с англ. В. Николаева; Зacl. ст. М. Вавилова]. – Москва; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
10. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2000. – 352 с.
11. Шапиро В. Д. Социальная активность пожилых людей в СССР / В. Д. Шапиро. – Москва : Наука, 1983.
12. Полезно для пенсионера. – URL: <http://gazetapolezno.ru/arhiv>
13. Пенсионер. – URL: http://www.onlinegazeta.info/sverdlovsk/ekaterinburg_gazeta_pensioner.htm
14. Мои года : интернет-портал для уважаемых лю-

дей. – URL: http://www.onlinegazeta.info/sverdlovsk/ekaterinburg_gazeta_pensioner.htm

15. Новый пенсионер. – URL: www.pencioner.ru

16. Форум пенсионеров. – URL: www.pensionery.ru

17. Нам года – не беда. – URL: www.godanebeda.ru

18. Лучшая половина жизни. – URL: <http://www.sta-net.ru/>

19. Лаборатория пенсионной реформы. – URL: <http://www.sta-net.ru/>

20. После 50. – URL: <http://poste-50.ru>

21. Виртуальная школа пенсионера. – URL: <http://www.ypensioner.ru/>

22. Пенсионерки.Ру. – URL: <http://www.pensionerki.ru/>

23. Третий возраст. – URL: <http://www.3vozrast.ru/>

Донской государственный технический университет

*Былкова С. В., кандидат филологических наук, доцент,
и. о. зав. кафедрой Документоведение и языковая коммуникация*

Don State Technical University

*Bylkova S. V., Candidate of Philology, Associate Professor,
Acting Head of the Document Science and Language
Communication Department*

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

*Богуславская В. В., доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой русского языка, литературы и журналистики,*

Moscow State Humanitarian-Economic University

*Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Russian Language, Literature and Journalism
Department*

СПЕЦИФИКА МЕДИАТЕКСТА КАК ТОВАРА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Вырковский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 29 октября 2015 г.

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ концепта медиатекста как продукта и товара. Автор рассмотрел теоретические подходы к понятию и специфике коммодификации медиатекста и на этой базе выстроил оригинальную систему специфических особенностей медиатекста как товара, делая упор на «управленческое» измерение проблемы.

Ключевые слова: медиатекст, медиаконтент, продукт, товар, особенности.

Abstract: the article presents the attempt to analyze the specificity of media text as a product and commodity from the managerial point of view. The author scrupulously analyzes the theoretical approaches toward media content. On this basis the original system of media text features has been established.

Key-words: media text, media content, product, commodity, good, features.

ВВЕДЕНИЕ

Под продуктом деятельности редакции мы понимаем медиатекст, который, будучи выпущен в свет, приобретает свойства товара, то есть получает меновую стоимость¹.

Это положение требует более подробного теоретического разбора. Прежде всего, глубокого анализа требует само определение медиатекста, которое, как будет показано ниже, далеко не так однозначно, как кажется на первый взгляд.

ФЕНОМЕН МЕДИАТЕКСТА

По классическому определению Г. Я. Солганика, «текст – сложная, иерархически организованная структура, представляющая собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [1, с. 15]. Такого рода лингвистический подход², предполагающий фокусировку, прежде всего, на вербальном компоненте и связности отдельных элементов текста, иногда

экстраполируется и на понятие медиатекста, хотя сейчас в научном дискурсе превалируют иные концепции.

Нам близка точка зрения В. В. Славкина [2], который утверждает, что подходы к определению текста с точки зрения лингвистики и журналистики существенно отличаются: в первом случае текст понимается как результат, а во втором, напротив, особенно важен динамический аспект [2, с. 17]. По определению уже упомянутого Г. Я. Солганика, медиатекст – это «разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудиторию» [1, с. 15].

По Т. Г. Добросклонской, понятие текста в журналистике ближе к семиотическому, чем к лингвистическому, и «подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков» [3, с. 28]. Таким образом, к медиатекстам относятся и телесюжет, и материал в интернет-СМИ, включающий в себя фотографии и/или видео, и радиотекст, и текст в прессе [4]. Более того, этот подход позволяет решить проблему определения рамок медиатекста – к нему можно относить и материал в масс-медиа, и его часть, и отдельно взятое издание (газета, журнал, радиопередача и т. п.), и, в целом, печать, телевидение, радио, интернет как таковые [5].

Подобного рода подход, которого придерживаемся и мы, безусловно, приводит к выводу об имманентной амбивалентности медиатекста: с одной стороны, в единице медиатекста предлагается объединить разнородные компоненты, которые, взаимодействуя между собой, неизбежно будут стре-

¹ Согласно классическому определению К. Маркса, под товаром понимается продукт труда, производимый для обмена. В «маркетинговом» определении, разработанном Ф. Котлером, товар понимается как все, что может удовлетворить потребность или нужду и предлагается рынку с целью привлечения внимания, приобретения, использования потребителем. Как нетрудно заметить, в первом определении ключевым являются «трудовые истоки» товара, во втором – ориентация на потребителя. Подчеркнем, что нам ближе первый подход.

² Типологический анализ определений текста / медиатекста проведен М. А. Любимцевой в дипломной работе, выполненной и защищенной в 2014 году на кафедре теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством автора.

миться к синкретичности. С другой стороны, мультимедийность, присущая современным текстам, приводит к тому, что количество разнородных элементов, органически сочетающихся в одной структуре, потенциально становится чрезвычайно большим – налицо очевидная дискретность текста.

Подобного рода амбивалентность непосредственным образом отражается в динамике – на «жизненном цикле» медиатекста. Как замечает Р. С. Гиляревский, мультимедийный текст всегда открыт для дальнейшей работы с ним, он может быть разбит на части или перекомпонован [6, с. 25].

Динамика медиатекста не ограничивается потенциальной возможностью «вмешиваться» в него и изменять его тогда, когда это будет удобно его создателю.

В. В. Славкин [2, с. 18], подразумевая под медиатекстом непосредственно журналистский текст, утверждает, что изучение текста в принципе, а журналистского – в особенности, должно представлять собой анализ коммуникативной деятельности автора и реципиента. Примерно на тех же позициях стоит и М. А. Деминова [5].

Таким образом, важнейшей характеристикой медиатекста, тем, что делает просто «текст» «медиатекстом», является коммуникативный акт – потребление аудиторией информационного продукта. И изучать особенности медиатекста и уж, тем более, управлять его созданием, можно только в контексте восприятия, потребления и отношения к нему аудиторией.

Как мы уже упомянули выше, как только текст выпускается в свет для его потребления массовой аудиторией и становится, таким образом, медиатекстом, он сразу приобретает свойства товара – в частности, меновую стоимость [7]. «Валютой» – либо мерой его стоимости – в зависимости от особенностей рынка, на котором обращается товар-медиатекст, может быть стоимость медианосителя, приобретаемого потребителем, время, уделяемое потреблению, внимание читателя/зрителя/слушателя.

СПЕЦИФИКА ТОВАРА МАССМЕДИА

Коммодификация содержания масс-медиа – феномен не новый и уже достаточно хорошо изученный, потому мы изложим здесь всего лишь несколько наиболее важных для нас положений.

Как пишет Е. Л. Вартанова, «...возникают «коммуникационные товары», то есть информационные продукты, стоимость которых формируется не только в процессе производства (в случае СМИ – журналистами, редакционными коллективами, авторами рекламных сообщений), но и в процессах распространения и потребления аудиторией содержания, ведущих к возникновению целевых аудиторий, на которые «выходят» рекламодатели» [7, с. 119].

Е. Л. Вартанова выделяет два измерения коммодификации³ – коммодификацию содержания и коммодификацию аудитории. Первая относится к контенту как к основному продукту, производимому редакцией, а второе – к привлекаемой контентом аудитории как ресурсу для рекламодателей. Это хорошо отражает специфику медиаиндустрии как сдвоенного рынка содержания и аудитории.

Точная классификация и систематизация медиатекста как товара вряд ли возможна: подходы исследователей существенным образом отличаются.

А. Арресе отмечает комплексную природу медиапродуктов: нематериальный (новости, фикшн, аргументацию) и материальный (средство или способ доставки контента потребителю) компоненты [8, р. 182]. При этом ключевым является как раз нематериальный компонент, который обуславливает удовлетворение потребностей аудитории в разнообразном контенте.

Кроме того, А. Арресе выделяет три основных существенных особенностей медиапродуктов [8, р. 182–187].

1. Медиапродукты – информационные товары. Основные характеристики, позволяющие отнести их к этому классу, заключаются в том, что они представляют собой «товары опыта» (experience goods), которые могут быть оценены, только будучи потреблены⁴, являются объектом экономики масштаба и объема (scale and scope economics), многие их черты напоминают те, которыми обладают «общественные товары» (public goods), то есть обладают свойством «невраждебного и неэксклюзивного потребления»⁵.

2. Медиапродукты – дуальные (multiple) товары. Это уже упомянутое выше сочетание товара для потребителей контента и аудитории для рекламодателей. А. Арресе упоминает, что иногда их относят к «товарам внимания» (attention goods) – потому как именно внимание является основным ресурсом на рынке свободного времени. Он также упоминает о социальной составляющей медиаактивности и о том, что медиа являются частью культурных индустрий – а это значит, являются, в том числе, символическими товарами.

3. Медиапродукты – товары таланта (talent goods). Этот подход предполагает, что создание медиапродукта требует в большой степени участия таланта создателя, а это значит, является «креативным» продуктом. Р. Кейвс [11] выделяет несколько

³ Е. Л. Вартанова использует следующее определение коммодификации в сфере масс-медиа: «коммодификация (commodification) – процесс трансформации пользовательской ценности коммуникационных продуктов, аудитории и труда в меновую ценность».

⁴ Как отмечает А. Арресе, многие медиапродукты ведут себя как «товары доверия» (credence goods) [9].

⁵ Иногда в отношении к медиапродуктам используется термин «коллективные товары» (shared goods) [10].

свойственных товарам креативных индустрий черт, которые определяют их иррегулярное поведение на рынке. Среди них – неустойчивость в потреблении и предложении. Еще одна черта – то, что «креативные работники заботятся о своем продукте» [11, р. 4], поддерживая свои вкусы, предпочтения, профессиональные взгляды, которые имеют прямое влияние на количество и качество черт, включенных в креативный продукт [8, р. 187].

Сложная, комплексная природа медиапродуктов соответствующим образом влияет и не управление ими.

В целом работу с медиатекстом можно разделить на две части – стратегически-маркетинговую, которая определяет способы управления самим продуктом; и операционную, которая сконцентрирована непосредственно на процессах создания медиатекста.

Мы не склонны анализировать в данной статье классический *product management* (менеджмент продукта) в его чистом виде, заключающийся, прежде всего, в управлении жизненным циклом продукта, ассортиментной линейкой, позиционировании продукта, тесно смыкающийся с бренд-менеджментом. Это не является предметом нашего исследования, прежде всего, потому, что редакция как таковая редко принимает живое участие в этом процессе⁶. Такого рода решения традиционно лежат в поле стратегического менеджмента и зачастую принимаются учредителями, владельцами, топ-менеджерами медиакомпаний и – не так уж часто – главными редакторами.

Наша же задача – определить особенности управления созданием продукта, обусловленную его специфическими свойствами, что автоматически сужает объект исследования, но дает возможность более точно описать задачи, которые стоят перед современным журналистом. Де-факто именно фиксация конкретных характеристик конечного продукта позволяет ставить конкретные задачи его производителю и контролировать их выполнение.

Продукт и товар массмедиа. Управленческий аспект

Как уже было отмечено выше, медиатекст как товар обладает рядом специфических характеристик, которые значительно отличают его от иных видов товаров и влияют на процесс его создания⁷. Соглашаясь с выказанными ранее положениями, отметим, что они имеют, скорее, концептуальный

⁶ Кроме того, управление медиапродуктом хорошо описано в предыдущих работах [8].

⁷ Следует иметь в виду, что, когда мы используем термин «товар», мы имеем в виду также и продуктовую составляющую. Более того, с точки зрения менеджмента определение медиатекста как продукта более точно. Однако для унификации тезауруса в этой части нашей работы мы будем использовать термины «продукт» и «товар» как взаимозаменяемые.

характер, описывая общие специфические свойства медиапродуктов. В то же время для постановки точных управленческих целей и задач необходима разработка номенклатуры конкретных особенностей медиатекстов – это относится, скорее, к тактическому аспекту.

Мы не ставим своей целью перечислить все из особенностей, но остановимся на тех, что в самой значительной степени детерминируют специфику производства и подвергаются управленческому воздействию, то есть на тех, которые влияют на редакционный менеджмент непосредственно.

Мы выделяем следующие специфические товарно-продуктовые характеристики медиатекста⁸:

– **неоднородность (дискретность)**. Выше уже было упомянуто, что любой медиатекст может быть разбит на части. Если речь идет о мультимедийном продукте, то в него могут входить и вербальные компоненты, и видео-, и аудиотекст, и фотографии, а также инфографические и интерактивные элементы. Если анализировать более простой тип продукта – медиатекст в печатном СМИ, то там можно выделить фото, инфографику, вербальные компоненты. Соответственно, при рыночном обороте такого рода медиатекста потребительская и, соответственно, меновая стоимость различных частей медиатекста будет различаться. В некоторых случаях это различие может быть очень существенным.

Но это – только одно измерение дискретности медиатекста. Условно его можно назвать **типологической дискретностью**.

Наряду с нею существует **жанрово-тематическая дискретность**⁹ – материалы, входящие в один медиатекст, могут различаться по жанрам (например, новостные, аналитические и пр.) и тематикам (экономика, политика и пр.).

Но даже кажущиеся типологически и жанрово-тематически однородными медиатексты также неоднородны. Мы выделяем такой вид дискретности, как **структурная**: потребительская и меновая стоимость различных структурных элементов одного медиатекста (заголовка, лида, справки, корпуса и пр.) может также различаться.

И, наконец, мы выделяем **гносеологическую** неоднородность: различные элементы структурно, жанрово и типологически однородного медиатекста могут различаться по потребительским качествам – часть текста с уникальной цитатой ньюсмейкера будет ценить на рынке гораздо выше, чем остальная.

⁸ При приведении соответствующих сравнений мы будем работать в основном с двумя видами товаров – материальными товарами и товарами культурных индустрий [8]. С теоретической точки зрения их особенности изучены наиболее хорошо

⁹ Отчасти здесь мы опираемся на классификацию медиатекстов от Т. Г. Добросклонской [3, с. 28].

Какие последствия это имеет для менеджмента? Прежде всего, разный уровень управленческих усилий (в частности, в отношении менеджмента качества) по отношению к различным элементам медиатекста – усилия, потраченные на более ценный для аудитории компонент, будут несопоставимы, чем на остальные.

Кроме того, данный подход позволяет производить многомерное фрагментирование аудитории и, соответственно, более четкое выявление ее предпочтений, «модифицируя» (адаптируя) медиатекст под нужды потребителей исходя также из временных, творческих, ресурсных возможностей.

На основе этого подхода с чисто монетарной точки зрения можно предложить закон **«убывающей потребительской стоимости медиатекста»**, который заключается в следующем: меновая и потребительская стоимость медиапродукта (медиатекста) определяется меновой и потребительской стоимостью наиболее ценного для аудитории ее компонента. На обыденном уровне импликации этого закона выражаются в следующем: очень часто газета покупается ради одной таблицы, журнал – ради одного интервью, а сериал включается только для того, чтоб увидеть любимого героя.

Соответственно, при распределении всегда ограниченных человеческих и управленческих ресурсов медиакомпаний [12] есть смысл сосредотачивать большую часть из них на самых «дорогих» для целевой аудитории элементах, находя компромисс между желаниями аудитории и возможностями компании.

Возможность применения актуальных управленческих решений, связанных с упомянутой выше адаптацией медиатекста под нужды потребителей, определяются еще одним фундаментальным свойством медиатекста – **имманентной незавершенностью**.

Это свойство заключается в том, что любой медиатекст может быть улучшен, доработан, дополнен, развит. Более того, это обусловлено его сутью, лежит в его основе. Конечных (идеальных) продуктов в журналистике не бывает – и это резко отличает их от продуктов большинства культурных индустрий – например, кинофильм является законченным произведением, песенная композиция – также. В то же время репортажная новость вполне может быть трансформирована в фичер, фичер – в расследование, расследование – в мультимедийную историю. Более того, не всегда предполагается даже жанровая трансформация, например, новость об одном и том же событии может превратиться в расширенную новость о том же самом – дополниться абзацем, двумя, тремя и т. д. В принципе, даже размер материала может остаться тем же самым – изменения могут быть внесены на уровне гносеологически значимых для аудитории элементов: цитат, фактуры и пр.

В цифровом медиaprостранстве такого рода дополнение не представляет какого-либо труда. При этом среда/география распространения первичного и вторичных продуктов может как совпадать, так и радикальным образом отличаться. Так, новость в газете может быть трансформирована в радионую, после – в телевизионную, мультимедийную и пр. При этом она останется, по большому счету, той же самой новостью.

Большинство же товаров культурных индустрий, несмотря на появление многочисленных франшиз, все-таки являют собой единичное явление, возможность развития которого сильно ограничена.

Для медиаменеджера эта особенность медиапродукта означает, прежде всего, постоянный мониторинг возможностей для улучшения уже сделанного – текстов, которые уже написаны, фотографий, которые уже сняты, видео, которое уже смонтировано. Процесс производства не заканчивается релизом (выпуском) продукта, а включает в себя необходимость поиска постоянного улучшения произведенного продукта. Так, например, инженеры компании-автопроизводителя постоянно ищут способы модификации модели, которая уже вышла в свет.

Это свойство тесно связано еще с одним, которое мы условно называем **амбивалентностью презентации** – любой медиатекст может быть представлен в различных вариантах и структурах без потери его потребительской стоимости. Так, например, практически любое слово, любой элемент в тексте может быть заменен на иной, имеющий точно такую же или схожую потребительскую стоимость.

Это роднит медиатексты с промышленными товарами (например, система нагревателя в чайнике может быть заменена аналогичной, но потребитель разницы и не заметит – потребительская стоимость не изменится) и резко отличает от культурных/символических, в которых замена элемента является весьма нетипичной и уж, по крайней мере, резко меняет потребительские качества.

По сути дела, это свойство делает возможным редактирование медиатекста как такового, но, что еще важнее, позволяет заменять производителей тех или иных элементов медиатекста – один и тот же элемент материала может готовиться разными сотрудниками. Это также характеристика продуктов, производимых промышленным способом: взаимозаменяемость составных частей итогового продукта является основным из условий «конвейерного» производства.

Еще одна важная для медиаменеджера характеристика медиатекста – **несистемная диахроничность**. Несмотря на то, что подавляющее число медиапродуктов производится для разового потребления (при этом, чем раньше произойдет акт потребления, тем лучше), потребляться они могут не

один раз – причем потребительская и меновая их стоимость за прошедшее время может существенно измениться. Например, некоторые медиатексты «оживают» только через многие годы – происходит их актуализация, «привязка» к повестке дня. Это роднит их с промышленными товарами: так, утюг может быть куплен, испытан – и оставлен в угол. А понадобится он через 10 лет, когда семья поедет на дачу. Большое отличие наблюдается тут от товаров культурных индустрий: те априори потребляются многократно (либо, по крайней мере, такая многократность подразумевается). Медиатекст же предназначен к разовому потреблению, но вполне может быть востребован и через долгое время – к нему могут возвращаться, незамеченные места – актуализироваться и пр.

Любопытно, что столь специфичная характеристика обуславливает весьма важную менеджерскую импликацию – необходимость создавать «запас прочности» у каждого текста – то есть производить материал несколько лучшего качества, чем был бы достаточен для разового потребления. «Проходная» новость может послужить в последующем материалом, который будет потреблен либо аудиторией непосредственно, либо коллегами-журналистами при подготовке других текстов.

И, наконец, еще одно принципиально важное свойство медиатекста как товара – **асистемность**. Множество медиатекстов не может быть сведено к законченному набору типов, структур и пр. Скорее, можно говорить о наиболее распространенных видах медиатекстов, наиболее часто встречающихся моделях компоновки и пр. Это роднит медиатексты с товарами культурных индустрий, которые также не имеют готовых лекал – и отличает от промышленных, номенклатура и ассортимент которых априори известен.

С точки зрения редакционного менеджмента это свойство медиатекста как продукта означает необходимость постоянных «допусков» – материал может быть получен не в то время, не того вида и не того качества, которое закладывалось при создании задачи. При этом даже формулировка задачи может быть весьма затруднена – редактор не может знать всех обстоятельств, которые возникнут при подготовке того или иного материала.

Кроме того, это требует содержания существенных ресурсных (человеческих, временных, креативных и пр.) резервов, которые позволят нивелировать

проблемы, возникающие из-за неизбежно нечеткой регламентации всех процессов, вытекающей из отсутствия структурных границ, в которых эта регламентация должна возникнуть.

Мы полагаем, эта система товарно-продуктовых особенностей медиатекста, пусть и не являющаяся полной, может служить хорошим подспорьем для практиков масс-медиа, традиционно сталкивающихся с проблемами управления сложным, комплексным продуктом СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2.
2. Славкин В. В. Журналистский текст в динамическом аспекте / В. В. Славкин // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2.
3. Добросклонская Т. Г. Медиатекст : теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2.
4. Вырковский А. В. Предпочтения интернет-аудитории российских качественных СМИ в отношении различных видов медиатекстов / А. В. Вырковский, М. А. Любимцева // Медиаскоп, 2015. – № 2.
5. Деминова М. А. Онтология современного медиатекста / М. А. Деминова // Факультет журналистики УРГУ им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2011. – URL: <http://www.journ.usu.ru/index.php/component/content/article/418>
6. Гиляревский Р. С. Текст как элемент информационной технологии / Р. С. Гиляревский // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 25.
7. Основы медиабизнеса : учебник для студентов вузов / Е. Вартанова [и др.]. – Москва : Аспект Пресс, 2014.
8. Arrese A. R. Issues in Media Product Management // Handbook of Media Management and Economics / Albarran A., Chan-Olmsted S., Wirth M. (Eds.). Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
9. Wolinsky A. Competition in markets for credence goods // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1995. – № 151. – Pp. 117–131.
10. Goldfinger C. Intangible economy and financial markets // Communications & Strategies. – 2000. – № 40 (4). – Pp. 59–89.
11. Caves R. E. Creative Industries. Contacts between art and commerce. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000.
12. Habann F. Management of core resources : The case of media enterprises // International Journal on Media Management, 2000. – № 2:1. – Pp. 14–24.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Вырковский А. В., кандидат филологических наук,
доцент

E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Vyrkovsky A. V. Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ РЫНОК ЖУРНАЛОВ: АДАПТАЦИЯ БУМАЖНОЙ ПРЕССЫ К РЕАЛИЯМ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Е. А. Зверева

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

Аннотация: в работе рассматривается адаптация рынка бумажной прессы к реалиям цифровой эпохи, проникновение цифровых технологий в журнальный бизнес. Актуальность работы связана с тем, что автор ставит целью оценить существующую в отечественном журнальном сегменте ситуацию в контексте совершенствования возможностей трансляции медийного продукта в бумажном или цифровом формате. Для определения степени эффективности новых медиа форматов в статье предметно анализируются мобильная и iPad-платформы, сайты и интернет-версии, новые технологии продвижения журнальных изданий. В заключении делается вывод о том, что целенаправленное использование цифровых достижений позволяет многократно увеличить возможности распространения, а сам процесс трансляции продукта облекают в игровую форму, отвечающую потребностям современного пользователя.

Ключевые слова: новые технологии, журнальные издания.

Abstract: the paper deals with the adaptation of the market of print media to the realities of the digital age, the penetration of digital technologies in the magazine business. Relevance of the work connected with the fact that the author seeks to evaluate the existing segment in the domestic magazine situation in the context of improving the capabilities of broadcasting media product in paper or digital format. To determine the effectiveness of new media formats are analyzed in detail in the article mobile and iPad-platform sites and online versions, new technologies of journal publications. It concludes that the purposeful use of digital achievements allows tremendous increase the possible extension, and the process of translation of the product enveloped in game form, meets the needs of the modern user.

Key-words: new technology, magazines.

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие перемены в медийных технологиях неизбежно трансформируют СМИ: ключевыми функциями становится не только информирование, но коммуницирование, формирование не только картины мира, но и самой прессы. В каком формате останется периодическая печать? Победят ли сетевые СМИ бумажные? Конечно, печатная пресса испытывает дискомфорт под нарастающим влиянием интернета и новых гаджетов, однако именно бумага позволяет лучше монетизировать читательскую аудиторию, получать стабильный доход, в то время как бизнес-модель сетевых СМИ пока не позволяет говорить о стабильности и превосходящем печатные издания доходе. Экспертные опросы подтверждают большую стабильность рынка бумажной прессы [1], 66 % подписчиков которой отказались от цифровой периодики, мотивируя тем, что бумажная пресса их вполне устраивает. Еще 25 % подписчиков согласились получать цифровую и бумажную прессу вместе и лишь 9 % были готовы отказаться от печатных изданий в пользу цифровых. Одним из веских до-

водов в пользу традиционных СМИ является меньшее искажение информации, преобладание достоверных материалов, по сравнению с сетевыми СМИ и социальными сетями.

В сознании российской аудитории прочно закрепился стереотип, что контент сетевых СМИ должен быть бесплатным, в то время как эксперты заявляют о нежизнеспособности ресурса с бесплатным доступом к информации, поскольку происходит обесценивание издания и потеря эксклюзивного контента. Так, главный редактор британского сатирического журнала *Private Eye* Иэн Гислоп (Ian Hislop) советует: «Не отдавайте всё бесплатно. Вся отрасль может погибнуть, если вы перестанете верить в неё» [2]. Иэн Гислоп опирается на свой практический опыт: именно благодаря тому, что для чтения материалов сайта журнала потребитель должен быть подписчиком или покупателем *Private Eye* в розницу, изданию удалось сохранить свой контент и своего читателя. Российская действительность в целом подтверждает данный тезис, так как меньшие потери в тиражах имеют те издания, которые работают на свою уникальную аудиторию, предоставляя эксклюзивную информацию. Такие

издания более стабильны и могут быть условно названы «нишевыми»: их контент и их аудитория почти не пересекаются с конкурентами в своей типологической группе.

Аналитики медиасферы заявляют, что рынок традиционных печатных СМИ не только не «обречен на гибель», но и способен прогрессировать, целенаправленно используя цифровые достижения. В начале нового тысячелетия стало абсолютно понятно, что традиционный бумажный формат прессы должен мультимедиаатизироваться, и что дальнейшее развитие возможно только в рамках нового конвергентного продукта, сочетающего текст, звук и изображение. Эксперты в медиа-сфере сходятся во мнении, что из всего спектра бумажной прессы именно у журнальных изданий больше возможностей для воплощения идей мультимедиаатизации, так необходимых в условиях новой реальности. По мнению руководителей **АРПП** (Ассоциации распространителей печатной продукции) Дмитрия Мартынова и Александра Оськина, «распространение новых технологий не привело к отмиранию «бумаги», но открыло ей новые возможности развития. Теперь на повестке дня – конвергенция разнообразных каналов доставки информации, поиск оптимальных вариантов их сочетания к взаимной выгоде» [3]. Внедрение мультимедийных технологий визуализации контента выводит печатные издания на новый уровень, трансформируя журналы из источников информации в средство коммуникации с читателем.

Вторым вектором мультимедиаатизации становится развитие iPad- платформ в качестве трендового носителя информации. Однако, в 2011 году «интерес издателей к «планшетизации» несколько уменьшился, что связано с объективной монетизированной реальностью: выручка от продаж электронного контента для iPad оказалась существенно ниже доходов от печатных версий изданий» [4]. Кроме того, само создание iPad-журналов – занятие вовсе не дешевое, которое может себе позволить крупный международный издательский дом, а потому выработка оптимального формата для данного направления еще продолжается.

Таким образом, дальнейшее исследование ключевых тенденций журнального рынка года видится в предметном исследовании адаптации рынка бумажной прессы к реалиям цифровой эпохи, в выявлении перспектив развития журнальных изданий, связанных с использованием новых технологий и интернет.

Стратегии развития издательских домов: цифровые и традиционные

Неизменные лидеры журнального бизнеса – это мультимедийные компании, предпочитающие развивать приложения к раскрученным брендам, так как это проверенный вариант монетизации аудито-

рии, в то время как цифровая среда не дает стабильного варианта дохода. С одной стороны, традиционные бизнес-стратегии в сфере новых медиа не работают, но с другой стороны, очевидно, что вне digital у издательских компаний нет будущего. Впечатляет рост сегмента новых медиа и размер их доходов, но для владельцев изданий это малоутешительный факт, потому что большая часть прибыли в сети связана с контекстной рекламой, которая не может использоваться печатными СМИ. Таким образом, для журнального бизнеса жизненно важным становится грамотное планирование развития цифрового сегмента.

Например, ИД **Condé Nast Russia** интегрировал в одну структуру свои журнальные и цифровые подразделения: отделение **Condé Nast Digital**, которое занималась цифровыми продуктами компании, теперь должно помочь печатным редакциям. Как отмечает президент **Condé Nast Russia** Карина Добровольская: «Любая современная медийная компания стремится быть мультимедийной, и это естественный этап развития для нашего бизнеса». По ее мнению, у одного бренда не может быть двух редакций и двух издателей [5]. Теперь главные редакторы брендовых проектов будут заниматься продвижением своих продуктов на всех платформах – бумажных, сетевых, мобильных и планшетных.

Успешно развивает свои интернет-проекты и одна из самых крупных мультимедийных компаний **Hearst Shkulev Media/ИнтерМедиаГрупп**. Холдинг первым в России стал запускать сайты изданий, создал сеть женских интернет-порталов **Women's Network**. Кроме женских сетевых ресурсов, компания видит перспективы в развитии региональных интернет-проектов. Так, с 2012 года подразделение компании, занимающееся цифровыми ресурсами – **Hearst Shkulev Digital** – активно приобретает городские порталы Перми (**Prm.ru**), Самары (**Samara24.ru**), Нижнего Новгорода (**NN.ru**) и других городов. Добавляет к этому собственный проект **Sochi-Express.ru**, и объединяет все в рамках федеральной сети городских интернет-порталов **Regional Network Hearst Shkulev Digital**, совокупная ежемесячная аудитория которой, по собственным данным компании, составляет 12,2 млн посетителей, а ежедневная – 1,15 млн [6]. Результат – компания становится ведущим игроком регионального интернет-рынка, а полученная сеть порталов имеет высокую эффективность воздействия и мощные перспективы проведения рекламных и информационных кампаний: рекламодателю предлагается обширная аудитория, более лояльная к собственным городским порталам, чем к федеральным ресурсам.

Генеральный директор издательского дома **Sanoma Independent Media** Елена Мясникова придерживается идентичной стратегии и предлагает также «консолидировать бюджеты медийных ком-

паний в больших издательских брендах» [7], закрывать оставшиеся проекты и освобождать денежные ресурсы, чтобы частично компенсировать стагнацию рынка рекламы. **Sanoma Independent Media** пытается действовать именно таким образом для сбалансирования непростой ситуации: доходы компании в апреле-июне 2012 года снизились на 7,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2011 года. В качестве основных причин эксперты называют негативное последствие валютных транзакций и кризис еврозоны, падение доходов от продаж печатных версий изданий и подписки. Вице-президент **ГИПП** (Гильдия издателей периодической печати) Евгений Абов так прокомментировал ситуацию: «Действительно, доходы издателей от продажи газетных и журнальных тиражей сокращаются. Это общая тенденция. При этом доходность онлайн-овых и цифровых продуктов тех же издателей, как правило, не компенсирует падение продаж печатной продукции» [8].

Таким образом, «цифровые» стратегии панацеей не стали, скорее это очевидные перспективы для будущего журнального рынка. Доходы от цифровых продуктов не могут заменить доходность от печатных версий, а сетевая реклама не демонстрирует ожидаемо высокой эффективности. Все эти факторы обусловили стратегии целого ряда издательских домов, решивших коренным образом не менять приоритеты своей деятельности. К консервативной части журнального рынка можно в первую очередь отнести издательские дома **Bauer Media** и **Бурда**, объединенные сфокусированностью на недорогом женском глянце и на выпуске-продаже печатной продукции. Электронные версии развиваются, но не становятся приоритетами бизнеса. И пока такая стратегия оказывается вполне успешной: так, в **Bauer Media Group** доходы от распространения продукции издательского бизнеса составили в 2010 году 1,337 млрд. евро, в то время как цифровые доходы достигли 52,1 млн. евро [9]. В любом случае, расширение портфеля глянцевого изданий и поиск новых коммерческих возможностей бумажных и цифровых СМИ, не изменит основы стратегии **Bauer Media Group**, рассматривающей печатные СМИ в качестве ключевого бизнеса.

Аналогичной стратегии придерживается **ИД Бурда** – лидер отечественного журнального рынка по продажам и охвату аудитории. Хорошо закрепившись в бумажном сегменте, компании начала делать осторожные шаги по освоению сетевого пространства: с 2012 года новости **Бурды** представлены не только на официальном сайте, но и в социальных сетях *Facebook*, *ВКонтакте* и *Google+* [10]. Информационно-рекламная цель данного нововведения очевидна: аудитория снабжается новостями об акциях и специальных предложениях компании, интервью с руководителями **Бурды**, возможностями

просмотра фото и видео с вечеринок и корпоративных праздников и интерактивной составляющей в виде «лайков» и комментариев.

Сторонником традиционной стратегии является и **ЗАО Издательство Семь дней**, входящее в десятку ведущих журнальных издательств. Стабильным спросом пользуются журналы *Караван историй* и *Коллекция Караван историй*, еженедельник *Семь дней ТВ-Программа* и общественно-политический журнал *Итоги*. В 2012 году вполне успешно развивались сетевые проекты – сайт о гаджетах *Nomobile.ru* и сайт наиболее тиражного издания *7дней.ru*. Другой популярный проект – *Караван историй* и *Коллекция Караван историй* – имеет существенные перспективы благодаря развитию приложений на базе iPad, установленных более чем на 80,0 тысячах и 30,0 тысячах устройств соответственно [11].

Другие издательские дома из лидерской десятки – **За рулем**, **Эдипресс-Конлига**, **Популярная пресса**, **Толока**, **Вокруг света** – входят в крупные мультимедийные холдинги, которые также занимаются структурированием собственности с целью оптимизации расходов. В течение 2012 года крупнейшие издательские компании журнального рынка разрабатывали стратегии повышения эффективности своей работы. Суммарно эти стратегии можно обозначить следующей схемой: реорганизация изданий и отдельных структур компаний, ликвидация неприбыльной части бизнеса, продвижение более доходных проектов, в основном связанных с ключевыми брендами. Наибольшую результативность демонстрирует стратегия синтеза традиционных бумажных форматов с сетевыми проектами.

Корректировка развития глянцевого журналов: новые платформы и новые возможности

Базовой частью журнального рынка являлся и является глянцевый формат издания. Мощнейшая индустрия глянца в настоящее время сталкивается с двумя основными проблемами: критикой идеологии потребления и распространением цифровых технологий. В сознании массовой аудитории именно журнальный глянцевый формат воспринимается в качестве ключевого элемента общества потребления, которое подвергается обоснованной критике в контексте будущего человечества и перспектив развития цивилизации. Вторая проблема связана с постепенным вытеснением глянца с рекламного и информационного рынка цифровыми версиями изданий. Думается, что о смерти или даже «смертельной болезни» глянца говорить преждевременно, поскольку никто еще не отменил явные преимущества бумажной прессы перед электронной: спокойное чтение и успокаивающий просмотр качественной полиграфии, доверие к любимому бренду, оригинальный контент.

В ноябре 2013 года медиааналитик Кен Доктор (США) посвятил обсуждению будущего бумажной прессы статью в своем блоге *Newsonomics* [12], в ко-

торой назвал ряд причин преждевременности заявлений о смерти бумаги. В интервью *Ленте.ру* Кен Доктор обозначил свое видение идеальной модели присутствия издания в печати и в сети – All-Access («повсеместный доступ»), т.е. обращение к контенту со всех возможных для читателя медиаплощадок: через печать, Интернет, смартфон, планшет и браузеры. Только уникальность и актуальность контента способна привлечь аудиторию, как к печатным, так и цифровым версиям изданий, – резюмирует медиааналитик.

Настало время корректировки стратегий развития гляцевых изданий, поскольку доходы бумажной прессы достигли своего максимума, и назрела необходимость обращения к новым возможностям и новым платформам. По данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, в 2012 году российский рынок гляцевых журналов «практически не вырос, хотя и не упал. Правда, его рекламные доходы увеличились всего на 1%» [13]. Использование различных цифровых медиаплатформ для распространения контента журнальных изданий, с одной стороны, предоставляет возможность для более длительного взаимодействия аудитории с журналом (что имеет явное преимущество для рекламодателей), а с другой стороны, побуждает издателей к поиску все более интересных вариантов «игры с читателем».

Из примеров новаций – издание журналом *Grazia* к неделе моды в Лондоне специального приложения, которое сопровождалось документальным телесериалом из-за кулис мероприятия. Формат «игры с читателем» включал эксперимент из области социальных медиа, предоставляющий возможность комментировать, голосовать и влиять на процесс выбора материалов и даже обложки на всех платформах, где присутствует *Grazia*, включая *graziadaily.co.uk*, *YouTube* и *Facebook*. По словам Пола Кенана, генерального директора *Bauer*, «использование других платформ является жизненно важным для формирования более глубоких отношений с читателями и рекламодателями, а недавнее сотрудничество *Grazia* с *LG* – это пример того, где должны быть журналы, если они хотят опередить рынок» [14].

Новация в сетевом журнале *Time Out* – выпуск в Москве и Петербурге мобильных приложений для Android и iPhone, использующих принципы геолокации, т.е. автоматического определения местоположения пользователя и развлечений рядом с ним. Приложение «позволяет сопоставить местонахождение владельца, карту города и расписание всевозможных событий и – в зависимости от запроса – может выдать список ближайших ресторанов, клубов, адреса кинотеатров или расписание киносеансов, спектаклей и выставок. В приложении указаны адреса, телефоны, отмечено расположение на карте» [15].

Распространением бренда на разных платформах активно занимается и компания *Hearst Magazines*, чье приложение *Hearst Magazines UK* в октябре 2012 года было загружено 10 млн пользователей. Эта стало возможным после выхода *Apple Newsstand*, в рейтинге которой самым популярным брендом для iPhone является *Cosmopolitan*.

Думается, что у этих инноваций есть определенный прагматический смысл: в процессе подобных «игр» читатель приобретает навыки цифрового потребления, требующего меньше времени и усилий по сравнению с потреблением в традиционном понимании. Кроме того, формируются более длительные отношения читателя с изданием, что способствует большей устойчивости и востребованности журнальных брендов. Как следствие – несмотря ни на что практически неизменным остается общий тираж журналов в мире.

Как показывает статистика TNS Россия, лучшие показатели у отечественного недорого журнального глянца в типологических группах женских, кулинарных, кроссвордных изданий, журналов о здоровье и садово-огородной тематики. В 2011-2012 гг. ситуация несколько осложнилась в типологической группе еженедельных изданий-телегидов: в минус ушли *Антенна/Телесемь*, *Теленеделя*, *Семь дней*, а *ТВ-Парк* в 2012 году не вошел в десятку лидеров.

Чтобы изменить ситуацию, издательские дома активно используют цифровые возможности. Так, журнал *Теленеделя ИД Популярная пресса*, в апреле 2012 года запускает сайт *www.tele.ru* с афишей, кинорецензиями, интервью и фотосессиями знаменитостей, новостями шоу-бизнеса и мира моды [16]. Очевидны интерактивные возможности нового интернет-ресурса журнала *Теленеделя*: сайт интегрирован с социальными сетями, активизирует участие читателей в различных акциях, опросах и конкурсах. Например, участникам конкурса «Засветись со звездой» предлагается выложить свои фотографии со знаменитостями. По результатам голосования на сайте определяются трое победителей, для которых редакция приготовила профессиональные фотокамеры и обещание опубликовать их работы в журнале.

В сегменте мужских изданий лидирует еженедельный журнал *Maxim*. Аудитория его российской версии в 2012 году сократилась на 49,2 тыс. человек по сравнению с аналогичным периодом 2011 года, но по-прежнему осталась солидной. Нужно учитывать еще и аудиторию цифровых форматов издания – *Maxim* представлен в интернет-версии *MAXIMonline.ru*, на мобильной платформе, его цифровая версия доступна пользователям с iPad, iPhone или iPod, а для интерактивного общения еще действуют странички журнала в социальных сетях.

Журнальный рынок отчетливо демонстрирует новую тенденцию: определение аудитории исклю-

чительно по тиражам печатных СМИ не отражает объективной картины. Производство бумажных версий журналов становится все более затратным предприятием: так, по данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, «себестоимость производства и распространения журналов вырастет примерно на 20 %, а 10-15 % из них будут вынуждены закрыться или перейти в интернет» [17]. Издатели активно ищут новые формы монетизации, одной из которых стала продажа контента для планшетов и смартфонов – популярных среди читателей гаджетов.

Несомненно, распространение цифрового контента существенно привлекает аудиторию, но издатели крайне заинтересованы в том, чтобы данные по аудитории электронных изданий привлекали еще и рекламодателей: возникла необходимость учитывать не только макетную рекламу, но и цифровой потенциал журналов. Так, компания **Condé Nast** заявила, что включение данных о цифровой аудитории читателей существенно повлияло бы на общую медиа-картину, и показатели последних лет демонстрировали бы не стагнацию, а рост охвата аудитории. Чтобы изменить ситуацию, с февраля 2012 года **ИД Condé Nast** специально для рекламодателей публикует информацию о планшетной аудитории каждого нового выпуска: «новые платные подписки на iPad-версию журнала и продажи отдельных копий за отчетный период; количество читателей, которые открыли электронную версию номера журнала, в том числе печатные подписчики, использующие свой бесплатный доступ к цифровому контенту; общее количество открытий журнала; время, которое читатели проводят за журналом» [18].

Культурно-развлекательный сегмент прочно занят журналами *Time Out Москва*, *Афиша*. Все развлечения *Вселенной*, *Ваш досуг* и их сетевыми проектами. Наиболее популярным из них является сайт *Афиша.ру*: по словам PR-директора *Афиши* и *Рамблера* Владислава Крейнина, аудитория *Афиши.ру* «превышает 5 млн уникальных пользователей в месяц. Приложение *Афиши* для iPhone, iPad установлено у 500 тыс. человек, еще 250 тыс. ежемесячно пользуются мобильной версией сайта» [19].

Таким образом, поскольку доходы от бумажных версий глянцевого издания достигли своего максимума, необходима планомерная корректировка стратегий развития глянцевого издания, учитывающая новые форматы и цифровые возможности, что объективно приведет к продуктивному развитию данного сегмента. Общая тенденция такова, что большинство издателей журналов связывают финансовые доходы как с проверенным временем средствами – привлечением рекламы и с реализацией тиражей, так и с мультимедиаизацией: предоставлением рекламодателям комплексного пакета

услуг и распространением контента на различных медиаплатформах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидны преимущества и перспективы использования современных технологий для качественного разнообразия медиаформатов трансляции контента бумажных изданий. Но есть и весьма существенный минус – это очень дорогие эксперименты, которые позволить себе могут только крупные бренды и только ограниченными тиражами. Тем не менее, журнальная пресса демонстрирует готовность к обновлению, как ради читателей, так и ради рекламодателей, для которых «бумага» по-прежнему остается ценным рекламным пространством. Существенные перспективы именно за «открытыми форматами», предоставляющими пользователям наборы инструментов для «сотворчества» по созданию контента. Обогащение процесса чтения и максимизация значения креативных материалов позволяет сделать контент более близким аудитории, персонифицировать его. С этой целью журнальные издания прикладывают существенные усилия по разнообразию форм «игры с читателем» с использованием новых медиаформатов. Приоритетом становится привлечение аудитории к изданию, предложение многообразия вариантов проведения свободного времени и, естественно, продвижение прямого и косвенного рекламирования набора lifestyle.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Под общ. ред. В. В. Григорьева. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – Москва : Типография «Наука», 2012. – С. 6.
2. Янг Н. (Nu Yang) Будущее печатных изданий – печать / Н. Янг // Гильдия издателей периодической печати. – 2012. – 26 июня. – URL: <http://www.gipp.ru/viewer.php?id=41381>
3. Мартынов Д. Как обустроить рынок печатных СМИ в России / Д. Мартынов, А. Оськин // АРПП. – 2015. – 11 марта. – URL: <http://www.arpp.ru/mneniya-ekspertov-intervyu/275325-kak-obustroit-rynok-pechatnykh-smi-v-rossii.html>
4. Зверева Е. А. «Стратегия цифры» и «стратегия бумаги» в журнальном бизнесе : корреляция положительная и отрицательная / Е. А. Зверева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 20 (191). – Выпуск 23. – С. 124.
5. Милош И. Condé Nast уходит в мультимедиа / И. Милош // Sostav.ru. – 2012. – 8 апр. . – URL: http://www.sostav.ru/news/2012/08/08/conde_nast/
6. Regional Network Hearst Shkulev Digital // Официальный сайт Hearst Shkulev Media. – URL: <http://www.hearst-shkulev-media.ru/projects/rn/>

7. Организация и проведение мониторинга состояния рынка печатных СМИ и полиграфии. Некоммерческое партнерство «Гильдия издателей периодической печати» (НП ГИПП). – Москва, 2013. – С. 82.
8. Китаева К. Sanoma потеряла почти 8 % продаж в макрорегионе, куда входит Россия / К. Китаева // РБКdaily. – 2012. – 2 авг. – URL: <http://www.rbcdaily.ru/media/562949984443110>
9. В Bauer Media Group подвели итоги // МедиаАтлас. – 2012. – 26 янв. – URL: <http://media-atlas.ru/items/?id=19792&cat=companynews>
10. «Бурда» расширяет свое присутствие в социальных сетях // МедиаАтлас. – 2012. – 5 апр. – URL: <http://media-atlas.ru/items/?id=20178&cat=companynews>
11. Организация и проведение мониторинга состояния рынка печатных СМИ и полиграфии. Некоммерческое партнерство «Гильдия издателей периодической печати» (НП ГИПП). – Москва, 2013. – С. 91.
12. Doctor K. The Newsonomics of Outrageous Confidence / K. Doctor // Newsonomics. – 2013. – Nov. 1. – URL: <http://newsonomics.com/the-newsonomics-of-outrageous-confidence/>
13. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Под общ. ред. В. В. Григорьева. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – Москва : Типография «Наука», 2012. – С. 39.
14. Анализ отрасли : как развиваются журналы // ГИПП. – 2012. – 13 июня. – URL: <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=41194>
15. Новое мобильное приложение Time Out основывается на геолокации – самом востребованном мобильном сервисе на сегодня // Planeta SMI. – 2012. – 18 мая. – URL: <http://www.planetasmi.ru/blogi/comments/15838.html>
16. Журнал «Теленеделя» запустил новый сайт www.Tele.Ru // МедиаАтлас. – 2012. – 5 апр. – URL: <http://media-atlas.ru/items/?id=20179&cat=companynews>
17. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Под общ. ред. В. В. Григорьева. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – Москва : Типография «Наука», 2012. – С. 45.
18. Ives N. Two Years Into Tablet Editions, Conde Nast Begins Regular Readership Reports [Текст] / N. Ives // Advertising Age. – 2012. – 15 of March. – URL: <http://adage.com/article/media/years-tablets-conde-nast-delivers-tablet-metrics/233315/>
19. Семерикова А. «ВымпелКом» позовет в кино / А. Семерикова // РБК. – 2012. – 26 марта. – URL: <http://www.rbcdaily.ru/media/562949983360665>

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

*Зверева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела
E-mail: Katya9_2001@mail.ru*

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Zvereva E. A., Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Journalism and Publishing Department
E-mail: Katya9_2001@mail.ru*

О ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ АНАТОЛИЯ ЖИГУЛИНА И АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2015 г.

Аннотация: в статье впервые анализируются материалы личного архива крупнейшего поэта второй половины XX века Анатолия Владимировича Жигулина, рассказывающие о его личных и творческих отношениях с великим русским мыслителем и общественным деятелем, лауреатом Нобелевской премии по литературе Александром Исаевичем Солженицыным. По мнению поэта, историческая заслуга в открытии имени писателя и публициста А. И. Солженицына принадлежит главному редактору журнала «Новый мир» А. Т. Твардовскому. Как известно, именно Твардовский во время хрущёвской «оттепели» сумел напечатать в журнале «Новый мир» повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», получившую не только всесоюзное, но и мировое признание.

Ключевые слова: Жигулин, Солженицын, Твардовский, журнал «Новый мир», история отечественной журналистики.

Abstract: the article analyzes materials of the personal archive of the greatest poet of the second half of the twentieth century, Anatoly Vladimirovich Zhigulin, telling about his personal and creative relationship with the great Russian thinker and public figure, laureate of the Nobel prize in literature Aleksandr Isayevich Solzhenitsyn. According to the poet, historical merit in the discovery of the name of the writer and publicist Alexander Solzhenitsyn belongs to the chief editor of the magazine «New world» of A. T. Tvardovsky. As we know, Twardowski during the Khrushchev «thaw» was able to print in the magazine «New world» the story of Solzhenitsyn «One day of Ivan Denisovich», which received not only the USSR but also worldwide recognition.

Key-words: Zhigulin, Twardovsky, Solzhenitsyn, the journal «New world», history of russian journalism.

Анализ материалов писательского архива А. В. Жигулина, в том числе его дневников, рабочих тетрадей и писем, поступившего в 2012–2013 годах на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина [1], позволяет сделать несколько важных и актуальных выводов в рамках обозначенной в заглавии статьи темы.

Первое. И в период начала литературной деятельности А. И. Солженицына (публикация повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир», 1962 год, № 11), и во время политической травли писателя, изгнания его из России, и в годы его диссидентства, и после его триумфального возвращения на Родину отношение А. В. Жигулина к автору «Одного дня...» и «Архипелага ГУЛАГ» было неизменным. Он всегда считал А. И. Солженицына великим писателем и великим человеком, настоящим патриотом своей страны.

Второе. По мнению А. В. Жигулина, историческая заслуга в открытии имени писателя и публициста А. И. Солженицына принадлежит А. Т. Твардовскому, главному редактору журнала «Новый мир». Для того чтобы напечатать антисталинскую повесть Твардовскому пришлось на свой страх и риск обратиться

лично к Первому секретарю ЦК КПСС и председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущёву.

Третье. Дневник А. В. Жигулина позволяет по-новому посмотреть на роль журнала «Новый мир» Твардовского в духовно-нравственном пробуждении общества, освобождении его от основ сталинского тоталитаризма и идеологического догматизма [2].

Первое упоминание об А. И. Солженицыне встречается в жигулинском дневнике 23 ноября 1962 года в связи с публикацией в «Литературной газете» рецензии Г. Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось» на повесть «Один день Ивана Денисовича».

«23 ноября 1962 года, пятница.

<...> Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключённых в особых лагерях. Сказано по существу всё в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале «Новый мир», № 11. Надо обязательно почитать!.. Да!.. Разве думал я **тогда**, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!».

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила!.. Это великое произведение великого писателя, жемчу-

жина русской прозы!

Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания: «Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому.

С большой радостью прочёл повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря».

Как свидетельствует корешок почтовой квитанции, аккуратно вложенной Жигулиным между страниц записной книжки, телеграмма, действительно, была послана в редакцию «Нового мира».

В дневнике А. В. Жигулина подробно отражена история о выдвижении повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» на соискание Ленинской премии за 1964 год. Приведём часть записей на эту тему.

«29 декабря 1963 года, воскресенье.

<...> Опубликован список работ, выдвинутых на соискание Ленинской премии. И Солженицына «Один день...» выдвинули. Дадут ли?.. В «Известиях» статья об этой повести. Да, конечно же, Шухов не положительный и не идеальный герой. Это человек исковерканный жизнью. Но это не умаляет художественного значения повести... И Ручьёва выдвинули, и Исаева снова будут рассматривать. Исаеву, наверное, дадут. В высших сферах этот вопрос, наверное, уже решён. Могут и Солженицыну дать из чисто политических соображений».

«31 января 1964 года, пятница.

<...> Единственная радость нынче – в «Правде» за 30-е число большая хорошая статья С. Маршака о повести А. Солженицына.

«Один день Ивана Денисовича» – единственное произведение из выдвинутых, по-настоящему достойное премии. Остальное – мура! Конечно, талантливы и Ручьёв, и Исаев, но Ленинскую премию нельзя им присуждать. Здесь должны быть высокие требования».

«11 апреля 1964 года, суббота.

<...> Плохи дела и у Солженицына. Прошли было слухи, что ему дадут премию, но – увы! – нынче в «Правде» большая, гнусная подборка отрицательных писем читателей об Иване Денисовиче. И это перед самым тайным голосованием! Нечестный и подлый удар!..

<...> Говорят, что перед тайным голосованием голоса разделились так: 37 – за Солженицына, 30 – против. А надо две трети. Правда, предварительное голосование было открытым, потом будет тайное, но вряд ли будет изменение в лучшую сторону. Вряд ли у Ивана Денисовича есть тайные доброжелатели, которые не могли проявить свои чувства открыто.

Скорее наоборот. Да, многим он стал костью поперёк горла».

«2 мая 1964 года, суббота, праздник.

<...> Много слышал (и часто из первоисточников – например, от Егора Исаева) о борьбе в Комитете по Ленинским премиям. <...> Страсти там здорово разыгрались. По словам С. И. Машинского (*Машинский Семён Иосифович (1914–1978) – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой рус. лит-ры Лит. ин-та им. М. Горького. – В. К.*) какой-то дегенерат из правых <...> договорился до того, что во всеуслышанье заявил на Комитете, что Солженицын был осуждён вовсе и не безвинно, что он вовсе не тот, за кого выдаёт себя».

«Каким-то дегенератом из правых...» оказался Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, заявивший при обсуждении кандидатуры А. Солженицына в Комитете по Ленинским премиям на 1964 год, что писатель был осуждён не по политическому, а по уголовному делу.

В ответ на клевету А. Т. Твардовский представил выписку из дела Солженицына, полученную в Военной коллегии Верховного суда. Документ подтверждал, что писатель А. И. Солженицын был незаконно репрессирован по печально знаменитой 58-ой статье УК РСФСР [3].

С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Кремлёвском Дворце съездов проходил XXIII съезд КПСС. Записи в дневнике писателя свидетельствуют о том, что А. В. Жигулин внимательно наблюдал за ходом партийного форума, от которого во многом зависело то, по какому пути продолжится развитие страны, развитие литературы. В его дневнике вклеены вырезки из газеты «Правда» с выступлениями делегатов съезда М. А. Шолохова и первого секретаря ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюла. Последний, в частности, заявил с трибуны съезда о том, что некоторые произведения советских писателей «...прямо искажают отдельные этапы жизни советских людей, вроде повести «Один день Ивана Денисовича», оценённой, кстати, журналом «Новый мир», как значительная веха в развитии советской литературы».

По этому поводу Жигулин пишет:

«Полночь с 4 на 5 апреля 1966 года.

...Всё-таки на съезде прорываются довольно мрачные окрики в адрес литературы. Раньше своим долгом кусать «Новый мир» и Солженицына считали Егорычев и Павлов (*Егорычев Н. Г., в 1962–1967 гг. – первый секретарь Московского горкома КПСС; Павлов С. П., в 1959–1968 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. – В. К.*). Сейчас эту миссию взял на себя И. И. Бодюл, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии. Обращает на себя внимание нелепая формулировка его ругани. По его словам выходит, что повесть искажает этапы жизни советских людей. Что же она может исказить, какой этап? Наоборот, очень правдиво показан «этап» бериевских лагерей. И какие

тут могут быть «этапы», когда описан лишь один день лагерника!?

Речь Бодюла опубликована в «Правде». В этой же газете в своё время даже Ильичев (*Ильичев Л. Ф., секретарь ЦК КПСС в 1961-1965 гг. – В. К.*) хвалил повесть Солженицына, называя её правдивой и говоря, что «партия поддерживает такие произведения». А прекрасная статья С. Маршака об «Одном дне...» тоже ведь была в «Правде». Чему же верить?.. Да, крепко, видно, стал кое-кому Солженицын поперёк горла».

Первая личная встреча А. В. Жигулина и А. И. Солженицына состоялась 16 ноября 1966 года в Центральном доме литераторов на заседании бюро секции прозаиков Московского отделения Союза писателей, на котором обсуждалась I-я часть повести «Раковый корпус».

Жигулин пишет: «Я пришёл в ЦДЛ заранее – в половине второго (назначено было обсуждение на два часа). Никакого объявления, конечно, не было, но, тем не менее, в фойе уже чувствовалось оживление. Я сразу узнал А. Солженицына. Он сидел на одном из диванчиков в окружении нескольких людей, из которых мне был знаком только Л. Копелев. Они о чём-то беседовали. Кто-то лихорадочно листал какую-то рукопись. Какая-то женщина рядом что-то записывала за низким столиком <...>».

В конце обсуждения выступил А. И. Солженицын. Я уже был отчасти подготовлен ириным (*имеется в виду И. В. Жигулина – жена поэта, литературный критик. – В. К.*) рассказом к тому обстоятельству, что А. И. Солженицын выглядит вовсе не так, как мы его себе представляли. Действительно, это совсем не мрачный и не угрюмый человек, каким он нам казался. Крупный, жизнерадостный, очень спокойный и уверенный в себе человек. Держится отлично, говорит убедительно, просто, говоря только о самом главном. Быстро и чётко ответил на все записки, разъяснил недоразумения, возникшие у некоторых при чтении повести. Поразила, кроме всего прочего, его естественная скромность. Он сердечно благодарил всех выступавших. Солженицын буквально покорила аудиторию. Выступление его закончилось радостной овацией».

В 1967 году непродолжительное время – около четырёх месяцев – А. В. Жигулин работает в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы. Москва полна слухов о растущем противостоянии А. И. Солженицына с властями.

«21 мая 1967 года, воскресенье».

...«Лит. газета» получила письмо от А. Солженицына. Он послал один и тот же текст в ред. разных журналов, а также некоторым, около 150-ти, писателям. В том числе и мне. Смысл письма: о цензуре, о гонениях на литературу, о его личном тяжёлом положении. Пересказывать письмо не буду – вечером

19-го я тоже его получил, оно у меня. Боюсь за Солженицына. Вот что он пишет в конце:

«Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы – ещё успешнее и неоспоримее, чем живой. Никогда не перегородить путей правды, и за движение её я готов принять и смерть...».

Не покончит ли он жизнь самоубийством?..

Письмо по штемпелю отправлено из Москвы 19-5-67 г.

Час отпр. не ясен. Видна единица и ещё не то ноль, не то что-то в этом роде. Штемпель нашего почт. отд. от 19-5-67 г., 18 ч. Значит, Исаевич в Москве».

История написания письма IV съезду Союза советских писателей изложена автором в книге «Бодался телёнок с дубом». Письмо было разослано по почте в 250 адресов в середине мая 1967 года, один экземпляр принесён лично автором в секретариат съезда и сдан под расписку. 31 мая 1967 г. письмо было опубликовано в газете «Monde» (Париж), затем во многих эмигрантских изданиях. На родине письмо впервые напечатано в журнале «Слово», 1989, № 8; в журнале «Смена», 1989, № 23, и др.

После опубликования в США и Западной Европе романов «В круге первом» и «Раковый корпус» в советской прессе была развёрнута пропагандистская кампания против автора.

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30».

Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в «Лит. газете». Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына вовсе и не было. <...> Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунеядца. На это у них хватит совести. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок. Его теперь и в ЦДЛ могут не пустить... лечить не будут в поликлинике Литфонда, больничные листы не будут оплачивать.

Ужасный акт! Противоречивые слухи об исключении давно ходили, но мне всё не верилось. Великого писателя исключили из Союза писателей СССР! <...> Всё равно Солженицын переживёт своих гонителей!

Надо ему завтра написать письмо, послать книжку».

«13 ноября 1969 года, четверг».

В Москве уже известны некоторые подробности исключения А. Солженицына из СП, подробности

хода собрания в Рязанском отделении. Были партийные руководители, был от секретариата правления СП РСФСР <...> Франц Таурин. Были, естественно, и рязанские писатели (ни одного не знаю). Солженицын, в частности, сказал:

– Голосуйте. Вы в большинстве. Но не забывайте, что история литературы проявит интерес к этому заседанию...».

«12 декабря 1969 года, пятница.»

Вчера был день рождения Александра Исаевича Солженицына. Великий писатель. А великих писателей всегда в России преследовали. Травят и Солженицына. Дай, Бог, ему здоровья и мужества.

«9 октября 1970 года, пятница.»

Поздний вечер, точнее полночь. Вчера, 8 октября 1970 года, Шведская академия присудила Нобелевскую премию по литературе Александру Исаевичу Солженицыну. Я очень рад! Солженицын несомненно заслуживает такой высокой награды. Это великий писатель. Присуждение Нобелевской премии, вероятно, явится новым поводом для травли этого писателя».

Предчувствие А. В. Жигулина не обмануло. Уже на следующий день в «Известиях» (московский вечерний выпуск) была напечатана анонимная заметка (Жигулин аккуратно вырезал её из газеты и приклеил между страниц блокнота), в которой осуждалось присуждение Нобелевской премии А. И. Солженицыну.

Как и многих коллег по перу, А. В. Жигулина шокировали насильственный арест, обвинение в измене Родине, лишение советского гражданства и высылка А. И. Солженицына 12 февраля 1974 года из СССР (опальный писатель был доставлен на следующий день в ФРГ на самолёте).

Начиная с этого момента, А. В. Жигулин в письменных и устных высказываниях становится более осторожен, он старается избегать острых политических тем, опасаясь возможного преследования со стороны властей – вплоть до ареста и повторного лишения свободы за убеждения. На протяжении многих лет в его дневнике встречаются лишь краткие и завуалированные упоминания об А. И. Солженицыне. Например, «Дядя Саша». Или: «Солженицын – письма».

А. В. Жигулин с большой надеждой и даже ликованием, как и многие советские люди, встретил начавшуюся в стране перестройку. Он приветствует изменившееся официальное отношение в СССР к творчеству и деятельности Солженицына, публикацию в журналах его произведений, восстановление опальному писателю советского гражданства с последующим прекращением уголовного дела, присуждение ему Государственной премии РСФСР (декабрь 1990 г.) за «Архипелаг ГУЛАГ».

С пристальным вниманием и искренней радостью он следил за сообщениями в средствах массо-

вой информации о триумфальном возвращении А. И. Солженицына на родину. 27 мая 1994 года великий писатель вместе с семьёй прилетел из США в Магадан. Затем из Владивостока проехал на поезде через всю страну и закончил путешествие в столице.

«13 июня 1994 года, понедельник.»

Медленно, с остановками едет в Москву великий писатель А. Солженицын».

«21-VII-94, четверг.»

<...> Приезд в Москву А. И. Солженицына. Смотрели весь вечер по телевидению его приезд, его встречу на Ярославском вокзале, его интервью. Великий писатель, великий человек».

«28 ноября 1996 года, четверг.»

<...> В «Общей газете» статья А. Солженицына «К нынешнему положению в России». Прекрасная статья».

«4 февраля 1997 года, вторник.»

Я написал утром письмо А. И. Солженицыну, написал ему последнюю книгу и «Летающие дни» (ему и Наталье Дмитриевне). К письму приколол своё интервью в «Труде» (там многое касается его).

Письмо, книги и проч. решили передать А. И. через его Фонд.

Ира с Вовой были в Солженицынском фонде. Это улица Тверская, 12. Когда приехали, оказалось, что Солженицынский фонд решил выдать мне единовременное пособие ...тысячу долларов США. Кто-то предлагал двести, но Александр Исаевич твёрдо сказал:

– Нет! Жигулину – тысячу!

Это высшая сумма, которую они могут выдать. Спасибо, дорогой Александр Исаевич!».

«27 ноября 1997 года, четверг.»

<...> Главное событие, освятившее весь день – звонок А. И. Солженицына. Формальный повод – моё выступление к юбилею «Одного дня Ивана Денисовича». Я, словно с голодухи, на него набросился. И получил ли он мои книги в Америке и т. д. и т. п. О здоровье. У него был в прошлом году инфаркт. Заинтересовали его и мои микроинсульты и почка. И о «Чёрных камнях», о КПМ. Забастовка журналистов в Воронеже и прочее. А за 1000 долларов забыл поблагодарить. Ладно! В письме напишу. У него скоро день рождения. 11 декабря надо его поздравить. А в будущем году ему будет 80 лет, юбилей. Об «Одном дне Ивана Денисовича», о трудностях, связанных с выходом подобных книг при жизни писателей. О том, что все следователи названы в «Чёрных камнях» своими именами. За это он меня похвалил».

«3 декабря 1997 года, среда.»

<...> Написал корявым почерком письмо А. И. Солженицыну на 4-х страницах. Сейчас И<рина> читает, боюсь заставит переписывать. <...>

Прочитала, предложила сделать две вставки».

«4 декабря 1997 года, четверг.»

<...> Снял ксерокопию с письма А. И. Солженицы-

ну и надписал ему книгу «Соловецкая чайка». Сознался с Солженицынским фондом... и Вова (сын А. В. Жигулина. – В. К.) отвёз всё это в фонд. Жаль, что Наталья Дмитриевна уже ушла и будет (и то предположительно) только во вторник, т. е. 9-го. Так что ко дню рождения А. И. моя посылка может и не попасть.

Но ничего, когда-нибудь попадёт».

«12 декабря 1997 года, пятница.

<...> Вчера и сегодня читал книгу А. Солженицына «Бодался телёнок с дубом». Безумно интересно».

«15 декабря 1997 года, понедельник.

<...> Дочитал книгу А. Солженицына – гениально».

«31 декабря 1997 года, среда.

<...> Написал телеграмму Солженицыным – с Рождеством Христовым и Новым годом».

«14 января 1998 года, среда.

Вечером звонил А. И. Солженицын: поздравить с Новым годом. Вы, дескать, поздравили меня с Рождеством Христовым, а я вот со Старым Новым годом Вас поздравляю. <...> Говорили о многом. В частности, А. И. сказал, что я в своём письме ошибаюсь – что на его долю досталось гораздо меньше, чем на мою (испытаний). Говорили и о здоровье, сошлись во мнении, что лучше не резать, если можно не резать, не оперировать. Пусть всё развивается и проходит по воле Господа.

А «Урановую удочку» А. И. не прочитал – не попало ему в руки новое издание «Чёрных камней», которые вместе с «Летающими днями» Ира лично передала Наталье Дмитриевне в Фонде 4-ИИ-97 г. Солженицын сказал, что, возможно, найдёт у себя новое издание, что после переезда у него беспорядок в книгах.

– Я дарил и в Фонд.

– Вот я в Фонде возьму и прочитаю.

Я не всё записал (сократил мелочи), но разговор был очень хороший».

«5 марта 1998 года, четверг.

<...> Звонил А. И. Солженицын. Отдельные его фразы:

– Имею счастье звонить Вам! Спасибо за «Урановую удочку»! Как Вы там выдержали!? Спасибо!

<...> Сказал, что нашлись «Летающие дни». Но он, по-моему, уже плохой – забывает, путает. «Северную Гилею» вспомнил и, что за мои стихи пострадал человек, но за какие не ясно – за «Кострожоги» или вообще за «Память». Всё у него перепуталось. Говорит, нашлись «Летающие дни», но за посвящение не поблагодарил. Да. А начал с юбилея – 45 лет! (5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. – В. К.). Сейчас посмотрел ксерокопии моих писем А. И. Да, письмо от 12 февраля он прочёл. Говорил он и о ещё каком-то письме, поступившем без книг. Вероятно, это письмо от 4-ИИ-97 г., его копии у меня нет. Говорил, что очень много приходится читать, не хватает времени.

В последние годы, несмотря на резкое ухудшение здоровья, А. В. Жигулин не оставлял надежды написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о великих современниках. И, конечно, прежде всего – об Александре Твардовском и Александре Солженицыне. Он до последней минуты, до последнего удара сердца работал. Он уже обдумывал контуры новой книги. Не менее значимой и интересной, чем «Чёрные камни». К сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

По нашему мнению, писательский дневник А. В. Жигулина является уникальным литературно-историческим документом минувшей эпохи, достойным опубликования в будущем с соответствующими научными комментариями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Материалы писательского архива / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. Колобов В. В. Болью, раскаленной добела. Дневниковые записи Анатолия Жигулина об А. Т. Твардовском и А. И. Солженицыне / В. В. Колобов // Подъём, 2016. – № 1. – С. 128–183.

3. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов / А. Т. Твардовский // Знамя, 2000. – № 12. – С. 161–162.

Воронежский государственный университет
Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики

E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Voronezh State University
Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ В СТУДЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Ю. Красова, Я. А. Грошева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2015 г.

Аннотация: *представлен анализ результатов социологического исследования общественного мнения студентов г. Воронежа о роли политических анекдотов в их жизни. Охарактеризованы особенности восприятия студентами политического юмора.*

Ключевые слова: юмор, политический анекдот, манипуляция общественным мнением, политический PR.

Abstract: *an analysis of the results of a sociological investigation of the public opinion on the role of political anecdotes in the life of Voronezh students has been presented. The peculiarities of students' perception of political humor have been characterized.*

Key-words: humor, political anecdote, manipulation of public opinion, political Public Relations.

В современной жизни особое место занимает короткий комический рассказ – политический анекдот, который в доступной форме представляет анализ сложных ситуаций, критически вскрывает свойства публичных политиков, обеспечивая диагностику такой далекой от повседневности обывателя политической реальности. Этот фольклорный жанр широко представлен в сети интернет, в периодических изданиях, где есть специальные рубрики, в сборниках анекдотов. Изменилась сфера бытования анекдота: распространилась вторичная его форма – письменная, что привело к постепенному снижению его роли в реальной коммуникации. Известно, что устный синтаксис плохо воспринимается при чтении, а письменная фиксация «убивает творчество рассказчика» [1, 78].

Анекдоты в политической психологии рассматриваются в качестве элемента стихийного массового поведения, так как являются циркулирующей формой неформальной коммуникации. В то же время они выступают и значимой сферой политического PR. Другими словами, они могут не направляться, не управляться и не контролироваться, но могут служить специальным инструментом манипулятивного воздействия. «Смех в политике, действительно, бывает «убийственным», – пишут Д. В. Ольшанский и В. Ф. Пеньков, – «...идущие в политику люди даже меняли фамилии, имена, а иногда и отчества на более благозвучные или не вызывающие нежелательных ассоциаций» [2, 253]. Авторы приводят пример известной с хрущевских времен истории про человека, требовавшего от паспортистки сменить ему хоть что-нибудь в новом паспорте. В нем было записано: «Никита Виссарионович Троцкий».

В политических анекдотах отражается многообразие оценочных характеристик, определяющих отношение народа к власти и демонстрирующих общественные настроения. Всероссийский центр изучения общественного мнения в марте 2015 г. представил данные опроса [3], согласно которым подавляющее большинство россиян считают, что не обделены чувством юмора, около 40 % интересуются анекдотами и редко, но просматривают соответствующие сборники, интернет-сайты и блоги. Однако четверть опрошенных убеждена, что объектом шуток не должны становиться политика, российское правительство и президент, хотя известный исследователь политического юмора А. В. Дмитриев справедливо характеризует власть анекдота как самую неагрессивную из имеющихся ветвей власти [4].

Феномен современного политического анекдота всесторонне изучен лингвистами, психологами, историками и культурологами. Обобщая идеи научных изысканий М. Алексеевского, А. Архиповой, М. Бороденко и М. Мельниченко [5], выделим ряд положений, важных для нашего исследования:

- политический анекдот – это своеобразный фольклорный жанр интеллигенции;
- в нем заключены стереотипные, а не индивидуальные образы;
- несмотря на смеховую природу, главное в нем – сублимация накопившейся агрессии по отношению к власти;
- количество политических анекдотов в обществе зависит от возможности граждан контролировать власть и степени ее одиозности;
- в результате влияния смеха на установки личности изменяется уровень ригидности декларируемых ценностей и конформности поведения личности.

Для политического анекдота характерны самовоспроизводимость, вариативность и контекстуальность [6, 7]. Он быстро передается от человека к человеку (актуальный анекдот распространяется по стране, как свидетельствуют эксперименты, со скоростью самолета [7, 115–116]). В его сюжете происходит расширение или сокращение сюжетной линии, подмена ведущих персонажей. В конкретный момент проявляется особый интерес к политическому анекдоту определенной тематики со стороны либо общества в целом, либо разных его слоев.

Ученые подвергли тщательному анализу ситуацию социально-психологического взаимодействия «рассказчик-слушатель» [1; 8, 176]. Юмористическое сообщение помимо новых сведений содержит ассоциации и «гиперссылки» на информацию. Внутри сознания получателя идет процесс возрастания информации. В коммуникативной ситуации возникает цепной эффект – серийность обмена анекдотами. Рассказчик анекдотов, посмеявшись вместе со слушателем, повторно испытывает положительные эмоции, получает удовольствие от осознания собственной значимости и способности рассмешить людей. Демократичность общения обеспечивается благодаря управлению эмоциональным состоянием слушателей.

Несмотря на значительную разработанность теории вопроса, с социологической точки зрения политический анекдот изучен недостаточно. В особенности это касается эмпирических разработок. Для того чтобы выявить роль политических анекдотов в студенческой среде г. Воронежа, нами было предпринято социологическое исследование (весна 2015 г.). Для массового опроса была рассчитана квотно-пропорциональная выборочная совокупность с учетом статистических данных, включающая 240 респондентов. В опросе участвовали студенты Воронежского государственного университета (ВГУ), Воронежского государственного архитектур-

но-строительного университета (ВГАСУ) и Воронежской государственной медицинской академии (ВГМА), естественных, гуманитарных и технических специальностей, старших и младших курсов.

Каково отношение студентов к политическим анекдоту и особенности его восприятия, какова частота воспроизведения, каналы циркуляции, тематическая и функциональная направленность политико-ориентированных анекдотов? Все эти вопросы были проанализированы на основе полученных данных.

В межличностном студенческом общении, по телевидению, в газетах и интернете рассказываются комические миниатюры о политике. Большинство опрошенных студентов относятся к этому явлению неформальной коммуникации в позитивном ключе. В то же время пятая часть обозначила отрицательный подход к политическому анекдоту.

Как часто они слышат или сами используют политический юмор? См., рис 1.

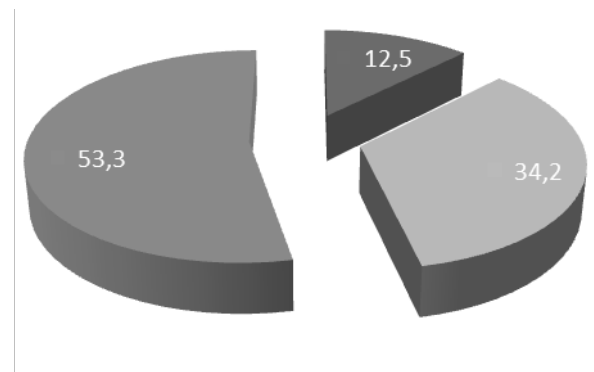

Рис. 1. Частота циркуляции анекдотов в студенческой среде, %

Как видно, около половины опрошенных студентов слышат, читают или сами рассказывают политические анекдоты. Основные каналы их распространения отражены в табл. 1.

Таблица 1

Каналы распространения политических анекдотов в студенческой коммуникации, %

Канал	%
Интернет и социальные сети	50,0
Средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение)	29,0
Межличностная коммуникация в ближайшем окружении (друзья и родные)	18,6
Другое	2,4

Совершенно очевиден факт преимущественного бытования анекдота среди студенческой молодежи в его письменной форме. В ходе непосредственной коммуникации в компании обменивается анекдотами менее чем пятая часть опрошенных. Именно они и добавили свои суждения:

– «рассказываю сам» (мужчина, ВГУ, факультета прикладной математики, информатики и механики, 4 курс);

– «сам придумываю» – (мужчина, ВГАСУ, строительного-технологического факультета, 2 курс);

– «не слышу вообще» (женщина, ВГАСУ, архитектурный факультет, 4 курс; женщина ВГМА, лечебного факультета, 2 курс; мужчина, ВГМА, медико-профилактический факультет, 3 курс).

Наиболее распространенным способом классификации политических анекдотов является сюжетно-тематический. По смысловому содержанию они

бывают разных типов [9, 133] и исследование продемонстрировало, с какими из них в основном сталкиваются студенты.

Персонализированные анекдоты, критикующие какие-либо недостатки и свойства известного политического деятеля (40,4 %).

Ситуационные, посвященные острым политическим событиям, потрясениям и кризисам (36,2 %).

Институциональные, высмеивающие определенную политическую партию, государственную структуру, особенности политического устройства общества (14,6 %).

Идеологизированные, содержащие насмешку над политическими идеями и лозунгами (5,3 %).

Как выяснилось, наибольшее распространение получили анекдоты о публичных политиках и происходящих общественно-политических событиях.

Респонденты добавляли: «о Крыме», «о США», «о мэрах», «про хохлов» и т. п.

Хотя почти половина участников опроса убеждены, что анекдоты не оказывают влияния на отношение людей к политике и ее акторам, 36,3 % все же считают, что такое влияние имеет место (14,2 % затруднились ответить на вопрос о влиянии). Студент 5 курса лечебного факультета ВГМА считает, что политические анекдоты «абсолютно бесполезные, они ничего не меняют». Встретилась и такая интерпретация: «все по-разному к этому относятся» (мужчина, ВГМУ, лечебный факультет, 3 курс).

Для оценки функциональной направленности анекдотов участники исследования завершали предложение «Политические анекдоты нужны, чтобы...». См., табл. 2.

Таблица 2

Функции политических анекдотов в оценках воронежских студентов, %

Функции	%
Высмеивать политическую реальность	28,7
Развлекать и вызывать положительные эмоции	20,5
Помочь через юмор осознать сложные проблемы	19,2
Привлечь внимание к тем или иным людям и событиям в мире политики	15,8
Манипулировать общественным мнением	11,7
Другое	4,1

Выяснилось, что большинство (63,7 %) выделило познавательно-воспитательные цели политического анекдота (высмеивание, осознание, привлечение внимания). Лишь пятая часть рассматривает анекдотическую коммуникацию в психотерапевтическом ключе (формирование положительных эмоций). Наконец, чуть более десятой части респондентов видят в циркуляции политических анекдотов

манипулятивный заряд. Студентке-математику 4 курса ВГУ не понравились серьезные формулировки анкеты, и она написала: «Политические анекдоты нужны, чтобы просто рассмешить».

Для углубленного анализа студентам было предложено выразить свое отношение к развернутым суждениям. См. табл. 3.

Таблица 3

Отношение студентов к феномену политического анекдота, %

Суждение	Согласны в той или иной мере (%)	Затруднились ответить (%)	Не согласны в той или иной мере (%)
Политический анекдот привлекает внимание граждан к политическим деятелям и событиям	64,2	18,3	17,5
Политический анекдот не имеет особой смысловой нагрузки, это просто юмор	52,3	20,8	26,9
Анекдот на политическую тематику вызывает интерес и симпатию к политике	24,7	30,2	45,1
Политический анекдот вырабатывает негативные представления о политике	31,9	32,8	35,3

Информация о политиках и политических событиях, предлагаемая СМИ, хорошо дополняется смешными короткими рассказами	46,0	33,6	20,4
В современной России увеличилось количество политических анекдотов, так как СМИ не дают полную и правдивую информацию	47,7	29,3	23,0

Хотя выбор для многих оказался труден, большинство признает, что анекдот привлекает внимание к политической жизни, а еще 46 % считает его хорошим подспорьем в познании политики. В то же время более половины воспринимают его как простое проявление юмора, обходя стороной смысловую нагрузку. У четверти опрошенных анекдот вызывает чувства симпатии к политике, а у трети, наоборот, вырабатывает негативные представления. Около половины студентов считают, что анекдоты так или иначе дополняют информацию, предоставляемую СМИ и обращают внимание на увеличение числа анекдотов подобного рода в современной России. Впрочем, последняя оценка не подтвердилась ответами на контрольный вопрос: мы попросили испытуемых вспомнить и записать понравившийся политический анекдот или кратко обозначить его суть. С этим заданием справились чуть более трети студентов. Примечательно, что полный текст анекдота предоставили лишь 7 %, остальные ограничились кратким упоминанием политического деятеля или ситуации, заложившей концепт анекдота, или даже агрессивным эмоциональным высказыванием. Например:

- «анекдоты про глупость Псаки» (женщина, ВГМА, лечебный факультет, 4 курс);
- «Путин – сила, Обама – чмо» (женщина, ВГАСУ, архитектурный факультет, 4 курс);
- «обожаю выходки Жирика, часто о них рассказываю, он красавчик» (мужчина, ВГУ, факультета прикладной математики, информатики и механики, 4 курс);
- «обожаю шутки про хохлов» (мужчина, ВГМА, лечебный факультет, 2 курс).

Значительная часть анекдотов, упомянутых воронежскими студентами, посвящена конкретным политическим деятелям современности. Любимыми персонажами стали В. Путин, В. Кличко, В. Жириновский и Б. Обама. Назывались также Дж. Псаки, Б. Ельцин, А. Лукашенко, П. Порошенко, А. Яценюк, Ф. Кастро, Че Гевара, Штирлиц и др. В подавляющем большинстве упоминаний личности В. Путина он предстает мудрым и дальновидным политиком, которого опасаются оппоненты по всему миру. Однако встречается и резкая критика в его сторону, которая, как правило, заключается в неаргументированном использовании ненормативной лексики. Примечательно, что два респондента из ВГАСУ и ВГУ

старших курсов вспомнили идентичный короткий анекдот, основанный на игре слов: «Следующего президента у нас не будет, потому что будет предыдущий».

В анекдотах был сделан критический акцент на деятельности властей. Приведем образцы студенческого юмора:

«Бедные чиновники уже не могут все это вынести, а им все несут и несут» (мужчина, ВГАСУ, строительного-технологического факультет, 2 курс).

«– Почему когда в город собирается приехать президент, сразу начинают ремонтировать дороги?

– Ну не дураков же лечить!» (мужчина, ВГМА, лечебный факультет, 2 курс).

Почти четверть опрошенных вспомнили анекдоты об Украине и ее лидерах. Зачастую, они содержат ненормативную лексику, а также пренебрежительное название этноса (хохлы), что демонстрирует негативное отношение студентов и к текущим событиям в данном государстве, и к самим украинцам. В этой связи интересным представляется рассмотрение анекдотов, связанных с жизнью и деятельностью украинского политического деятеля В. Кличко. Он активно высмеивается в анекдотах как недалёковидный персонаж с низким интеллектом. Например, (орфография и пунктуация автора сохранены):

«Летят в самолете школьник, священник и Кличко. Самолет начинает падать, а на борту всего два парашюта. Кличко говорит: «Я самый умный в Украине, мне умирать нельзя!», берет парашют и прыгает. Священник говорит: «Я уже стар, бери, внучок, парашют, да спасайся». А школьник отвечает: «Берите и вы парашют. Самый умный человек в Украине с моим рюкзаком прыгнул!» (женщина, ВГУ, юридический факультет, 3 курс).

Исследование продемонстрировало, что большинство воронежских студентов относятся к политическому анекдоту положительно, хотя его циркуляция в студенческой среде не столь уж и значительна. Основными каналами распространения анекдотов стали интернет и социальные сети, что сузило смеховую природу явления. Политические анекдоты не рассматриваются студентами как действенное оружие в рамках электоральной борьбы, им не приписывается сильное манипулятивное воздействие на общество. В оценках студентов политические анекдоты, в основном, выполняют досугово-развле-

кательные функции, а политический контекст не имеет такого уж большого смысла. Похоже, что политика и власть находятся вне сферы актуального интереса студенчества. Мало того, они вызывают агрессивный настрой, который, судя по всему, накапливается и не сублимируется через политический юмор в силу его слабой коммуникативной роли. Однако, несмотря на то, что молодежь в большей мере привлекает развлекательный компонент анекдотов, происходит неосознанный процесс влияния данного вида неформальной коммуникации на формирование их мнения о власти и политической жизни общества. Неспроста большинство выделило в качестве важных такие функции политического анекдота, как информационно-диагностическую и протестную. Значительная часть студентов не задумываются о воздействии анекдотов на собственное восприятие политической сферы, а рассматривает их в достаточно примитивном ключе, характерном для обыденного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копылкова Е. А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов) / Е. А. Копылкова : автореф. дисс... канд. психол. наук. – Москва, 2006. – URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=1940> (дата обращения: 3.07.2015).
2. Ольшанский Д. В. Политический консалтинг / Д. В. Ольшанский, В. Ф. Пеньков. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 448 с.
3. ВЦИОМ : Пресс-выпуск №2805 Шутить изволи-те? – URL : <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115211> (дата обращения: 2.04.2015).
4. Дмитриев А. В. Социология политического юмора / А. В. Дмитриев. – Москва : Росспэн, 1998. – 330 с.
5. См., подробнее : Архипова А. С. Традиции и новации в анекдотах о Путине / А. С. Архипова. – URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova7.htm> (дата обращения : 30.07.2015); Бороденко М. В. Комическое в системе установочной регуляции поведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. В. Бороденко. – Москва, 1995. – 24 с.; Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов) / М. Мельниченко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 1104 с.; Политические анекдоты как проявление общественного мнения. – URL : http://www.rsuh.ru/press_centр/press/85442/ (дата обращения : 4.08.2015).
6. Абильдинова Ж. Б. Жанровая специфика анекдота / Ж. Б. Абильдинова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 21. – С. 5–9.
7. Ольшанский Д. В. Политический PR / Д. В. Ольшанский. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 544 с.
8. Давтян А. А. Роль эмоций в процессе рекламного воздействия на потребителей / А. А. Давтян // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 170–181.
9. Типология составлена на основе интерпретации, см. : Шмелева Е. Я. Русский анекдот : Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры. – 2002. – 341 с.

*Воронежский государственный университет
Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и дизайна
E-mail: kelan20042004@mail.ru*

*Грошева Я. А., независимый исследователь
E-mail: rockny@mail.ru*

*Voronezh State University
Krasova E. U., Candidate of History, Associate Professor
of the Advertising and Design Department
E-mail: kelan20042004@mail.ru*

*Grosheva Ya. A., Independent Researcher
E-mail: rockny@mail.ru*

ГЕРОИ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕЭКРАНА. КТО ОНИ?

И. В. Пархоменко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются наиболее часто встречающиеся герои современного телевидения, анализируется само понятие героя через взаимосвязь с культурологическим, историческим знанием. Также в работе приводится разработанная автором классификация героев современного телеэкрана.

Ключевые слова: тележурналистика; телевидение; телеэкран; герои; культурология.

Abstract: this article discusses the most common heroes of modern television, analyzes the concept of the hero through the relationship with cultural, historical knowledge. The work also it develops the classification of the heroes of modern television.

Key-words: journalism; television; TV screen; heroes; cultural studies.

В культурологии существуют понятия культурного и народного героя. Культурный герой, в переводе с англ. «Culture hero», франц. «Heros civilisateur», нем. «Heilbringer», – мифический персонаж, который добывает или впервые создает для людей различные предметы культуры, учит их ремеслам, искусствам, вводит ту или иную культурную и социальную организацию. Его образ отражен в народном фольклоре и эпосе, а его функция – служить нормативным эталоном национальной культуры. Народный герой является реальным историческим лицом. Память о нем также сохраняется в народных преданиях и фольклоре. Но его функция иная, нежели культурного героя, а именно – быть примером человека, действующего в экстраординарных условиях, но не являющегося нормативным культурным эталоном [1]. Именно народный герой наиболее приближен к социуму. Воспринимая его как некий образ-субъект, аудитория нередко проецирует свое впечатление о нем на героя культурного, который в свою очередь выступает частью «коллективного бессознательного».

Современные герои телевизионного экрана – это, скорее, народные герои, но с небольшой погрешностью. Погрешность эта заключается в степени узнаваемости и популярности персонажа. Если народный герой признан широкими массами и достиг уровня сформировавшегося прототипа, то современный телегерой может быть известен лишь в определенных кругах. Такая градация могла возникнуть по причине стремительного развития коммуникационных каналов, электронных СМИ. Чем шире арена, тем больше на ней выступающих и соответственно выше их внутренняя «конкуренция».

Понятие народного героя очень близко к понятию героя нашего времени. Согласно опросу Фонда

«Общественное мнение», около 40 % респондентов затруднились назвать даже одного «настоящего героя» России. Около 20 % считают, что настоящих героев в реальной жизни вообще нет (среди молодежи таких 25 %). Лишь очень немногие назвали Георгия Жукова и Юрия Гагарина (по 4 %), а также Владимира Путина (3 %) [2].

На социально-гуманитарном факультете Донского государственного технического университета и факультете лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета было проведено еще одно исследование. Студентам необходимо было вписать в два списка по десять фамилий: героев России за прошедшее тысячелетие и героев нашего времени. И если с первым заданием 211 студентов худо-бедно справились, то со вторым вышел полный конфуз. В первую десятку вошли Петр I, Александр Суворов, Иван Грозный, Екатерина II, Ярослав Мудрый и другие. В этом разделе студенты не забыли и Михаила Ломоносова, Юрия Гагарина, Чехова, Высоцкого, Цоя и др. Со второй группой героев возникли сложности. Многие студенты ограничились высказываниями типа «Героев сейчас нет». И все же десятка героев нашего времени была набрана: Владимир Путин, Дмитрий Медведев, снова Юрий Гагарин, Алла Пугачева, Сергей Безруков, Владимир Жириновский, Владимир Высоцкий, Елена Исинбаева, Филипп Киркоров, Дмитрий Хворостовский [3].

Однако неспособность сиюминутно обозначить героя нашего времени может быть связана вовсе не с незнанием громких имен или их отсутствием, а, наоборот, с тем, что в условиях бурного развития коммуникационных возможностей реальность рождает огромное множество героев.

Так или иначе, каждый народный герой в каком-то смысле тяготеет к герою культурному. Среди

наших соотечественников мы можем найти своих «Гераклов», «Клеопатр», «Моисеев» и т. д. Другими словами, прототип народного героя может черпать вдохновение в культурном пласте, накопленном за тысячелетия.

Бонд стал символом и знаменем времени вместе с битлами и Счастливым Джимом, с рассерженными молодыми людьми, Элизабет Тейлор и вместе со всеми прочими безбожно разрекламированными рысаками и жокеями на карусели популярности – приводится цитата Пенелопы Хастон на одном из интернет-ресурсов [4]. «Бонд», «Элизабет Тейлор» и масса других реальных героев уже давно превратились в некую интеллектуальную форму, которая, что называется, вошла в кавычки и вызывает определенный четкий набор ассоциаций. Бонд – сила, брутальность. Элизабет Тейлор – Голливуд, «Оскар», красота. Майя Плисецкая – балет, Ирина Роднина – фигурное катание, Виктор Цой – рок-музыка и т. д.

Герой – неотъемлемый участник телевизионных процессов, важнейший субъект журналистики.

«У каждой важной новости должен быть свой главный герой», – считает А. М. Шестерина. Наличие такого персонажа позволяет зрительской аудитории идентифицироваться с ним, тем самым создавая возможность для более полного восприятия зачастую сложной и противоречивой информации. Этот прием, хорошо зарекомендовавший себя при создании фоторепортажей и интервью, широко используется на телевидении и в прессе. Негативная сторона подобного подхода – упрощение и даже искажение многоплановых событий, внимание аудитории сосредоточивается исключительно на «звездах», *vip*-персонах, не всегда играющих действительно важную роль в происходящем [5].

Какие же роли закрепились за героями современного телеэкрана? Сформулируем классификацию, которая будет включать три раздела:

– звезды, известные личности, которые «делают рейтинги»;

– эксперты, профессионалы в своей области. Они могут быть незнакомы широкой публике, но обладают профессиональными знаниями, специальным образованием и прочим интеллектуальным багажом, позволяющим им участвовать в обсуждении конкретного вопроса;

– случайные герои, которые по стечению обстоятельств оказались «в телевизоре». Это ситуативные персонажи, как правило, не имеющие большого опыта работы перед телекамерой, они пришли на телевидение для однократного обсуждения конкретной ситуации.

К каждому из этих трех вышеуказанных разделов классификации относится определенный «набор» героев. Сформулируем наиболее часто встречающиеся типы.

Тип «Звезда» включает следующие виды героев.

«Звезда шоу-бизнеса»: сегодня шоу-бизнес включает в себя внушительный блок героев телевидения, занимает значительную часть эфирного времени. «Звезды шоу-бизнеса» – герои, профессиональная деятельность которых направлена на создание шоу-телепередач и рейтинговых проектов с целью развлечения публики. К этому типу относятся известные певцы, актеры, юмористы – словом, медийные личности. Жанровая форма здесь разнообразна: телевизионные очерки, портретные интервью, ток-шоу, репортажи, расследования и другие жанры (телепрограммы «Универсальный артист», «Точь-в-точь», «Один в один», «Субботний вечер» на телеканале «Россия 1», «Новые русские сенсации», «Ты не поверишь!», «Говорим и показываем» на «НТВ», «Сегодня вечером» на «Первом канале», «Жена. История любви», «Мой герой» на «ТВЦ» и т. д.).

«Свой»: зачастую зритель даже не замечает, какие крепкие узы связывают его с любимой телепередачей, а секрет не только в ее содержании, но и в привычке. Авторы-герои ведут одну и ту же программу долгие годы и становятся в буквальном смысле «своими» для зрителя (это, к примеру, целая плеяда «долгожителей» «Первого канала»: «Поле чудес», «Пока все дома», «Угадай мелодию», «Умницы и умники», «КВН», «Непутевые заметки», «Кто хочет стать миллионером с Дмитрием Дибровым», а также «Смехопанорама Евгения Петросяна», «Сам себе режиссер» на «Россия 1» и т. д.). Сложно представить себе «у руля» этих программ каких-то новых ведущих.

«Автор»: один из самых распространенных героев телевидения. Эта роль пересекается с предыдущей, однако в данном случае имеется в виду именно авторская программа. Она существенно повышает градус доверия аудитории, ведь если акцент сделан на конкретную фамилию, ее носитель в определенном смысле гарантирует качество продукта («Сегодня» с Татьяной Митковой, «Познер» Владимира Познера, «Человек и закон» с Алексеем Пимановым, «Военная программа» Александра Сладкова, программа Сергея Шолохова «Тихий дом», «Список Норкина», «Говорим и показываем» с Леонидом Закошанским, «Кто там» Вадима Верника, «Пусть говорят» с Андреем Малаховым, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Центральное телевидение с Вадимом Такменевым», «Следствие вели...» с Леонидом Каневским, «Сегодня. Итоговая программа с Кириллом Поздняковым» на «НТВ», «Таманцев. Итоги» и «Виттель» на «РБК-ТВ», «Мой герой» Татьяны Устиновой и «Жена. История любви» Киры Прошутинской на «ТВЦ»).

«Золушка»: еще вчера никому не знакомый человек становится известной личностью. Данный вид героя чаще всего рождает шоу-программы («Голос», «Танцы», «Танцуй!», «Хочу в Виа-Гру», «Камеди

баттл», популярные реалити-шоу). Представители данного вида могут в одночасье стать узнаваемыми. К примеру, после громкого развода с известным футболистом Андреем Аршавиным его супруга Юлия Барановская, не знакомая до этого широким массам, стала популярной телеведущей сразу нескольких телеканалов.

«Универсальный артист»: герой, способный брать на себя сразу несколько амплу. К примеру, будучи профессиональным актером, он может участвовать в музыкальных или спортивных проектах, в том числе в роли ведущего, а будучи спортсменом, – открывает в себе артистические таланты и т. п. («Танцы со звездами», «Ледниковый период», «Универсальный артист», «Точь-в-точь», «Один в один», «Две звезды»). Ирина Слуцкая, являясь изначально известной спортсменкой, в настоящее время успешно ведет телевизионные проекты, выпуски спортивных новостей. Мы неоднократно наблюдали перевоплощение в телеведущих известных актеров – Елена Проклова («Малахов +»), Раиса Рязанова («Дело ваше»), Дмитрий Харатьян («Куб») и т. д.

«Лидер»: лучший в сфере своей деятельности. Герой, которому удалось добиться максимального результата и на которого равняются (герои документальных фильмов и портретных интервью, победители Олимпиад, обладатели международных кинонаград или уникальных титулов, лауреаты известных конкурсов и т. д.). Например, прима-балерина Большого театра Светлана Захарова, единственная русская артистка, удостоенная звания *etoile*, в программе «Линия жизни» на телеканале «Культура» рассказывает о своем карьерном пути. Герои программ «Наедине со всеми» («Первый канал»), «Главная роль», «Сати. Нескучная классика» («Культура») делятся с ведущими секретами своего успеха.

«Комик»: юмор в наше время становится «гвоздем» многих развлекательных программ (ряд передач на развлекательном телеканале «ТНТ» – «Камеди клуб», «Камеди баттл», «Камеди вумен», а также «Вечерний Ургант» и «КВН» на «Первом канале», «Шоу уральских пельменей» на «СТС», «Комната смеха», «Смехопанорама Евгения Петросяна» на «Россия 1» и т. д.).

Следующий тип, «Эксперт», представляет героев, «миссия» которых на телевидении заключается в профессиональной оценке той или иной ситуации, явления.

«Эксперт-ведущий»: в данном случае эксперт и ведущий – одно и то же лицо. Эти роли совпадают, и, как результат, возникает двойное воздействие на публику. Оно складывается из профессиональной ценности героя и его популярности как медийной личности (представители медицины в программе «Жить здорово!» на «Первом канале», «Кино в деталях» с Федором Бондарчуком на «СТС», «Истории из будущего» с Михаилом Ковальчуком – россий-

ским физиком, членом-корреспондентом РАН («Пятый канал»), «Игра в бисер» с Игорем Волгиным – писателем, поэтом, доктором филологических наук («Культура»), «Военная тайна» с Игорем Прокопенко – документалистом и специалистом по тайным заговорам («РЕН ТВ»), «Перезагрузка» со специалистами бьюти-индустрии («ТНТ» и т. д.).

«Приглашенный специалист»: малоизвестный широкой публике профессионал в определенной области, который делится с аудиторией своими знаниями и опытом. Это могут быть специалисты разного спектра, комментирующие новостные репортажи, а также адвокаты, психологи, политики, бизнесмены и другие участники ток-шоу, аналитических программ («Виттель» на «РБК-ТВ», «Структура момента», «Мужское / Женское», «Время покажет», «Пусть говорят», «Контрольная закупка» на «Первом канале», «О самом главном» на «Россия 1», «Игра в бисер» на телеканале «Культура», «Доктор И» и «Право голоса» на «ТВЦ» и т. д.).

«Политик»: участник аналитических программ, ток-шоу и других проектов, профессионально занимающийся политической деятельностью («Политика», «Человек и закон», «Структура момента» на «Первом канале», «Прямой эфир», «Специальный корреспондент» на телеканале «Россия 1», «Виттель» на «РБК-ТВ», «Право голоса» на «ТВЦ» и т. д.).

Третий тип – «Случайный герой». К этому разделу относятся реальные персонажи, люди из жизни, для которых телевидение не является профессией.

«Проблемный гость»: неизвестный публике, обычный человек, который пришел на телевидение поделиться своей проблемой («Прямой эфир» на телеканале «Россия 1», «Пусть говорят», «Дело ваше», «Мужское / Женское» на «Первом канале», «Все будет хорошо» на «НТВ», «Простые сложности» на «ТВЦ», «Перезагрузка» на «ТНТ»).

«Участник обсуждения»: зритель из зала участвует в обсуждении предложенной темы, задает вопросы героям программы, то есть налицо интерактивность («Пусть говорят», «В наше время», «Линия жизни», «Сати. Нескучная классика»). К данному виду героев относятся и телезрители, которые не присутствуют в студии, но звонят и задают свои вопросы. К примеру, такой метод обратной связи использует программа «Утро вместе» на телеканале «ТНТ-Губерния».

«Игрок»: к этой категории относятся герои многочисленных игровых программ («КВН», телезрители игры «Что? Где? Когда?», «Угадай мелодию», «Умницы и умники», «Кто хочет стать миллионером», «Поле чудес», «Сто к одному» на «Россия 1», «Это мой ребенок?!» на телеканале «Дисней» и т. д.).

«Артист реальности»: герои телепроектов, представляющие собой определенного рода театральную постановку, спектакль. Между тем, чаще всего персонажи реальные, с настоящими биографиями. Цель –

развлечение аудитории или полезные советы («Модный приговор», «Давай поженимся!», «ЗАГС», «Школа ремонта», «Квартирный вопрос», «Дачный ответ», «Суд присяжных», «Званный ужин» на «РЕН ТВ»).

«Хранитель истории»: специально приглашенный участник телепрограммы, который является носителем достоверной информации, значимой для широкой публики, для культуры, истории государства и относящийся к узкому кругу лиц, которые этими знаниями обладают. Обычно такой герой участвует в телепроектах, посвященных важным историческим, политическим, экономическим событиям, является бесценным источником информации для документального кино (ветераны военных действий, дети концлагерей, свидетели или участники значимых событий). В преддверии 70-летия Победы на разных телеканалах выходили не только программы с участием ветеранов, но и портретные зарисовки, познавательные документальные фильмы. Также примером может послужить передача «Военная тайна с Игорем Прокопенко» на телеканале «РЕН ТВ», где своими профессиональными секретами с ведущим делятся военные, разведчики, шпионы, сотрудники спецслужб.

Это лишь наиболее часто встречающиеся герои телевизионного эфира. Вместе с тем современное телевидение предлагает вниманию аудитории широкий и разносторонний спектр героев, среди которых свой «центр притяжения» по интересам найдет каждый зритель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Ф. О. Культурный и народный герой в современной экранной культуре. Постановка проблемы / Ф. О. Аксенов / Аналитика культурологии. – URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1548-культурный-и-народный-герой-в-современной-экранной-культуре-постановка-проблемы.html>
2. Барабаш И. Герои нашего времени / И. Барабаш // Журнал Человек без границ. – URL: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/hero-time
3. Стариков А. Г. Масс-медиа современной России / А. Г. Стариков. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – С. 202.
4. Символ времени. – URL: <http://bondandothers.ru/heroes/symbol-time/>
5. Шестерина А. М. Психология журналистики / А. М. Шестерина. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3047971/>

Воронежский государственный университет

Пархоменко И. В., аспирант кафедры телевизионной и радиожурналистики журналистики

Voronezh State University

Parkhomenko I. V., Post-graduate Student of the Television and Radio Journalism Department

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ М. Н. КАТКОВА В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Е. В. Перевалова

Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова

Поступила в редакцию 27 марта 2015 г.

Аннотация: газеты и «толстые» ежемесячные журналы во второй половине XIX века были главными пропагандистами и распространителями научных знаний. Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» вела активную просветительскую деятельность среди читателей, активно популяризировала достижения естественных наук.

Ключевые слова: «Московские ведомости», М. Н. Катков, естественнонаучные знания, научно-популярный.

Summary: newspapers and "thick" monthly the magazine in the second half of the XIX century were the main propagandists and distributors of scientific knowledge. Katkov's newspaper *Moskovskiye Vedomosti* conducted vigorous educational activity among readers, actively popularized achievements of natural sciences.

Key-words: *Moskovskie Vedomosti*, M. N. Katkov, natural-science knowledge, popular scientific.

Во второй половине XIX в. специализированных изданий, ориентированных непосредственно на пропаганду научных знаний, в России было немного: «Общезанимательный вестник» В. Рюмина, «Вестник естественных наук» К. Ф. Рулье, «Природа» Л. П. Сабанеева и С. А. Усова и др., причем все они были недолговечными и не имели большого количества подписчиков [1]. Главными пропагандистами научных знаний по-прежнему оставались газеты и «толстые» литературно-общественные ежемесячники, в структуре которых по традиции, сложившейся еще в начале века, обязательно имелся отдел науки.

«Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова были в первую очередь политической газетой, основное содержание которой составляли передовые статьи и материалы общественно-политического характера. На протяжении 25 лет почти в каждом номере газеты печатались передовые статьи, тематических диапазон которых был очень широк: взаимоотношения России с западно-европейскими странами, странами Ближнего Востока, Америкой; реформирование системы образования; Кавказский транзит, строительство железных дорог, проблемы высшего женского образования, полемика с петербургскими изданиями – газетами «Весть», «Русские ведомости», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и др., политические процессы, нигилизм, революционные движения на западе, рабочий вопрос, судебная реформа, хлебная торговля, покровительственная система в экономике, национальная политика России на окраинах империи, земская реформа и реформа городского управления, соору-

жение Суэцкого канала, положение русскоязычного православного населения на Аляске и т. д.

Утвердилось мнение, что все остальное содержание «Московских ведомостей» было достаточно скудным. Даже сочувствовавший направлению газеты Каткова историк Д. И. Иловайский утверждал, что «Московские ведомости», если исключить передовые статьи, «не отличались богатством и разнообразием своего содержания», и из них «менее всего можно было узнать о ходе общественной жизни в самом городе Москве, за исключением риторичных отчетов о торжественных раутах и обедах, о концертах и т. п. или кратких известий о пожарных и других несчастных случаях» [2, с. 139].

А для демократически настроенной интеллигенции газета Каткова вообще представляла сплошное описание парадных обедов, отличающихся друг от друга лишь указанием на их различную географию. В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыков-Щедрин с присущим ему едким сарказмом заставил оказавшихся на необитаемом острове и неприспособленных к условиям реальной жизни генералов читать «Московские ведомости». Несчастные и голодные генералы, найдя на острове удивительным образом (!) оказавшийся там экземпляр «Московских ведомостей», смогли найти там лишь ту информацию, которая в их положении вызывала горькое раздражение и усугубляла их отчаяние – «как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани».

Однако содержание «Московских ведомостей» в период редактирования их Катковым было, несомненно, глубже и значительнее описания, приведенного Иловайским и Щедриным, и заслуживает более

высокой оценки. Тематический диапазон публикуемой в «Московских ведомостях» информации год от года расширялся. Значительное место занимали материалы естественнонаучной направленности, газета знакомила читателей с научными открытиями и исследованиями, деятельностью научных обществ, результатами экспедиций и т. д., делала это в занимательной и доступной форме. Увлекательная форма подачи большинства материалов, простой доступный язык сочетались в газете с научным подходом, стремлением заинтересовать читателя, объяснить ему неизвестные факты и явления. Следует отметить, что аудитория «Московских ведомостей» состояла в основном из представителей дворянства и буржуазии, т. е. людей, обладающих достаточно высоким уровнем образования, что, несомненно, учитывалось в процессе подготовки и публикации материалов научно-популярного содержания.

Научно-популярный характер имела рубрика «Научные новости», появившаяся в газете в 1873 г. и публиковавшаяся на протяжении 1870–1880-х гг. Ее постоянным автором был И. М. Хайновский, педагог и популяризатор науки, член Московского общества испытателей природы, основатель и директор частного реального училища в Москве. Рубрика, состоявшая из 8–10 заметок в тридцать-сто строк, знакомила читателей с самой разнообразной информацией: что такое полимерность галлогенов, как устроен глаз хищных птиц, где в России находятся залежи кремнезема, как работают разнообразные приборы. В ней можно было прочитать об открытиях Пастера в медицине, новых исследованиях о дифтерии, о столетнем юбилее воздухоплавания, землетрясениях и кольцах Сатурна, протоплазме и каменных дождях, гипнотических опытах и т. д. Хайновский был также ведущим рубрики «Из области прикладных знаний», в которой рассказывал читателям о применении результатов научных открытий и экспериментов в повседневной жизни. Небольшие по объему заметки Хайновского, написанные простым, доступным читателю языком, несомненно, пользовались успехом у аудитории. Зачастую заметки сопровождались небольшими рисунками, как, например, информация о наблюдении над Солнцем иллюстрировалась картинкой солнечного затмения. В 1877 г. наряду с «Научными новостями» стало появляться «Научное обозрение» – регулярная рубрика, содержание которой имело более строгий научный характер. Здесь, например, описывалось устройство батометра – прибор Сименса для точного измерения глубины моря и для составления топографических карт морского дна, рассказывалось о результатах английской экспедиции к Северному полюсу, об изобретениях П. Н. Яблочкова, о телефонной связи, о наблюдениях профессора Ф. А. Бредихина над планетой Юпитером и т.п. Объемы научного обозрения были внушительными – от трех до 4 ко-

лонок. Автор рубрики скрывался за литерой Ц, и определить его имя сегодня, к сожалению, представляется затруднительным.

В 1876 г. в газете была опубликована достаточно большая по объему (две с половиной колонки) статья «Солнечная теплота как двигатель», подписанная инициалами К. Ц. Подробно анализируя многообразный опыт применения «солнечной машины» французского изобретателя Мушо, автор статьи выдвигал в качестве одной из первостепенных задач современной науки – поиск и изобретение новых источников энергии: «Сожигая леса и каменный уголь, истребляя запасы, скопленные природой, человек не только вынуждает обращаться непосредственно к источнику этих запасов, что мы уже видим в солнечных машинах, но и старается подражать ее заботливости, изыскивая средства накапливать искусственные запасы солнечной энергии. Вот ближайшая задача, предстоящая науке на этом пути» [3]. Весьма вероятно, что эта статья является одной из первых публикаций ученого-самоучки К. Э. Циолковского, который в это время жил в Москве и изучал физико-математические науки по циклу средней и высшей школы, занимался точными науками с одним из основоположников русского космизма Н. Ф. Федоровым. В дальнейшем большая часть научных изысканий Циолковского была посвящена именно освоению энергии Солнца, что служит еще одним подтверждением его авторства в «Московских ведомостях».

В 1885 г. в газете появилась регулярная рубрика «Научная беседа», содержание которой представляло сообщения об интересных фактах из мира науки и изобретений, но несколько изменился стиль подачи информации, он стал более публицистичным, добавились авторские оценки описываемых научных опытов и открытий. Так, например, в одной из публикаций описывались опыты над обезглавленными преступниками, произведенные французским ученым Б. В. Лабордом, который пытался доказать, что мозг продолжает функционировать даже после отсечения головы. Опыты Лаборда потрясли тогдашнее общество, так как ему, казалось бы, почти удалось добиться восстановления на некоторое время нормальных мозговых функций – в отсеченных головах. Автор «Научной беседы» «Московских ведомостей» убедительно доказывал, что возвращение сознания имело лишь мнимый характер и убеждал читателей в нелепости подобных опытов, не говоря уже об их безнравственности [4].

Целям популяризации естественнонаучных знаний служил появившийся в 1887 г. регулярный раздел «Из области научных и практических открытий и изобретений», в котором публиковались небольшие по объему заметки: «Температура планет», «Как защищаются растения», «Светящиеся бактерии в море», «Переносной электрический звонок», «Под-

меси к воску и их обнаружение», «Электрический капельмейстер», «Откуда достают растения азот», «Древесная шерсть», «Механический перевертыватель нот», «Гидравлические сооружения арабов», «Энергия солнечного луча и теория происхождения солнечной теплоты» и т. д.

В «Московских ведомостях» начинал свой путь в журналистике и известный просветитель и популяризатор науки, изобретатель, основатель и издатель научно-популярного журнала «Наука и жизнь» М. Н. Глубоковский. Именно он с 1884 г. под псевдонимом М. Г. вел рубрики «Научные известия» и «Научные новости». Однако некоторые его материалы подписывались полной фамилией, например, подробнейший репортаж с проходившей в 1887 г. фармацевтической выставки, публиковавшийся сразу в нескольких номерах газеты [5].

Помимо вышеперечисленных рубрик, в газете публиковались достаточно значительные по объему (2-3 колонки) статьи, посвященные самым разным областям естественнонаучных знаний, авторами которых были известные ученые и исследователи. Со статьями, поясняющими движения небесных светил и других астрономических объектов, в «Московских ведомостях» выступал Б. Я. Швейцер – ученый-астроном, астрометрист, географ, профессор и директор обсерватории московского университета. Так, например, в феврале 1867 г. была опубликована его обстоятельная статья о предстоящем 6 марта кольцеобразном затмении Солнца [6]. Стремясь заинтересовать читателей газеты, автор даже сопровождал статью рисунком. Ученый обратился к тем читателям, которые будут находиться в пределах полосы предстоящего затмения, с просьбой обратить внимание на это любопытное явление и сообщить, какой вид будет принимать солнечное кольцо. В статье было указано, что подобного рода сообщения помогут решить вопрос, какое из сделанных ученым предварительных вычислений наиболее точно совпало с действительностью. К удовольствию ученого, в редакцию пришло более тридцати писем очевидцев с достаточно подробными описаниями наблюдаемого ими явления. По итогам наблюдений за этим нечастым явлением природы Швейцер опубликовал в «Математическом сборнике» (1867) «О кольцеобразном солнечном затмении, бывшем 6 марта н. ст. 1867 года». После смерти Швейцера на эти же темы в «Московских ведомостях» продолжал писать Ф. А. Бредихин – ученик профессора астрономии А. Н. Драшусова, директор обсерватории Московского университета, декан физико-математического факультета Московского университета, директор университетской обсерватории, создатель «московской астрофизической школы».

О новостях западноевропейской науки в газету писал профессор физики Московского университета

А. Г. Столетов. Часто бывая за границей, ученый был хорошо знаком со всеми выдающимися западноевропейскими физиками, принимал участие во многих международных конгрессах, состоял членом многих ученых обществ, как русских, так и иностранных. Корреспонденции Столетова, написанные интересно, хорошим литературным языком, знакомили русских читателей с достижениями западных ученых, особенностях преподавания естественных наук в европейских университетах [7].

«Московские ведомости» не только рассказывали читателям о новостях в научной сфере, но и подчеркивали их практическую необходимость и значимость. В 1880-е гг., когда в России только начиналась промышленная разработка нефти, стали появляться первые промышленные предприятия, в частности, «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» (1879), создавались транспортная и сбытовая нефтяные сети и т. д., «Московские ведомости» активно поддерживали научные изыскания в этой области. Так, в 1881 г. они поместили подробное описание научных опытов с нефтью, сопроводив его большим количеством расчетов, которые убедительно доказывали, что «всякая замена оставшихся лесов минеральным топливом желательна безусловно» [8]. Этой же теме были посвящены выступления известного геолога и гидрогеолога В. Д. Соколова [9], химика, профессора Московского университета, одного из основателей Русского химического общества В. В. Марковников, исследования которого содействовали развитию отечественной химической промышленности [10].

На читателей – сельских хозяев были рассчитаны выступления профессора Петровской земледельческой академии К. Э. Линдемана и преподавателя естественных наук, сельского хозяйства и садоводства в Ришельевском лицее и в Новороссийском университете И. У. Палимпсестова, в которых рассматривались условия сельского хозяйства в различных регионах России, описывались меры борьбы с вредителями сельскохозяйственных угодий путем проведения различных агротехнических мероприятий и т. п. [11, 12].

Заслугой «Московских ведомостей» стали публикации по проблемам народной медицины и общественной гигиены, пропаганда профилактики эпидемиологических заболеваний. Первым, кто обратил внимание на эти почти не разработанные в литературе темы, был врач и гигиенист Н. И. Соловьев, автор постоянной рубрики «Известия из медицинского мира». Значительным вкладом в дело народной медицины стал труд Соловьева «Санитарная карта Московского военного округа и г. Москвы», часть которого была напечатана в «Московских ведомостях» [13, 14].

По вопросам профилактики инфекционных заболеваний в газете выступал известный врач-

инфекционист и эпидемиолог Г. Н. Минх. В 1874 г. он доказал опытом на себе заразительность крови больных возвратным тифом, доказав тем самым роль кровососущих насекомых в распространении сыпного и возвратного тифов. В 1879 г. во время эпидемии чумы в Астраханской губернии, Минх был командирован в зараженные местности. Он исследовал не только Астраханскую губернию, но и Решт в Персии и некоторые места на Кавказе с целью выяснения путей эпидемии; результаты опубликованы им в «Отчете об астраханской эпидемии». В «Московских ведомостях» был опубликован ряд писем Минха из зараженной чумой районов, в которых ученый детально описал устройство карантина, включая т.н. «окурочную», опросный пункт, чумное отделение и т. д., сопроводив их картами зараженных районов, схемами карантинных и т. п. [15]. О необходимости профилактики заразных болезней в газету регулярно писал начальник Московской врачебной управы доктор медицины В. М. Остроглазов [16], во время вспышек эпидемии холеры публиковались циклы статей доктора-эпидемиолога М. Богомолова, в которых разъяснялись источники заболевания, пути и меры борьбы с заболеванием, методы профилактики болезни. Большое место в обширных по объему статьях Богомолова занимали разъяснения по поводу исследований немецкого врача и микробиолога Роберта Коха, который в эти годы как раз участвовал в экспедиции в Египет и Индию и занимался поисками возбудителя холеры [17, 18].

Еще одним способом привлечь внимание читателей к проблемам естественных наук стали публикации о результатах научных экспедиций. «Московские ведомости» нередко сообщали читателям уникальные сведения о путешественниках, первооткрывателях, исследователях малоизученных территорий. Так, в 1869 г. газета напечатала отчет о заседании отделения физической географии Русского Географического общества, на котором выступил знаменитый русский зоолог и путешественник Н. А. Северцов, который в 1865-1867 гг. осуществил поездку на Тянь-Шань и в окрестности озера Иссык-Куль и в Ходжент. В отчете газеты подчеркивалось огромное значение исследований Северцова и собранных им в ходе путешествия зоологических, географических и геологических наблюдений, коллекций, составленных подробных карт пройденных местностей и т. п. [19]. В 1873 г. в нескольких номерах публиковались «Заметки о Туркмении» – наиболее интересные эпизоды из отчета генерала И. Н. Стебницкого о путешествии в Закаспийский край в 1872 г. [20]. Весной 1873 г. газета опубликовала несколько писем Н.Н. Миклухо-Маклая, которого на тот момент уже считали погибшим [21]. В 1874 г. в «Московских ведомостях» были напечатаны путевые дневники Джекоба Уэнрайта – чернокожего спутника британского путешественника,

миссионера и врача Давида Ливингстона, который присутствовал при кончине Ливингстона и был единственным, кто сопровождал его тело из Африки в Лондон [22]. В 1884 г. были напечатаны два письма Н. М. Пржевальского из Урги и из кумирни Чейбсен [23]. В этом же году «Московские ведомости» познакомили читателей с подробностями трагического финала полярной экспедиции североамериканского исследователя лейтенанта Адольфа Грили [24]. В 1880-е гг. публиковались материалы о раскопках древнеегипетских гробниц, предпринятых французским египтологом Г. К.-Ш. Масперо, о найденных в Египте памятниках древней цивилизации, в частности, о легендарном папирусе, оказавшемся при невыясненных обстоятельствах в собственности немецкого египтолога Карла Лепсиуса [25, 26]. В 1880-е «Московские ведомости» сообщали об экспедиции французского исследователя полковника П. Флаттерса в Сахару и трагическом финале этой попытки колонизации этого региона [27], о миссии в Судане генерала Чарльза Гордона – очень интересные африканские очерки, в которых описывались традиции и обычаи племен населявших Судан и Египет, а также давалась характеристика непростой политической ситуации, сложившейся на северо-востоке Африки [28], корреспонденции об организованной Британским королевским географическим обществом экспедиции в Восточную Африку к высочайшей точке африканского континента – вулкану Килиманджаро [29] и т. д.

Большое внимание «Московские ведомости» уделяли деятельности научных обществ, никогда не оставляли без внимания научные съезды, собрания. Так, например, в 1884 г. в нескольких номерах печатались подробные отчеты с проходившего 15 августа – 1 сентября в Одессе шестого Археологического съезда. Газета обращала внимание читателей, что целью этих съездов являются собой не только научные заседания, но и организация научных археологических экспедиций и экскурсий для ознакомления приезжих археологов с местными древностями, устройство археологических выставок, пополнение местных музеев и т. п. Публикации «Московских ведомостей» не только информировали читателей о деятельности видных ученых археологов, но и привлекали внимание к исследованию отдельных местностей российской империи, возбуждали в русском обществе интерес к истории, традициям и т. п. Так, об археологических раскопках на территории Крыма писал профессор Новороссийского университета Н. П. Кондаков, который стремился обратить внимание читателей газеты на бедственное положение уникальных с исторической точки зрения территорий древней Тамани. Он писал об отсутствии музея древностей на месте древнего греческого города Ольвия, о несанкционированных раскопках древних курганах и процветающей спекулятивной торговле

древностями, о необходимости раскопок на территории древней Фанагории, Тифлиса и т. п. [30, 31, 32].

Состав авторов и содержание естественнонаучных публикаций «Московских ведомостей» свидетельствует о пристальном внимании Каткова к успехам естествознания и точных наук. Газета вела активную просветительскую деятельность среди читателей, ее можно назвать в числе активных пропагандистов науки и популяризаторов научных достижений. Содержание многих статей было значительно шире чисто естественнонаучной тематики, в них затрагивались проблемы экономики, промышленности, сельского хозяйства, острые социальные вопросы, актуальные для России 1860–1880-х гг. Подобные публикации не просто служили задачам популяризации научных знаний, но и стимулировали общественную активность, ориентировали аудиторию на решение насущных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Л. П. Научно-популярная журналистика в России XVIII-XIX вв. : веки становления / Л. П. Громова, М. И. Маевская. – Санкт-Петербург, 2012. – 98 с.
2. Иловайский Д. И. М. Н. Катков. Историческая поминка / Д. И. Иловайский // Русский архив. – 1891. – Кн. 1. – Январь. – С. 119–134.
3. К. Ц. Солнечная теплота как двигатель // Московские ведомости. – 18.05.1876. – № 123.
4. Ц. Научная беседа // Московские ведомости. – 1.08.1885. – № 210.
5. Глубоковский М. Фармацевтическая выставка / М. Глубоковский // Московские ведомости. – 19.01.1887. – № 19; 23.01.1887. – № 23; 28.01.1887. – № 28; 29.01.1887. – № 29.
6. Швейцер Б. Я. Предстоящее затмение Солнца / Б. Я. Швейцер // Московские ведомости. – 16.02.1867. – № 38.
7. Столетов А. Из Кембриджа / А. Столетов // Московские ведомости. – 21.06.1874. – № 156.
8. Нефть как топливо // Московские ведомости. – 30.08.1881. – № 240.
9. Соколов В. Нефть в Закаспийской области / В. Соколов // Московские ведомости. – 5.04.1886. – № 94.
10. Марковников Вл. Вывоз нефти за границу и русское нефтяное производство / Вл. Марковников // Московские ведомости. – 15.01.1882. – № 15; 21.01.1882. – № 21 и др.
11. Линдеман К. Еще по поводу гессенской мухи в средней России / К. Линдеман // Московские ведомости. – 15.07.1880. – № 194.
12. Линдеман К. Главнейшие враги плодовых деревьев в Средней России / К. Линдеман // Московские ведомости. – 7.10.1886. – № 277 и др.
13. Соловьев Н. План санитарной карты России / Н. Соловьев // Московские ведомости. – 31.12.1872. – № 33.
14. Соловьев Н. Проект санитарной карты Москвы / Н. Соловьев // Московские ведомости. – 16.06.1873. – № 149.
15. Минх Г. Из Сарепты / Г. Минх // Московские ведомости. – 13.03.1879. – № 63 и др.
16. Остроглазов В. Дифтерит в Москве за последние два с половиной года / В. Остроглазов // Московские ведомости. – 30.01.1880. – № 29 и др.
17. Богомолов М. Учение Коха о холере / М. Богомолов // Московские ведомости. – 29.08.1884. – № 239.
18. Богомолов М. Роберт Кох о холерных бактериях / М. Богомолов // Московские ведомости. – 3.11.1884. – № 305 и др.
19. Огромный баран и гриф-исполин // Московские ведомости. – 8.03.1869. – № 52.
20. Заметки о Туркмении // Московские ведомости. – 8.07.1873. – № 170; 9.07.1873. – № 171; 16.07.1873. – № 178; 23.07.1873. – № 185.
21. Новые известия о Миклухо-Маклае // Московские ведомости. – 31.05.1873. – № 133.
22. Путевой дневник Негра // Московские ведомости. – 10.08.1874. – № 199; 13.08.1874. – № 202; 14.08.1874. – № 203.
23. Письма Н. М. Пржевальского // Московские ведомости. – 27.12.1884. – № 358.
24. Гибель полярной экспедиции // Московские ведомости. – 15.07.1884. – № 194.
25. Н. Г-ский. Раскопки в Египте // Московские ведомости. – 8.07.1886. – № 186.
26. Н. Г-ский. Папирус Лепсиуса и содержащийся в нем роман из времен фараона Хеопса // Московские ведомости. – 6.07.1886. – № 184.
27. Французская экспедиция полковника Флаттерса в Сахару // Московские ведомости. – 4.03.1882. – № 63 и др.
28. Письма Гордона к сестре из Судана // Московские ведомости. – 5.01.1885. – № 5; 6.01.1885. – № 6; 7.01.1885. – № 7; 12.01.1885. – № 12 и др.
29. Экспедиция в Килиманджаро // Московские ведомости. – 21.04.1885. – № 108 и др.
30. Кондаков Н. Из села Порутина / Н. Кондаков // Московские ведомости. – 14.06.1874. – № 149.
31. Кондаков Н. Из Керчи / Н. Кондаков // Московские ведомости. – 3.08.1874. – № 202.
32. Кондаков Н. С Кавказского побережья / Н. Кондаков // Московские ведомости. – 20.08.1874. – № 208 и др.

Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова

Перевалова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: helenpv@yandex.ru

Moscow State University of the Press named after Ivan Fedorov

Perevalova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Mass Communications Department
E-mail: helenpv@yandex.ru

ОПЫТ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЕЦ УДМУРТИИ» КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОГО РАСШИРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЁЖИ

Г. И. Старкова

Удмуртский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2016 г.

Аннотация: в статье исследуется многолетний опыт и богатый инструментарий газеты «Комсомолец Удмуртии» как эффективного средства политематического информирования и расширения информационного пространства молодёжи республики.

Ключевые слова: газета «Комсомолец Удмуртии», политематическое информирование, расширение информационного пространства молодёжи республики.

Abstracts: this article deals with long-term experience and rich toolkit of the newspaper «Komsomolets Of Udmurtia» that was an effective means of polytematic informing and youth information space of the republic.

Key-words: newspaper «Komsomolets Of Udmurtia», polytematic informing, youth information space.

Анализ современной молодёжной периодики свидетельствует о скатывании большинства изданий в развлекательность и рекреативность, что привело к потере ими важнейших функций. Это формирование мировоззрения и социальной активности молодого поколения, расширение политического и научно-технического кругозора, информационного пространства молодёжи. Например, газета *dart*, выпускаемая в городе Ижевске на страницах республиканской газеты «Удмурт дунне» («Удмуртский мир») с 2011 г., представляет в основном культурную жизнь удмуртского юношества, деятельность молодёжной организации «Шунды» («Солнце»), жизнь студенчества и т. п., помогая молодёжи ориентироваться лишь в социокультурном пространстве. При этом многие темы не рассматриваются: почти нет информации о деятельности и инициативах рабочей и сельской молодёжи, политике, научно-технических материалов и др. А ведь недостаточная полнота тематики приводит к сокращению читательской аудитории и сужению её информационного пространства.

Примером для редакции может послужить опыт редакции газеты «Комсомолец Удмуртии», которая наряду с функциями социализации, интеграции и воспитания выполняла функцию политематического информирования.

Первый номер газеты «Комсомолец Удмуртии» («Удмуртиысь комсомолец») вышел в ноябре 1952 г., заменив газету «Молодой большевик» («Егит большевик»). Конечно, газета была призвана мобилизовать молодёжь на ударную работу на заводах и в сельском хозяйстве республики в соответствии

с задачами, поставленными съездами КПСС и ВЛКСМ, а также комитетами партии и комсомола на местах. При этом она держала подрастающее поколение в курсе дел, сообщала о грядущих событиях и подводила итоги этих событий, предоставляла молодым читателям актуальную, развёрнутую и исчерпывающую информацию о делах комсомола и пионерии, о жизни городской и сельской, студенческой и рабочей молодёжи, отражала темы просвещения и медицины, науки и техники, культуры и спорта, публиковала произведения художественной литературы, знакомила с явлениями искусства. На страницах газеты была представлена жизнь как в республике и стране, так и за рубежом.

В 50-е гг. публикуются материалы о делегатах съездов ВЛКСМ, о выдвижении кандидатов в депутаты, о лауреатах международных ленинских премий, о комсомольцах-передовиках, печатаются рассказы и стихотворения. Основными были рубрики «Цифры и факты» (приводятся факты в области промышленности, сельского хозяйства, просвещения, медицины, культуры и т. д.), «Комсомольская жизнь», «Школьные новости», «В сельском клубе», «Прочти эти книги», «Физкультура и спорт». В рубрике «Нам пишут» помещались сообщения о достижениях и недостатках на местах самих читателей – юнрабселькоров, о расширении сети которых заботилась редакция, публикуя «Наказы юнкору» и «Советы старого юнкора». В статье «Наш юнкор», напечатанной в октябре 1958 г., подчёркивалась огромная роль юнкора в освещении работы и отдыха юношей и девушек. Для юнкора характерен отклик на все вопросы нашей жизни, перед ним стоит задача быть впереди, знать, чем живёт и интересуется молодёжь.

Наряду с рубриками «По родной стране», «В стране любимой» и «Люби и изучай свой край» присутствовали рубрики «Международный обзор», «За рубежом», «В странах капитала». В конце 50-х гг. появляются цветные номера с важными темами, такими как «400 лет с русским народом» или «Митинг московской молодежи, посвященный 40-летию ВЛКСМ».

В 60-е гг. «Комсомолец Удмуртии» поднимает вопросы морали и нравственности, учитывая интересы читателей разных групп, вводит рубрики и странички «Друзья мои современники», «На тему морали», «О добрых делах и поступках», «Честь коллектива – твоя честь», «Молодой специалист и производство», «Обсуждаем проблемы молодых рабочих», «Студенческая страничка», «Солдатская страничка», пионерская страничка «Дась лу!» («Будь готов!»), «Вокруг света», «Что нового в мире», «Отовсюду обо всем», «Знания – компас», «Для вас, любознательные», «Из истории гражданской войны», «Праздник книг», «У наших соседей» и др. Культуре были посвящены рубрики «Музыкальный четверг» и «Клуб друзей искусств» (о кино и театре). Почти в каждом номере «Комсомольский прожектор» вел борьбу с недостатками на производстве. Публикуются статьи «Плюс химизация», «Он будет инженером», «Космос и экономика», «Служит наш земляк», «Секреты экрана», «Первая выставка», «Спортивный праздник» и др.

Организовуются тематические подборки по поводу календарных дат: Дня советской молодежи, Международного дня студентов, Дня рождения комсомола, Дня Воздушного флота СССР, Всесоюзного дня физкультурника и т. п. Кроме того, вводятся рубрики «В часы досуга» и «Уголок досуга», помещаются головоломки и ребусы.

Редакция «Комсомольца Удмуртии» проводила заочные читательские конференции, организовывала тематические дискуссии и литературные конкурсы, старалась прислушиваться к мнению читателей, спрашивая, что бы им хотелось увидеть на страницах газеты. Например, в декабре 1962 г. она обращалась к рабочим и студентам, колхозникам и школьникам, преподавателям школ и вузов, деятелям литературы и искусства, комсомольским работникам – ко всем читателям газеты с вопросами: Какие рубрики оставить и какие ввести в следующем году? Какие вопросы, волнующие молодежь, ждут освещения на страницах газеты? Какие новые темы следует поднять в газете?

В 50–60-е гг. – годы активной мобилизации молодежи на промышленное производство и в сельское хозяйство в качестве важного фактора показываются примеры социальной активности и мужества юношей и девушек – первых комсомольцев. Поэтому широко представлена комсомольская тема, которая была постоянной в течение всей жизни газеты. Пу-

бликуются материалы о зарождении комсомола в Удмуртии, например, о первых комсомольцах в г. Ижевске [1], о создании первой комсомольской ячейки в г. Глазове [2], о создании Союза рабочей молодежи в г. Сарапуле [3], о зарождении комсомольских ячеек в селах, например, в селе Ягошур Базинского района в 1919 г. [4], о комсомольцах районов, например, Селтинского района [5], об истории комсомольского движения, например, в Граховском районе [6], о делах комсомольцев в первые годы Советской власти [7].

Представлена деятельность комсомола в период военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.) [8], о делегатах III съезда комсомола [9]. Раскрывается тема пионерского движения [10]. Отражены дела удмуртского комсомола в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) [11] и построения социалистической экономики (1926–1932 гг.) [12].

На страницах газеты звучала тема Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) [13]. Многие статьи и очерки рассказывали о Героях Советского Союза [14], об артдивизионе имени комсомола Удмуртии [15].

Показано участие комсомола в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие социалистического народного хозяйства (1945–1953 гг.) [16], за подъем народного хозяйства и завершение строительства социализма (1953–1958 гг.) [17].

В 60-е гг., когда шло активное строительство промышленных предприятий в Ижевске, молодежь трудилась на ударной комсомольской стройке завода «Буммаш», о чём и сообщал «Комсомолец Удмуртии» [18], участвовала в продвижении технического прогресса, в совершенствовании производства [19]. Выпуск газеты на удмуртском языке «Удмуртиысь комсомолец» прекращён в 1968 г.

Особенно интересной для молодежи газета становится в 70–80-е гг., поскольку интереснее и насыщеннее делами становится сама жизнь: появляются полосы и рубрики «Пульс планеты», «Политический клуб «Панорама», «СССР на международном рынке», «Молодежь за рубежом», «Колонка юриста», «Куда пойти учиться», «Круг чтения», а также «Клуб молодой семьи», «Человек и природа», «Здравствуй, мир знаний», «До профессии шаг», «Турист», «Рампа», «Киноафиша», «Клуб творческой молодежи», «Дискоотека», «Музыкальная суббота», «Спорт», «Шахматный клуб», «Юмор» и др. Вводятся странички для старшеклассников «Роза ветров», «Перемена», для сельской молодежи – «Край мой родниковый», для студентов – «Поиск» и «Студенческий ритм», а также «Литературная страничка», страничка «Музыкальный четверг» (выросла из рубрики), помещаются слова песен и ноты к ним. Для познания характера и развития личности публикуются психологические тесты. Интерактивность и общественный

диалог поддерживаются материалами в рубриках «Считаю тему важной», «Диалог», «Проблема, как она решается?», «Вопрос – ответ» и «Письма в редакцию», а также интервью и конкурсами, в том числе фотоконкурсами. Возрастает объём материалов о культурной жизни молодёжи, печатаются публикации о моде и причёсках.

По-прежнему отражаются история и деятельность комсомольской организации Удмуртии [20], работа съездов ВЛКСМ и областных комсомольских конференций [21]. Многие материалы рассказывают об удмуртском комсомоле в 20–30-е гг. [22] и в годы Великой Отечественной войны [23], в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества [24].

Интересной стала тема участия молодёжи в освоении целины [25], в реализации планов девятой пятилетки (1971–1975) [26], на ударных стройках страны [27], на строительстве КамАЗа [28] и БАМа [29].

Приветствовались и получали поддержку редакции инициатива, энтузиазм и творчество молодых, которые проявились на III республиканском фестивале молодёжи летом 1973 г. [30]. Тема молодёжного движения и интернациональной дружбы представлена в публикациях о комсомольцах – участниках Всемирных фестивалей молодёжи и студентов [31].

Юношей и девушек знакомили с починами комсомольцев и молодёжи республики [32], с работой штабов и постов «Комсомольского прожектора» [33], с новыми явлениями молодёжной жизни, такими как сводные комсомольско-молодёжные отряды животноводов [34] и молодёжно-жилищные комплексы [35].

Темами становятся коммунистическое воспитание молодёжи [36], деятельность студенческих строительных отрядов [37], в том числе педагогических [38].

Газета представляла читателям молодых современников – юношей и девушек, проявивших себя в молодёжном движении [39], на заводах [40], в колхозах [41], в творчестве [42] и спорте [43]. Во многих материалах рассказывалось о подвиге бортпроводницы Надежды Курченко, погибшей ради спасения пассажиров самолёта [44], а также о воинах-интернационалистах в Афганистане [45]. Названы были лауреаты Премии Ленинского комсомола [46] и Премии комсомола Удмуртии [47].

В конце 80-х гг. звучит тема демократических преобразований в стране [48], показана программа «Молодёжь Удмуртии» в действии [49], приведены примеры научно-технического творчества молодёжи [50].

Уделялось внимание и теме досуга молодёжи, в частности, газета писала о функционирующих в то время молодёжных центрах, дискотеках и дискоколлективах [51].

В трудные 1990-е гг. газета выпускается нерегулярно, выходят отдельные спецвыпуски, например, посвящённые выборам, появляются рубрики «Клуб избирателей», «Взгляд», «Лицом к лицу». Отразилось влияние рынка в рубрике «Реклама», а также модные для того времени купля-продажа в рубрике «Субботний аукцион» и сватовство (знакомство) в рубрике «Для двоих». Выходит приложение «Курьер», которое стало затем газетой «Курьер», заменив в 1998 г. «Комсомолец Удмуртии». И всё же газета «Комсомолец Удмуртии» достойно выполнила функцию повышения уровня информированности молодёжной аудитории. Политематичность материалов (универсальность тематики) обеспечивала молодёжи возможность ориентироваться в социуме на уровне республики, страны и мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Ты помнишь, товарищ ...» // КУ. – 1957. – 9 июня.
2. Шанько В. В. Тревожная молодость / В. В. Шанько // КУ. – 1956. – 7 нояб.
3. Рыжов М. Шагай вперёд, комсомольское племя! / М. Рыжов // КУ. – 1957. – 11 мая.
4. Волков М. Немало пришлось нам пройти ... / М. Волков // КУ. – 1959. – 25 сент.
5. Яговкин Ю. Говорят первые комсомольцы / Ю. Яговкин // КУ. – 1966. – 15 нояб.
6. Краснощёров Г. Мы их узнаем (Слушайте, товарищи потомки!) / Г. Краснощёров // КУ. – 1966. – 26 нояб.
7. Малых Е. Первые шаги (Воспоминания) / Е. Малых // КУ. – 1957. – 15, 17, 24, 29 мая; 2, 7, 12 июня.
8. Комсомол Удмуртии в гражданской войне // КУ. – 1958. – 23 февр.; Чучаев Д. С винтовкой и песней (К 50-летию освобождения Удмуртии от белогвардейцев) / Д. Чучаев // КУ. – 1969. – 3 июня.
9. Григорьев Ю. Делегат съезда / Ю. Григорьев // КУ. – 1968. – 29 июня; Парфёнов С. Москва, 2 октября 1920 года / С. Парфёнов // КУ. – 1968. – 21 нояб.
10. Артамонов А. История одной фотографии / А. Артамонов // КУ. – 1961. – 28 февр.
11. Казанцев А. В первые мирные годы / А. Казанцев // КУ. – 1958. – 14 мая; Попов В. На восстановление народного хозяйства / В. Попов // КУ. – 1961. – 20 апр.
12. Комсомольские будни тридцатых годов // КУ. – 1958. – 17 сент.
13. Бессмертные подвиги наших земляков в Великой Отечественной войне // КУ. – 1957. – 26 июля, 9 авг.; Крапивин В. Подвиг медиков / В. Крапивин // КУ. – 1967. – 7 дек.
14. Кузьмин М. Она сражалась за Родину / М. Кузьмин // КУ. – 1957. – 24 февр.; Кулёмин И. Достоин награды / И. Кулёмин // КУ. – 1964. – 16 апр.
15. Кулёмин И. Под знаменем арtdивизиона / И. Кулёмин // КУ. – 1963. – 19 нояб.; На пути от Дона до Эльбы // КУ. – 1967. – 21 сент.
16. Садаков М. Когда отгремели бои / М. Садаков // КУ. – 1961. – 25 мая; Юминов Ю. Снова к мирному труду / Ю. Юминов // КУ. – 1963. – 24 окт.

17. Боевые задачи комсомольских организаций республики // КУ. – 1954. – 31 янв.
18. Пескишев Л. Комсомольская ударная / Л. Пескишев // КУ. – 1960. – 3 сент.; Соيفер З. Инициаторы соревнования / З. Соифер // КУ. – 1969. – 14 янв.
19. Козлов А. В творческом содружестве рационализаторов / А. Козлов // КУ. – 1961. – 14 янв.; Никитин А. НОТ и комсомол / А. Никитин // КУ. – 1969. – 29 февр.
20. Знамя ЦК ВЛКСМ – Ижевскому комсомолу // КУ. – 1976. – 28 февр.; Павлов В. В те огненные годы / В. Павлов // КУ. – 1987. – 24 окт.
21. Стерхова Л. Незабываемые дни / Л. Стерхова // КУ. – 1974. – 18 мая; Список делегатов на XVIII съезд ВЛКСМ // КУ. – 1978. – 17 янв.; Уткина Г. Примером быть во всем / Г. Уткина // КУ. – 1982. – 18 мая.
22. Русанов В. Комсомольцы 30-х годов / В. Русанов // КУ. – 1971. – 27 июня; Жидков А. С комсомольским билетом / А. Жидков // КУ. – 1987. – 1 мая.
23. Сандалов Н. Они тоже были бойцами / Н. Сандалов // КУ. – 1975. – 19 июня; Иванцов Г. Фронтное задание / Г. Иванцов // КУ. – 1978. – 25 апр.
24. Догнать и перегнать // КУ. – 1981. – 7 мая; Логинов В. Авторитет зависит от вас / В. Логинов // КУ. – 1986. – 28 окт.
25. Емельянов М. Даешь степи! / М. Емельянов // КУ. – 1974. – 16 марта; Пичугин И. И целина воспитывала нас / И. Пичугин // КУ. – 1981. – 7 мая.
26. Искать, учиться, творить! // КУ. – 1972. – 21 апр.; «За себя и за того парня» // КУ. – 1975. – 18 марта.
27. Пульс комсомольских дел // КУ. – 1975. – 1 мая; Псарев М. Совет ударная стройка / М. Псарев // КУ. – 1985. – 12 марта.
28. Воротов А. Им гордится КамАЗ / А. Воротов // КУ. – 1973. – 6 янв.; Асина Б. Штрихи к портрету современника / Б. Асина // КУ. – 1972. – 28 окт.
29. Воротов А. Медаль с БАМа / А. Воротов // КУ. – 1980. – 26 дек.
30. Евсеева Л. Наш третий фестиваль / Л. Евсеева // КУ. – 1973. – 5 июня; XIX съезду ВЛКСМ – инициативу, творчество, поиск // КУ. – 1982. – 12 дек.
31. Артамонов А. Песни пяти континентов / А. Артамонов // КУ. – 1984. – 7 июня; Кривошеина М. Против дружбы силы нет / М. Кривошеина // КУ. – 1985. – 5 мая.
32. Хроника Всесоюзного комсомольского собрания // КУ. – 1975. – 30 янв.; Михайлов О. Эффект комсомольской инициативы / О. Михайлов // КУ. – 1978. – 2 дек.
33. Кашина Г. Как зажигали «прожектор» / Г. Кашина // КУ. – 1973. – 19 апр.; Косолапов В. «Прожектор» – орган боевой / В. Косолапов // КУ. – 1977. – 17 февр.
34. Молодежная ферма : поиски нового // КУ. – 1984. – 3 июля; Сидоров Л. Проверь себя в деле / Л. Сидоров // КУ. – 1987. – 8 авг.
35. МЖК : анализ и перспективы // КУ. – 1988. – 9 апр.; Халманских С. Строим дом / С. Халманских // КУ. – 1988. – 28 мая.
36. Годин В. Высокой мерой пятилетки : Из доклада первого секретаря Удмуртского обкома ВЛКСМ / В. Годин // КУ. – 1976. – 8 апр.; Владимиров В. Совет в дорогу магистраль В. Владимиров, Ю. Гладыш // КУ. – 1983. – 22 сент.
37. Александров Т. На форме – эмблема ИИТ / Т. Александров // КУ. – 1978. – 16 марта; Шахов И. Университеты студстроя / И. Шахов // КУ. – 1982. – 25 нояб.
38. Зырянова И. Гореть самим, зажечь других / И. Зырянова // КУ. – 1984. – 8 дек.; Федотова Г. Педагог в рабочей спецовке / Г. Федотова // КУ. – 1987. – 21 нояб.
39. Белова Л. Комсомольский вожак / Л. Белова // КУ. – 1975. – 27 дек.; Петров А. Живет такой парень / А. Петров // КУ. – 1986. – 7 авг.
40. Роднов Л. Фактор доверия / Л. Роднов // КУ. – 1986. – 3 апр.
41. Зайцев М. Преодоление / М. Зайцев // КУ. – 1986. – 14 янв.
42. Евсеева О. Товарищ Надя / О. Евсеева // КУ. – 1984. – 21 янв.
43. Кадров Л. Эстафета / Л. Кадров // КУ. – 1986. – 16 апр.
44. Мельничанский Е. «И для меня жива она...» / Е. Мельничанский // КУ. – 1980. – 11 нояб.; Абашева М. Со светлым именем Надежды! / М. Абашева // КУ. – 1984. – 11 февр.
45. Кряжева М. Слово о Евгении Рылове / М. Кряжева // КУ. – 1986. – 13 марта; Мерзлякова И. Живи и помни / И. Мерзлякова // КУ. – 1987. – 24 окт.
46. Хидков А. Целеустремленность / А. Хидков // КУ. – 1980. – 22 апр.; Власов С. Рабочий автограф делегата / С. Власов // КУ. – 1983. – 24 мая.
47. Жизнь измеряется делами // КУ. – 1983. – 5 нояб.; Васильева Е. В Ижевске создан «Электрон» / Е. Васильева // КУ. – 1988. – 16 янв.
48. Роднов Л. Ждать не согласны / Л. Роднов // КУ. – 1986. – 27 нояб.; Зыкина Л. Непроторенными дорогами / Л. Зыкина // КУ. – 1988. – 9 апр.
49. Программа «Молодежь Удмуртии» // КУ. – 1986. – 13 нояб.; Петрова О. Молодое Нечерноземье / О. Петрова // КУ. – 1988. – 25 июня.
50. Ураков А. Барометр ускорения / А. Ураков // КУ. – 1987. – 4 апр.; Стерликов А. Дворец идей / А. Стерликов // КУ. – 1988. – 20 февр.
51. Лучников В. Семь вечеров / В. Лучников // КУ. – 1980. – 22 мая; Хайретдинова Н. Сегодня в нашем центре ... / Н. Хайретдинова // КУ. – 1986. – 17 апр.

*Удмуртский государственный университет
Старкова Г.И., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: stargi@mail.ru*

*Udmurt State University
Starkova G.I., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: stargi@mail.ru*

САТИРИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

А. А. Тертычный

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье автор анализирует основные типы интернет-сайтов, распространяющих сатирическую публицистику. Исследуются и причины популярности некоторых сатирических интернет-сайтов. Кроме того, в статье изучаются тенденции развития и перспективы сатирических сайтов в Интернете.

Ключевые слова: сатирические интернет-сайты, основные типы сатирических интернет-сайтов, перспективы развития сатирических сайтов в глобальной сети.

Abstracts: in this article author analyses the basic types of internet-sites, that spread satirical publisistic. The reasons for popularity of same satirical internet-sites in the Internet are also studied. In addition the tendency development and prospects of satirical internet-sites are analyses in the paper.

Key-words: satirical internet-sites, the basic types of satirical internet-sites, prospects development of satirical sites in Internet.

В одной из предыдущих своих публикаций мы попытались дать функциональную, содержательную и жанровую характеристику современной сатирической публицистики в глобальной сети¹. Сейчас поговорим о характере тех интернет-сайтов, на которых такую публицистику можно найти. Что они представляют собой в настоящее время? Насколько способствуют решению той задачи, которая стоит перед сатирической публицистикой в современном российском обществе? [1; с. 32–35]. Каковы перспективы развития?

Сайты сатирической направленности стали появляться в Интернете вскоре после появления его в России. Постепенно стала складываться определенная структура сетевых ресурсов, на которых публиковались или публикуются сатирические произведения. Число сатирических сайтов в Интернете постоянно меняется, они появляются, исчезают, вновь появляются. Однако, как показали наши наблюдения, на данном этапе эта «текучка сайтов» уже не меняет характера самой совокупности этих сайтов (как бы она ни выглядела в данный момент в количественном и качественном отношении), её принципиальной структуры. Это обусловлено тем, что на данный момент, в сети уже проявились определенные типы сайтов, которые образуют типологические группы, обладающие устойчивыми характеристиками. И по мере исчезновения или появления тех или иных конкретных сайтов, относящихся

к таким группам, особенности этих групп уже не меняется. Поэтому, рассуждая далее о таких группах, мы будем вести речь, как о сайтах, реально функционирующих сегодня в сети, так и о сайтах, находящихся на этот день, в «замороженном» состоянии, приостановленных.

Дифференцируя сатирические сайты на отдельные исходные (наиболее общие) типологические группы, в качестве основания дифференциации в данном случае мы принимали во внимание их три типологические черты. Первая черта – **генетический аспект (происхождение) сайтов**. Вторая черта – **степень соответствия их сути сатирического сайта** (речь идет о том, публикуют они преимущественно сатирические произведения, или же размещают ещё и информационные, аналитические, утилитарные и пр. тексты?). Третья – **правовой статус сайтов** (зарегистрированы они как СМИ или не зарегистрированы?).

1. Группы сайтов, выделенных по первому типологическому основанию.

Исследование показало, что в данном отношении все сайты можно разделить на следующие три группы: 1) онлайн-версии существующих традиционных печатных изданий; 2) самостоятельные сайты, возникшие как онлайн-версии традиционных печатных изданий, ныне прекративших свое существование; 3) сайты, самостоятельно родившиеся в глобальной сети.

Как же выглядят сайты данных групп на данный момент?

Изучение сайтов данной группы позволяет утверждать, что она разделяется на три достаточно самостоятельных подгруппы сайтов. Вот что они из себя представляют.

¹ Тертычный А. А. Современная сатирическая публицистика в Интернете : функции, содержание, жанры // Вестник Воронежского государственного университета 2015. - № 4. - С. 156–162.

1) Группа сайтов-версий, существующих печатных изданий.

Что касается этой группы сайтов, публикующих сатирические произведения, то некоторые исследователи предпочитают не называть их сайтами Интернета, считая, что таковыми могут быть только те сайты, которые возникли в глобальной сети самостоятельно. Мы полагаем, что такая позиция не имеет логических оснований и полностью произвольна, поскольку посетитель Интернета находит в сети именно сайт, а не само печатное издание, а если это сайт в Интернете, то это – интернет-сайт. Конечно, он может отличаться от тех же «самостоятельных сетевых сайтов» определенными характеристиками, но это не лишает его статуса интернет-сайта. Для той категории посетителей Интернета, которые читают традиционные печатные издания и знакомятся там с сатирическими публикациями, онлайн-версии этих публикаций на сайтах данных изданий, очевидно, не будут открытием. Читатели же, не обращающиеся к периодической печати, а получающие информацию из Интернета, могут получить максимальное эмоциональное и интеллектуальное удовлетворение именно при знакомстве с сатирическими произведениями на интернет-сайтах, в частности, представляющих собой онлайн-версии печатных изданий [2, с. 197–198].

В настоящее время в Интернете присутствуют онлайн-версии практически всех традиционных общеполитических печатных газет и журналов, существующих в настоящее время на информационном рынке России [3, с. 63–89]. Среди них особо выделяются онлайн-версии в глобальной сети таких широко известных газет и журналов, как «Московский комсомолец»², «Комсомольская правда»³, «Аргументы и факты»⁴, «Советская Россия»⁵, «Завтра»⁶, «Правда»⁷ «Огонек»⁸, которые чаще других обращаются к сатирическому отображению действительности на свои полосах. Данные СМИ размещают как в печатном варианте, так на своих онлайн-версиях

² Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/> (дата обращения 17.01.2015).

³ Комсомольская правда // <http://www.kp.ru/daily/26248.3/3128155/> (дата обращения 07.01.2015).

⁴ АИФ // <http://www.aif.ru/culture/art/1374355>: (дата обращения 08.01.2015).

⁵ Советская Россия // http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&new_topic=24 и (дата обращения 09.01.2015).

⁶ Завтра // <http://zavtra.ru/authors/user/6713/>; <http://zavtra.ru/content/issue/2014/50/> (дата обращения 12.01.2015).

⁷ Правда // <http://kprf.ru/funny/jokes/137971.html> (дата обращения 04.02.2015).

⁸ Огонек // <https://books.google.ru/books?id=fN0-AQAIAAJ&pg=PA32&lpg=PA32&dq=сатира+в+журнале+«Огонек»> (дата обращения 07.01.2015).

в Интернете сатирические тексты, создателями которых являются профессиональные журналисты. Мы не будем здесь подробно рассматривать особенности данной группы сайтов в силу того, что традиционные печатные издания, их создавшие, широко представлены на российском информационном рынке, и, в силу того, что их контент (по данным причинам) достаточно хорошо известен исследователям СМИ.

2) Группа сайтов – «наследников», закрытых традиционных печатных изданий.

Процесс формирования этой группы начался в конце прошлого – начале нынешнего веков⁹, когда те или иные традиционные издания, сначала образовали в сети свои сайты, а потом, по разным причинам полностью перекочевали в виртуальное пространство Рунета. На первом этапе наиболее заметным «сатирическим феноменом» в сети стал старейший отечественный сатирический журнал «Крокодил»¹⁰. Напомним, что это издание возникло в 1922 г. и выпускалось сначала издательством «Рабочая газета», а с 1932 г. – издательством «Правда». Направленность журнала была заявлена в помещенном в его первом номере стихотворении Демьяна Бедного, под названием: «Красный Крокодил – смелый из смелых! – против крокодилов черных и белых». Предполагалось, что журнал будет «добираться до всякой гнилости, и ворошить гниль без всякой милости, чтоб нэповская муть не цвела, и не гнила. Вот какова задача Красного Крокодила!..». В журнале работали Владимир Маяковский, Михаил Зощенко, Валентин Катаев, Евгений Мигунов, Борис Ефимов. Журнал пользовался огромной популярностью у читателей. К середине 80-х тираж «Крокодила» достиг 5 миллионов 600 тысяч экземпляров.

В начале 90-х годов тираж журнала начал снижаться и упал до 50 тысяч, потом издание закрылось. Были попытки реформировать журнал, какое-то время он выходил под названием «Новый Крокодил», но, в конце концов, из-за резкого сокращения числа читателей, перестал издаваться. В 2005 году журнал вышел в глобальной сети в обновленном виде. Однако в 2007 году он (уже из-за трудностей финансового плана) опять закрылся. На сайте осталась коллекция номеров (не всех) журнала за 1924–1991 гг.

В сети есть интернет-издания, ставшие виртуальными наследниками и менее знаменитых, но значимых в своей сфере, бывших традиционных печатных изданий, появившихся на свет уже в перестроечное время. К таковым, например, относится

⁹ Попов Е. Сатирические интернет-журналы-обзор // <http://www.proza.ru/2009/11/01/142> (дата обращения 04.04.2014).

¹⁰ Крокодил // <http://www.krakadil.ru/> (дата обращения 15.05.2014).

газета «**КомарЪ**», созданная в Санкт-Петербурге в 1997 году. Она была представлена публике как «серьезная общественно-политическая газета народного удивления, несущая много доброго и недоброго юмора, злой сатиры, объективной самоиронии, местечкового патриотизма»¹¹. Основным направлением сатиры в данном издании стали проблемы местной жизни и в первую очередь деятельность губернатора В. А. Яковлева: Однако за время своего существования «КомарЪ» «так и не смог стать истинно народным изданием (в том смысле, что найти его в городе дело почти нереальное). В том, что произошло так, редакция обвиняет именно губернатора. Почему? «Потому что главным героем нашей газеты всегда был именно он. Казалось бы, радуйся, вырезай про себя статейки и наклеивай в альбом для внуков. Ан нет! «КомарЪ» категорически не смог пробиться на лотки и в киоски»¹². Через два года после появления, данное издание вынуждено было перекочевать в Интернет, заявив: «мы решили напрямую обратиться к читателю. Обращаемся: «Читатели! Читайте нас!»¹³. Издавался «КомарЪ» в глобальной сети до 2001 года, когда из финансовых соображений был закрыт.

Ещё одно существующее сейчас в Рунете интернет-издание «**Редька**»¹⁴, стало наследником одноименной «периферийной» сатирической газеты, которая в печатном варианте появилась в 1992 году в Волгограде. Газета быстро набрала тираж 15 тысяч экз. Однако из-за финансовых трудностей она закрывалась, появлялась вновь. И, наконец, в 2012 году перешла в Интернет. В редакции издания работают два лауреата премии «Золотой теленок» – Евгений Лукин и Михаил Мамчич, а также известный фельетонист журнала «Крокодил» Александр Моралевич, ведущий раздела сатиры Александр Домовец, группа карикатуристов «Дети абсурда» под руководством Михаила Серебрякова. Редактирует интернет-издание Георгий Попов.

3) Группа сайтов, рожденных в самом Интернете.

Как правило, такие сайты создаются отдельными энтузиастами или их группами, для которых сатира является творческим призванием (разумеется, реализуемым с той или иной долей успешности) [4, с. 155]. Представителем данной группы, например, можно считать журнал «**Вечерний пустозвон**»¹⁵, созданный в 2008 году Натальей

Мельниковой¹⁶. Этот интернет-журнал избрал оригинальный подход в сатирическом освещении различных явлений действительности – решил рассказывать о них устами героев бессмертного романа Ильфа и Петрова. «Вечерний пустозвон» – это актуальные новости и сатирические статьи, злободневные комментарии и фельетоны от героев искрометных мастеров сатиры Ильфа и Петрова»¹⁷, – говорится в приветствии редакции, адресованном читательской аудитории. Причем от имени персонажей романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» свои публикации предлагается помещать на сайте не только работникам редакции, но и самим читателям.

При этом, как сообщает редакция «Вечернего пустозвона», в качестве фактора, определяющего формирование тематической структуры сайта, являются сферы интересов героев романов Ильфа и Петрова: Остапа Бендера, Элочки Людоедки, Александра Корейко, Адама Козлевича, Шуры и Паниковского, Авессалома Изнуренкова, Никифора Трубецкого, Ухудшанского, зицпредседателя Фунта, Васисуалия Лоханкина и, наконец, Маховика-Датского, которые выступают «ведущими рубрик» сайта. «Герои романов Ильфа и Петрова выступают в роли образов-символов определенных тематических направлений, а также носителями различных архетипов. Персонажи актуализируют опыт прошлого и позволяют сформировать ленту статей, где материал представляется как бы от их лица»¹⁸.

Следующим представителем данной группы выступает ежемесячный интернет-журнал «**Пролог**»¹⁹ (шеф-редактор Александр Себелев), вышедший в свет в августе 2001 г. С апреля 2008 года он выходит в режиме еженедельного обновления. Этот журнал был изначально рассчитан на молодых читателей. Возрастные ограничения предусматривались и для потенциальных авторов из аудитории». Поэтому, обращаясь к аудитории, редакция предупреждает о том, что «принимаются к рассмотрению литературные материалы от авторов не старше 35 лет». Следует отметить, что это несколько необычное заявление, дискриминирующее аудиторию по возрастному признаку. В данном случае явно просматривается, судя по всему, желание оторвать молодую аудиторию от читателей и авторов старшего поколения. Объективно журнал работает на разобщение поколений.

обращения 07.02.2015).

¹⁶ www.ilf-i-petrov.ru // http://www.logi.ru/1182.html (дата обращения 05.01.2015).

¹⁷ Вечерний пустозвон. Сатирический листок в традициях Ильфа и Петрова // http://www.ilf-i-petrov.ru (дата обращения 04.10.2014).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Пролог // http://ijp.ru/razd/about.php (дата обращения 10.01.2015).

¹¹ КомарЪ // http://www.komar.spb.ru/ (дата обращения 23.05.2014).

¹² КомарЪ // http://www.komar.spb.ru/ (дата обращения 30.08.2014).

¹³ Там же.

¹⁴ Редька // https://books.google.ru/books? (дата обращения 06.01.2015).

¹⁵ Вечерний пустозвон. Сатирический листок в традициях Ильфа и Петрова. На http://www.ilf-i-petrov.ru/ (дата

Ещё одним интернет-изданием данной группы стал журнал **«GlobalRus.ru»**²⁰ (главный редактор Александр Тимофеевский). Он вышел в свет в 2002 году при поддержке фонда «Государственный клуб» и существовал до 2007 года. Следующий интернет-журнал подобного рода – **«Литофис»**²¹ (главный редактор Александр Бестожев). Кроме того, в глобальной сети несколько лет подряд выходило и ещё одно самостоятельное сетевое сатирическое издание под названием **«Сюрржик»**²² (саркастический юмористический развлекательный ревью-журнал и интернет-клуб). Издание это было формально украинским (выходило в Днепропетровске, в Донецкой области), но издавалось на русском языке и имело достаточно большую российскую аудиторию. Определенное время, по ряду известных причин, издание было «заморожено», однако сейчас его можно найти в Фейсбуке. Определенный интерес вызывает созданный в 2011 году в Новосибирске и относящийся к данной группе изданий, интернет-журнал **«Самиздат»**²³ (публикует политическую сатиру), представляющий собой издание «одного автора». Достаточно активно представлено в сети и интернет-издание «одного жанра», под названием **«Карикатура.ру»**²⁴. Как заявляет его редакция, это «уникальное собрание лучших карикатур современных российских художников-карикатуристов, самое полное информационное электронное издание о карикатуре, о художниках, работающих в плане юмора, гротеска и комикса. Здесь вы можете увидеть уникальные работы классиков современной карикатуры и совсем новые работы художников, работающих в этом жанре. Добавление новых работ в каталог происходит ежедневно»²⁵.

Следует также упомянуть входящие в данную группу интернет-издания **«Вокруг смеха.ру»**²⁶ и **«Красная бурда»**²⁷. Первый журнал вышел в апреле 2002 года. Разработчиком данного проекта является студия дизайна «Си-Арт Медиа». «Красная бурда» выходит с 1994 года (его основатели – участники известной команды КВН УПИ

²⁰ GlobalRus.ru // <http://www.globalrus.ru/go.php> (дата обращения 09.01.2015).

²¹ Литофис // <http://navyfilm.ru/avtoram.php>. Сайт www.litofis.com. (дата обращения 02.02.2015).

²² Сюрржик. Сатирический публичный сайт // <https://plus.google.com/102468072801967495015> (дата обращения 08.11.2014).

²³ Самиздат // http://budclub.ru/r/rusin_a_o/bitvatitanov.shtml (дата обращения 08.11.2014).

²⁴ Карикатура.Ру // <http://caricatura.ru/> (дата обращения 07.02.2015).

²⁵ Красная бурда // <http://www.redburda.ru/> (дата обращения 09.11.2014).

²⁶ Вокруг смеха.Ру // <http://vokrugsmeha.ru/> (дата обращения 01.02.2015).

²⁷ Арканов Аркадий. Сегодня сатира сводится к анекдоту и пародии // <http://www.kp.ru/daily/26088/2989815>. (дата обращения 17.01.2015).

«Уральские дворники», главный редактор Александр Соколов»²⁸.

Кроме сайтов, которые выступают как «интернет-газеты», «интернет-журналы», относящих себя к интернет-СМИ, в глобальной сети, как известно, существует ещё используемая в разных целях такая важная площадка, как блогосфера, где размещаются и сатирические произведения сетевых публицистов. Здесь, можно сказать, процветает персональная сатирическая публицистика²⁹. Авторы сатирических произведений, публикуемых в блогах, можно разделить на три группы. Первая – это люди, которые, условно говоря, являются самостоятельными сатириками-любителями³⁰, вторая группа – профессиональные журналисты (Александр Проханов³¹, Мэлор Стуря³², Александр Минкин³³, Дмитрий Быков³⁴ и др.), третья – профессиональные эстрадные сатирики (Михаил Задорнов³⁵, Михаил Жванецкий³⁶, Аркадий Арканов³⁷ и пр.).

Если рассматривать соотношение собственно сайтов и блогов, составляющих структуру всей совокупности сатирических интернет-ресурсов в Интернете, то становится заметным явный перевес числа блогов над сайтами, отнесенными нами к первым трем группам. Причины это вполне понятны – ведь, именно блогосфера выступает наиболее доступной (практически для каждого владельца компьютера), «демократичной» в самых разных отношениях, площадкой размещения информации (причем, предполагается минимальная ответственность блогера за уровень достоверности информации, соответствия моральным нормам и пр.).

²⁸ Красная бурда. Выпуск № 6. – 2008 // <http://www.redburda.ru/> (дата обращения 07.02.2015).

²⁹ Тимофеева Галина. Сетевая публицистика как явление персонального журнализма // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3121&level1=main&level2> (дата обращения 05.02.2015).

³⁰ Блог Александра Русина // <http://amfora.livejournal.com/> и др. (дата обращения 11.01.2015).

³¹ Блог Александра Проханова // <http://ru-prokhanov.livejournal.com/> (дата обращения 10.01.2015).

³² Блог Мэлора Стуря // <http://www.mk.ru/blog/posts/2761-shapka-monomaha.html> (дата обращения 10.01.2015).

³³ Минкин Александр // <http://echo.msk.ru/blog/minkin/> (дата обращения 24.01.2015).

³⁴ Блог Дмитрия Быкова // www.http://ru-bykov.livejournal.com/ (дата обращения 19.01.2015).

³⁵ Блог Михаила Задорнова // <http://zadornov.net/2014/12/kreml-i-lyudi/#more-8409> // mzadornov.livejournal.com/89274.html (дата обращения 19.01.2015).

³⁶ Блог Михаила Жванецкого // http://www.jvanetsky.ru/data/text/t9/nazad_v_budushee/ (дата обращения 27.12.2014).

³⁷ Блог Аркадия Арканова // <http://www.echo.msk.ru/blog/aarkanov/> (дата обращения 23.12.2014).

2. Группы сайтов, выделенных по второму типологическому основанию.

Если разделить описанные выше интернет-сайты (включая и блоги) на группы исходя из того, публикуют они преимущественно сатирические произведения, или же и информационно-новостные, аналитические, развлекательные, утилитарные, и прочие тексты, то возникает следующая картина.

1) Сайты, публикующие преимущественно сатирические произведения.

Эту группу представляют сайты – «наследники» традиционных сатирических печатных изданий: журнала «Крокодил», газет «КомарЪ» и «Редька». Далее следуют самостоятельно возникшие в глобальной сети интернет-журналы «Вечерний пустозвон», «Самиздат», «Сюрржик», «Карикатура.ру». В эту же группу могут быть включены блоги: «Vladimir Vladimirovich», «Anecdot.ru» и пр.

2) Сайты, публикующие сатиру и произведения другого рода.

Данную группу представляют онлайн-версии в глобальной сети таких широко известных газет и журналов, как «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Завтра», «Правда», «Огонек» и др., на страницах которых сатирические произведения составляют минимальную долю от всех текстов иного плана. Сюда же входит самостоятельно возникший в глобальной сети интернет-журнал «Пролог», который публикует самые разные литературные произведения (прозу, поэзию, переводы, рецензии, литературно-критические и публицистические статьи, эротические произведения и пр.) Сатирические материалы публикуются в данном журнале под рубрикой «сатира и юмор» – одной из множества рубрик сайта. Публикует сатирические материалы и информационно-аналитический журнал «GlobalRus.ru». Основные рубрики данного издания – «Экспресс-аналитика», «Комментарии», «Рецензии», «Суждения», «Тенденции», «Прагматика», «Конкретика», «Критика», «Лирика», «Реплики», сами говорят о содержании журнала. В эту же группу включается и журнал «Литофис», который заявил о себе как об издании литературно-публицистическом, а поэтому, кроме сатирических произведений, он публикует мемуары, очерки, эссе, обзоры, драматические произведения, трагедии, комедии, сценарии, водевили, скетчи и пр. Эпизодически публикуют тексты сатирического плана юмористические интернет-сайты «Вокруг смеха.ру» и «Красная бурда». Первое издание публикует анекдоты, шутки и афоризмы из архивов 16-й полосы «Литературной газеты» и журнала – «Крокодил» 70-х и 80-х годов, а также видеоархивы выступлений юмористов и писателей-сатириков:

Михаила Жванецкого, Михаила Задорнова, Александра Иванова, Геннадия Хазанова, Владимира Винокура, Романа Карцева и Виктора Ильченко и других. На сайте второго издания публикуются смешные истории, юмористические стихи, афоризмы, фразы и выражения, карикатуры. Журнал имеет семь разделов: «Нарочно не придумаешь», «Веселые картинки», «Рога и Копыта», «Анекдоты», «Рассказы», «Мимоходом (афоризмы)».

3. Группы сайтов, выделенных по третьему типологическому основанию.

Что же представляет собой структура совокупности сатирических сайтов с точки зрения правового статуса тех или иных из них? В данном случае существуют две группы сатирических интернет-сайтов. В первую группу входят сайты, обладающие статусом СМИ. В другую – сайты, которые не имеют такого статуса (хотя некоторые из них заявляют о намерении получить этот статус).

1) Сайты, обладающих статусом СМИ.

К числу сайтов, обладающих статусом СМИ (что нетрудно было и предугадать), относятся в первую очередь онлайн-версии традиционных печатных изданий, выходящих в свет в настоящее время («Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Советская Россия», «Завтра», «Правда», «Огонек» и др.). Такой же статус был или есть у выходявших или выходящих сайтов – «наследников» традиционных сатирических печатных изданий: журнала «Крокодил», газет «КомарЪ» и «Редька». В качестве СМИ зарегистрирован и интернет-журнал «Пролог».

2) Сайты, не обладающих статусом СМИ.

К данной группе относятся сайты «Вечерний пустозвон», «Самиздат», «Сюрржик», «Карикатура.ру», «GlobalRus.ru», «Литофис», «Вокруг смеха.ру» и «Красная бурда». В эту же группу могут быть включены блоги: «Vladimir Vladimirovich», «Anecdot.ru» и пр.

Если вести речь о сайтах, рожденных в самой глобальной сети, то преобладание числа «безстатусных» сатирических сайтов над «статусными», выглядит подавляющим [5, с. 7–23]. Судя по всему, большинство сайтов сознательно обходят вопрос лицензирования в качестве СМИ (часто объявляя себя, то ли «Архивом», то ли «Сервером», то ли, «Складом» информации и пр.). Судя по всему, правовой статус сайта для большинства их них не имеет никакого значения. Возможно даже, что отсутствие принадлежности к «ордену» СМИ облегчает ход творческого процесса для них, облегчает ответственность за публикуемый материал [6, с. 146].

Исходя из разделения сайтов на группы по избранному нами основанию, можно описать особенности любого сатирического интернет-сайта. Это можно сделать, например, в форме таблицы:

Таблица 1.

Название сайта	Онлайн-версия выходящего печатного издания	Самостоятельный интернет-сайт – «наследник» закрывшегося печатного издания	Самостоятельный сетевой сайт	Публикует преимущественно сатиру	Публикует преимущественно не сатиру, а тексты других видов.	Обладает статусом СМИ	Не обладает статусом СМИ
«Завтра»	да	-----	-----	-----	да	да	-----
«Редька»	-----	да	-----	да	-----	да	-----
«Пролог»	-----	-----	да	-----	да	да	-----
«Вечерний пу-стозвон»	-----	-----	да	да	-----	-----	да
«Сюржик»	-----	-----	да	да	-----	-----	да
и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.

В заключение можно сказать, что сайты Интернета, в той или иной степени соответствующие сути сатирических, несмотря на множество проблем, сопровождающих их деятельность, выполняют важную роль инструмента критики, изобличения недостатков, негативных проявлений, существующих в современном российском обществе [7, с. 224]. И поэтому развитие их типологической структуры, совершенствование наполнения, укрепление статусного положения, весьма значимы для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ландерова А. Современная сатира как элемент российской политической культуры / А. Ландерова // Мат. Междунар. молодеж. научн. форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / [отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, К. К. Андреев, М. В. Чистякова]. – Москва : МАКС Пресс, 2013.
2. Говоркова О. Н. Интернет как канал отражения социальной сферы общественной жизни / О. Н. Говоркова // Ценности современного общества и средства массовой информации. – Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Жур-

налистика 2011». Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 197.

3. Лукина М. М. Интернет-СМИ как часть медиасистемы / М. М. Лукина // Интернет-СМИ : теория и практика / [под ред. М. М. Лукиной]. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – С. 63–89.

4. Пронина Е. Е. Профессия, миссия, судьба / Е. Е. Пронина // Социальная миссия и профессия. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика 2012». Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – С. 155.

5. Монахов В. Н. СМИ и Интернет : Проблемы правового регулирования / В. Н. Монахов. – Москва, 2003.

6. Морозова А. А. Журналистика в глобальных сетях : лгут ли СМИ? / А. А. Морозова // Мультимедийная журналистика Евразии. – Казань : Казанский университет, 2012. – С. 146.

7. Ярославцева А. Е. Что читает и смотрит интернет-аудитория / А. Е. Ярославцева // Регионы в российском медиaprостранстве. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика 2013». Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – С. 224.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Тертычный А. А., профессор кафедры периодической печати

E-mail: tertaa@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Tertychnyy A. A., Professor of the Periodical Press Department
E-mail: tertaa@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ И РОЛИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье предлагается классифицирование профессиональных ролей работников средств массовой информации на основе системного подхода.

Ключевые слова: журналистика, профессия, тип, роль, системный подход, функция, миссия, канал, форма собственности, тип СМИ, менталит, психотип.

Abstract: the article proposes a classification of the professional role of the media workers on the basis of a systematic approach.

Key words: journalism, occupation, type, role, system approach, function, mission, channel, type of ownership, type of media, the mentality, psycho.

В научной литературе продолжают появляться различные классификации профессиональных ролей работников СМИ, в том числе с учетом новых реалий [1]. На наш взгляд, наиболее продуктивным является классифицирование на основе системного подхода, который мы и применим в данной статье.

1. Типология современных журналистов может быть рассмотрена, исходя из **системы функций**, присущих журналистике.

1.1. **Журналист-информационщик** (*распространитель информации – disseminator*). Очевидно, что каждый литературный сотрудник редакции в процессе своей профессиональной деятельности способствует реализации всего набора функций журналистики, но с разной степенью их презентации. И хотя все корреспонденты призваны о чем-то *информировать* аудиторию, для хроникеров и репортеров эта задача все же является основной.

1.2. **Журналист-аналитик** (*эксперт, комментатор, аналитик информации – interpreter*), **журналист-критик** (*оппонент власти – adversary*). Применяя такие логические методы познания, как анализ и синтез, комментируя события и явления действительности, выступая своеобразным общественным контролером власти, такие журналисты реализуют *контролирующую* функцию.

1.3. **Журналист-пропагандист** (агитатор, социальный организатор). Стремясь оказывать влияние на мировоззрение населения, пропагандируя определенные идеи и ценности, предлагая образцы для подражания, призывая к осуществлению некой деятельности, журналисты решают многочисленные *идеологические и культурно-просветительские* задачи.

1.4. **Журналист-развлекатель** (*entertainer*). СМИ могут способствовать эффективной релаксации

аудитории, адресуя ей развлекательную информацию (*рекреативная/гедоническая/развлекательная функция*).

Что касается *рекламно-справочной функции* журналистики, то ее реализацией должны заниматься не журналисты, а специалисты в сфере рекламы и PR (при этом заметим: многие журналистские тексты могут производить рекламные и PR-эффекты).

2. Применяя в качестве основания **миссию журналистской профессии**, можно выделить следующие ролевый ряд:

2.1. **Журналист-гуманист (идеалист)** понимает журналистику как инструмент общественного мнения и следует принципам этики.

2.2. **Журналист-специалист** ценит прежде всего преданность профессии и компетентность, аналитизм.

2.3. **Журналист-художник** (литератор) стремится по преимуществу к творческой самореализации [1].

При этом, например, исследователь С. Пасти разделяет идеалистов и гуманистов, выделяя отдельно **пропагандистов** – разновидность «беспринципных и лживых» журналистов, подделывающих факты, манипулирующих аудиторией, ставящих карьерные соображения выше собственных убеждений. Думается, это оценочный подход – более того, подобных работников вряд ли разумно числить по рангу профессиональных журналистов, поскольку в данном случае налицо подмена вида деятельности, а именно: журналистского – политтехнологическим. Что же касается пропаганды как таковой, то это – вполне легальный и продуктивный метод распространения информации и знаний, применяемый повсеместно при реализации идеологической и культурно-просветительской и др. функций журналистики. То есть логичнее различать стигматизированного пропагандиста, обладающего «постыдным социаль-

ным качеством», и пропагандиста, добросовестно решающего журналистские или PR-задачи.

Что касается звания «публицист», то мы склонны присоединиться к мнению Оноре де Бальзака, написавшего в свое время следующее: «Некогда публицистами именовали великих писателей – Гроций, Пуфендорф, Боден, Монтескье, Блекстон, Бентам, Мабли, Савари, Смит, Руссо, ныне же так именуют всех писак, которые *делают* политику. Из творца возвышенных обобщений, из пророка, из пастыря идей, каким он был прежде, публицист превратился в человека, занятого сомнительной Современностью. Лишь только на поверхности политического тела выскакивает прыщ, публицист принимается его теребить, расчесывает болячку до крови и пишет по этому поводу книгу, оказывающуюся зачастую сплошным обманом. Публицистика была огромным концентрическим зеркалом: нынешние публицисты распилили его на части и ослепляют толпу каждый своим осколком» [2].

Кстати, великий писатель, отдавший дань и журналистике, также приводит своеобразную классификацию работников прессы, выделяя два вида журналиста – **публициста** и **критика**. При этом публицист у него имеет восемь подвидов (*журналист, государственный муж, памфлетист, ничеговед, публицист с портфелем, автор одной книги, переводчик, автор с убеждениями*), критик – пять подвидов (*критик старого закала, юный белокурый критик, великий критик, фельетонист, сотрудник сатирического листка*). Далее внутри каждого подвида существуют свои разновидности (например, пять разновидностей журналиста: *директора-главного редактора-управляющего-владельца; тенора; сочинителя основных статей; прислуги за все; палатолога*).

Приведем несколько отрывков из сочинения великого француза, которое, на наш взгляд, несмотря на специфику мировой журналистики того времени и французской прессы в частности, сохраняет актуальность.

«Директора – главные редакторы – управляющие – владельцы газеты бывают трех типов: честолюбцы, деловые люди, чистокровные директора.

Честолюбец затевает издание газеты либо ради того, чтобы защищать политическую систему, в победе которой он заинтересован, либо ради того, чтобы стать политиком, которого все боятся. Деловой человек видит в издании газеты способ поместить капиталы и получить проценты влиятельностью, удовольствием, а порой и деньгами. Чистокровный директор управляет газетой по призванию, он знает цену своей власти и получает удовольствие от эксплуатации чужих умов, впрочем, без ущерба для газеты. Для первых двоих газета – средство, тогда как для третьего, чистокровного директора, она – богатство, дом, радость, власть; двое первых становятся важными персонами, чистокровный директор живет и умирает журналистом.

Директора – главные редакторы – управляющие – владельцы газеты — люди жадные и приверженные традициям. Подобно тем правительствам, на которые они нападают, они боятся новшеств и зачастую гибнут оттого, что скупятся вовремя произвести необходимые затраты, *каких требует прогресс просвещения*» [2].

И еще: «Отличительные черты критиков весьма замечательны, в том смысле, что в каждом критике скрывается бездарный автор. Не в силах ничего создать, критик делается немой стражем серала; среди этих немых стражей время от времени попадают Нарсесы и Багоасы. Как правило, всякому критику в начале его карьеры случается опубликовать книги, свидетельствующие о том, что он умеет писать по-французски, но не способен ни придумать интригу, ни обрисовать характеры, — книги решительно никому не интересные.

В прежние времена для того, чтобы стать критиком, требовались образование, опыт, многолетние ученые занятия; за это ремесло брались только на склоне лет, однако нынче, как сказал Мольер, *мы все это переменили*. Появились критики, которые сделались критиками мгновенно и, понимая правила игры, но, не будучи способны играть сами, принялись поучать других. Юноша двадцати лет от роду судит обо всем вкривь и вкось (см. портрет юного белокурого критика). Посему критика изменила форму. Идеи нынче не в чести, главное – изъясняться определенным образом и побольше браниться. Воплощением нынешней критики следует считать Бертрана, персонажа ужасного фарса под названием «РоберМакэр». Когда акционер господин Гого просит Бертрана показать ему счета, тот встает и восклицает: «Прежде всего позволю себе заметить, что господин Гого – каналья!». Сегодня критики начинают с того, чем некогда кончали – увы! – иные эрудиты прошлого. Кажется, брань во все времена казалась самым убедительным из аргументов. Нынче, когда все постепенно обретает материальные формы, критика превращается в некую таможенную для идей, сочинений, книг. Заплатите пошлину, и вас пропустят!.. С глупцами и невеждами критика обходится ласково; она принимается размахивать бичом и трубить в трубу клеветы, надевает маску и вооружается рапирой, только когда видит перед собою произведения истинно замечательные. Ничто человеческое ей не чуждо: она любит себе подобных и потому осыпает похвалами посредственностей. Критики всех разновидностей жаждут прослыть добрыми малыми; они делают зло, но не корысти ради, а исключительно потому, что публика любит каждое утро получить на завтрак трех-четырех авторов, зажаренных на вертеле вперемешку с куропатками и обложенных вместо сала ломтиками издевки. Самой забавной шуткой и проявлением самого отменного вкуса критик почитает следующее: пожимать

вам руку, слыть вашим другом и при этом в своих статьях вонзать в вас ядовитые стрелы. Если он похвалит вас в парижской газете, то наверняка зарежет в газете лондонской» [2].

Но продолжим систематизацию профессиональных ролей, исходя из различных оснований, критериев.

3. Различные каналы (платформы) требуют от журналистов особого набора качеств, умений и навыков. В связи с тенденцией, называемой конвергенцией, в редакциях все более востребованными становятся журналисты-универсалы, что не отменяет специализации: корреспонденты могут отдавать предпочтение тому или иному виду творчества – словесному, визуальному или словесно-визуальному. Отсюда – *различия по характеру труда*: творческому, техническому, комбинированному. Корреспондент добывает, обрабатывает и транслирует информацию, редактор – редактирует и компонует информацию, бийдредактор – визуализирует информацию и т.д.

3.1. Журналист печатной прессы.

3.1.1. Газетный журналист.

Для газетного журналиста особенно подходит определение «описывающий историю современности»: ведь газеты (и не только ежедневные) призваны последовательно и желательно во всей полноте отражать текущую действительность. Газетный журналист должен владеть всей палитрой жанров, но прежде всего – информационными (заметка, интервью, репортаж, отчет) и аналитическими (корреспонденция, статья).

3.1.2. Журнальный журналист.

Больше всего журналов – ежемесячники, и такая периодичность позволяет журналистам готовить обстоятельные тексты. «Журнальное» содержание отличается от «газетного» большим охватом фактов, основательностью и глубиной выводов. Корреспондент журнала проявляет себя прежде всего как аналитик и очеркист; его любимые жанры – корреспонденция, статья, комментарий, очерк, эссе, памфлет. Что же касается информационных жанров, то в журнале они имеют свою специфику: интервью здесь, как правило, – аналитическая беседа, репортаж – хорошо иллюстрированная публикация (нередко с элементами зарисовки).

3.2. Журналист электронных СМИ.

3.2.1. Радиожурналист.

Радиожурналист должен не только отвечать всем требованиям, предъявляемым профессиональному журналисту, но также иметь красивый тембр голоса, уметь членораздельно и правильно говорить на хорошей скорости, быть оперативным при поиске, обработке и доставке информации в редакцию.

3.2.2. Тележурналист.

Для тележурналиста важно то же, что и для радиожурналиста, но также имеет значение и его телегеничность.

3.2.3. Интернет-журналист.

Для журналиста, работающего в интернет-СМИ, помимо чисто журналистских профессиональных качеств, важны компьютерная подготовка и знание иностранных языков.

4. Форма собственности (*статусные отношения владельца, издателя, учредителя*) также диктует особые журналистские роли.

4.1. Журналист общественных СМИ.

4.2. Журналист государственных СМИ.

4.3. Журналист частных СМИ.

4.4. Журналист СМИ смешанной формы собственности.

На характере журналистского труда сказываются и отношения журналиста и редакцией: штатный журналист более ограничен в своих действиях, фрилансер (журналист на договоре, на гонораре)¹, по определению, – более свободен в выражении собственной позиции.

5. Тип СМИ (тематика и проблематика).

В зависимости от типа СМИ редакции имеют особую систему отделов, в которых готовятся определенные разделы периодического издания. В универсальном СМИ это – социальная проблематика, политика, экономика и т. д.; например, в специализированном спортивном СМИ это – футбол, хоккей, баскетбол и т. д.; например, с корпоративным вузовским изданием это – учеба, наука, специальности, специализации и т. д.

5.1. Журналист универсального СМИ.

5.2. Журналист специализированного СМИ.

5.3. Журналист корпоративного СМИ.

На характер журналистской деятельности накладывает отпечаток специфика социальной сферы, представляемой СМИ или отделом редакции (структуры гражданского общества, государственные структуры, политика, экономика, искусство и т. д.), как и направленность СМИ – качественного, квалонида или бульварного по преимуществу.

6. Жанры. С годами журналист отдает предпочтение определенной специализации творческой деятельности, в частности, жанровой – репортерской, аналитической, образной.

6.1. Журналист-новостийщик.

6.2. Журналист-аналитик.

¹ Фрилансер (англ. freelancer — вольный копеещик, свободный копееносец, наёмник; в переносном значении — вольный художник) — человек, выполняющий работу без заключения долговременного договора с работодателем, нанимаемый только для выполнения определённого перечня работ (внештатный работник). Также фрилансером является работник, приглашенный для выполнения работ в ходе аутстаффинга. Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, фрилансер может одновременно выполнять заказы для разных клиентов. Термин фрилансер впервые употребляется Вальтером Скоттом в романе «Айвенго» для описания «средневекового наёмного воина». – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фрилансер>

6.3. Журналист-очеркист (эссеист, фельетонист).

7. При рассмотрении проблем профессионализма не обойтись без обращения к понятию **менталитета** – совокупности умственных навыков и духовных установок, присущих человеку или общественной группе (в нашем случае – журналистской корпорации).

Среди различных качеств, в той или иной степени проявляющихся в менталитете современного россиянина, выделяют *противоречивость*, обнаруживающуюся самым различным образом – как «наличие ангельского и демонического», «жажда свободы и раба», жертвенность и жестокость в любви, боязнь и потребность страдания, религиозность и атеизм и др.². Среди других характеристик чаще всего называют *ведомость и пассивность* *преклонение перед красотой, незнание меры, проявляющееся в русской удали и размахе, покорность, вера в доброго царя или в судьбу, отсутствие самодисциплины и самоограничения*. Но и – *огромная сила воли, упорство, неприхотливость, практическая направленность ума, ловкость и рациональность, оптимизм, чувство мощного единения друг с другом, примирительное отношение к народам-соседям*.

Еще несколько идей-постулатов продолжают оказывать огромное влияние на национальный менталитет россиян: «Духовное выше материального», «Общее выше индивидуального», «Справедливость выше закона», «Будущее важнее настоящего и прошлого». Возможно, отсюда – сопротивление глобализации, в рамках которой Россия рассматривается в качестве одного из многих объектов, предназначенных для абсорбирования (поглощения, растворения) [3]. Существующий внутренний конфликт между, как минимум, двумя цивилизационными парадигмами (рациональной западной и иррациональной ортодоксальной культурами) отражается также на характере российской журналистики и на действиях отечественных журналистов³.

Интересен подход к менталитету с точки зрения географического анализа этнокультурной и природной среды. Выделяются такие группы факторов, как

² Иванова В. Менталитет русского народа через призму русской литературы 19-го века / В. Иванова. – <http://referat.www4.com/?name=5524> (дата обращения – 17.08.13).

³ Ср.: «Лондонская пресса не оказывает на мир такого же влияния, как парижская: она, пожалуй, является исключительной принадлежностью самой Англии, которая распространяет свой эгоизм на все без исключения. Этот эгоизм следует именовать патриотизмом, ибо патриотизм есть не что иное, как местный эгоизм. Поэтому нужно заметить, что между английскими и французскими журналистами существует огромная разница. Англичанин – сначала англичанин, а уж потом журналист. Француз — сначала журналист, а уж потом француз. Поэтому английские газеты никогда не станут славы ради выдавать секреты своего правительства, тогда как французская газета ради того, чтобы привлечь подписчиков, раскроет любые политические тайны» [2].

географическое положение, обширность территории; климат (длинная зима, низкие температуры и др.); ландшафт. Первая группа факторов вызывает следующие черты характера: широта души, вольность, духовная свобода, подавленность, бесхозяйственность, безынициативность, лень. Вторая – такие черты, как меланхоличность, медлительность, недооценка своего труда, гостеприимство, терпение, послушание, коллективизм, соборность, чувство локтя, противоречивость, безудержность. Третья – созерцательность, мечтательность, наблюдательность, вдумчивость, слежение за природой, обсуждение пройденного пути.

Любая черта не может быть оценена однозначно как отрицательная или положительная. Например, медлительность, с одной стороны, вредит в ситуации, когда необходимо принимать оперативные решения (оперативность – одно из профессиональных требований к работнику СМИ), с другой стороны, позволяет не торопить события, способствует неспешному детальному анализу ситуации, принятию продуманного решения (крайне важное качество для журналистика-аналитика). Коллективизм хорош при работе в редакционной команде, но излишняя робость в случае, когда от журналиста требуется личная инициатива и личная ответственность, расчет лишь на коллективные решения может стопорить ход дела.

На менталитет как на феномен могут оказывать воздействие различные факторы (имеются в виду значительные факторы долговременного воздействия). Например, согласно теории поколений, разработанной в 1991 году американскими социологами Нейлом Хоувом и Уильямом Штраусом, «важнейшими факторами, определяющими мышление, действия поколений, являются не возраст, а два других параметра: первое – среда, в которой человек рос до 10-12 лет. Все, что происходит вокруг, человек в таком возрасте оценивает не в категориях «хорошее или плохое», «правильное или неправильное», а как нормальное.

Второй параметр – нормы воспитания в семье, которые ребенок тоже воспринимает как нормальные. Так у человека формируются базовые ценности. Они неосознанно проявляются в течение всей последующей жизни как отдельного человека, так и целого поколения, влияют на наше поведение» [4, 22]⁴. Выделяя ценностные доминанты, которые и влияют на поведение человека, журналисты дали образные характеристики всем представленным сегодня поколениям россиян. «Дети революции» (родились с 1900 по 1923 гг.), «Молчаливое поколение», «Бумеры» (с 1943 по 1963 гг., «Поколение X»

⁴ Теория поколений рассматривает ценности большинства и типичные модели поведения. Люди, родившиеся на стыке поколений (+/-3 года от границы поколений), представляют так называемое Переходное, или Эхо-поколение. Они обладают характеристиками обоих поколений.

(1963–1983 г.г.), «Поколение Y» (1983–2003 г.г.), «Поколение Z» (2003 г.г. и младше).

«...Между поколениями явно прослеживались четыре основных типа, четко сменявших друг друга. Условно Хоув и Штраус разделили эти типы на «пророков/идеалистов», «кочевников/активистов», «героев/примиренцев» и «художников/приспособленцев».

Поскольку смена происходила почти без сбоев, авторы книги (Generations/«Поколения» – В. Т.) называли периоды, в которые проживали эти поколения, по аналогии со временами года – «зимний период» (для «художников»), «весенний» (для «пророков»), «летний» (для «кочевников») и «осенний» (для «героев») [5].

8. Наконец, интересно проследить «наличный состав» российской прессы с точки зрения **психотипов**. Психологи В. Л. Таланов и И. Г. Малкина-Пых предложили группировать психотипы «в квадраты по естественной тяге друг к другу, из-за особого взаимодействия и взаимодополнения их психологических функций» [6; 7].

Жизненные ценности и установки первой квадраты объединяются словами *распространение информации, демократизм, мягкость, наивность, поиск, перспективные идеи общественного развития, справедливость, детство*: интуитивно-логический экстраверт (Дон-Кихот, Искатель), сенсорно-этический интроверт (Дюма, Посредник), этико-сенсорный экстраверт (Гюго, Энтузиаст, Торговец), логико-интуитивный интроверт (Робеспьер, Аналитик).

Ценности второй квадраты объединены словами *ниспровержение, борьба, преодоление, действие, упрямство, молодость*: этико-интуитивный экстраверт (Гамлет, Артист), логико-сенсорный интроверт (Максим Горький, Инспектор, Опекун), сенсорно-логический экстраверт (Жуков, Организатор), интуитивно-этический интроверт (Есенин, Лирик).

Третья квадра объединена словами *очищение, критика, трезвость, строительство, реформы, зрелость*: сенсорно-этический экстраверт (Наполеон, Лидер), интуитивно-логический интроверт (Бальзак, Критик), логико-интуитивный экстраверт (Джек Лондон, Предприниматель), этико-сенсорный интроверт (Драйзер, Хранитель).

Словами четвертой квадраты являются *удобство, стабильность, экология, сохранение, консерватизм, старость*: логико-сенсорный экстраверт (Штирлиц, Администратор), этико-интуитивный интроверт (Достоевский, Гуманист), интуитивно-этический экстраверт (Гексли, Инициатор, Журналист), сенсорно-логический интроверт (Габен, Мастер).

Ученые далее выделили всех выведенных психотипов: например, кредо интуитивно-этического интроверта звучит так: «Миром правят настроение и умение передать его другим», сенсорно-логического интроверта: «Миром правит польза», этико-интуитивного интроверта: «Миром правит доброта» и т. д. Такой подход в какой-то мере совпадает с тем, что применил Бальзак в своей «Монографии о парижской прессе» и дал образные характеристики практикующим журналистам. В современной научной литературе также встречаются описания журналистских типов: идеалистов (гипотетический образ независимого журналиста), романтиков, авантюристов, предпринимателей, генераторов идей, свободных профессионалов и др. Это важно не только с чисто познавательной точки зрения, но и с научных позиций, предполагающих изучение существующей ситуации (явлений, тенденций) и создание прогностических моделей прогрессивной журналистики и журналистской профессии.

Таким образом, на качества журналистов воздействует целая сумма факторов, в результате чего формируются определенные ценностные доминанты, которые и определяют профессионализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пасти С. Российский журналист в контексте перемен / С. Пасти. – <http://www.uta.fi/cmt/yhteystiedot/henkilokunta/svetlanapasti/publications/pastinkirja.pdf> (дата обращения 11.08.13).
2. Бальзак О. Монография о парижской прессе / Отрывок из «Естественной истории двуруких общественных» / О. Бальзак. – <http://aafokin.narod.ru/Balzac.pdf> (дата обращения – 11.08.13).
3. Иванова В. Менталитет русского народа через призму русской литературы 19-го века / В. Иванова. – <http://referat.www4.com/?name=5524> (дата обращения – 17.08.13).
4. Архангельский А. Generation П (пенсионеров) / А. Архангельский // Огонёк. – 2005. – № 3.
5. Чумаков В. Теория поколений / В. Чумаков. – <http://www.svblog.ru/consult/KK-3/5/> (дата обращения – 17.08.13).
6. Таланов В. Л. Краткое описание психотипов / В. Л. Таланов, И. Г. Малкина-Пых. – <http://mysocionics.narod.ru/types.htm> (дата обращения – 17.08.13).
7. Таланов В. Л. Справочник практического психолога / В. Л. Таланов, И. Г. Малкина-Пых. – СПб.: Сова, М.: ЭКСМО, 2002.

Воронежский государственный университет

Тулупов В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Advertising and Design Department

E-mail: vlvtul@mail.ru

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЛОЖЬ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА В СМИ

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 января 2016 г.

Аннотация: данная статья затрагивает некоторые базовые проблемы медийной лжи. Соотношение правды деталей и общего искривления перспективы в формировании картины мира делает СМИ источником когнитивного диссонанса для миллионов потребителей медиапродукта. Мнения и идеи современных философов и медиакритиков помогают понять истоки и особенности журналистского вранья. Сделаны выводы о необходимости усиления этического давления на СМИ с целью ограничить зоны распространения дезинформационных дискурсов и влияние политической пропаганды, а также о необходимости воспитания критически мыслящей аудитории.

Ключевые слова: ложь, истина, правда, медийный текст, оценочность, пропаганда.

Abstract: the article deals with some basic aspects of mass media lie. Correlation of truthful details and general distortion of outline in representation of reality causes cognitive dissonance of media consumers. Opinions and ideas of modern philosophers and mediacritics help to grasp origins and peculiarities of journalistic falsehood. The conclusions are drawn about ways of curbing falsehood zones and disinformation discourses and educating critically-minded consumers.

Key-words: falsehood, lie, truth, media text, evaluation, propaganda.

Как уменьшить количество неистинной и недолжной информации в масс-медиа? Что можно предпринять, чтобы ложь в СМИ не стала фактором самоуничтожения журналистики? Как реагировать на закамуфлированную и неявную неправду в медийных текстах? Эти вопросы все чаще встречаются в науке о массовой коммуникации и в теории журналистики [5; 6; 9; 15]. Они приобретают особую злободневность в условиях информационного и технотронного бума, что и заставляет бросить ретроспективный взгляд на проблему правды и лжи в СМИ. Любопытной особенностью современной медийной повестки дня можно считать стремление сильных мира сего внушить широкой аудитории идеи, порожденные оптимистическими сценариями социального развития. Так, например, СМИ РФ в прошлом году активно продвигали на рынок идей концепции ура-патриотического толка, умалчивая о многих провалах в экономике и внешней политике. Повестка дня формировалась в угоду «партии войны», хотя в любой теории утверждается, что худой мир лучше хорошей победоносной бойни. Вопреки фактам утверждалось, что современный прожиточный минимум в нашей стране (это где-то 9-10 тысяч рублей) отражает повышение жизненного уровня трудовых масс. При этом называть имена людей, искажающих истину, в масс-медиа далеко не всегда представляется возможным. Источник подобной амбивалентности следует искать в самой диалектике познания мира и в специфике журналистского труда.

Философы давно спорят о сути истины и лжи, что важно и для специалистов во всех других отраслях знания. Сегодня этот спор обострился в связи с обилием пропаганды политического толка. Но и «чистая теория» по-новому интересна в ситуации тотальной релятивизации истины. Например, сравнительно недавно философ Славой Жижек, комментируя идеи Ж. Лакана, связанные с анализом коммуникативного опыта личности, писал: «Он (опыт – В. Х.) открывает и сохраняет пространство для События-истины...существует область «по ту сторону Истины», которая не является просто повседневной областью лжи, обмана и заблуждений, а представляет собой Пустоту, поддерживающую пространство, в котором только и можно сформулировать символический вымысел, называемый нами «истиной» [8, 225]. Свет истины символизирует прогресс, но, согласно Жижеку и многим другим современным авторам, он же выражает полемику с неясностью и «потаенностью» когнитивных процессов, выражает непреодолимую неполноту знания о мире (ср. у Канта мысль о познаваемости и в то же время непознаваемости мира). Познание как непрерывный диалектический процесс уточняет и утверждает объективную истину, которая в каждый исторический момент конкретна и считается достижимым идеалом, хотя абсолютная истина рассматривается как некий предел, к которому мы стремимся бесконечно [2; 4; 12]. Историческое бытие и индивидуальная экзистенция ставят на первое место, «идеализируют» добро, говоря об «истине-правде» как обозначении не только

истинности в значении «результата» гносеологической деятельности, но и как о знаке (признаке) эмоциональной установки на честное освещение событий, в чем видят идеал «справедливости» в общественной жизни. И данный этический оттенок смысла термина для журналистов часто важнее когнитивности. Это легко объяснить. Точность фактов не гарантирует объективности и «честности» медийных текстов (МТ) и медийных дискурсов (МД), фактография не спасает вторую древнейшую профессию от манипуляций и лжи уже потому, что существует закон отбора информации и принципы ее фильтрации в масс-медиа. Всегда была, есть и будет цензура и/или самоцензура. Всегда были и будут субъективизм, полет фантазии, оговорки, по-разному трактуемый контекст. В работах политологов давно установлено, что в политике тоже, увы, ложь не считается исключением или большим грехом [12; 16]. Весьма любопытно мнение политолога В. П. Пугачёва: «В целом в истории человечества действует определенная закономерность: чем больше расходятся интересы управляющих и управляемых, тем более неприемлемым в общественном сознании является применение в политике и управлении физического принуждения, грубой силы; чем шире возможности правящей элиты использовать скрытые методы и технологии управления и чем большими способностями для этого она обладает, тем в большей степени в политической жизни страны используются методы скрытого управления массами (т. е. активная или пассивная ложь, лицемерие неточности, умолчания)» [12, 64]. Данное положение можно проиллюстрировать недавним примером. Отечественные СМИ отличились в 2014 г. бесконечным повторением тезиса о перевороте и захвате власти в Украине националистами-фашистами. Но это не так. Фашизм не прошел. Еще пример «мягкой лжи»: Алексей Улюкаев, министр экономики, отрицая наличие в отечественной экономике кризиса, заявил в СМИ: «После повышения ставки ФРС США я не вижу какого-то потенциала для серьезных макроэкономических потрясений для России и для курса рубля» [19]. Но его слова опровергли эксперты, указав на неизбежность падения рубля по отношению к бивалютной корзине. Герман Греф, глава Сбербанка, сказал по поводу сложившейся к началу 2016 г. ситуации: «Если каждый пятый банк — банкрот и больше 2 трлн рублей господомощи это не кризис — тогда я не знаю, что такое кризис» [19]. Приведем также авторитетное мнение философа А. К. Секацкого, который в главе «Обмен обменом как всеобщий фон коммуникации» своей известной работы «Онтология лжи» верно отметил: «Человек — первый и единственный пока субъект, сумевший обжить, обуздать квазипространство лжи и сделать его измерения измерениями соб-

ственного сознания. Родовые признаки сознания «сапиентного» типа — способность генерировать ложь и неразрушаемость ложью» [14, 147]. Автор исследования справедливо подчеркивал, что «серая суровая нить, из которой соткана канва «общения», не является исключительно нитью истины, но точно также далека она от осмысленной стратегии обмана. Истина и ложь — все это уже вышивка по канве. Основным же наполнителем каналов общения...служит стихийная импровизация мысли, или безудержное производство версий» [14, 148]. Следует полностью согласиться с этим постулатом, ибо практика подтверждает его аксиоматичность. Ложь и истина живут вместе, и в первую очередь не коммуникативных процессах, а в самой реальности. Творческий акт проживания в мире людей нельзя помыслить без святой лжи (врач обязан приукрашивать перспективы больного, мужчина идеализирует любимую женщину, политик рисует светлое будущее и т. д., ибо «жить с истиной невозможно» [11, 88]. Примечательно, например, что в английском языке есть понятие «белой лжи» (white lie), которая неизбежна в любом языке и культуре таков этический идеал современной журналистики? Как работают журналисты в этико-правовом поле информационного общества, каковы критерии нашей потребительской (духовно-нравственной) компетентности? Какие этические ошибки совершают работники СМИ, добывая и распространяя актуальную информацию? Эти вопросы помогают, как представляется, полнее охарактеризовать эволюцию правдивых/неправдивых МТ в условиях рыночной демократии, глобализации и технотронной революции. Отечественные авторы (Р. Бухарцев, В. Теплюк, Д. Авраамов) в системе ценностей журналистики особо выделяют «правду», причем Д. С. Авраамов указывал, что «правда-истина» (т. е. фактография, адекватное отражение реальности) не всегда совпадает с «правдой-справедливостью» (т. е. «благородным идеалом» гуманности, равенства и братства) [1, 135]. Иногда на страже точности информационных текстов стоит закон. В случае клеветы и доказанной лжи журналисты вызываются в суд и наказываются. Но проблема достоверности фактов, а следовательно, и доверия (даже к новостям качественных СМИ) остается острой. Действительно, смысл работы СМИ заключается в правдивом, объективном информировании граждан о происходящих событиях, о мнениях людей, о сути бытия и т. д. СМИ продают особый духовно-прагматический, но в некотором смысле и мистический «неизглаголемый» (А. Блок) товар, который трудно уподоблять продаже товаров широкого потребления в материальной сфере жизни. Новости, в отличие от продуктов питания или мебели, гораздо активнее влияют на формирование внутреннего мира людей, их вкусов, идейных за-

просов и т. п. Отсюда вытекает принципиальное следствие: отбор новостей и событий для анализа в СМИ имеет существенное «проектное», воспитательное и прогностически-духовное значение для человечества. Исследователь Д. И. Дубровский в связи с обсуждением функций недолжного дискурса обмана, отмечает: «Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [7]. В этических медийных кодексах всех стран утверждается идеал непредвзятого объективно-научного подхода к анализу действительности, осуждается клевета и обман, защищается презумпция невиновности, право на свободу слова. Даже качественные СМИ при освещении конфликтов на Ближнем Востоке не смогли быть беспристрастными и объективными. Казус вышел с освещением событий в Ливии, о котором писали и у нас [13]. На сайте BBC Британии 20 октября 2011 г. был опубликован материал «Libya's Col Muammar Gaddafi killed, says NTC» (Убили полковника Ливии Муаммара Каддафи, утверждает NTC) [17]. Вот сокращенный текст новости: *«Экс-лидер Ливии Муаммар Каддафи был убит после нападения в Сирте, говорят чиновники переходного правительства Ливии. Исполняющий обязанности премьер-министра Махмуд Джабриль объявил о смерти, а затем добавил, что полковник был убит в перестрелке между сторонниками Каддафи и борцами переходного правительства. Он подтвердил, что Муаммар Каддафи был взят живым, но умер от пулевых ранений по дороге в больницу»* [18]. Контекстом являются непосредственные боестолкновения повстанцев и правительственных войск (непосредственный контекст) и исторические события далекого и недавнего прошлого. К таковым относится, например, операция «Каньон Эльдорадо» (*El Dorado Canyon*), бомбардировка города Триполи западной авиацией после террористического акта 1986 года. В США в 2011–2012 гг. постоянно проводилась параллель между атаками на Триполи, причем факт бомбардировки столицы Ливии в 1986 г. считался. Поэтому смерть М. Каддафи, который был «назначен» ответственным за террористические атаки 1980-х гг., стала мотивом с положительными коннотациями. Создавался образ типичного злодея, хотя в 2000-е годы тот не поддерживал террористов, а с Усамой Бен Ладеном враждовал.

Доказательной базой рассматриваемого сообщения из Ливии служит ссылка на авторитетный источник, Есть в этом МТ иллюстрация – любительское видео, которое не имеет четкого изображения, лишено ясной «картинки». Журналист BBC News Рана Джавад сообщает из Триполи, что «жители на улицах столицы размахивают флагами

и аплодируют из окон своих автомобилей», т. е. в МТ изображалась радость победителей без указания на горе толпы его сторонников, не было плюрализма мнений. Кадры любительской видеозаписи, загруженные на You Tube, подтверждают, что Каддафи был захвачен живым. После захвата и побоев, о которых западные журналисты заговорили позже, Каддафи, как сообщили корреспонденты BBC, был помещен в машину скорой помощи. Но был ли он жив в тот момент? Оказывалась ли помощь? Свидетели говорили, что он скончался от ран по дороге. Звучит неубедительно, если сопоставить с данными арабских СМИ, утверждавших, что группа изуверов подвергла бывшего диктатора пыткам. В Интернете замелькали кадры, подрывающие официальную версию. Но об издевательствах при задержании Каддафи западные журналисты заговорили значительно позже, после сообщений канала «Аль-Джазира», после публикаций в сирийской прессе, после протестов российских дипломатов и некоторых западных качественных изданиях, в том числе и в официальных СМИ. В теленовостях США событие было подано преимущественно как ритуальное убийство тирана восставшим народом, но это полуправда. Умолчание как прием использовалось при ответах на вопрос: а кому было выгодно кровопускание? Или это было искреннее заблуждение западных журналистов? Что угодно, но не чистая правда. Версия, но не истина! История показала, что кроме народа событие творили военные преступники, авантюристы, политики и прочие люди, не думающие о правде и честности. Ритуал обернулся гражданской войной. Усилилась и психолого-информационная война между Востоком и Западом. В этой войне телевидение исполняет роль первой скрипки. Медиа-тизация конфликтов стала важнейшим коммуникативным процессом в международной жизни конца прошлого и начала нынешнего века.

Многие, зная о неточности МД, принимают журналистские сообщения с оговоркой: мол, все лгут, но плюрализм и разные оттенки лжи дают шанс с помощью критического анализа и грамотной интерпретации контекста увидеть в кривом зеркале СМИ частицы, осколки правды. Это тоже заблуждение, охотно тиражируемое СМИ. Как известно, медиаинформация, особенно в эпоху ТВ, потребляется в шаблонных форматах, содержащих продукцию массового производства, что характерно для массовой культуры в целом. МТ обычно не дифференцирует события по значимости, отдавая предпочтение экспрессии нарратива. Обилие банальных новостей обескураживает медиакритиков. Это один из неуничтожимых источников так называемого «информационного шума», коммуникативного шлака, препятствующего успешному общению людей посредством СМИ.

Рынок уже отреагировал на эти перемены в масс-медиа. Тиражи газет идут вниз. Кризис доверия к СМИ свидетельствует о тупиковом варианте эволюции журнализма. Об этом, например, упомянул глава СЖР В. Богданов, выступая на Всемирном журналистском конгрессе в Кадисе (Испания). Он отметил, что «когда медиа теряют доверие, это все равно, что камень, преградивший путь к роднику. Люди за чистой водой пойдут в другое место. И они идут» [3, 5]. Парадокс состоит еще и в том, что в обыденной жизни средний читатель (слушатель, зритель) склонен одновременно и верить, и не верить СМИ, доверять и не доверять всем журналистам сразу, включая в их число и телеведущих, и руководителей проектов, и владельцев каналов. Слабая подготовленность аудитории к скрупулезной работе с МТ тоже релевантна. Потребитель сам обманываться рад, как писал поэт. Поэтому медиакритика обязана воспитывать критически мыслящую аудиторию – такова ее миссия! А так как власть, как правило, не проявляет в этом вопросе активности, то медиакритик изначально должен критически относиться к политическим текстам, выявлять их неискренность, лицемерие, разоблачать манипулятивные приемы. Таково предназначение профессии!!

Можно, думается, выделить несколько видов лганья, важных для понимания коммуникативных законов, действующих в СМИ. Наиболее опасна **прямая ложь** с целью манипулирования общественным сознанием. Это ложь «криминальная», с которой борется уголовный кодекс (проповедь расизма, фашизма, диффамация и т. п.). Преступна и непреднамеренная **ложь-заблуждение**, т. е. неправда, оскорбляющая общественную мораль, например, бескорыстная проповедь пользы наркотиков убежденными потребителями или наркоторговцами. Третьим видом лганья может оказаться **честное заблуждение** журналиста, искажившего истину по незнанию, хотя здесь много небесспорных случаев. Как правило, закон в этом случае молчит, однако нравственность страдает. Неточный текст редко ведет к конфликту. Он не вызывает юридических последствий, но тоже мешает созданию и утверждению истинной картины мира. Американские исследователи определили, например, что не менее 10 % SMS-сообщений содержат ложь, но это далеко не всегда намеренный обман. Чаты полны непреднамеренных лживых посланий, отражающих иллюзорность мировидения их авторов. Интернет-реклама еще более лжива, чем реклама в традиционных СМИ. Трагедии тут пока нет. Сам факт бесконечной смены повестки дня позволяет смывать и удалять огромное количество искажающей информации. Но звонок тревоги слышен.

Сделаем предварительные **выводы**. Намеренно лгущий в своих статьях ученый – это явно нехороший человек. Лгущий журналист или врач – не всег-

да злодей. Теоретически мы можем требовать, чтобы СМИ сообщали «правду и только правду». Это линия горизонта, к которой все мы обязаны идти. Так как всеобщая ложь деформирует идеал журналистики, то создатели новостей много времени тратят на комментарии и мнения, принадлежащие авторитетным людям, омбудсменам, что частично компенсирует нехватку авторитетного Слова и дополняет истинностное воздействие медийной информации на общественное сознание. Можно сделать вывод о необходимости усиления этического давления на СМИ ради ограничения зоны распространения дезинформационных дискурсов. Важен, на наш взгляд, и тезис о необходимости воспитания критически мыслящей аудитории. Грамотная культурософская интерпретация приемов манипулирования и журналистского лганья помогает объяснять парадоксы медийной коммуникации, и здесь мы видим немало достижений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамов Д. Профессиональная этика журналиста. Парадоксы развития, поиски, перспективы / Д. Авраамов. – Москва, 1991. – С. 135.
2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов / А. Г. Алтунян. – Москва, 2006. – 239 с.
3. Богданов В. Наш путь к чистой воде / В. Богданов // Журналистика и медиарынок. – 2010. – № 5. – С. 5–9.
4. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика : Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетеия, 1999. – 289 с.
5. Боллинджер Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Боллинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия / [общ. ред. В. В. Петрова]. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 23–27.
6. Вайнрайх Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрайх // Язык и моделирование социального взаимодействия / [общ. ред. В. В. Петрова]. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 44–87.
7. Дубровский Д. – URL: http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/obman1.htm#O_1_4
8. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек / [пер с англ.]. – Москва : «Дело», 2014. – 538 с.
9. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 54–59.
10. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи : лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... док-ра филол. наук / А. В. Ленец. – Ростов-на-Дону, 2010. – 42 с.
11. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтичном смысле / Ф. Ницше // О пользе и вреде истории для жизни. – Минск : Харвест, 2003.
12. Пугачёв В. П. Технологии скрытого управления

в современной российской политике / В. П. Пугачев // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2003. – № 3. – С. 64–72.

13. Сапунов В. И. Манипулятивные технологии зарубежных телеканалов в освещении конфликта в Ливии / В. И. Сапунов // Акценты : новое в массовой коммуникации. – Воронеж.] № 3–4. – 2011. – С. 85–93.

14. Секацкий А. К. Онтология лжи / А. К. Секацкий. – Санкт-Петербург, Издательство С.-Петербургского университета, 2000. – 302 с.

15. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В. И. Шаховский // Человек в коммуникации : аспекты исследования. – Волгоград, 2005. – С. 173–204.

16. Чернобров А. Жить не по лжи / А. Чернобров // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 37–44.

17. <http://www.bbc.co.uk>

18. <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-15389550>

19. <http://www.trud.ru/article/19-12-2015/1332371>

Воронежский государственный университет

Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Khorolskiy V.V., Doctor of Philology, Professor of Journalism History and Literature Department

E-mail: khorolbox@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СМИ ВЬЕТНАМА

Чан Тхи Тху Хыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается общее состояние современной системы средств массовой информации Вьетнама, ее проблемы и некоторые пути их преодоления.

Ключевые слова: СМИ Вьетнама, кризис прессы, онлайн-тенденции в СМИ, избыток информации.

Abstract: the article deals with the general condition of the modern media of Vietnam, its problems and some proposals to overcome them.

Key-words: Vietnam's media, crisis of the press, online trends in the media, inadequacy of information.

Информационная среда расширяется и активно развивается за счет интернет-ресурсов. При этом традиционная пресса, переживая кризис, ищет варианты выживания. Так, в 2013 г. одна из старейших газет мира *Lloyd'sList* (270 лет) из-за перманентного снижения тиража вынуждена была полностью перейти с печатной на электронную версию [1]. Опросы показали, что только 2 % ее читателей не используют электронную версию издания.

Во Вьетнаме первые газеты появились более века назад, но на самом деле развиваться пресса стала только в середине XX века [2], когда журналисты с помощью печатного слова мобилизовали население на борьбу с захватчиками. Первая печатная газета на вьетнамском языке «ЗаДинь» (*Gia Dinh bao*) вышла в середине XX века [3], и почти одновременно – «Молодежь» (*Thanhnienbao*), «Спаситель Родины» (*Suuquocbao*), «Голос народа» (*Tiengdanbao*) и др. Со временем число наименований периодических изданий составило 490, включая 160 ежедневных и еженедельных газет.

Такие журналисты и политики, как Чан Зуи Люу, Нго Дык Ке, ХуингТхукКханг, ФамКуинь, Нгуен Ван Винь [4], сделали немало для развития прессы в этот период. После 1975 г., когда страна была полностью освобождена, печатные газеты стали основным средством массовой информации во Вьетнаме. Но в начале XXI века и их не обошли кризисные явления. Каковы же причины?

Во-первых, изменился характер потребления информации. Прежде вьетнамцы, оформляя подписку или покупая газеты и журналы в розницу, выбирали то, что им действительно было интересно. С электронными СМИ проще, достаточно только одного клика или включения функции поиска по ключевым словам, и вся информация как на ладони. Читатель реагирует на броскость подачи (привле-

кательные заголовки, фотографии и др.), что становится приоритетом редакционной политики электронных СМИ. Следует сказать и о том, что у большинства вьетнамцев нет привычки чтения, они с трудом воспринимают длинные статьи (на экране в т. ч.), чем пользуются создатели «желтых» новостей. Печатные же газеты ориентировались на последовательное восприятие серьезной информации, держа в приоритете качество контента и доверие к ним читателей.

Сегодня Вьетнам оценивается как одна из стран с наиболее быстро растущим ежегодно количеством пользователей (Интернет во Вьетнаме развивается с 1997 г.) [5]. По статистике организации *WeAreSocial*, в 2015 г. во Вьетнаме насчитывался 41 млн интернет-пользователей, в том числе использующих персональные компьютеры или мобильные устройства (45 % населения). Идя навстречу пожеланиям читателей, издания переводятся в электронное состояние и функционируют в онлайн-режиме.

В конце 2013 г. во Вьетнаме было зарегистрировано 70 электронных газет, 19 электронных журналов и 265 информационных веб-сайтов. Кроме того, такие известные печатные газеты, как «Народ», «Труд», «Новый Ханой» и «Молодежь» имеют онлайн-версии. В этой ситуации обострилась конкуренция между крупными печатными и электронными газетами «Юность», *Vietnamnet*, *Vnexpress*, *dantri.com*.

На Вьетнамском экономическом форуме 2014 г. была обнародована информация об изданиях, лидирующих по количеству читателей: «Юность» (54,5 %), *Vietnamnet* (50,2 %), *Vnexpress* (39,8 %) [6].

Вторая причина кризиса традиционной прессы – избыток источников информации.

При этом оригинальной информации не становится больше. Копии, ремейки статей, прямые заимствования содержания под другими заголовками – такая ситуация стала типичной для современных СМИ. Авторские права стали повсеместно на-

рушаться, особенно с развитием социальных сетей (во Вьетнаме в настоящее время 30 млн пользователей социальных сетей, и, например, сайт *24h.com.vn* имеет почти 1,5 млн читателей в *Facebook*). Это серьезная проблема, отягченная еще и тем, что распространяемая информация нередко является недостоверной. И когда слишком много информации, состояние читателя близко к панике: он не знает, где правда, а где манипулирование или даже откровенная ложь. Таким постепенно падает доверие читателей к СМИ.

Третья причина сложностей бумажных изданий – *снижение доходов от реализации тиража и поступления рекламы*.

Если 30 лет назад тираж газеты «Нью-Йорк-Таймс» превышал 1 млн экз., то сегодня о таком числе можно даже не мечтать [7]. По статистике газеты «Юность», во Вьетнаме общий тираж прессы в 2013 г. снизился на 14 млн экз. по сравнению с 2012 г., и составляет теперь 836 000 000 экз. Всего доходы от пресс-рекламы в 2013 г. составили 1.650 млрд донг, что на 0,9 % меньше по сравнению с 2012 г. [8].

В последние годы во вьетнамской журналистике произошли заметные изменения, которые можно оценить как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

Увеличилось количество СМИ, которые становятся все более доступными.

Современные технологии способствуют улучшению дизайна, комфортности чтения и т. д.

В то же время очевиден бурный рост бульварных СМИ.

Развитие Интернета и социальных сетей породило потоки непроверенной информации.

Конечно, состояние СМИ во Вьетнаме в целом такое же, как во всех других странах мира. Но при этом каждая страна должна решать типичные проблемы по-своему. Например, некоторые вьетнамские медиа успешно реформируются.

Так, газета «Закон и жизнь» – официальный орган Центрального комитета юристов Вьетнама – занимает в рейтинге топ-5 газет первое место. Она

постоянно совершенствует содержание публикаций, выпускает приложения в виде бюллетеней («Брак и закон», «Красота» и др.), увеличивает тираж, завоевывает все большую популярность у читателей страны.

То же можно сказать и о газете «Жить здорово».

ЛИТЕРАТУРА

1. Старинная печатная газета переходит на онлайн-издание (Báo giấy lâu đời nhất chuyển hẳn sang online) [электронный ресурс]. <http://kinhdoanh.vnexpress.net/tin-tuc/quoc-te/bao-giay-lau-doi-nhat-the-gioi-chuyen-han-sang-online-2886188.html> (27.09.2013).
2. Đỗ Quang Hưng. Lịch sử báo chí Việt Nam 1865–1945. – С. 126.
3. До К. Х. История вьетнамской журналистики 1865–1945. – С. 126.
4. Факты об Интернете во Вьетнаме (Những sự thật về Internet tại Việt Nam) [электронный ресурс]. – <http://xahoithongtin.com.vn/nhung-su-that-ve-internet-tai-vietnam-d24217.html> (24.05.2015).
5. Vietnamnet – первый выбор читателей (Vietnamnet – lựa chọn hàng đầu của độc giả) [электронный ресурс]. – <http://vef.vn/2010/10/14/2010-10-14-vietnamnet-lua-chon-hang-dau-cua-doc-gia> (14.10.2010).
6. Работа над журналистикой в современных СМИ. (Tác nghiệp báo chí trong môi trường truyền thông hiện đại) [электронный ресурс]. <http://nxbthongtintruyenthong.vn/vi/0/product/detail/tac-nghiep-bao-chi-trong-moi-truong-truyen-thong-hien-dai/658?cateid=53> (24.10.2014).
7. Работа над журналистикой в современных СМИ (Tác nghiệp báo chí trong môi trường truyền thông hiện đại) [электронный ресурс]. – <http://nxbthongtintruyenthong.vn/vi/0/product/detail/tac-nghiep-bao-chi-trong-moi-truong-truyen-thong-hien-dai/658?cateid=53> (24.10.2014).
8. New York Times перестает выпускать печатные газеты (Thời báo New York ngừng phát hành báo giấy) [электронный ресурс]. – <http://itimes.vn/Root/printdocument.aspx?articleid=14348>.
9. Báo in gặp khó, điện tử thành chủ lực [электронный ресурс]. – <http://binhdinh.vnpt.vn/detail/bao-in-gap-kho-dien-tu-thanh-chu-luc/582337/10>

Воронежский государственный университет

Чан Тху Хыонг, аспирант кафедры рекламы и дизайна

Email: tranthuhuong140589@gmail.com

Voronezh State University

Tran Thi Thu Huong, Post-graduate Student of the Advertising and Design Department

Email: tranthuhuong140589@gmail.com

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ КАК ФЕНОМЕН КОММУНИКАЦИИ

В. А. Черванева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

Аннотация: в статье описываются основные типы коммуникативных ситуаций бытования мифологического рассказа в традиции, проводится их сопоставление с искусственной ситуацией фиксации текста во время интервью. Выявляются основные параметры ситуации экспликации высказывания на мифологическую тему и их влияние на структуру текста.

Ключевые слова: мифологический текст, коммуникативная ситуация, структура текста.

Abstract: in my paper I will describe the main types of the communicative situations of existence of the mythological story. In particular I will try to reveal basic parameters of the situation of explication of mythological narratives and their impact on the structure of the text.

Key-words: mythological text, the communicative situation, the structure of the text.

Для современных исследований фольклора все более актуальным является рассмотрение этого феномена в его «этимологической» ипостаси¹, т. е. как сферы воплощения «народной мудрости» – коллективного знания традиции. Понимание фольклора не как эстетического, а как социокультурного феномена, как системы текстов культуры, основная функция которых — трансляция и аккумуляция значимой для социума информации, прослеживается в работах современных отечественных фольклористов – С. Б. Адоньевой [1], Е. Б. Артеменко [2, 65], С. Ю. Неклюдова [3], Б. Н. Путилова [4, 26], Т. В. Цивьян [5, с. 210–211], К. В. Чистова [6, 37] и др. Такой подход позволяет квалифицировать фольклор как коммуникативную систему, предполагающую контактную передачу сообщений, содержащих традиционные знания, представления, верования, оценки, от адресанта к адресату с использованием присущих народной словесности кодов.

Подход к фольклору как к феномену коммуникации предполагает рассмотрение фольклорного текста не в оторванном от реальности вербально-текстовом, «хрестоматийном» виде, а в рамках ситуации его бытования, с учетом ее коммуникативно-прагматических характеристик.

Такая исследовательская стратегия оказывается особенно актуальной для изучения мифологической прозы – текстов различной жанровой природы (былички, поверья, предписания, запреты и др.), описывающих взаимоотношения человека с миром сверхъестественного с установкой на достоверность сообщаемого. По содержанию эти

тексты представляют собой рассказы о контактах человека с различными мифологическими персонажами (например домовым, «ходячим» покойником, «барабашкой», НЛО и проч.) и – шире – о явлениях, которым дается мифологическая интерпретация (сглаз, порча и др.)², а по языковой фактуре – это тексты, для которых характерна низкая степень структурированности, слабая выделенность из потока разговорной речи, значительная зависимость формы текста от внешних условий его порождения [11].

Впервые пристальное и целенаправленное внимание к коммуникативному аспекту бытования мифологической прозы было проявлено в работах Е. Е. Левкиевской [12; 13]. Мифологический текст рассматривается ею как элемент разговорной коммуникации, а его структура, семантика, способы языкового выражения воплощенных в нем мифологических представлений – как детерминированные коммуникативными условиями порождения текста.

Такой подход позволил Е. Е. Левкиевской обнаружить проблему полевой фольклористики, которая ранее не была эксплицирована в научной литературе, а именно: искусственная ситуация интервью, в рамках которого обычно производится сбор фольклорного материала, составляющего потом содержание сборников мифологической прозы, на самом деле дает искаженные результаты. Текст, вырванный из естественных условий бытования, спровоцированный вопросами собирателя, да еще и не всегда грамотного с коммуникативной точки зрения, по своему содержанию и структуре значительно отличается от текстов, бытующих в естественной среде по своим собственным законам воспроизведения и ретрансляции [13, с. 361–362].

² Об особенностях мифологического мышления и при-
сущих ему объяснительных схемах см.: [7; 8; 9; 10 и др.].

¹ Термин «фольклор» (от англ. «folklore» – «народная мудрость») впервые ввел английский ученый У. Дж. Томс в 1846 г.

Так, естественная ситуация бытования былички – непринужденная беседа на досуге, обмен репликами людей, которые состоят в доверительных отношениях, поэтому быличка по своей природе двучленна, диалогична, она предполагает когнитивное взаимодействие и взаимопонимание собеседников. «Двучленность былички, – поясняет исследовательница, – заключается, прежде всего, в том, что на говорящем лежит функция рассказывания типологически адекватного повествования, своего рода – «картинки», соответствующей той или иной семантической модели, известной в данной традиции и обладающей необходимым количеством релевантных признаков, необходимых для правильного «опознания» слушающим этой картинки. Однако обязанность «отождествить» представленную «картинку» с возможным именем-идентификатором лежит отнюдь не на рассказчике (как думают многие наши фольклористы), а на слушателе» [13, 347].

Именно ситуация беседы, предполагающая смену реплик собеседников, создает необходимые условия для осуществления «быличкового диалога», который Е. Е. Левкиевская справедливо сравнивает с частушечным агонем – «соревновательным» исполнением частушек во время гуляний, описанным С. Б. Адоньевой [1, с. 148–158].

Очевидно, что ситуация исследовательского интервью принципиально иная и совершенно или практически исключающая названные признаки. И тексты, собранные в рамках интервью, получают иные – по сути, это ответы на прямые вопросы собирателя о наличии того или иного мифологического явления, прямые характеристики мифологического персонажа. Ср. примеры из весьма авторитетного сборника мифологической прозы [14]:

Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит (№ 76).

Хозяин лесу есть. В зеленой одежде ходит, в ботинках, и кепка, фуражка зеленая (№ 129).

А вот в бане есь свой, то уж не домовой, а банник, хозяин бани он, там живет, тоже безобразит, говорят (№ 194).

Как видим, это экспликации мифологических представлений, «фольклорного знания» в форме определения, к которым с разной степенью регулярности может быть присовокуплено повествование о случае контакта человека с этим мифологическим персонажем. Эти высказывания удовлетворяют собирателя, но надо отдавать себе отчет, что они не существуют в традиции в такой форме, поскольку сама ситуация, которая спровоцировала их появление, в традиции отсутствует.

И возникает вопрос – насколько пригодны для изучения реального состояния фольклорной традиции те тексты, которые берутся в качестве материала исследования? Особенно остро этот вопрос встает, когда исследователь ставит перед собой за-

дачу изучить не мифологические представления, воплощенные в тексте, а сам текст, его структуру, его языковые основы – лексику, синтаксис, композиционно-речевую организацию.

К сожалению, обнаружение проблемы – несоответствия объекта изучения его аутентичной форме – не решило автоматически эту проблему. Чтобы текст пристально анализировать, необходима его фиксация, а в естественных условиях бытования мифологических рассказов, предполагающих доверительный характер отношений коммуникантов и особую ситуацию беседы, а не разговора, запись текстов не всегда возможна – именно в силу доверительности этой ситуации.

Возникают ограничения этического характера: запись текста без предупреждения может быть расценена как нарушение прав человека (информанта)³. Однако при соблюдении всех формальных требований ситуация общения естественным образом становится искусственной – информант и собиратель теряют статус собеседников и становятся «опрашиваемым» и «вопрошающим».

Сложности с «живой» записью текста могут быть и чисто технического характера. Особенно редко удастся записать мифологический текст, который возникает спонтанно в процессе коммуникации и инициатором которого является сам рассказчик – при том, что *a priori* именно такие тексты и представляют наибольшую ценность как в большей степени соответствующие естественной среде бытования словесности подобного рода.

Как один из вариантов преодоления ситуации ножниц в исследовании мифологических текстов может быть использован метод включенного наблюдения при условии вживания собирателя в среду информантов или же изначальной включенности исследователя в эту среду (при наблюдении за речью соседей, родственников, знакомых).

Если попытаться обобщить случаи, в которых приходилось наблюдать «живое» бытование мифологических текстов, когда текст возникал спонтанно, без целенаправленного вопроса на «мифологическую» тему, то можно выделить три типа таких ситуаций:

- «классическая» ситуация;
- ситуация «передачи опыта»;
- ситуация «доверительного сообщения».

Ситуация первого типа – «классическая» – достаточно детально описана Е. Е. Левкиевской в работе «Быличка как речевой жанр» [13], и характеристики этой ситуации уже были названы выше – диалог равных по статусу собеседников, непосредственный, неформальный характер коммуникации; это

³ Этическая составляющая ситуации фиксации фольклорного текста в подобных условиях многократно обсуждалась в сообществе антропологов (см., напр., в [15; 16; 17] и др.).

ситуация досуга (например, беседа у костра на рыбалке), совместного, иногда вынужденного времяпровождения (общение попутчиков в вагоне поезда) и т. п. Если иллюкутивная цель рассказчика былички будет адекватно воспринята собеседником, то последует «правильная» в коммуникативном плане реакция – ответная реплика в виде рассказа подобного же типа. Таким образом, в «классической» ситуации инициатива повествования переходит от одного участника диалога к другому и во время беседы происходит постоянная смена коммуникативных ролей.

Ситуацию второго типа – «передачи опыта» – приходится наблюдать в непосредственном общении с собеседницей старшего поколения. Характерным признаком такой ситуации является коммуникативное доминирование рассказчицы, ее стремление воздействовать на собеседника, убедить его в достоверности сообщаемой информации. На вербальном уровне данная прагматическая установка проявилась в наличии конструкций, выполняющих функцию подтверждения статуса источника информации.

Источники мифологической информации (или же мифологической интерпретации сообщаемого) можно свести к трем разновидностям:

1) рассказчик в меморате (повествовании от 1-го лица о собственном опыте). Функцию подтверждения его авторитета выполняют обращения к собеседнику – в форме вопроса или утверждения:

Три часа ночи... Звонок нам. Я просыпаюсь, Серафимыч [муж] подходит к телефону, и я говорю: «А что такое?» <...> «Да это меня там по работе спросили...» А я проснулась от звонка и от того, что передо мной появился мой папа, вот, во сне, во сне появился. А утром он мне говорит, Серафимыч: «Я не стал тебе ночью говорить: мама, моя мама упала – в три часа ночи. В три часа мой папа передо мной стоит. Вот, Вика, ты понимаешь, ведь ты же меня знаешь, что я непыющая, ничего, и вот так вот...»⁴;

2) источник информации в фабулате (повествовании от 3-го лица об опыте другого человека) – вторичный нарратор [18, 79-80]. Ср.: примеры конструкций, выполняющих функцию подтверждения авторитета этого вида источника:

Я вот с одной девочкой знакома, она тоже такая, православная... И она говорит <...> «Да, но первый помощник у меня остается мама». И она ее перед сном спрашивает там о чем-то, ты понимаешь, а мама ей советует.

<Инф.>: *Теперь, у меня соседка была Наташа <...>, ты ее не знаешь.*

<Соб.>: *Знаю, у нее девочка умерла.*

⁴ Здесь и далее – запись из личного архива автора. Информант - Т. Л. В., 75 лет, проживает в пос. Подгоренском Воронежской обл., зап. 04.01.2014 г.

<Инф.>: *Да-да, Иринка. Ой, какая трагедия... И она мне говорит... Она очень славная девочка, эта Наташка. Я, говорит, развожусь с мужем. <...> И вот она заснула, а ночью, ночью мама ее – она умерла, мама ее, у нее был рак мозга – она встала, вернее, села на край постели и сказала: «Наташенька, не разводись». <...> И Наташа еще жила. И вот как раз хорошо, что она жила, почему: как раз когда разбилась ее Иринка, они на это время – он гулял у нее муж – забыли и вместе пережили это горе. Ты понимаешь, мама, видно, знала, что будет горе и поэтому сказала: «Не разводись». Если бы они развелись, он там к другой бы ушел, все равно это не то, чем когда рядом муж;*

3) источником мифологических интерпретаций может выступать коллективное традиционное знание, которое излагается в форме поверий, предписаний, запретов и др. Такого рода ссыла на авторитет традиции также выполняет функцию подтверждения достоверности сообщаемого. Ср.:

Ты, конечно, знаешь, что есть сны божественные, есть никакие, есть дьявольские. <...> И вот эти, наверное, можно к светлым снам, к божественным причислить.

Но то, что есть души у мертвых и они помогают, это я всегда знала... <...> пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...

Структурный элемент, устанавливающий доверительные отношения со слушателем, – просьба подтвердить доверие к нему как к рассказчику, как кажется, обусловлен иллюкутивными целями инициатора мифологического рассказа – убедить слушателя в истинности произносимого, а также в истинности эксплицируемой им картины мира и таким образом побудить к определенному отношению к описываемому явлению (Ср.: «пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...»).

Следует отметить, что этот элемент встречается в текстах, произнесенных в ситуации общения между хорошо знакомыми, но все же не самыми близкими людьми. В ситуациях, когда между коммуникантами и так существуют близкие, доверительные отношения, специальное подтверждение доверия не требуется, поэтому в текстах, записанных или услышанных от родственников, этого элемента нет.

Что касается ссылки на авторитет традиции, она подтверждает истинность содержания текста, в некотором смысле «оправдывает» экспликацию текста на мифологическую тему и не зависит от степени близости собеседников. В данном случае фактором включения / невключения в повествование указанных элементов является скорее соотношение возраста коммуникантов: чем больше разрыв в возрасте, тем вероятнее мифологический нарратив будет сопровождаться комментариями в форме поверья, мантического текста, инструкции, что повышает дидактический потенциал текста.

Третий тип ситуации, в которой приходилось наблюдать «естественное» бытование мифологического текста, – «доверительное сообщение» – реализуется, когда человек рассказывает о своем уникальном опыте контакта со сверхъестественным и, в отличие от «классической» ситуации, не ждет, чтобы собеседник «опознал» то, что с ним произошло, а чтобы тот дал свою оценку, высказал свое мнение. При этом у самого рассказчика нет «пра-

вильного» ответа, он сам находится в состоянии когнитивной неопределенности, ожидает эмоциональной поддержки от собеседника. Наиболее часто такая ситуация наблюдается при экспликации рассказов о снах.

Подведем итоги – обобщим коммуникативно-прагматические характеристики описанных ситуаций «естественного» бытования мифологических текстов в виде таблицы:

Таблица 1.

Типы ситуаций	Соотношение статуса собеседников	Преобладающая форма речи	Иллокутивная цель рассказчика
«классическая»	равны по статусу	диалог	повествование
«передачи опыта»	рассказчик выше по статусу	монолог	побуждение (в форме убеждения)
«доверительное сообщение»	равны или рассказчик ниже по статусу	диалог	вопрос

Таким образом, представление о том, что мифологический рассказ как жанр фольклора существует в реальной коммуникативной среде, является прежде всего феноменом коммуникации, приводит к необходимости учитывать особенности ситуации фиксации этих текстов:

- естественный / искусственный (в рамках интервью) характер беседы;
- инициатива экспликации текста (произнесение текста по собственной инициативе или как ответ на вопрос);
- иллокутивные цели высказывания на мифологическую тему;
- характер отношений собеседников, степень их знакомства;
- соотношение возраста собеседников.

Учет названных факторов при анализе конкретного текста позволит точнее описать его содержание и структуру, выявить постоянные, инвариантные признаки и дифференцировать их от факультативных особенностей, детерминированных ситуацией экспликации высказывания на мифологическую тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
2. Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества / Е. Б. Артеменко // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Гацака. – Москва : Наука, 2004. – С. 57–67.
3. Неклюдов С. Ю. Фольклор : типологический и коммуникативный аспекты / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3–7.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In

memoriam / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург, 2003. – 457 с.

5. Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке / Т. В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору : Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 210–211.

6. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов. – Ленинград, 1986. – 304 с.

7. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология / [сост. М. В. Ахметова]. – Москва : РГГУ, 2005. – С. 9–26.

8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 408 с.

9. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : МГУ, 1994. – 144 с.

10. Голосовкер Я. Э. Избранное : Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2010. – 494 с.

11. См. материалы круглого стола «Народная мифологическая проза : новые методологические подходы» (ЦТСФ РГГУ, 20 марта 2013 г.) URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/mythological_prose_abstracts.pdf (дата обращения: 16.04.2014).

12. Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст : семантика, диалектология, прагматика : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Е. Левкиевская. – Москва, 2007. – 634 с.

13. Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр / Е. Е. Левкиевская // Кирпичики : фольклористика и культурная антропология сегодня : Сб. статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. – Москва : РГГУ, 2008. – С. 341–363. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

14. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / [сост. и автор комментариев О. А. Черепанова]. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. – 212 с.

15. Мороз А. Б. Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2008. – №1(57). – С. 32–34.

16. Соколова З. П. И вновь о методологии и методике полевых исследований? / З. П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 5. – С. 170–178. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Sokolova_2010_5.pdf

(дата обращения: 21.10.2014).

17. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2006_5/ (дата обращения: 21.10.2014).

18. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : ЯСК, 2003. – 312 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Черванева В. А., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Chervaneva V.A., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ И УРОВНИ КОНТЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

И. А. Щекина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2015 г.

Аннотация: особую значимость в продвижении бренда в социальных сетях представляет контент виртуальных представительств, который позволяет формировать круг заинтересованных пользователей, лояльных косвенно продвигаемому бренду. Контент-менеджмент как сфера практической деятельности обладает серьезным потенциалом, позволяющим выстраивать принципиально новые отношения и способы общения с пользователями социальных сетей. Способствовать этому должны правильная постановка бизнес-задач и задач коммуникации.

Ключевые слова: контент, контент-менеджмент, аффиinitивные площадки, бренд-платформа, виральный контент, контент-стратегия, контент-план.

Abstract: the content of virtual offices in social media have a great impact on brand promotion. It helps to create a circle of loyal users. Content management as a field of practical activities has serious potential to build new relationships and ways of communicating with users of social networks.

Key-words: content, content management, affinity platforms, brand-platform, viral content, content strategy, content plan.

Интернет является средством и каналом коммуникации, который характеризуется отсутствием централизованной организационной структуры. Свойственная для него коммуникационная модель «многие ко многим» органично включает в себя более ранние модели «один ко многим» и «один к одному», что расширяет возможности взаимодействия как для отправителей сообщений (компаний, брендов, личностей), так и для потребителей. Каждый участник коммуникации может обратиться к другому отдельному пользователю или группе пользователей. Данная возможность быстрого и, что немаловажно, малобюджетного поиска потребителей и эффективного взаимодействия с ними служит причиной изменения существующих основ ведения бизнеса.

Ученые, занимающиеся изучением коммуникационной модели «многие ко многим», выделяют в ней следующие подвиды:

- пользователи взаимодействуют с виртуальной средой Интернета в целях исследования информационного содержания глобальной сети;
- пользователи самостоятельно представляют личную информацию, в том числе о своих потребностях, организуют и участвуют в обсуждении различных важных для них вопросов (например, в социальных сетях, на форумах);
- компании используют Интернет для поиска открытой информации о рынке и конкурентах, для общения с другими организациями;
- организации используют свой сайт и другие интернет-ресурсы для позиционирования и взаимо-

действия с потребителями;

- пользователи и компании имеют возможности прямого взаимодействия (с помощью электронной почты, ISQ, телеконференций и др.).

Социальные медиа представляют собой коммуникативную среду, находящуюся в пространстве сети Интернет, позволяющую ее пользователям активно взаимодействовать друг с другом на принципах равноправия, открытости информации и высокой степени интерактивности. Важнейшее значение имеет фактор копродукции контента (содержания) социальных медиа самими пользователями, у которых есть возможность выполнять функции комментатора, репортёра, фотокорреспондента или редактора конкретного сервиса.

Несмотря на то, что большинство компаний рассматривают присутствие в интернете как инструмент увеличения сбыта и, соответственно, прибыли, продающие возможности социальных сетей не стоит преувеличивать. Основными источниками продаж по-прежнему останутся поиск (SEO+контекстная реклама) и email-маркетинг.

Международная сеть компаний PricewaterhouseCoopers (PwC) провела глобальное (11 тысяч респондентов, проживающих на 4 континентах) исследование [1] поведения интернет-покупателей. Согласно основным полученным результатам, социальные сети можно лишь условно причислить к каналам продаж. Несмотря на рост численности пользователей массовых и нишевых социальных сетей, последние по-прежнему не играют серьезной роли в электронной коммерции. Примерно половина респондентов отметили, что они ежедневно

заходят на сайты социальных сетей для ознакомления с информацией, лишь незначительное меньшинство пользователей часто используют их для осуществления покупок. Более того, семь из десяти интернет-покупателей, принимавших участие в нашем опросе, заявили, что никогда не покупают товары таким образом. Такая ситуация сохранится в ближайшем будущем, поскольку лишь около 5 % респондентов готовы чаще совершать покупки через социальные сети в течение следующих 12 месяцев.

Оценка российскими экспертами результатов исследования Pwc [2] позволяет убедиться в справедливости выявленных тенденций и для отечественной практики. За социальными сетями не закрепились функция инструмента продаж, но все без исключения признают их пользу для электронной коммерции.

Выделим несколько основных преимуществ социальных сетей:

- аккумулярование огромной аудитории и возможность быстрого построения клиентской базы;
- высокая скорость запуска интернет-проектов;
- эффективный таргетинг;
- повышение лояльности существующих пользователей и вовлечение новых;
- меньший уровень конкуренции по сравнению с SEO и контекстом.

Использовать социальные сети можно как для привлечения трафика на основной сайт, так и в качестве инструмента брендинга, построения и развития сообществ бренда (компании, личности и др.). Первый способ представляется не слишком эффективным, так как пользователи идут в сети с целью общения, а не продаж. По этой причине процент перехода по внешним ссылкам не высок. А вот второй способ, при умелом подходе, может принести действительно хороший результат.

Особую значимость в продвижении бренда в социальных сетях представляет контент виртуальных представительств – официальных аккаунтов, сообществ, тематических сообществ, который позволяет

формировать круг заинтересованных пользователей, лояльных косвенно продвигаемому бренду.

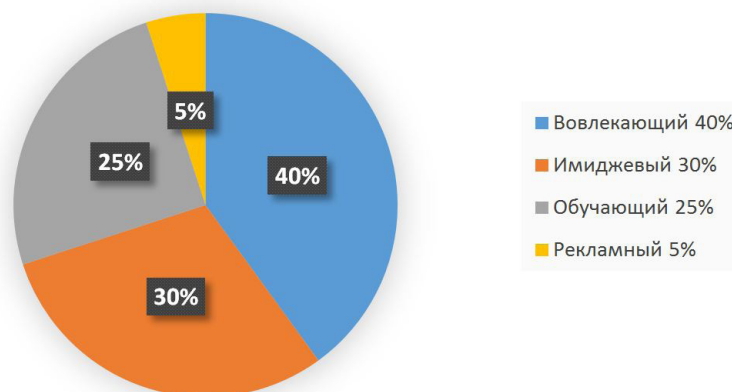
Контент – разноформатное содержание представительств в социальной сети, представленное текстовыми, фото-, аудио-, видеозаписями и др. Деятельность по управлению контентом получила название контент-менеджмента. В задачи практики входят

- анализ задач и стилистики ресурса,
- определение целевой аудитории представительства в сети,
- наполнение текстовым контентом,
- регулярное обновление информации,
- SEO-оптимизация (по поисковым запросам) текстов для продвижения в интернете,
- анализ и проверка контента на оригинальность,
- подбор, обработка статей и новостей, графических и фото-, аудио- и видеоматериалов,
- формирование и проверка на работоспособность ссылок ресурса,
- модерирование ресурса.

Единых правил и рекомендаций по формированию контента не существует, поскольку он серьезным образом зависит от задач бизнеса и задач коммуникации, а также специфики конкретной социальной сети. Если в одном случае нужен строго тематический и полезный контент, то в другом могут понадобиться ориентированные на эмоциональное восприятие материалы. Контент должен быть органичен бизнесу, его внутренней культуре и специфике бренда. Сообщества и аккаунты государственных учреждений, компаний, работающих в сфере b2b, придерживаются в большей степени стратегии публикации информации, поддерживающей официальную позицию организации. В то же время молодежные, провокационные бренды отдают предпочтение fun (развлекательному)-контенту.

Западными специалистами по интернет-продвижению разработана «золотая формула» контента социальных сетей [3].

Структура контента (зарубежный опыт)

Российские специалисты в своих поисках формулы идеального контента пришли к похожим результатам. Так, например, выглядит рекомендация экс-

пертов Ingate digital agency, ведущего агентства цифрового маркетинга [4].

Структура контента (российский опыт)

Среди общих рекомендаций для представительств в социальных сетях – это интерактивность, актуальность, периодичность обновления, аффинитивность (аффинити-индекс – показатель соответствия ресурса целевой аудитории), релевантность, рубрицированность и виральность контента.

Виральность – свойство саморепликации, то есть естественного тиражирования материалов пользователями социальных сетей.

Важность контента подтверждает тот факт, что сегодня в интернете стали чрезвычайно востребованными услуги по контент-менеджменту, или управлению контентом для повышения привлекательности представительств компаний в соцсетях.

Определим основные этапы контент-менеджмента.

1. Определение бизнес-задач продвижения в интернете: рост посещаемости якорного ресурса (корпоративного сайта, интернет-магазина и пр.), формирование лояльности клиентов, управление репутацией, изучение спроса, стимулирование продаж). Каждой задаче соответствует набор инструментов.

2. Создание аудиторного профиля, определение поведенческих особенностей целевой аудитории.

3. Определить аффинитивные площадки с высокой концентрацией целевой аудитории, поиск тематических дискуссий.

4. Разработать системы метрик, в качестве которых могут выступать посещаемость ресурса, число подписчиков, упоминание и цитируемость на внешних социальных платформах.

5. Мониторинг объекта продвижения в социальных сетях – выбор конкретного объекта мониторинга: компании, персоны, продукта, услуги; подготовка семантики объекта, определение качеств и составляющих объекта; первичный аудит, определение количества упоминаний об объекте мониторинга и частоты их появления и тотальный анализ ре-

путации объекта исследования: выбор каналов мониторинга, сбор всех упоминаний и определение их тональности (положительной, отрицательной или нейтральной), определение «веса» упоминания, высказываний, подсчет «численной» репутации.

6. Разработка контент-стратегии. Стратегия должна отвечать на следующие вопросы: каковы задачи коммуникации (информирования, развлечения, формирования имиджа и др.); какой контент способен решить поставленные задачи; каковы правила взаимодействия с аудиторией (официальная позиция компании, приоритетные и запретные темы, способы реагирования на критику и негатив); какие инструменты привлечения аудитория будут использоваться.

7. Формирование контент-плана – редакторского календаря, представляющего собой план публикаций конкретного контента на ресурсе.

Интенсивность и объем необходимой работы в социальных сетях зависит от масштабов компании и ее перспективных задач. Понятно, что чем объемнее деятельность организации и амбициознее ее планы, тем активнее она должна быть представлена в различных социальных сетях. Выделим 4 уровня подобной работы.

Уровень 1. Ограниченное присутствие в интернете. В данном случае сообщество или страница в социальной сети – лишь официальное представительство компании, где дублируется основная информация с корпоративного сайта. Периодичность и регулярность обновления новостей отсутствует. Эффективность таких аккаунтов и сообществ невысока. Подобная практика чаще всего лишь желание компаний следовать моде без учета современных реалий.

Уровень 2. Выполнение базовых PR-задач. Представительство в социальной сети на данном этапе нацелено на создание привлекательного и интерес-

ного образа компании для целевой аудитории. Для выполнения данных задач по-прежнему публикуются новости о компании, появляются тематические публикации, но в основном перепосты (перепечатки, копирование) из других сообществ и страниц. Специалисты стараются ежедневно обновлять контент, часто используются шаблонные приемы, например, публикуются привлекательные картинки с пожеланиями доброго утра или приятного сна. Несмотря на во многом формальный подход к созданию контента, компании, работающие на этом уровне, начинают обретать свое лицо в социальных сетях.

Такая практика дает неплохой результат даже при довольно скромных вложениях. Именно поэтому многие малые и вновь создающиеся компании, работающие на локальных рынках, не обладающие большими бюджетами остаются на уровне выполнения базовых PR-задач.

Уровень 3. Создание бренд-платформы в Интернете. Под бренд-платформой в данном случае понимаем совокупность всех форм присутствия объекта продвижения в социальных медиа. В качестве компонентов бренд-платформ можно выделить следующие: корпоративные аккаунты, брендированные группы и сообщества, официальные медийные каналы (видео, подкасты), корпоративный блог, аккаунты представителей (адвокатов, амбассадоров) бренда, сеть аккаунтов, принадлежащих бренду, но официально с ним не аффилированных.

Главная особенность уровня – активная постоянная и систематическая работа по обновлению контента. Содержание становится более разнообразным, расширяется за счет публикации фото- и видеоматериалов, рекламная информация уступает место PR-публикациям: информационной поддержке, экспертным оценкам, тематическим дискуссиям.

В работе контент-менеджеров ощущается стратегический подход, активность распределяется по разным каналам.

Уровень 4. Отраслевое и тематическое лидерство. Для специалистов, работающих на данном уровне, характерно отсутствие перепостов и рерайтов (переработанных чужих текстов), преобладание собственного уникального контента, аналитики и активной работы с лидерами мнений, адвокатами бренда. Рекламные предложения отсутствуют, контент решает PR-задачи высокого уровня: формирования вокруг компании (бренда, личности) сообщества вовлеченных пользователей, способных самостоятельно тиражировать информацию и таким образом продвигать компанию, закрепляя ее лидерские позиции.

Контент-менеджмент как сфера практической деятельности обладает серьезным потенциалом, позволяющим выстраивать принципиально новые отношения и способы общения с пользователями социальных сетей. Способствовать этому должны правильная постановка бизнес-задач и задач коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. 10 myths of multichannel retailing. – URL: <http://www.pwc.com> (дата обращения: 24.12.2014).
2. Многоканальные продажи : мифы и факты. – URL: <http://www.therunet.com> (дата обращения: 24.12.2014).
3. Internet Strategies Group «Content is King! Content is the fuel that drives your Fan page» / отчет об исследовании. – URL: <http://www.internetstrategiesgroup.com> (дата обращения: 17.01.2015).
4. См. книгу «Продвижение в социальных сетях» / серия кн. «Спроси Ingate». – URL: <http://cdn3.ingate.ru> (дата обращения: 21.01.2015)

*Воронежский государственный университет
Щекина И. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью
E-mail: shia@main.vsu.ru*

*Voronezh State University
Shchekina I. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of Public Relations Department
E-mail: shia@main.vsu.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию, краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.